

Дэвид Гейдер
Украденный трон

Dragon Age – 1

Аннотация

«Dragon Age» — популярная компьютерная игра в жанре темного фэнтези, завоевавшая множество наград. Долгожданная новеллизация подарит многочисленным поклонникам незабываемое путешествие по полному опасностей миру мрачных чудовищ. Впервые на русском языке!

Наследный принц Мэрик все детство и юность провел в изгнании, скитаясь вместе с матерью, Мятежной Королевой, и ее скудным войском. Но когда мать неожиданно погибает от рук мнимых союзников, Мэрику приходится занять ее место во главе армии повстанцев. Неопытность принца вызывает недоверие мятежников. Окруженный шпионами и предателями, Мэрик может рассчитывать только на своего верного друга

Логэйна и отважную леди Роуэн, с которой обручен с детства. Подвергая свою жизнь смертельной опасности, принц должен сделать все возможное и невозможное, чтобы освободить народ из-под гнета тирана и наконец вернуть себе Украденный трон .

Книга содержит вклейку с эксклюзивными иллюстрациями к игре!

DAVID GAIDER
DRAGON AGE™

**THE
STOLEN THRONE**

**Дэвид Гейдер
УКРАДЕННЫЙ ТРОН**

Моей Оме

БЛАГОДАРНОСТИ

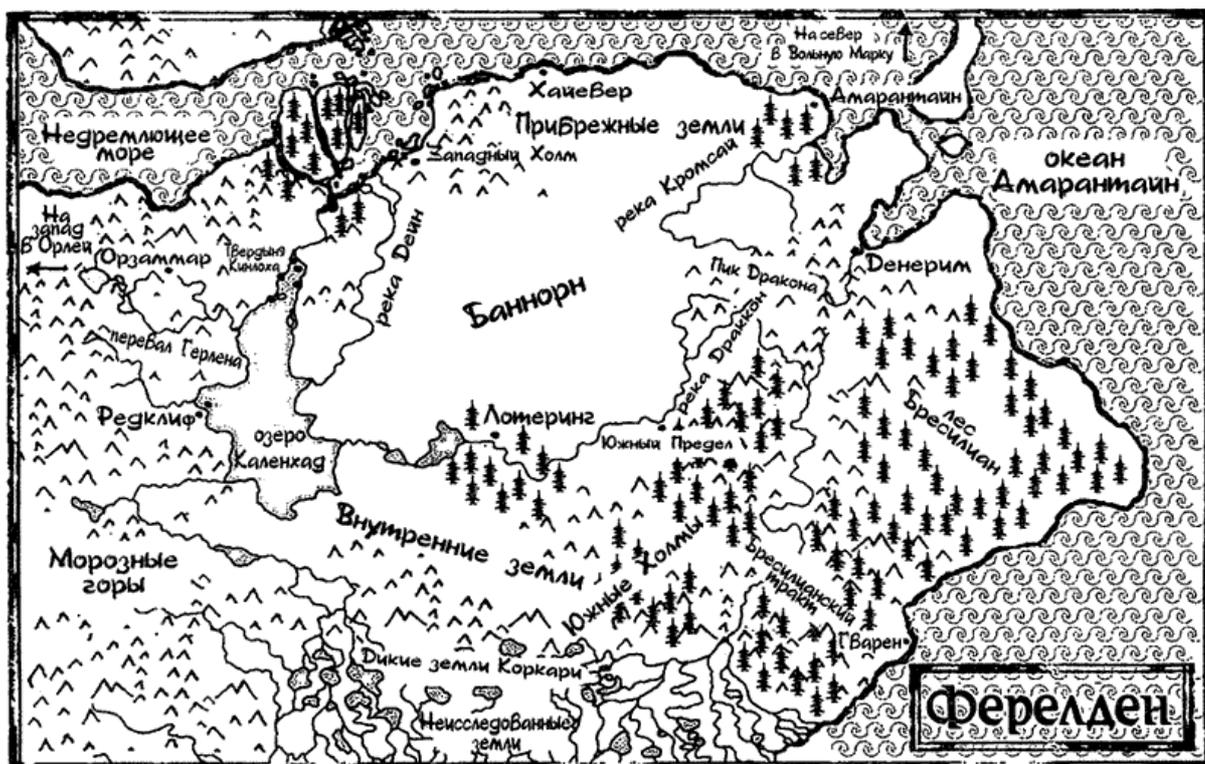
Прежде всего я хочу выразить большую признательность вам, моя группа

поддержки, — Джордан, Стеф, Даниэль и Синди. Без вас я никогда не добился бы своего.

Спасибо и вам, мои родители, пусть вы были твердо убеждены, что от всех этих игр никогда не будет проку, но все же разрешали в них играть. Вы поощряли мое воображение, а это самое важное. Я всегда буду благодарен вам обоим.

Невозможно не вспомнить добрым словом тот тяжкий труд, который команда «Dragon Age» вложила в создание этого мира. Каждый день, который я провожу в обществе этих фантазеров и творцов, прибавляет гордости за наше общее детище. Вы, ребята, изрядно облегчили мне работу.

И напоследок хочу поблагодарить компанию «BioWare» за то, что предоставила мне такой фантастический шанс, и за то, что относится к тем компаниям-разработчикам, которые верят, что в книгу стоит вкладывать средства.

Глава 1

— Беги, Мэрик! Беги!

И Мэрик побежал.

Предсмертный крик матери подхлестнул его, словно кнутом. Яркая и страшная картина ее гибели еще стояла перед глазами Мэрика, когда он развернулся и опрометью бросился в лес, окаймлявший прогалину. Не замечая, как ветки хлещут по лицу, цепляются за плащ, он почти вслепую продирался через чащу.

Чьи-то сильные руки обхватили его сзади. Кто-то из соратников матери или один из предателей, которые только что убили ее? Скорее всего, второе. Застонав от натуги, Мэрик двинул локтем за спину, чтобы освободиться от вражьей хватки. Не вышло — лишь очередная ветка хлестнула по лицу. Напавший потащил было Мэрика назад, к прогалине, и тогда юноша уперся ногами в землю, удачно зацепившись сапогом за узловатые древесные корни. И снова изо всей силы ударил. На сей раз локоть угодил во что-то твердое, оно тут же поддалось, влажно хрустнуло — и Мэрик услышал сдавленный крик боли.

Руки, обхватившие его, разжались, и Мэрик бросился в глубину леса. И тут же его

дернуло назад — это длинный кожаный плащ, зацепившись за что-то, натянулся до предела. Мэрик извернулся, забился неистово, словно дикий зверь, угодивший в западню, и в конце концов вырвался, разодрав плащ о сучковатую ветку. Хватая ртом воздух, не рискуя оглядываться, юноша метнулся в темноту между деревьями. Лес был старый, дикий, и кроны деревьев сплетались так тесно, что сквозь лесной полог проникали лишь едва заметные лучики лунного света. Разглядеть что-либо было почти невозможно, лес предстал перед глазами Мэрика зловещим лабиринтом причудливых теней и устрашающих очертаний. Огромные корявые дубы высились, словно мрачные стражи лесного царства, а в непроглядной черноте густого подлеска могло таиться что угодно.

Мэрик понятия не имел, куда бежит, — его направляло только неистовое стремление спастись. Он спотыкался о корни, перепрыгивал через поваленные деревья, которые то и дело возникали на его пути, словно ниоткуда. Под ногами было сыро и предательски скользко; Мэрик оступался, пошатывался, и тогда ему казалось, что земля вот-вот расступится и поглотит его. Сбиться с пути в этих лесах было проще простого — можно бежать по кругу хоть целый день и ничего не заподозрить. Юноша слышал, как далеко позади перекрикиваются участники погони, а еще он отчетливо различал звуки боя. Сталь лязгала о сталь, кричали перед смертью люди — сподвижники матери Мэрика. Многих из них он знал всю свою жизнь.

Юноша бежал и бежал не разбирая пути, и мысли его лихорадочно метались. Всего лишь несколько минут назад Мэрик ежился от холода на стылой лесной прогалине, глубоко убежденный, что его присутствие на этой тайной встрече не более чем дань ненужной формальности. И почти не обращал внимания на то, что происходит вокруг. Незадолго до этого мать сказала, что с поддержкой новых сторонников мятеж наконец-то обретет подлинный размах. Эти люди, сказала мать, готовы выступить против своих орлесианских хозяев, а это шанс, который она упускать не желает и не упустит, после того как они столько лет были вынуждены прятаться, спасаться бегством и принимать бой, только когда наверняка могли выиграть. Мэрик не стал возражать против этой встречи. Ему даже в голову не пришло, что это может быть опасно. Мать была знаменитой Мятежной Королевой — именно она подняла это восстание, именно она командовала армией. Это была ее война — ее, а не Мэрика. Сам он никогда не видел трон своего деда, не понимал, какой властью обладал его род до того, как орлесианцы вторглись в Ферелден. Все восемнадцать лет своей жизни он провел в лагерях мятежников либо отдаленных замках, в бесконечных переходах и маршах, неизменно в свите матери. Он даже представить не мог, что можно жить как-то по-другому, — сама мысль об этом была Мэрику совершенно чужда.

А теперь его мать мертва. Юноша споткнулся, потерял равновесие и кубарем покатился в темноту по влажному склону низкого холма. Неуклюже скользя по листьям, Мэрик ударился головой о камень и вскрикнул от боли. В глазах у него помутилось.

Преследователи его услышали — издали донесся ответный крик.

Распластавшись в пронизанной лунным светом темноте, Мэрик обхватил руками голову. Ушиб горел огнем, адским пламенем боли, сводящей с ума. Какой же он дурак! Просто чудом, иначе не скажешь, ему удалось оторваться от погони, и вот — он выдал себя нечаянным криком. Пальцы стали влажными и липкими от крови. Кровь засыхала на волосах, ручейками стекала по шее. В стылом, промозглом воздухе она казалась особенно теплой.

Мэрик вздрогнул, и с губ его сорвался один-единственный всхлип. Может, так и лежать тут? Пусть приходят, пусть уничтожат и его? Мать они уже убили, заработали щедрую награду, которую, вне всякого сомнения, посулил узурпатор. Кто он такой — всего лишь еще одна жертва, которую прикончат вместе с немногочисленной свитой матери? И тут Мэрик оцепенел, как громом пораженный мыслью, которая мелькнула на самом краю сознания.

Он — король.

Нелепо. Конечно же нелепо. Король? Мальчишка, удостоившийся столько беспокойных взглядов и досадливых вздохов? Сопляк, за которого матери так часто

приходилось оправдываться? Она вечно твердила, что Мэрик, когда подрастет, научится командовать людьми так же просто, как это получалось у нее самой. Вот только ничего подобного так и не произошло. Мэрик, правда, не особенно огорчился, поскольку в глубине души не верил, что с матерью может что-то случиться. Она казалась неуязвимой, непостижимой, вечной. То, что она тоже смертна, лишь досужий вымысел, не имеющий ничего общего с реальностью.

А теперь ее нет — и он должен стать королем? Он, Мэрик, должен возглавить и продолжить мятеж против орлесианцев?

Легко представить, как узурпатор, восседающий на денеримском троне, покатится со смеху, узнав, кто стал преемником Мятежной Королевы. Нет уж, подумал Мэрик, лучше остаться здесь и умереть. Лучше быть убитым, чем стать посмешищем для всего Ферелдена. Может, сторонники матери отыщут какого-нибудь дальнего родственника, который сумеет подхватить знамя восстания. А если не сыщут — пусть род Каленхада Великого прервется здесь и сейчас. Пусть этот мятеж закончится с Мятежной Королевой, погибшей буквально в шаге от желанной цели, а не выдохнется окончательно под водительством ее никуда не годного сына.

В самой этой мысли было что-то умиротворяющее. Мэрик валялся навзничь на влажных листьях, и сырость, холодившая кожу, казалась почти приятной. Голоса преследователей, то и дело перекликавшихся друг с другом, неумолимо приближались, но юноша ухитрился их не слышать — почти не слышать. Он старался вслушиваться только в шорох ветра, перебиравшего листву в высоких кронах. Рослые деревья обступали его со всех сторон, словно тени гигантов, пренебрежительно вззирающих на ничтожного карлика, рухнувшего к их ногам. Мэрик чуял смолистый запах хвои, пряный аромат древесного сока. Эти лесные стражи станут единственными свидетелями его гибели.

Так он лежал, чувствуя, как боль уже не пылает, а настойчиво пульсирует в голове, лежал — и одна мысль неотвязно мучила его. Люди, которые обещанием помощи заманили мать в ловушку, были ферелденскими аристократами — из тех, кто предпочел покориться орлесианцам, чтобы сохранить владения. Вместо того чтобы остаться верными древней присяге, они предали законную королеву. И если никто из спутников матери не сумеет спастись, если некому будет рассказать уцелевшим вождям мятежного войска о том, что на самом деле произошло на прогалине, они так никогда и не узнают правды. Догадаться-то догадаются, но где доказательства? И предатели никогда не заплатят за преступление.

Мэрик резко сел, и разбитая голова тут же протестующе загудела от боли. Ноющее тело сотрясала дрожь — юноша промок и продрог до костей. Определить, где он находится, было сложно, но Мэрик прикинул, что отсюда не так уж и далеко от лесной опушки. Он успел пробежать совсем немного, и преследователи тоже ненамного отстали — слышно, как они перекрикиваются, обшаривая лес. Голоса их, впрочем, становились все тише. Может, ему и не стоит никуда бежать? Мэрик свалился на дно какой-то лощины, и, если затаится, преследователи, вполне вероятно, пройдут мимо, а у него будет шанс отдышаться и прийти в себя. Может быть, он даже сумеет пробраться незамеченным назад на прогалину и проверить, все ли спутники матери погибли.

Резко хрустнули сухие ветки — и Мэрик вновь замер. Мгновение — мучительно долгое мгновение — он напряженно вслушивался, но из темноты больше не донеслось ни звука. И все же ветки хрустнули под чьей-то ногой — в этом юноша был совершенно уверен. Он выжидал, не смея и шелохнуться, и наконец снова услышал хруст. Только на этот раз он прозвучал тише. Кто-то явно подкрадывался.

Мэрик огляделся. Дальний край лощины, в которой он затаился, переходил в пологий склон. Лунный свет так скудно сочился сквозь густую листву, что разобрать, насколько ровная там земля, было нелегко. И в той стороне тоже были деревья, корни, густой кустарник.

Среди приглушенных криков погони и шепота деревьев Мэрик сумел различить едва уловимый звук шагов. Совсем близко чавкнули под тяжелой ногой влажные листья. Мэрик

распластался на земле, почти перестав дышать. Быть может, враги не заметят его? Но рассчитывать на такое сказочное везение было глупо. У юноши не оставалось выбора — надо выбираться, уходить как можно дальше от предателей. Прочь от мрачной поляны, где осталось тело матери.

Мэрик осторожно попытался подняться. Тотчас колени и плечи пронзила острая боль. Ныли ссадины на лице и руках, исхлестанных ветками, ныл разбитый до крови затылок, но все это казалось далеким, о чем можно будет подумать потом. Юноша изо всех сил старался двигаться медленно и тихо. И все время, до боли прикусив нижнюю губу, вслушивался, не раздастся ли звук чужих шагов. Но ничего не мог различить — сердце колотилось бешено и так громко, что казалось, его стук слышен даже на самом далеком краю леса. Быть может, враги уже сейчас, в эту самую минуту, подкрадываются ближе и потешаются над его страхом.

Обливаясь потом, несмотря на сырость и холод, Мэрик понемногу выпрямился. И тут же правое колено скрутила судорога, ударившая болью вверх по бедру. Мэрик от неожиданности зашипел сквозь стиснутые зубы и поспешно зажал рот ладонью, зажмурился, мысленно понося себя за глупость. Замерев на месте, он напряженно вслушивался в темноту. Чужие шаги стихли. Из-за деревьев донесся окрик. Слов юноша не мог различить, но это явно был вопрос: ну как, мол, нашли что-нибудь? Ответа не последовало. Тот, кто подбирался к Мэрику, не хотел выдавать себя.

Со всеми предосторожностями Мэрик пополз вверх по склону. Щурясь до рези в глазах, он всматривался в темноту, пытаясь разглядеть хоть какое-то подобие человеческого силуэта. И представлял, как его невидимый враг проделывает то же самое. Странная и смертельно опасная игра в кошки-мышки: кто первым увидит другого — тот и выиграл. Мэрик вдруг запоздало сообразил, что, даже если первым обнаружит преследователя, вряд ли от этого будет толк. Он безоружен. На поясе болтаются пустые ножны, а кинжал юноша пару часов назад одолжил Хирэму — одному из самых доверенных командиров матери. Славный малый, которого Мэрик знал всю свою жизнь, теперь, скорее всего, валяется мертвым у ног своей королевы, и кровь их, смешавшись, застывает в промозглой полуночи... Мэрик мысленно отругал себя за глупость и постарался выбросить из головы эту картину.

Тогда-то он и заметил, как в темноте что-то блеснуло. В густой тени рассмотреть человека было невозможно, но стальной меч отразил слабый лунный свет. Теперь Мэрик точно знал, где находится противник.

Не отводя взгляда от того участка темноты, Мэрик поднял руки и, ухватившись за скользкий корень, бесшумно подтянулся. Руки и плечи отозвались страшной болью, но юноша не обратил на нее внимания. В тот самый миг, когда он выбрался на ровную поверхность, клинок в руке незнакомца пришел в движение. Черная тень крадучись двинулась к нему, с угрожающим ворчанием занося меч.

Не задумываясь Мэрик метнулся вперед. Вражеский меч свистнул у него над ухом, едва не задев плечо. Мэрик с разгону врезался головой в противника, ударил под дых. Голова взорвалась нестерпимой болью — кольчуги в Ферелдене делать умели. С тем же успехом он мог бы боднуть ствол дерева. Мир перед глазами завертелся колесом. Мэрик потерял равновесие, и его противник тоже не удержался на ногах. Они разом повалились на твердую бугристую землю. Падая, мечник помимо воли откинул правую руку, и клинок, вывернувшись из пальцев, отлетел в темноту.

Полуослепший от боли, почти обезумевший, Мэрик обеими руками схватил противника за голову. Пальцы его впились в толстую, поросшую жесткой щетиной щеку. Мужчина неистово махал руками, пытаясь оттолкнуть Мэрика. Попробовал закричать, быть может, позвать на помощь сообщников, но из горла вырвался только сдавленный рев. Юноша с силой ударил противника головой о корень. Мечник застонал.

— Сволочь! — прошипел Мэрик.

Противник сопротивлялся, бил, пытаясь дотянуться до лица. Не обращая внимания на ушибы и ссадины, Мэрик изо всей силы приложил противника затылком о корень еще раз. Тот взвыл от боли, попытался оттолкнуть юношу, но тяжелая кольчуга сковывала движения.

Он отчаянно извивался, но Мэрик не собирался сдаваться.

Голова Мэрика раскалывалась от мучительной боли, ныла от напряжения вытянутая до предела шея. На секунду он расслабился, и бородатый мечник не упустил такого шанса. Тяжелый кулак врезался в скулу с такой силой, что из глаз у Мэрика брызнули звезды, голова пошла кругом. Борясь с подступающим беспамятством, он в третий раз ударил противника. Изо всей силы.

— Вы ее убили! — кричал он. — Вы убили ее, сволочи!

Удар, еще удар. Он снова и снова бил врага, не в силах остановиться. В глазах Мэрика стояли слезы, и каждое слово давалось ему с трудом.

— Она была ваша королева, а вы убили ее!

Наконец мечник затих. Руки Мэрика были липкими от крови — чужой крови. Юноша скатился с обмякшего тела, неуклюже отполз назад. Окровавленные ладони скользили по палой листве, боль в ногах вспыхнула с новой силой. Он ожидал, что враг сейчас вскочит и снова набросится на него. Но неподвижное, едва видимое в темноте тело так и валялось на земле, неловко распластавшись на выпирающих из земли корнях. Огромный дуб высился над лежащим, словно великанское надгробие.

Мэрику было дурно, все тело сотрясала дрожь. Он поднес руки к лицу и, не сдержавшись, согнулся в три погибели. К окровавленным ладоням прилипли клочки волос и кожи. Этого юноша не выдержал, и его вырвало на вязкую землю остатками сегодняшнего скудного завтрака. Отчаяние, казалось, вот-вот поглотит его с головой.

«Ты король», — напомнил себе Мэрик.

Королева Мойра, мать Мэрика, была сильной, способной вести армию к победе. До кончиков ногтей она была истинной дочерью своего отца — так говорили все. Она вдохновляла мятежников, и те ни на минуту не сомневались в незыблемости ее прав.

«А теперь ее нет, и король — ты», — вновь и вновь твердил себе Мэрик. И по-прежнему все никак не мог в это поверить.

Отдаленная переключка преследователей снова зазвучала громче. Быть может, предатели все же услышали шум драки. Надо уходить. Бежать, бежать не останавливаясь. Вот только Мэрик никак не мог заставить ноги двигаться. Он сидел в темноте ночного леса, держа перед собой выпачканные кровью руки, будто понятия не имел, что еще с ними сделать.

Сейчас юноша был способен думать только об одном — о дне последней битвы. На матери были доспехи, она была с ног до головы покрыта кровью, и на губах ее играла отчаянная ухмылка. Наставник Мэрика приволок его пред материнские очи за драку с мальчишкой-простолудином. С матерью был эрл Рендорн, который спросил, сумел ли Мэрик по крайней мере одержать победу. Сгорая от стыда, юноша сознался, что потерпел сокрушительное поражение, и тогда эрл, презрительно фыркнув, осведомился: и какой же, мол, в таком случае выйдет из него король?

А мать разразилась веселым смехом — смехом, который мог развеять любую беду. Она взяла Мэрика за подбородок и, глядя ему в глаза, ласковым голосом сказала: «Ты зеница моего ока, и я в тебя верю».

От горя Мэрик готов был разрыдаться. Мать в него верила, а он ухитрился за какие-то полчаса безнадежно заблудиться в лесу. Даже если он сумеет ускользнуть от погони, выбраться из леса и добыть себе другого коня — как найти мятежную армию? Он так привык, что его все время куда-то ведут, говорят, куда надо ехать, что совсем не обращал внимания на дорогу. Он просто делал то, что велели, и только. А теперь он даже не представлял, где находится.

«Так встретил свой конец последний истинный король Ферелдена, — с угрюмым весельем подумал Мэрик. — Он хотел быть хорошим королем, но не мог отличить задницу от дырки в земле».

С огромным трудом Мэрик заставил себя собраться. Не самое подходящее время размышлять о прошлом или горевать. Он только что голыми руками убил человека, и другие

враги неподалеку. Надо бежать. Мэрик глубоко вдохнул и зажмурился. Нужно успокоиться и собраться хотя бы ненадолго.

Он открыл глаза и понял, что готов.

Мэрик хладнокровно огляделся в поисках меча, но ничего не мог рассмотреть. Из темноты донесся еще один оклик — и на сей раз он прозвучал гораздо ближе. Надо было спешить.

Мэрик осторожно поднялся на ноги, вслушался, пытаясь понять, откуда доносятся голоса, и решительно двинулся в противоположном направлении. Ноги, покрытые синяками, то и дело скручивала судорога, и вполне вероятно, что пара-другая костей была сломана, но юноша не обращал внимания на боль. Напрягая силы, хватаясь за низко растущие ветки, он волок свое измученное тело все дальше и дальше в темноту.

Они за все заплатят, за все. Если Мэрик станет королем, он заставит их расплатиться за все.

— Что-то там происходит, — хмурясь, пробормотал Логэйн.

Он стоял на опушке леса, рассеянно стирая грязь с кожаных штанов. Напрасный труд — одежда браконьеров никогда не бывает чистой. У орлесианцев, само собой, были для Логэйна и ему подобных другие прозвища: преступники, воры, разбойники. Но этих людей мало заботило, кем их считают захватчики.

Орлесианцы были твердо убеждены, что владеть землей могут только их спесивые разряженные дворянчики, и неудивительно, что они не слишком благосклонно отнеслись к вольным землепашцам Ферелдена. Заполучив трон, император Орлея изобрел добавочный «налог». Отец Логэйна в первый год как-то исхитрился наскрести денег, а потом захватчики, ясное дело, решили, что грабительская сумма должна быть увеличена. Семья Логэйна оказала сопротивление и вот теперь они живут в глуши ферелденских лесов с другими такими же изгоями, пытаясь кое-как выжить.

Логэйна, может, и не заботило, что именно думают о нем орлесианцы, но зато он весьма усердно заботился о том, чтобы не угодить под стражу. Местный констебль в Лотеринге был ферелденец, а потому до сей поры относился к шайке терпимо. Пока они не нападали на путников и воровали только по мелочи, констебль делал вид, что старается их изничтожить. Логэйн, однако, понимал, что рано или поздно этот человек будет вынужден взяться за них всерьез, и надеялся только, что у констебля хватит благородства предупредить об этом заранее. Тогда они переберутся в другое место, как уже поступали не единожды. В конце концов, в Ферелдене лесов и холмов предостаточно, чтобы укрыть целую армию, — это знает даже Мятажная Королева. Но что, если констебль не станет их ни о чем предупреждать? Именно эта мысль сейчас грызла Логэйна, именно она вынуждала вглядываться в темноту леса. Люди далеко не всегда могут поступать так, как им хочется.

С поля подул промозглый ветер, и Логэйн зябко поежился. Стемнело уже давно, и в ясном ночном небе сияла луна. Он отбросил с глаз пряди черных волос, с отвращением подумав, что волосы у него немногим чище одежды, и натянул на голову капюшон. Весна в этом году больше смахивала на затянувшуюся зиму. Холодными ночами Логэйн и его товарищи мерзли в самодельных палатках, но и такое жилье уютнее тюремной камеры.

К Логэйну подошел Дэннон — верзила подозрительной наружности. Логэйн подозревал, что в прошлом тот был вором — из тех любителей чужого добра, что промышляют в больших городах, шаря по карманам и грабя неосторожных путников, — и что оказался он в шайке изгоев потому, что карманник и грабитель из него вышел никудышный. Впрочем, не Логэйну было его судить. Все они трудились как могли, и Дэннон вполне добросовестно исполнял свою долю работы. Но это вовсе не значило, что Логэйн должен приязненно к нему относиться.

— Ты что это там бормочешь? Увидел чего?

Дэннон почесал крючковатый нос, поправил висевшие на плече тушки. Нынче вечером их добычей были три кролика, добытые в угодьях некоего лорда. Охотиться в темноте

нелегко, особенно когда все время думаешь не столько об охоте, сколько о том, как бы никому не попасться на глаза, но все-таки на этот раз им повезло.

— Я сказал — что-то там происходит, — повторил Логэйн с раздражением. Развернувшись, он вперил гневный взгляд в Дэннона, и тот отступил на шаг. Такое Логэйну было не в диковинку. Ему не раз говорили, что взгляд его холодных светло-голубых глаз точно отталкивает людей. Юношу это вполне устраивало. Большинство изгоев, и особенно Дэннон, до сих пор считали его желторотым юнцом, и он не хотел, чтобы этому типу взбрело в голову отдавать ему приказания. — Хочешь сказать, что ничего не заметил?

Дэннон пожал плечами:

— Видел я кой-какие следы. Сдается мне, по округе шастают солдаты.

— И тебе не пришло в голову, что это может быть важно?

— Ха! — Дэннон закатил глаза. — Так ведь Каролин в деревне говорила уже насчет солдат. Мол, она сама вот только нынче утром видела, как по северному полю проехал с малым отрядом банн Сеорлик.

Услышав это имя, Логэйн нахмурился:

— Сеорлик — лизоблюд. Всем известно, что он душу запродаст, только бы получить обеды с императорского стола.

— Ну да, так вот, Каролин видела, как он ехал напрямик через поле, подальше от дороги и даже в трактир не завернул. Не хотел, чтобы его заметили, — точь-в-точь как мы. — Дэннон указал на тушки кроликов, которые нес на плече. — Слушай, что бы там ни затеял Сеорлик, нас это точно не касается. Никто не видел, как мы охотились. Мы молодцы, а теперь пора уходить. — Он улыбнулся нервно и с неискренним дружелюбием, явно стараясь убедить Логэйна.

Дэннон его боялся. И юношу это вполне устраивало.

Он снова перевел взгляд в глубину леса, рукой нашарил эфес висевшего на поясе меча. Дэннон заметил это движение и скорчил гримасу. С кинжалом он управлялся недурно, но клинки покрупнее были ему не по плечу.

— Ай, да пойдем уже! — проворчал он. — Нечего нарываться.

— Я не намерен искать неприятностей, — жестко сказал Логэйн. — Я намерен их избежать. Ты не хуже меня знаешь, что мы проторчали на этом месте слишком долго.

— Это уж не тебе решать, — буркнул Дэннон, но тем не менее прикусил язык и двинулся вслед за Логэйном.

Решать, в конце концов, предстояло Логэйнову отцу, но даже такой тип, как Дэннон, прекрасно знал, что отец и сын редко расходились во мнении. Как и должно быть.

Браконьеры углубились в ночной лес, лишь ненадолго остановившись, чтобы глаза привыкли к скудному лунному свету. Дэннон все сильнее злился, оступаясь и поскальзываясь, но, по крайней мере, у него хватало ума злиться молча. В свою очередь, Логэйн все больше склонялся к тому, что его неуклюжий напарник, возможно, был прав.

Он уже готов был повернуть назад, но тут Дэннон резко остановился.

— Слышишь? — прошептал он.

«Хороший слух», — подумал Логэйн.

— Звери?

— Да нет. — Дэннон без особой уверенности помотал головой. — Вроде как кричат.

Они замерли на месте, и Логэйн прислушался. В высоте шелестела под ветром листва, и этот шорох был изрядной помехой, но все же скоро он расслышал то, о чем говорил Дэннон. Пусть едва различимые, но, без сомнений, это были голоса людей.

— Охота на лис, — пробормотал он.

— Чего?

Логэйн закатил глаза и глубоко вдохнул.

— Ты был прав, — отрывисто бросил он. — Они ищут здесь не нас.

Дэннону эта новость явно пришлась по душе. Он поправил кроличьи тушки, висевшие на плече, и повернулся, чтобы уйти.

— Ну так и нечего тут болтаться. Поздно уже.

Логэйн, однако, все еще колебался:

— Ты сказал, что северным полем проехал банн Сеорлик. Как по-твоему, много с ним было солдат?

— Мне-то почем знать? Я их не видел.

— А что сказала на сей счет твоя трактирная шлюшка?

Здоровяк пожал плечами, но спина его словно закаменела от едва сдерживаемой ярости. Логэйн с отстраненным интересом отметил для себя, что задел напарника за живое. Неужели у него шашни с той девицей? Не то чтобы Логэйна это и впрямь заботило, однако он предпочитал не дразнить спутника без нужды.

— Не знаю, — процедил наконец Дэннон. — Она ничего не сказала. Вроде бы немного.

Логэйн прикинул, что по лесу сейчас бродит человек двадцать, не меньше. Ясное дело, если бы банн Сеорлик появился с таким отрядом возле Лотеринга, об этом судачили бы гораздо больше. Что же на самом деле происходит? То, что в этом замешан один из тех ферелденских аристократов, Логэйну совершенно не нравилось. Что бы там ни затеяли Сеорлик и его люди, шайке изгоев это ничего хорошего не сулит... даже если и не коснется их напрямую.

Стоя в гуще леса и стараясь не замечать растущего нетерпения Дэннона, Логэйн в глубине души признавал, что в любом случае он, скорее всего, ничего не сможет поделать. Перипетии ферелденской политики были ему совершенно безразличны. Выжить — вот единственное, что его волновало. Логэйн раздраженно вздохнул, так упорно уставясь в темноту, словно именно в ней таилась разгадка этой тайны.

Дэннон хмыкнул:

— Ты, когда так вздыхаешь, точь-в-точь твой папаша.

— Кажется, я впервые услышал от тебя комплимент.

Верзила презрительно фыркнул и одарил Логэйна уничтожающим взглядом.

— Это вышло нечаянно, — буркнул он и сплюнул на землю между собой и Логэйном. — Слушай, как ты сам сказал, нас это не касается. Может, уже пойдем, а?

Логэйну не нравилось, когда оспаривали его мнение. Он ответил Дэннону таким же уничтожающим взглядом и сделал долгую паузу.

— Хочешь — уходи, — негромко и твердо проговорил он.

Дэннон не тронулся с места, хотя нервно переступил с ноги на ногу. Логэйн почти явственно ощущал, как его спутник в темноте подумывает о своем ноже и гадает, придется ли пустить его в ход и как в таком случае вернуться в лагерь. Логэйн почувствовал соблазн подтолкнуть ход событий. Ему захотелось встать перед Дэнноном и смерить его взглядом с головы до ног. Быть может, у верзилы достанет духу схватиться за нож и попытаться его прикончить.

Воцарилось долгое напряженное молчание, и прерывали его только шум ветра в кронах деревьев да отдаленные выкрики охотников. Логэйн сузил глаза, даже не притронувшись к рукоятке меча, и испытал удовлетворение, когда Дэннон первым отвел взгляд.

В этот миг до них донесся звук приближавшихся шагов.

Дэннон с готовностью ухватился за этот повод отвлечься, как если бы их с Логэйном противостояния и не было вовсе.

Кто-то торопливо и неуклюже продвигался по лесу прямо к ним. Кто бы это ни был, он продирался через кусты напролом, расталкивал ветки, в панике напрочь позабыв об осторожности. Лиса, что ли? И конечно же, ей непременно надо было выскочить прямо им под ноги. Если Создатель, как утверждают священники, и впрямь обитает где-то на небесах, у Него воистину неприятное чувство юмора.

Дэннон отступил на пару шагов. Логэйн, вынув из ножен меч, выжидал. Пришелец вывалился из зарослей и замер, уставясь на браконьеров круглыми от страха глазами.

Он оказался совсем молод, ровесник Логэйна, а то и моложе. Белокурые волосы и бледное лицо были заляпаны грязью и — весьма обильно — кровью, и вдобавок в волосах

запутались листья, а лицо покрывали свежие царапины. Одет он был явно не для беготни по лесной чаще — одна лишь рубашка, изорванная и покрытая таким слоем грязи, словно добрую часть пути он удирал от своих неведомых преследователей ползком. Руки беглеца тоже были в крови, и похоже, не только его собственной. Кто бы ни был этот человек, ему пришлось убить ради спасения своей шкуры. Логэйн понял, что белокурый пришелец был доведен до грани отчаяния.

Сейчас он припал к земле, застыв, точно дикий зверь, раздираемый нелегким выбором — обратиться в бегство или драться. Голоса, перекликавшиеся у него за спиной в глубине леса, неумолимо приближались. Логэйн медленно поднял руку, показал беглецу открытую ладонь — знак мирных намерений — и вернул меч в ножны. Белокурый юноша не шелохнулся, только недоверчиво сузил глаза. И опасно метнул взгляд за спину, в гущу леса, откуда вновь донеслись приглушенные выкрики.

— Сматываться надо! — прошипел Дэннон за спиной у Логэйна. — Щенок как пить дать наведет их прямо на нас!

— погоди, — шепнул в ответ Логэйн, не отрывая взгляда от беглеца.

Дэннон вспыхнул от злости, и краем глаза Логэйн заметил, что в руке его блеснул нож. Примирительно раскинув руки, чтобы успокоить их обоих, Логэйн снова сосредоточил все свое внимание на окровавленном, припавшем к земле незнакомце.

— Кто за тобой гонится? — с расстановкой спросил он.

Светловолосый облизал губы, обдумывая ответ.

— Орлесианские псы, — медленно проговорил он.

Логэйн искоса глянул на Дэннона. Здоровяк скорчил гримасу, но все же было заметно, что участь светловолосого беглеца не оставила его совсем равнодушным. Дэннон, конечно, превыше всего на свете ценил свою собственную шкуру, но в конце концов он, что-то проворчав, смягчился.

— Хороший ответ. — Логэйн отступил на шаг и повернулся, как бы собираясь уходить. — Пойдешь с нами.

Дэннон горестно ругнулся, сунул нож в ножны и, упорно глядя себе под ноги, зашагал прочь. Логэйн демонстративно двинулся за ним, но между тем зорко следил, последует ли за ними незнакомец. Тот с минуту колебался, явно раздираемый сомнениями, но все-таки с решительным видом вскочил и побежал следом.

Все трое без лишнего шума двинулись назад тем же путем, которым Логэйн и Дэннон пришли в лес. Светловолосый юноша шел последним, а Дэннон неизменно держался впереди, как если бы готов был и вовсе бросить спутников и спасаться. Напряженная спина здоровяка выражала возмущение и злость. Логэйну на это было глубоко наплевать.

Они шли быстрым шагом, и скоро голоса преследователей остались далеко позади. Незнакомец вздохнул с облегчением. Когда они вышли на опушку, Логэйн внимательнее присмотрелся к новому спутнику, и итог осмотра его озадачил. Одежда юноши, пусть изодранная и грязная, была явно добротной, если не сказать — щегольской. Особенно отличались хорошей выделкой сапоги из превосходной кожи — точно такие Логэйн видел на храмовниках. Да уж, это совершенно точно не нищий. Кроме того, он весь дрожал и вскидывался на каждый звук, доносившийся из леса, — стало быть, подобная прогулка была для него в новинку.

— Постой, Дэннон! — вполголоса окликнул Логэйн и остановился.

Здоровяк подчинился с явной неохотой. Логэйн повернулся к светловолосому юноше. Тот попятился. Подозрения вспыхнули в нем с новой силой, и взгляд его метался от Логэйна к Дэннону, как если бы он пытался понять, кто из них бросится на него первым.

— Думаю, на этом мы и расстанемся, — скрепя сердце проговорил Логэйн.

— Хвала Создателю! — пробормотал Дэннон.

Светловолосый юноша на минуту задумался, огляделся по сторонам, словно прикидывая, где находится. С опушки, с того места, где они стояли, поле, примыкавшее к лесу, было видно как на ладони.

— Пожалуй, отсюда я и сам смогу добраться, куда нужно.

Выговор светловолосого был Логэйну незнаком, но, судя по манере говорить, этот человек явно получил недурное образование. Быть может, он сын купца?

— В самом деле? — Логэйн жестом указал на изодранную одежду юноши, отметив для себя, что у того нет даже плаща. — Ты, скорее всего, замерзнешь насмерть, прежде чем доберешься до города. — Логэйн выразительно изогнул бровь. — Если, конечно, ты и впрямь хочешь пойти в город, когда за тобой гонятся.

— А почему, кстати, за тобой гнались? — осведомился Дэннон и решительно встал рядом с Логэйном.

Светловолосый юноша помедлил, глядя то на Логэйна, то на Дэннона, словно определял, кому из них отвечать. Затем он опустил взгляд на свои руки и будто только сейчас, в лунном свете, увидел на них кровь. Как он ни пытался скрыть свои чувства, его передернуло от отвращения.

— Думаю, я убил одного из них, — прошептал он.

Дэннон понимающе присвистнул:

— Тогда они так просто не отвяжутся.

Логэйн сдвинул брови:

— Я так понимаю, это были люди банна Сеорлика?

— Не только, — без особой охоты ответил юноша. — Они убили... моего друга.

Гримаса боли, исказившая лицо, яснее слов сказала Логэйну, что по крайней мере эти слова незнакомца — чистая правда. Юноша зажмурился, снова задрожав всем телом, и безуспешно попытался стереть кровь с лица. Логэйн искоса глянул на Дэннона, и здоровяк в ответ лишь пожал плечами. Какова бы ни была история незнакомца, Логэйн сильно сомневался, что они услышат ее целиком. А может, в этом и вовсе не было нужды. Не впервые на их пути встречается человек, который навлек на себя немилость орлесианцев. И будь Логэйн на месте беглеца, он бы тоже не стал излишне доверять первым встречным. Юноше явно было что скрывать, однако браконьер нутром чуял: кто бы ни был этот человек, он не лжет. А чутье подводило Логэйна крайне редко.

— Послушай, — Логэйн тяжело вздохнул, — мы не знаем наверняка, кто за тобой гнался. Ты говоришь — прислужники орлесианцев. Я готов поверить тебе на слово. — Светловолосый хотел было возразить, но Логэйн предостерегающе вскинул руку. — Кто бы они там ни были, их, судя по всему, немало. Довольно скоро они сообразят, что ты выбрался из леса. И искать тебя двинутся первым делом в Лотеринг. Тебе есть куда еще податься?

Юноша опустил голову, помрачнел:

— Нет... пожалуй что некуда. — Он стиснул зубы, исподлобья глянул на Логэйна. — Но я справлюсь.

На мгновение Логэйн и впрямь поверил, что это так. То есть никуда он, конечно, не доберется, но попытается. Упрямство это, глупость или нечто иное — Логэйн определить не мог.

— У нас есть лагерь, — напрямую сказал он. — В укромном месте.

— Ты и твой спутник... вы не обязаны были мне помогать. Я понимаю это. Я вам благодарен. — Юноша явно колебался. — В этом нет необходимости.

— По крайней мере, мы наверняка подыщем тебе какой-нибудь старый плащ. Ты отмоешься, почистишься... меньше будешь бросаться в глаза. — Логэйн пожал плечами. — Или отправляйся своей дорогой. Тебе решать.

Светловолосый поехал, вновь задрожав от холода, — с поля дунул пронизывающий ветер. Он растерян, мельком подумалось Логэйну, беспомощен, словно щепка в бурном водовороте событий. Судьба может устроить поганую каверзу именно тогда, когда этого меньше всего ожидаешь, — уж это Логэйн очень хорошо знал. И видел, что с его собеседником произошло то же самое, хоть особого сострадания к нему не испытывал. Кроме предложения пойти с ними, светловолосый от него больше ничего не дождется.

— Дыхание Создателя! — фыркнул Дэннон. — Парень, да ты только глянь на себя!

Можно подумать, у тебя есть другой выход!

Логэйн с сомнением глянул на здоровяка:

— Быстро же ты запел по-другому!

— Ха! Это ведь ты, а не я потащил его с нами. А раз уж так вышло, пусть идет и в лагерь, почему бы нет? — С этими словами он круто развернулся и зашагал прочь, бросив на ходу: — Если так мы скорее доберемся до костра, то я всей душой за.

Юноша устался себе под ноги, и вид у него был неловкий и пристыженный.

— У меня... у меня нет при себе ничего ценного, — пробормотал он. И, чуть помедлив, добавил: — Я имею в виду — чтобы расплатиться с вами.

На самом деле, конечно, он хотел сказать «у меня нечего грабить».

— Да уж, это видно невооруженным взглядом.

На это светловолосый не нашелся что сказать и лишь неуклюже кивнул.

Логэйн мотнул головой в сторону Дэннона, который уже успел отойти на изрядное расстояние:

— Давай-ка его нагоним, пока он не свалился в какую-нибудь яму. — Он сделал шаг вперед и протянул руку. — Меня зовут Логэйн.

Юноша на долю секунды замялся, затем пожал протянутую руку:

— Хирэм.

Имя, конечно, фальшивое. Логэйн на миг задумался, не совершает ли он непоправимую ошибку. До сих пор чутье его не подводило, но ведь все когда-нибудь случается в первый раз. А впрочем, кости брошены, не переиграешь. Логэйн кивнул Хирэму, повернулся, и они бок о бок двинулись прочь из леса.

Глава 2

Мэрик проснулся, твердо убежденный, что он снова в лагере мятежников, а все происшедшее — просто дурной сон, навеянный прокисшей похлебкой. Наверняка в комнату вот-вот ворвется мать и попеняет ему за то, что так заспался. Мэрика охватило почти осязаемое облегчение... но в тот же миг он осознал, что ошибся. Одеяло, которым он был укрыт, оказалось ветхим и вдобавок пропахло плесенью, да и комната, где он спал, была совсем незнакомая — не комната, а жалкая клетушка. Ушибы и ссадины, заработанные прошлой ночью, тоже дали о себе знать. Постепенно Мэрик вспомнил все.

Не единожды за время ночного путешествия тот, кто назвался Логэйном, уверенно объявлял, что за ними следят. Это донельзя раздражало верзилу по имени Дэннон, поскольку Логэйн всякий раз требовал свернуть с намеченного пути и долго плестись в обход. Мэрик был совсем не против лишних предосторожностей, однако к тому времени, когда они добрались до предгорий, он едва держался на ногах. Добрых два часа брели они в темноте, продрогнув до костей и за всю дорогу перекинувшись едва ли парой слов. Как добрались до самого лагеря, Мэрик помнил смутно. Зато в памяти хорошо отпечаталось удивление — сколько грязных и ветхих палаток было рассыпано среди валунов и кустарника. Он-то ожидал увидеть от силы горстку изгоев, но в этих горах, похоже, укрывалась от преследований целая община. Мэрик почти не помнил косых взглядов и перешептываний за спиной. Сон, в котором он так отчаянно нуждался, подкрался совсем близко и властно предъявил права на его изнуренную плоть.

От воспоминаний Мэрика отвлек едва слышный плеск. Он открыл глаза и тут же зажмурился: в крохотное оконце бил нестерпимо яркий полуденный свет. Все расплывалось перед глазами, в голове пульсировала неотвязная ноющая боль. Мэрик поморгал, глаза понемногу привыкли к освещению. Он припомнил, что в лагере было только одно строение — крохотная, сложенная из бревен хижина, в которой никак не могло быть больше одной комнаты. Судя по всему, именно там Мэрик сейчас и находился. Обстановка здесь была скудная — шаткая кровать, стол да пара кучек чего-то, что здорово смахивало на грязное тряпье. Единственным украшением комнаты была резная картинка, висевшая над

кроватью, — пламенное солнце, заключенное в круг. Святой символ.

Мэрик расправил плечи, стараясь справиться с болью. Он с удивлением отметил, что лежит под одеялом в одних подштанниках.

— Я тебя разбудила?

Голос донесся откуда-то сбоку. Мэрик повернул голову и лишь сейчас сообразил, что женщина все это время стояла на коленях рядом с ним, у кровати, и полоскала тряпку в тазу с водой.

— Прошу прощения. Я стараюсь не слишком шуметь.

Говорила она степенно и добродушно, а красное одеяние говорило о ее принадлежности к Церкви. Мэрику не часто доводилось бывать в храмах — Церковь давным-давно приняла сторону узурпатора, — однако мать все равно настояла, чтобы он получил должное образование в этой области. Мэрик, как и все ферелденцы, верил в Создателя и чтил жертву Его первой супруги и пророчицы Андрасте. И уж конечно, с первого взгляда мог распознать служителя Церкви. Что делает эта женщина здесь, в лагере изгоев?

— Ваше... преподобие? — Голос Мэрика больше смахивал на хриплое карканье, он откашлялся, отчего боль в голове запульсировала еще сильнее.

Мэрик громко застонал и откинулся на подушку — комната так стремительно закружилась перед глазами, его затошнило.

Женщина сочувственно хихикнула:

— Ох нет, ради всего святого! Незачем меня так величать.

Теперь Мэрик мог лучше разглядеть ее. Годы оставили отпечаток, но в целом обошлись с ней милостиво. Ее вьющиеся светлые волосы давно поседели, вокруг усталых глаз сеткой залегли морщины. И все-таки без труда можно было понять, что когда-то, очень давно, эта женщина была красавицей. Помимо церковного облачения, на ней был золотой медальон — крест Андрасте, обрамленный священным пламенем. Перехватив взгляд Мэрика, женщина улыбнулась:

— Увы, я уже давным-давно лишилась своего места в церковной иерархии.

Она отжала грязную тряпку и вновь принялась протирать его лицо. Прикосновение влаги было прохладным и освежающим, Мэрик прикрыл глаза, покорно принимая заботу. Когда она наконец остановилась, юноша коснулся ее руки:

— Долго я так... провалялся?

Женщина помолчала, глядя на него усталыми серыми глазами. Во взгляде ее светилось сочувствие, но и подозрение.

— Да почти что весь день, — наконец ответила она. Затем ободряюще улыбнулась и ладонью отвела со лба Мэрика пряди растрепанных волос. — Да ты не тревожься, паренек. Что бы ты там ни натворил, здесь тебе пока что ничего не грозит.

— А где это «здесь»?

— Так Логэйн тебе ничего не сказал? — Женщина вздохнула и вновь погрузила тряпку в таз, отчего вода тотчас за клубилась красным. — Ну да чего еще от него ждать? Из этого мальчишки слова не вытянешь. Вылитый отец. — Она весело глянула на Мэрика, словно давая понять, что иного объяснения и не требуется. — Мы в Южных Холмах, у самой окраины Диких земель. Впрочем, думаю, это ты и так знаешь.

Женщина осторожно протерла мокрой тряпкой затылок Мэрика — и он передернулся, пронзенный новым приступом острой боли. Мэрик постарался не думать, насколько сильно ему досталось.

— Названия у этого места нет. Мы просто остановились здесь на время, вот и все. Те, кто живет в нашем лагере, по большей части просто пытаются выжить.

— Как это знакомо... — пробормотал Мэрик.

Тем не менее он сомневался, можно ли на самом деле сравнивать его жизнь с существованием, которое влачила шайка изгоев. Даже будучи в изгнании, Мэрик и его мать повсюду, где бы ни прятались, могли рассчитывать на приличные условия. Отдаленные замки, аббатства, укрытые в горах... Всегда находился какой-нибудь дворянин, готовый

предоставить им кров, или просто доброхот, который обеспечивал их в походе просторным шатром. Мэрик всегда горько сетовал на тяготы такого существования, на лишения, скуку и отсутствие свободы. Судя по нищете, которая бросилась ему в глаза по прибытии в этот лагерь, здешние обитатели сочли бы Мэрика везунчиком. И наверное, были бы недалеко от истины.

— Все мы подчиняемся Гарету, и с каждым годом наше число растет. Похоже, в мире никогда не будет недостатка в отчаявшихся душах, которым больше некуда податься. — Женщина вновь легонько ощупала голову Мэрика и нахмурилась. — Гарет — это отец Логэйна, если ты с ним еще не знаком.

— Не знаком.

— Так познакомишься. — Она опять отжала тряпку, и на сей раз по воде расплылись темные, зловещего вида струйки. Интересно, его голова выглядит совсем кошмарно? — Меня зовут сестра Эйлис.

— А меня — Хирэм.

— Ну да, мне так и сказали. — Она кивком указала на руки Мэрика. — Думаю, ты будешь не против их отмыть.

Мэрик опустил взгляд на свои ладони — они все так же были почти по локоть в грязи и запекшейся крови. Без единого слова он взял у женщины мокрую тряпку.

— У тебя на руках немало крови, — многозначительным тоном заметила сестра Эйлис.

— Это не моя кровь. По большей части.

Священница смотрела на него бесстрастно и испытующе:

— И что ты об этом думаешь?

Мэрик медленно отмывал руки, целиком сосредоточившись на этом занятии. Он понимал, о чем она спрашивает. Там, в лесу, его первым порывом было скрыть, кто он такой, и, наверное, этот порыв был правильным. В конце концов, сестра Эйлис сама сказала — «отчаявшиеся души». Мэрик понятия не имел, сколько заплатил бы за его голову узурпатор, но наверняка такую сумму, что этим людям и не снилась. Можно только гадать, сколько монет понадобилось, чтобы тот меч пронзил грудь его матери...

— Он напал на меня. Я защищался. — Даже для самого Мэрика его голос прозвучал безжизненно и фальшиво. — Они убили мою мать.

Оттого что он произнес эти слова вслух, поверить в них оказалось ничуть не проще.

С минуту священница молчала, пронзительно глядя на него.

— Да примет ее Создатель, — смягчившись, напевно проговорила она.

Мэрик поколебался.

— Да примет ее Создатель, — повторил он, и голос его вдруг стал сиплым от горя.

Сестра Эйлис понимающим жестом накрыла ладони юноши своими. Мэрик отдернул руки, и вышло это резче, чем ему хотелось, но она не сказала ни слова. Воцарилось долгое неловкое молчание. Мэрик уставился на свои наполовину отмытые пальцы. Женщина отобрала у него пропитанную кровью тряпку и выполоскала ее в тазу.

Юноша неуклюже попытался сменить тему:

— Если ты служительница Церкви что же ты делаешь здесь?

Сестра Эйлис улыбнулась, кивнув с таким видом, словно слышала этот вопрос уже тысячу раз:

— Когда Создатель вернулся в мир, Он избрал себе невесту, которая должна была стать Его пророчицей. Мог бы Он обратить взор на империю, славную богатством своим и могущественными магами, на цивилизованные страны Запада или города северного побережья. Однако же привлекло Его варварское племя, живущее на самом краю Тедаса.

— «И так пал взор Создателя на Андрасте, — тут же подхватил Мэрик, — на отверженную скиталицу, коей суждено было стать Его невестой. Ее устам суждено было изречь Песнь Света, ее волею и велением суждено было явиться в мир легионам праведности».

— О, да ты образованный? — Сестра Эйлис явно была впечатлена, но Мэрик мысленно

выругал себя за неумное желание покрасоваться. Женщина бережно приподняла на ладони священный символ, который висел у нее на груди, глянула на него с нежностью, словно на старинного друга. — Люди порой забывают, что Ферелден не всегда был таким, как сейчас, — родиной пророчицы Создателя. Когда-то его поносил и презирал весь цивилизованный мир. — Она мягко улыбнулась, и глаза ее заблестели. — Порой наивысшую драгоценность можно отыскать там, где меньше всего ожидаешь найти.

— Но ведь эти люди...

— Преступники? Воры? Убийцы? — Сестра Эйлис пожала плечами. — Я здесь затем, чтобы наставить их и, насколько хватит моих слабых сил, помочь их борьбе. Что бы ни натворил в своей жизни каждый из них, судить его деяния дано лишь Создателю, и только Ему.

— Магистры тоже судили деяния Андрасте. И если помнишь, сожгли ее на кресте.

Женщина лукаво хихикнула:

— Да-да, где-то я об этом уже слышала.

Их разговор прервало появление Логэйна. Сейчас он выглядел куда опрятнее, чем ночью. Кожаный доспех с заклепками выглядел внушительно, а большой лук, висевший на плече, — и вовсе устрашающе. Недурное снаряжение для браконьера, подумал Мэрик. Логэйн, видимо, почувствовал, что его разглядывают, и одарил Мэрика убийственным взглядом. Он, в отличие от сестры Эйлис, даже не старался скрыть подозрение. Внезапно смутившись, Мэрик натянул одеяло повыше, чтобы прикрыть наготу.

— Стало быть, он все же соизволил проснуться, — сухо заметил Логэйн, не сводя глаз с Мэрика.

— Он немного оправился, — отозвалась священница и подняла с пола таз с водой. — Досталось ему, надо сказать, изрядно. Ты, Логэйн, хорошо сделал, что привел его сюда.

Логэйн мельком глянул на нее:

— Посмотрим. Он тебе что-нибудь рассказал?

Мэрик поднял руку:

— Эй! Я, кажется, еще здесь!

Сестра Эйлис глянула на Логэйна, лукаво изогнув бровь:

— И в самом деле. Почему бы тебе не поговорить с ним?

— Я так и собирался, — бросил Логэйн и, повернувшись к Мэрику, добавил: — Отец хочет тебя видеть.

Не дожидаясь ответа, он развернулся на каблуках и широкими шагами вышел из хижины.

Священница жестом указала на одежду, сложенную стопкой в углу хижины, возле столика.

— Сапоги твои стоят под столом. Все прочее мне, увы, пришлось сжечь. Особых нарядов здесь нет, но я уверена, ты подберешь себе что-нибудь.

С этими словами она направилась к двери.

— Сестра Эйлис! — окликнул Мэрик.

Женщина остановилась на пороге, оглянулась, и Мэрик вдруг обнаружил, что не знает, что сказать.

— На твоём месте я бы не заставляла Гарета ждать, — только и сказала она. И ушла.

Мэрик вышел из хижины. При ярком свете дня лагерь куда больше походил на самую обычную деревню, где кипела повседневная жизнь. В ручье стирали на камнях одежду, на нескольких кострах посреди лагеря жарилась крольчатина, женщины, болтая без умолку, латали палатки, и повсюду, путаясь под ногами у старших, шныряли дети. На взгляд Мэрика, они были чересчур тощи и грязны, но такое зрелище не было в диковинку и в других селениях Ферелдена. Орлесианцев трудно было назвать добрыми господами. По всему было видно, что лагерь стоит здесь уже не первый месяц.

Несколько мужчин разбойного вида, одетых по большей части в лохмотья, заметили

Мэрика и открыто сверлили его холодными оценивающими взглядами. Превосходный кожаный доспех Логэйна явно был в этом лагере исключением.

Оглядевшись по сторонам, юноша без труда заметил самого Логэйна: тот стоял неподалеку и разговаривал с каким-то рослым мужчиной. Судя по всему, это и был его отец. Этот человек тоже был облачен в кожаный доспех с заклепками, взгляд у него был такой же суровый и волосы — такие же черные, только поредевшие и на висках подернутые сединой. Пары секунд Мэрику хватило, чтобы понять, кто здесь главный. За всю жизнь он встречал немало таких людей — они были командирами в армии его матери, они видели смысл жизни в порядке и дисциплине. Странно, что такого человека ему довелось повстречать именно здесь.

Логэйн наконец-то заметил Мэрика, одиноко торчавшего посреди деловитой суеты лагеря, и качнул головой, указывая на него отцу. Во взгляде его было все такое же неприкрытое подозрение, и Мэрик мог только гадать, что же он натворил с минувшей ночи, чтобы заслужить подобную враждебность.

«Это потому, что ты лгал ему и до сих пор лжешь, — напомнил он себе, — а еще потому, что ты ни на что не годный болван».

Отец и сын шли по лагерю, а Мэрик стоял и внутренне ёжился, чувствуя, как его испытующе разглядывают издалека. В эту минуту он, как никогда, мало ощущал себя королем — продрогший, измученный, неуклюжий. Мэрику вдруг ужасно захотелось, чтобы мать примчалась на помощь. Мятая Королева была бы, как всегда, великолепна — золоченая броня сверкает, светлые волосы и пурпурный плащ развеваются на ветру. Нетрудно было понять, почему ее все так любили. Все эти жалкие бродяжки тотчас бы попадали на колени — все, даже Логэйн и его отец. Вот только она больше никогда не примчится, и, сколько ни жди, мечты все равно не сбудутся. Мэрик стиснул зубы и мужественно встретил взгляды двух пар льдисто-голубых глаз.

— Хирэм? — Гарет протянул руку в дружелюбном приветствии.

Мэрик пожал ее и тотчас осознал, насколько силен этот человек. Отец Логэйна был далеко не молод, но Мэрик мог побиться об заклад, что Гарет способен завязать его узлом и подбросить вверх, точно ребенок — тряпичную куклу, да еще при этом ничуть не вспотеть.

— Э-э-э... ну да, — выдавил он. — Добрый день. А ты, наверное, Гарет?

— Точно. — Гарет поскреб подбородок и оглядел Мэрика с ног до головы с таким видом, точно перед ним ярмарочная диковинка. Логэйн стоял в шаге позади него, сохраняя на лице подчеркнуто беспристрастное выражение. — Сын говорит, ты у Лотеринга угодил в какую-то заварушку. За тобой гнались солдаты банна Сеорлика.

— Не только его, но... да и они тоже.

Гарет медленно кивнул:

— И сколько же их там было?

— Точно не знаю. Мне показалось, что много.

— И все в лесу? Банн Сеорлик даже не из этих мест. Знаешь, зачем их туда понесло?

— Не знаю, — солгал Мэрик. Ложь повисла в воздухе, а отец и сын в упор смотрели на него, и глаза Логэйна сузились еще сильнее. Похоже, Мэрик мог прибавить к списку своих недостатков еще и «отъявленный лгун». Качество, не слишком-то подходящее для короля, хотя мать и упорно твердила, что он обладает всеми королевскими добродетелями. В горле у него вдруг пересохло, но он не собирался отказываться от своих слов. — Они гнались за мной после того, как убили моего друга.

— Друга? — быстро переспросил Гарет. — Или мать?

Ну конечно — сестра Эйлис все ему рассказала. Мысли Мэрика заметались, и он лихорадочно пытался вспомнить, что уже говорил, а о чем пока умолчал. От усилия рана на затылке снова заныла.

— Мать и была мне другом, — неуклюже объяснил он.

— А как же вы с матерью оказались в лесу? Вам туда соваться так же нужно, как банну.

— Мы просто проезжали мимо.

Гарет и его сын обменялись многозначительными взглядами. Мэрик не мог понять, что у них на уме. Мужчина вздохнул и задумчиво почесал подбородок.

— Послушай, Хирэм, — начал он рассудительным тоном, — мы тут в таком положении, что всегда приходится беречься. Если где-то в округе рыскают королевские солдаты, нам надобно знать почему.

Мэрик не проронил ни слова, и лицо Гарета потемнело от гнева. Повернувшись, он обвел широким жестом обитателей лагеря. Кое-кто из них уже подошел поближе, обступая говоривших со всех сторон.

— Видишь этих людей? — ровным голосом спросил Гарет. — Я за них в ответе. Мне нужно их уберечь. Если те солдаты двинутся сюда...

Мэрик нервно огляделся, все яснее сознавая, что внимание неуклонно растущей толпы привлекает именно его особа. Он судорожно сглотнул и пробормотал:

— Хотел бы я сам это знать.

— Не надо было мне его сюда приводить! — взбешенно процедил Логэйн.

Гарет, впрочем, вряд ли услышал сына. Он все так же не сводил глаз с Мэрика, и лицо у него было озадаченное.

— Да зачем же им гоняться за тобой? — спросил он, сдвинув густые брови. — Что ты натворил?

— Ничего я не натворил. Ничего!

— Врет он! — вскипел Логэйн. И, выхватив из ножен висевший у пояса кинжал, с угрожающим видом шагнул вперед. Толпа зевак, почуяв близкое кровопролитие, отозвалась возбужденным бормотанием. — Отец, дай мне его прикончить! Это все я виноват. Нельзя было его сюда приводить.

Лицо Гарета не изменилось.

— Он не врет.

— Да какая разница? Нам все равно надо от него избавиться, ну так и нечего тянуть!

Логэйн бросился на Мэрика, но Гарет, вытянув руку, преградил ему путь. Молодой браконьер замер как вкопанный, изумленно и непонимающе глядя на отца, но Гарет все так же неотрывно смотрел на Мэрика.

Тот было попятился, но несколько мужчин, мрачно нахмурились, преградили ему путь.

— Послушайте, — медленно проговорил он, — я ведь могу просто уйти. Я не хотел никому из вас причинять вреда.

— Нет, — отрезал Гарет. Тон его не оставлял места для возражений. Вожак изгоев искоса глянул на Логэйна. — Ты уверен, что за вами не следили?

Логэйн задумался:

— Мы оторвались от слежки где-то на полпути. В этом можно не сомневаться. — Он нахмурился. — Но это не значит, что они не сумеют нас отыскать. Слишком долго мы пробывали здесь. Сколько местных знает уже про наш лагерь?

Гарет кивнул, принимая его слова к сведению, и снова перевел взгляд на Мэрика:

— Я выслал людей на разведку, и скоро они разузнают, что творится. Если нам грозит опасность, я предпочел бы узнать это сейчас, сию минуту. Так нам грозит опасность?

Мэрик похолодел от страха. Банн Сеорлик и прочие наверняка не отступятся от поисков. Мгновение он раздумывал, не стоит ли рассказать этим людям всю правду. Вот только захотят ли они ему поверить? А если и поверят — к лучшему это обернется или к худшему?

— Да! — решившись, выпалил он. — Да, грозит. Я... вы попадете в беду, если оставите меня здесь.

Логэйн пренебрежительно фыркнул и обратился к Гарету:

— Отец, если нам надо чего-то опасаться, мы и так об этом скоро узнаем. К чему оставлять у себя этого сопляка, если так будет только хуже? Прикончим его, и дело с концом.

Кое-кто из мужчин, стоявших рядом, закивал, и в глазах у них загорелись опасные

огоньки. Гарет, однако, хмуро глянул на сына:

— Нет. Этого мы не сделаем.

— Почему?

— Я же сказал — нет.

Взгляды их скрестились. Толпа притихла, не желая вмешиваться в спор, который явно начался не сейчас. Мэрик тоже помалкивал. Кем-кем, а дураком он точно не был.

— Ладно. — Логэйн наконец сдался, выразительно закатил глаза. — Тогда давай сниматься с места. Не стоит мешкать.

Гарет обдумал его слова.

— Нет, — покачал он головой. — Подождем разведчиков. У нас еще есть время. — Он обратился к одному из стоявших рядом мужчин — тому, что выглядел покрепче других: — Йорин, отведи пока что Хирэма — или как его там — к сестре Эйлис. Присматривай за ним.

Тот кивнул, а Гарет, повысив голос, заговорил с толпой, которая жадно наблюдала за происходящим:

— Слушайте все! Может выйти так, что нам очень скоро придется трогаться в путь! Я хочу, чтобы все вы были к этому готовы!

Было ясно, что решение принято. Толпа начала редеть, но люди, расходясь, возбужденно перешептывались и переглядывались. Они были напуганы.

Логэйн одарил мрачным взглядом Мэрика, которого Йорин взял за плечо и повел прочь. Мэрик услышал, как Логэйн сказал отцу:

— Бьюсь об заклад, я мог бы вытянуть из него правду. Всю правду.

— Может, и до этого дело дойдет. А пока мы будем считать его тем, кем он кажется, — до смерти перепуганным парнишкой, которому нужна помощь.

Тон Гарета не допускал возражений, а больше Мэрик ничего не услышал — Йорин уже тащил его к хижине, и сопротивляться юноша не стал. Высоко в небе, над верхушками деревьев, стягивались черные тучи, заслоняя послеполуденное солнце. Собирался дождь.

— Ну а по-твоему, кто он такой?

Логэйн, который подтягивал тетиву лука, пропустил вопрос Лодыря мимо ушей. Лодырь, один из тех немногочисленных эльфов, которые примкнули к изгоям, занимался в основном тем, что праздно шатался по лагерю и разносил досужие сплетни, а Логэйну совсем не хотелось приумножить панику, которая и так охватила лагерь. Для всех было бы гораздо лучше, если бы отец позволил силой вытрясти из этого Хирэма все тайны, которые тот скрывает. А уж то, что парнишке было что скрывать, Логэйн просто нутром чуял. Тогда во время разговора ему на миг показалось, что Хирэм вот-вот им что-то расскажет, но не тут-то было. И отец еще отпустил его подобру-поздорову!

— Ну же, колись! — не отставал Лодырь, примостившись на коленях рядом с Логэйном. — Ты наверняка что-то знаешь! Ты же шел вместе с ним всю ночь, верно?

Одно ухо у эльфа было срезано почти начисто, и потому его голова казалась странно скособоченной. Вдобавок физиономию Лодыря пересекал уродливый шрам, который стягивал лицо в вечной ухмылке. То были «подарочки» от какого-то орлесианского лорда — больше Лодырь на эту тему не говорил ни слова.

Логэйн подозревал, что лорд был работорговцем. В большинстве городов эльфы влачили хотя и нищенское, но все же свободное существование. От векового рабства их еще в незапамятные времена избавила пророчица Андрасте, однако в самых глухих уголках империи и по сию пору тайно процветала работорговля. Как-то вечером, когда все крепко выпили, Лодырь едва не поведал о том, что ему довелось пережить, — казалось, горькая, ядовитая злоба вот-вот хлынет из него. Однако он вовремя прикусил язык еще надежнее прежнего и шарахался от собутыльников до тех пор, пока не упился до полного беспомыслия.

Кого ни возьми, у каждого своя тайна. Логэйн вздохнул, принуждая себя поверить Хирэму на слово, как уже поверил отец. Дело оказалось не из легких.

— Тебе что, заняться нечем? — цыкнул он на Лодыря.

Эльф разочарованно вздохнул и поспешил убраться восвояси. Он по собственному опыту знал, что Логэйна лучше не злить, а не то ему и впрямь отыщут какое-нибудь занятие.

И все-таки Лодырь задал хороший вопрос. Если этот Хирэм шпион, то он первейший мастер в своем деле, лучший из всех шпионов, о которых Логэйну доводилось слышать. Может, он и впрямь тот, кем кажется с виду, — как сказал отец, до смерти перепуганный парнишка. Гарет вечно дает волю состраданию в ущерб здравому смыслу. Что ж, совершенства в мире нет. А все-таки что-то они с отцом упускают, что-то важное, о чем умолчал Хирэм, и эта мысль не давала Логэйну покоя. Подобно большинству изгоев, он за прошедшие годы научился понимать, когда надо удирать, и вот теперь его чутье билось в истерике, вопя об опасности. Тот же безмолвный вопль читался в глазах у всех, стоило только оглянуться по сторонам. Люди ускоряли шаг и вздрагивали при каждом непривычном звуке, доносящемся из леса. Кое-кто уже сворачивал палатки, собирая нехитрые пожитки в ожидании приказа сниматься с места.

Закончив возиться с луком, Логэйн старательно обошел издалека хижину сестры Эйлис — не хотелось поддаться искушению. У священницы была своя манера расспрашивать новичков, и Логэйн не мог не признать, что зачастую она запросто выуживала нужные сведения там, где он или его отец оказывались бессильны. Многие изгои считали сестру Эйлис своим вождем — почти таким же, как Гарет, и, само собой, отец Логэйна уже не первый год всецело полагался на ее мудрые советы. Было время, когда Логэйн надеялся, что приязнь, возникшая между Гаретом и Эйлис, перерастет в нечто большее на благо им обоим. Однако сестра Эйлис не могла отречься от обетов, а отец Логэйна сильно изменился с той ночи, когда они бежали с хутора. Немало времени прошло, прежде чем Логэйн понял: в ту ночь какая-то часть Гарета умерла безвозвратно. Сестра Эйлис лучше, чем сам Логэйн, знала, что нужно его отцу, — и Логэйну пришлось довольствоваться этим.

Падрик нес стражу на краю лагеря. Он устроился на обломке скалы, откуда видна была как на ладони вся лежавшая внизу долина. Этот паренек был на пару лет моложе Логэйна, но при этом недурно стрелял из лука и отличался редким здравомыслием. С другой стороны, сейчас рядом с Падриком стоял Дэннон, и это не сулило ничего хорошего. Они о чем-то перешептывались, но, когда подошел Логэйн, разом смолкли.

— Разведчики, которых послал отец, не появлялись? — спросил Логэйн у Падрика, ни единым словом не помянув разговор, который он так некстати прервал.

— Нет пока, — смущенно ответил дозорный. Повернувшись, он обшарил взглядом склон горы, спускавшийся к долине. — Вообще ничего не видать.

— Болтают, будто мы снимаемся, — возвестил Дэннон. Скрестив руки на груди, он угрюмо воззрился на Логэйна. — Вроде бы нынче же вечером.

— Глупо это. — Падрик не сводил глаз с долины. — Даже если кто и знает, что этот белобрысый у нас, что с того? Неужто они за одним человеком потащатся в этакую даль?

— Согласен. — Логэйн повернулся и в упор поглядел на Дэннона. — Но если тебе, Дэннон, так не терпится отпраздновать труса — валяй. Тем более что охотников составить тебе компанию предостаточно.

— Ты же сам сказал, что этот мальчишка опасен.

— Я сказал, что мы не знаем, кто он такой. Но очень скоро узнаем. И если отец решит, что из-за этого нам стоит уйти, он так и скажет.

Дэннон передернул плечами.

— Это все из-за тебя, — проворчал он. — Не мне же стукнуло в голову притащить его в лагерь.

С этими словами он поспешил удалиться.

Падрика, судя по всему, это только порадовало. Паренек благодарно улыбнулся Логэйну и вновь вернулся к своим обязанностям.

— А знаешь, все-таки он прав. Странно это.

— Что именно?

— Ну... — Падрик кивком указал на долину. — Я про тех, кого отправили на разведку. Кое-кто из них уже должен был бы вернуться.

— На сколько они запоздали?

— На час, а может, два... Дождя еще не было, так что точно сказать не могу. Только я думал, что уж хотя бы Хенрик вернется вовремя. Он так беспокоился за свою девчонку — ей ведь рожать и все такое...

Сердце Логэйна ухнуло в пятки.

— Ты об этом кому-нибудь сказал?

— Только Гарету.

Логэйн кивнул и в одиночку двинулся вниз по тропе. Он хотел сам глянуть, что к чему, да и что проку шататься по лагерю, когда отец пытается усмирить всеобщую панику — не важно, обоснованную или нет. Логэйн считал само собой разумеющимся, что шайка изгоев держится вместе только временно. Отец наводил порядок, обеспечивал пропитание, сестра Эйлис объединяла их, и то, что большинству этих людей было больше некуда податься, оказалось весьма кстати, но только все они находились в бегах, каждый по своей причине, а от человека, доведенного до отчаяния, трудно ожидать верности и надежности. Отец Логэйна был иного мнения. Он считал, что в лихую годину людям нужно объединяться вокруг самого сильного. Всякий раз, когда Гарет заводил такую речь, сестра Эйлис смотрела на него с улыбкой, а на глазах у нее выступали слезы. В этот миг казалось, что убеждения отца имеют под собой твердую почву. И все же Логэйн знал, что это не так. Если дела пойдут плохо, Дэннон окажется не единственной крысой, которая сбежит с тонущего корабля.

Надеясь утихомирить свои худшие страхи, Логэйн бродил по округе почти до захода солнца. Вначале он прошел назад по пути, которым они втроем минувшей ночью шли в лагерь, и убедился, что за ними действительно никто не следил. Тогда Логэйн вернулся в Южные Холмы и прошел по трем известным ему тропинкам, надеясь наткнуться на разведчиков, которых послал отец, или хоть на кого угодно. Однако путники сюда, на юг, забредали редко, и Логэйн обнаружил только следы подков — какие-то всадники в спешке скакали к Лотерингу. К тому времени, когда начало смеркаться и небо разразилось потоками ледяного дождя, Логэйн уже не находил себе места от тревоги.

И только когда он рискнул выйти на тропу, которая проходила недалеко от города, ожидания наконец-то оправдались. Чаще всего этой тропой пользовались контрабандисты и гномы, жившие в западных горах, — первые избегали северных дорог, кишевших патрулями стражи, а вторым и вовсе было наплевать на людские законы. Подобных троп в здешнем захолустье было тьма-тьмушая, и те, кто пользовался ими, чаще всего были не в ладах с законом.

На тропе появился одинокий всадник. Лицо его было скрыто низко надвинутым капюшоном, конь осторожно ступал по склизкой дорожной грязи. Судя по добротному плащу, всадника можно было бы счесть гонцом какой-нибудь городской гильдии, вот только он, похоже, никуда не торопился.

Логэйн направился к всаднику — не скрываясь, чтобы тот мог его хорошо рассмотреть. Он старался показать, что не замышляет ничего дурного, но всадник все равно насторожился и, придержав коня, выразительно взялся за рукоять меча. В темном небе полыхнула молния, и дождь усилился. Когда между ними оставалось не меньше двадцати шагов, всадник подал коня назад и наполовину вытащил из ножен меч. Намек был ясен: ближе подходить не стоит.

— Привет тебе! — крикнул Логэйн.

Всадник ничего не ответил, и тогда юноша достал из-за спины лук и медленно положил его перед собой на землю.

Этот жест, похоже, отчасти успокоил всадника, хотя конь его все равно беспокойно ржал и гарцевал на месте.

— Чего тебе надо? — наконец отозвался всадник.

— Я ищу своих друзей! — прокричал Логэйн. — Они одеты точь-в-точь как я. Может,

кто из них проходил по этой тропе?

— Я никого не видел, — ответил всадник. — Но в Лотеринг сейчас набилось столько пришлых, что люди спят на улице. С ума свихнуться. Если где и искать твоих друзей, так только там.

Логэйн прикрыл ладонью глаза, защищая их от дождя, а заодно пытаясь рассмотреть под капюшоном лицо собеседника. Как бы не так.

— В Лотеринге полно пришлых?

— А ты разве не слышал? — непритворно удивился всадник. — По округе столько солдатни прошло, что эта новость наверняка уже разнеслась по всему королевству.

— Я ничего не слышал.

— Мятежная Королева мертва. — Всадник опечаленно вздохнул, поправил капюшон, спасаясь от частых дождевых струй. — Говорят, прошлой ночью эти сволочи таки схватили ее в лесу и прикончили. Я пытался до отъезда глянуть на тело, но там слишком много желающих ее оплакать. — Он пожал плечами. — Еще болтают, будто молодой принц тоже вроде бы убит. Ты уж прости, но я так скажу: будем надеяться, что это неправда.

Кровь Логэйна застыла в жилах.

— Принц... — оцепенело повторил он.

— Если ему улыбнулась удача, он наверняка еще где-то в округе. А мне по пути попало столько солдат, что лучше бы ему бежать без оглядки.

Дождь не унимался, и всадник, учтивым кивком попрощавшись с Логэйном, обогнул его по дуге и двинулся дальше.

Юноша так и остался стоять как вкопанный. В мыслях царила полная неразбериха. Высоко в небе ослепительно сверкнула молния.

Мэрик без малейшего аппетита прихлебывал суп, лениво гадая, что за живность послужила основой для этой стряпни. Наконец сестра Эйлис отобрала у него миску и вернулась к шитью. Она ставила заплатки на одеяла и чинила одежду, при этом все время напевая себе под нос. Мэрику показалось, что это были отрывки из Песни Света, хотя слов он разобрать не мог. Да и по правде говоря, его мысли сейчас были заняты совсем другим.

Например, тем, как выбраться из хижины. Снаружи явно царила деятельная суета — люди готовились свернуть лагерь. Священница это отрицала. Мэрик уже трижды спрашивал, вернулись ли разведчики, которых послал Гарет, и наконец дюжий охранник, карауливший за дверью, пообещал, что, буде они вернуться, об этом сразу известят сестру Эйлис. Мэрик сидел на кровати, ерзая от беспокойства. Вновь его посетила мысль, не выложить ли все начистоту, но только к чему приведет подобная откровенность? Как поступит Гарет, узнав, что беглец, который свалился ему на голову, в сотню раз опаснее, нежели он предполагал? Лучше выбраться отсюда, уйти подальше от этих бедолаг и попытаться вернуться к армии мятежников. Увы, закрытая дверь и торчавший за ней охранник оказались непреодолимым препятствием.

«Прекрасно же ты начинаешь свое правление, король Мэрик! — мысленно распекал он себя. — Столь превосходный дар находить выход из затруднительного положения весьма тебе пригодится, когда возглавишь мятеж!»

— Ты судишь себя чересчур сурово, — заметила сестра Эйлис, поднимая взгляд от шитья.

На носу у нее восседали изящные очки гномьей работы, и при виде их Мэрику вспомнился дед — король Брандель...

«Брандель Победенный», как назвала его история. В памяти самого Мэрика дед остался бесконечно печальным и в то же время исполненным достоинства. У Бранделя были очки в позолоченной оправе, но всякий раз, когда кто-то заставлял его в очках, он немедленно снимал их и прятал, опасаясь, как бы не решили, что он слепнет. В детстве Мэрик полагал недурным развлечением стянуть у деда очки и носиться в них по всему замку. Во всяком случае, развлекался он здорово до тех пор, пока кто-нибудь его не ловил — обычно это была

мать. Кстати говоря, даже ей приходилось подавлять смех при виде Мэрика в дедовых очках, и ругала она сына больше ради приличия. Потом, оставшись наедине, они смеялись, мать чмокала его в нос и не слишком искренне просила больше так не проказничать. Просьбы эти он, само собой, пропускал мимо ушей.

Странно, что все это припомнилось именно сейчас. Он уже много лет не вспоминал про деда. Мэрик отвел взгляд от сестры Эйлис и запоздало сообразил, что она ждет ответа.

— Извини, что ты сказала?

— Я сказала, что ты судишь себя чересчур сурово. Ты напуган, это кто угодно заметит. — Священница понимающе улыбнулась. — А тебе, молодой человек, не приходило в голову, что ты оказался здесь именно потому, что тебя направлял Создатель?

Мэрику очень хотелось, чтобы это было правдой. Он устался в пол и сидел так до тех пор, пока сестра Эйлис не вернулась к шитью и не оставила его в покое. Юноша не хотел, чтобы эти люди пострадали из-за него, и все больше и больше убеждался, что наилучший выход — как только еще раз откроется дверь хижины, сломя голову рвануться наружу. Если его прикончат прежде, чем он выберется из лагеря, — что ж, так тому и быть. По крайней мере, больше из-за него этим людям не будет грозить опасность.

Какое-то время Мэрик так и сидел, уставясь в пол и прислушиваясь к звукам снаружи — к перестуку капель и лихорадочной суете обитателей лагеря. Мужчины и женщины пронзительно перекрикивались, укрывая от дождя пожитки и загоняя в палатки беспечно хохочущих детей. Хижину наполнял свежий аромат дождя — запах, который в детстве дарил Мэрику неизъяснимое наслаждение: он означал, что мать не сможет никуда отправиться и останется дома. Теперь же этот запах только приумножил тревогу. Мэрику казалось, будто он только и делает, что чего-то ждет: когда явится Логэйн, чтобы с ним все-таки разделаться, когда придет Гарет и прикажет выпустить его, когда его снова начнут расспрашивать, когда наконец случится хоть что-нибудь. В конце концов Мэрик заснул, но спал беспокойно и не видел снов.

Он так и не понял, сколько времени прошло, когда дверь наконец с грохотом распахнулась. Дождь снаружи ослаб и теперь только моросил; пожилая священница, оказываясь, тоже задремала в кресле. От грохота двери она вскинулась и, охнув от неожиданности, схватилась за свой массивный амулет. В дверях хижины стоял Гарет. Он промок до нитки, но льдистые голубые глаза горели огнем.

— Гарет! — вскрикнула сестра Эйлис. — Дыхание Создателя, что случилось?

— Солдаты. Идут через лес. — Крепко сжатые губы Гарета искривились в мрачной гримасе. Дождевая вода ручейками стекала по его кожаному доспеху на пол. В два шага он оказался возле Мэрика, сгреб его за грудки и рывком поднял с кровати и изо всей силы швырнул его о стену хижины. — Ты что натворил, а?

Мэрику следовало бы перепугаться до смерти, но этого не произошло. Отчего-то он внутренне оставался совершенно спокоен.

— Я же говорил, — голос Мэрика был безжизненно ровен, — солдаты идут за мной. Думаю, если вы отдадите им меня, они, может, вас и пальцем не тронут.

— Да почему?! — проревел Гарет. Порыв ветра оглушительно грохнул распахнутой дверью о стену, и в хижину с воем ворвались ледяные струи дождя. Отовсюду, со всех сторон лагеря уже неслись перепуганные крики. — Кто ты такой?! — рывком Гарет и тряхнул Мэрика так, что едва не вышиб из него дух.

— Прекрати! — пронзительно крикнула сестра Эйлис, вцепившись в свободную руку Гарета.

Он оттолкнул священницу, даже не глянув на нее.

— Кто ты такой? Говори!

— Я скажу тебе, кто он такой! — крикнули с порога. В дверном проеме хижины стоял Логэйн — бледный, насквозь промокший и с горящими жаждой крови глазами. В руке он держал нож и, стремительно подойдя к Мэрику, приставил лезвие к его горлу. — Это принц, прокляни его Создатель! Растреклятый принц!

Гарет свободной рукой схватил Логэйна за запястье, и мгновение они молча боролись за нож. Острое лезвие плясало в опасной близости от горла Мэрика. Логэйн рычал от гнева, но, мельком глянув на отца, опешил при виде безмерного потрясения на его лице.

— Что ты хочешь этим сказать? — жестко спросил Гарет, и в его ледяном голосе лязгнула сталь.

Битва за нож замерла. Логэйн не сдавался, но его явно смутила перемена в поведении отца.

— Отец, прошлой ночью в лесу убили Мятежную Королеву. Об этом уже все знают. Вот про какую мать он нам говорил! Он просто умолчал о самом главном, верно?

Лицо Гарета было совершенно непроницаемо. Он застыл, глядя в пустоту, и по лбу его стекали крупные капли воды.

Снаружи по-прежнему доносились беспорядочные крики. Ошарашенная, сестра Эйлис подхватила подол рясы и бросилась к двери, чтобы закрыть ее.

Свист ветра, бьющегося о дверь, словно пробудил Гарета от оцепенения. Вожак изгоев медленно повернул голову и воззрился на Мэрика так, словно тот у него на глазах превратился в чудовище:

— Это правда?

— Я... мне очень жаль, что так вышло, — только и сумел выдавить в ответ Мэрик.

Наступило молчание. Гарет резко оттолкнул Логэйна. Нож с лязганьем упал на пол, а Логэйн отлетел к дальней стене хижины.

И тогда Гарет одним плавным движением опустил на колено и склонил голову:

— Ваше высочество... — Голос его сорвался в хрип.

Мэрик огляделся, совершенно растерявшись от того, какая тишина воцарилась в хижине. Все трое неотрывно смотрели на него, смотрели так, словно ждали, что он вот-вот выкинет какую-то штуку — а он даже не знал, какую именно. Выхватит из-за пазухи корону? Вспыхнет пламенем? «Это бы как раз не помешало», — мельком подумал он. Буря с удвоенной силой обрушилась на лагерь, и рев ее был единственным звуком, нарушавшим тишину. Казалось, что это мгновение тянется целую вечность.

— Ты... кланяешься ему? — наконец недоверчиво спросил Логэйн, во все глаза уставясь на отца. И тут же его голос стал хлестким от ярости: — Ты его защищаешь? Да ведь он нам врал!

— Он — принц, — сказал Гарет, как будто это все объясняло.

— Мне он не принц. Из-за него мы все погибнем! — Логэйн вскочил, стремительно шагнул к Гарету. — Отец, солдаты не только в лесу! Они движутся и через долину! Мы окружены, и все потому, что им нужен этот... принц!

— Послушайте... — Мэрик изо всех сил постарался, чтобы голос его звучал убедительно. — Я не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал. Просто отдайте меня солдатам. Я сам к ним выйду.

— Они уже здесь? — дрожащим голосом спросила сестра Эйлис. Гарет молча кивнул. — Тогда что же нам делать?

Логэйн поднял с пола нож.

— Отдадим его солдатам, — убежденно сказал он. — Отец, он же сам об этом попросил. Отдадим его, и нас не тронут.

— Нет.

В бешенстве Логэйн метнулся к Гарету, схватил его за плечо, рывком развернул к себе.

— Отец... — Он выделил это слово тоном, недвусмысленно говорившим «выслушай меня». — Мы... ему... ничем... не обязаны.

Лицо Гарета стало печальным, и он мягким, почти ласковым движением снял руку Логэйна со своего плеча. Сын не сопротивлялся, и ярость отхлынула от лица, уступив место пониманию. Что-то произошло в этот миг между ними, и Мэрик видел это, но что именно — сразу не понял.

— Ты сможешь вывести его? — спросил Гарет.

Логэйн словно окаменел, лишившись дара речи, но все же кивнул.

— погоди! — слабо запротестовал Мэрик, подняв руку. — Ты о чем?

Гарет вздохнул:

— Мы должны спасти вас, ваше высочество. Логэйн знает лес как свои пять пальцев. Вы можете на него положиться. — Он стремительно выдернул из ножен меч. — Я задержу их, чтобы вы успели уйти. Я и все, кого мне удастся собрать.

— Ты мог бы пойти с нами, — проговорил Логэйн, обращаясь к отцу. В голосе его прозвучала безнадежность.

— Тогда они просто погонятся за нами. Нет, так не пойдет.

Гарет оглянулся на сестру Эйлис. Женщина не сводила с него глаз, по лицу ее бежали слезы.

— Прости, Эйлис. Я надеялся, что у нас выйдет... совсем не так.

Она замотала головой, и глаза ее, хоть и были полны слез, яростно вспыхнули.

— Тебе незачем извиняться передо мной, Гарет Мак-Тир.

Спокойствие Мэрика таяло на глазах. Неужели они и впрямь предлагают сделать то, о чем говорят? До хижины доносились отдаленные крики — и на их фоне замысел Гарета быстро, пугающе быстро обретал плоть.

— Остановись! — крикнул Мэрик. — О чем ты говоришь? Это безумие!

Логэйн воззрился на него так, словно единственным безумцем среди них был именно Мэрик, но Гарет шагнул к принцу и положил ему на плечо крепкую ладонь:

— Я когда-то служил твоему отцу. — Голос Гарета был ровен и тверд, и Мэрик широко раскрытыми глазами смотрел на вожака изгоев. — Орлесианцу не место на троне Ферелдена, и, если твоя мать и впрямь мертва, согнать с этого трона узурпатора предстоит тебе. — Он помолчал, стиснув зубы, а когда заговорил снова, голос его срывался от наплыва чувств: — И если я могу тебе в этом помочь, то готов пожертвовать всем, даже своей жизнью.

— Отец... — начал было Логэйн, но возражения застыли у него на устах, когда Гарет повернулся к нему.

Мэрик ясно видел, что отец Логэйна непоколебим в своем решении, и Логэйн, вероятно, понял то же самое. И все же он кипел от возмущения, злясь на отца за то, быть может, что Гарет был чересчур щедр с чужаком, с тем самым человеком, который навлек на них беду. Мэрик знал, что не может его за это упрекать.

— Логэйн, дай слово, что будешь защищать принца.

— Я не могу тебя бросить! — вспыхнул Логэйн. — Вот так прямо взять и бросить — не могу...

— Сможешь. Дай слово, Логэйн.

Тот побелел от потрясения, и на миг казалось, что он готов ответить отцу решительным отказом. Он метнул убийственный взгляд на Мэрика, которого, вне всяких сомнений, считал виновным во всем происходящем, но Гарет ждал ответа, и в конце концов Логэйн нехотя кивнул.

Мужчина повернулся к Мэрику:

— Тогда, ваше высочество, вам нужно уходить. И побыстрее.

Он говорил совершенно серьезно. Мэрик не сомневался в этом ни на секунду и верил, что Логэйн сдержит слово, какие бы чувства его сейчас ни терзали. И все равно Мэрик был потрясен до глубины души. Знай он, что так выйдет, он бы доверился Гарету сразу без всяких сомнений. Ему захотелось что-нибудь сказать в ответ, но на ум приходили только сотни совершенно неуместных извинений, а с ними слова, которые сказала однажды Мэрику мать.

«За то, что эти люди отдают нам, ничего не требуя взамен, — говорила она, — сами они платят очень высокую цену. Не забывать об этом — единственный способ доказать, что мы достойны такой жертвы».

— Гарет, — сказал он вслух, — ты... ты был рыцарем?

Этот вопрос явно застал Гарета врасплох.

— Э-э-э... нет, ваше высочество. Одно время я был приставом.

— Тогда преклони колени. — Мэрик старался как мог подражать голосу матери, и ему это, похоже, удалось.

Гарет, побелев от потрясения, опустился на одно колено.

— Сестра Эйлис, я хочу, чтобы ты засвидетельствовала то, что сейчас произойдет.

Священница сделала шаг вперед:

— Да, ваше высочество.

Мэрик положил руку на голову Гарета, от души надеясь, что память, вопреки всем страхам, его не подведет.

— Именем Каленхада Великого здесь и ныне пред взором Создателя провозглашаю тебя рыцарем Ферелдена. Встань, сер Гарет, и верно служи своей отчизне.

Гарет неловко выпрямился, и глаза его под насупленными бровями вспыхнули огнем.

— Благодарю, ваше величество.

— Все, что в моих силах, — виновато пробормотал Мэрик. Что еще он мог сказать?

Логэйн, нарушая торжественность минуты, выступил вперед. С каменным лицом он указал на Мэрика:

— Нам надо уходить. Немедленно.

Принц кивнул, но, прежде чем он успел тронуться с места, сестра Эйлис метнулась в угол, где была сложена грудой зачиненная ею одежда. Женщина выдернула из этой груды просторную шерстяную куртку и, не говоря ни слова, начала натягивать ее на Мэрика.

Пока они возились с одеждой, Гарет вполголоса проговорил, обращаясь к сыну:

— Логэйн...

— Молчи! — резко оборвал его Логэйн. Голос его прозвучал враждебно и горько. На Гарета он старался не смотреть.

На миг между отцом и сыном воцарилось неловкое молчание, а крики между тем звучали все ближе и ближе.

Наконец Гарет кивнул:

— Ты уж постарайся.

— Ну да, — отрывисто бросил Логэйн.

Сестра Эйлис, поколебавшись, сунула руку в складки рясы и извлекла на свет кинжал, да такого зловещего вида, что у Мэрика от изумления округлились глаза. Прежде чем он успел вымолвить хоть слово, священница вручила ему кинжал и сомкнула на рукояти его пальцы. Затем она прямо взглянула на Мэрика, и во взгляде ее читалось: «Да простит Создатель всех нас». Мэрик внутренне похолодел и благодарно кивнул.

Гарет обнажил меч и с деловитым видом шагнул к двери:

— Дайте мне минуту, а потом бегите.

Сестра Эйлис встала рядом с ним.

— Я пойду с тобой, — негромко сказала она.

Гарет посмотрел на нее, хотел возразить, но передумал. Он лишь коротко кивнул, и они бок о бок выскочили из хижины в бушевавшую снаружи бурю.

Логэйн вскинул руку, преграждая путь Мэрику, хотя у того и в мыслях не было броситься следом. Неподвижный взгляд Логэйна был устремлен на зияющий проем двери. Лицо его было бесстрастно, но во взгляде читалось напряжение, и Мэрик решил, что лучше помалкивать. И они замерли в скудном сумеречном свете, выжидая и прислушиваясь. Вначале слышен был оглушительный рык Гарета, с легкостью перекрывший даже раскаты грома и шум дождя, — Гарет созывал к себе обезумевших от паники изгоев. Крики усилились, и слышно было, как сестра Эйлис во весь голос кричала кому-то остановиться во имя Создателя. И тут в эту сумятицу ворвался шум боя — предсмертные вопли, лязг стали.

Логэйн без единого слова метнулся к двери, волоча Мэрика за собой. Тот едва не споткнулся, но все же устоял на ногах и очертя голову нырнул в сплошную завесу ледяного дождя. Что-то разглядеть в этой кутерьме было почти невозможно, и Мэрик на миг растерялся, сбитый с толку. Совсем рядом трещал огонь, пожирая какую-то крупную добычу, и шум боя доносился со всех сторон. В это мгновение Мэрика с силой дернули за полу

куртки.

— Берегись! — рявкнул Логэйн.

Во всеобщей сумятице Мэрик едва расслышал его. Пелена дождя заволокла все вокруг, но юноша все же сумел разглядеть бой, который шел на другом конце лагеря. Он отыскал взглядом Гарета — вожак изгоев размеренно взмахивал мечом, прорубая широкую просеку в рядах врагов, которые явно не ожидали встретить такое сопротивление. Солдаты, однако, были в доспехах, да к тому же превосходили числом тех немногих, кого Гарету удалось собрать вокруг себя. Исход боя был предрешен.

Прочие бежали из лагеря во все стороны — кто-то еще пытался прихватить жалкие пожитки, кто-то просто уносил ноги, осознав величину грозящей опасности. На земле, в той стороне, куда бежали Мэрик и Логэйн, валялись несколько убитых, в том числе какая-то девушка. Мэрик едва не споткнулся о ее труп, и Логэйн опять зашипел от ярости.

Они бежали прочь от боя. Наперерез им выскочил солдат в кольчуге и с непонятным значком на синей рубахе. При виде беглецов глаза его округлились, и он хотел уже позвать на помощь, но Логэйн оказался проворнее и, даже не замедлив бега, проткнул солдата насквозь, и тот с предсмертным клокотанием осел на землю.

— Не стой как дурак! — рявкнул Логэйн, и Мэрик только сейчас сообразил, что именно это он и делает.

Он сорвался было с места, но тут кто-то схватил его сзади за руку. Не задумываясь, Мэрик развернулся и вонзил кинжал, подаренный сестрой Эйлис, в шею чернобородого солдата. Тот взревел от боли и неожиданности, пальцы его разжались, и, когда Мэрик выдернул кинжал, из раны фонтаном забила кровь. Чернобородый пошатнулся, безуспешно зажимая руками рану.

— Бегом! Быстро! — рявкнул Логэйн.

Слома голову они промчались мимо нескольких палаток и нырнули в рощу на самом краю лагеря. Логэйн и вслед за ним Мэрик продирались через густые заросли. Они выскочили к лагерю с другой стороны и резко свернули. Торопясь оставить за собой невнятный шум недалекого боя, беглецы проскочили мимо двоих солдат, которые выволакивали из палатки истошно вопящую женщину. Солдаты даже не заметили их, а когда Мэрик, испугавшись за участь женщины, замедлил было бег, Логэйн снова бесцеремонно дернул его за собой. Мэрик без особой охоты подчинился.

Наперерез им выскочили еще двое солдат, но Логэйн справился с ними быстро и беспощадно. Во всем лагере царили смятение и хаос. За спиной раздавались душераздирающие вопли и топот бегущих во все стороны людей. Плакал навзрыд ребенок, кто-то звал на помощь, солдаты перекрикивались, преследуя убегающих. Всякий раз, когда Мэрик начинал отставать, Логэйн неумолимо волок его за собой, и тогда все силы Мэрика уходили на то, чтобы не поскользнуться на раскисшей от дождя земле или мокрой траве. Наконец они добрались до края лагеря. В этом месте склон почти отвесно спускался в заросшую лесом долину и в Дикие земли Коркари, девственные чащи юга, где жили только дикари да смертоносные твари. Ни один человек, будучи в здравом рассудке, туда бы не сунулся.

— Почему мы остановились? — спросил Мэрик, обернувшись к Логэйну. Он дрожал от холода под безжалостным напором дождя.

Логэйн ничего не ответил, и принц, проследив за его взглядом, увидел сражающегося Гарета. Бой шел далеко от них, но пламя, пожирившее палатки, уже так разошлось, что фигура Гарета была хорошо видна даже через пелену дождя. Его окружали десятки солдат, взмахи меча становились все безнадежнее. Мэрик понимал, что надо не мешкать и, пользуясь возможностью, бежать без оглядки, но Логэйн не двигался с места, зачарованно глядя на последний бой отца.

Дым пожара, силуэты мечущихся солдат, крики цепляющихся за жизнь ферелденцев... И над всем этим пронесся страшный и отчаянный крик, заставивший вздрогнуть каждого. Взлетел и оборвался — предсмертный крик Гарета.

Мэрик повернулся к Логэйну, хотел что-то сказать — и промолчал. Лицо Логэйна было каменно, глаза блестели. Вдруг он сорвался с места, схватил принца за куртку и ринулся вниз по склону.

— Не вздумай отстать, а то брошу здесь! — вполголоса прошипел Логэйн.
И Мэрик не отставал.

Глава 3

В охваченном паникой сознании Мэрика картины бегства слились в одно размытое пятно, и, даже когда страх немного отпустил, определить в темной пелене дождя, где они находятся, оказалось нелегко. Ясно было только, что они далеко углубились в Дикие земли Коркари. Пока еще лес ничем не оправдал свою грозную репутацию, но все-таки ничего подобного Мэрик в жизни не видел. Громадные деревья были искривлены так причудливо, словно навек застыли в тисках непереносимой боли, а у самой земли клубился вековечный ледяной туман. Один из наставников Мэрика рассказывал когда-то, что породило этот туман — нечто связанное со старинным преданием этих мест, — только Мэрик не мог припомнить ни единой подробности. Особенно теперь, когда все его силы уходили на то, чтобы не отставать от казавшегося двуязыльным Логэйна. Час за часом продирались они сквозь густые заросли.

Наконец Мэрик обессиленно рухнул у корней упавшего дерева. Это был древний тополь с побелевшей от старости корой и стволом толщиной десять обхватов — и все же нашлась сила, которая выворотила его из земли. Гигантские корни извивались, точно змеи, и под их сенью, на ложе из густого мха, росли мелкие белые цветы.

Сверху сочился тусклый сумеречный свет, и сквозь редкие разрывы в лесном пологе Мэрик не без труда различил затянутое тучами небо. Неужели они бежали всю ночь? Хорошо хоть, буря стихла еще пару часов назад. Мэрик лежал, вдыхая тонкий аромат мха, обливаясь потом и хватая ртом воздух, и смутно радовался прохладному касанию тумана, мелкими каплями оседавшего на кожу.

— Что, совсем выдохся? — раздраженно бросил Логэйн, который уже успел уйти вперед и теперь вернулся.

Мэрик подозревал, что его спутник вымотался ничуть не меньше, но готов был двигаться вперед, несмотря ни на что. Пот ручейками тек по его бледному лицу. И доспех, и меч весили куда больше, чем одежда Мэрика, но, несмотря на это, Логэйн явно не намеревался устраивать передышку. Впрочем, Мэрику это было уже безразлично.

— Думаю, мы от них оторвались, — пробормотал он, с трудом переводя дыхание.

— Ты в этом уверен? — Логэйн выхватил висевший у пояса кинжал и со злостью рубанул один из корней. — Ты же принц, верно? Ты важная шишка. За тобой гонится вся ферелденская армия. Может, по твоему следу в лес пустили свору мабари. Может, даже какой-нибудь маг уже высматривает тебя в хрустальном шаре. — Он шагнул туда, где валялся под сенью корней Мэрик, и в его холодных глазах вспыхнуло неприкрытое бешенство. — Ну как, чувствуете себя в безопасности, ваше высочество?

— Э-э-э... сейчас, сию минуту? Нет, не очень.

Логэйн с омерзением фыркнул и отошел на несколько шагов. И остановился, неотрывно глядя в туман и кипя от злости.

— На самом деле, — веско проговорил он, — в Дикие земли они, конечно, не пойдут. Это безлюдный и опасный край. Сунуться сюда за нами может только законченный идиот. И только законченный безумец станет, как мы, укрываться здесь от погони.

— Меня это так... успокаивает.

— Вот и славно. — Ровный голос Логэйна похолодел. — Потому что дальше ты пойдешь сам.

— Ты просто бросишь меня?

— Я же вывел тебя из лагеря, верно? Ты здесь, живой — чего же больше?

Холодок пробежал по спине Мэрика, неприятно засосало под ложечкой.

— Думаешь, именно этого хотел твой отец?

Глаза Логэйна расширились. В два стремительных шага он навис над Мэриком, рывком сдернул его с мягкого мха и швырнул на поросший древесными грибами ствол. Мэрик задохнулся, безуспешно хватая ртом воздух, а Логэйн угрожающе занес кулак. И застыл, хотя по искаженному яростью лицу было видно, что ему очень хочется ударить.

— Не смей поминать отца! — прошипел он. — Это ты виноват в его смерти, ты! И нечего указывать мне, что делать! Мою жизнь ты рыцарским саном не купишь!

Мэрик судорожно закашлялся, пытаясь отдышаться.

— Думаешь, я добивался, чтобы так вышло? Я не хотел, чтобы твой отец погиб. Мне так жаль...

Логэйн на миг окаменел:

— Ах, тебе жаль? Тебе жаль?!

Мэрик увидел летящий ему в лицо кулак и зажмурился. Удар пришелся в подбородок. Рот наполнился железистым привкусом крови, и Мэрик обессиленно сполз на мох. Он был слишком измотан, чтобы оказать сопротивление.

— Как это здорово, что тебе жаль! — бесновался, возвышаясь над ним, Логэйн. — У меня на глазах погиб отец, а с ним все, кого он поклялся защищать, но теперь, конечно, все в порядке, потому что я знаю, что тебе жаль!

Он оборвал себя, отступил на несколько шагов и замер, повернувшись спиной к Мэрику и крепко стискивая кулаки.

Принц задышался, сплевывая слюну пополам с кровью. Нижняя челюсть ныла так, что, казалось, вот-вот отвалится. Стискивая зубы, глотая кровь, которая обильно сочилась из прокушенного языка, он с трудом сел.

— У меня на глазах, прямо передо мной убили мать. И я ничего не мог сделать.

Логэйн ни единым знаком не показал, что слышит его.

Обессиленный, дрожащий от слабости, Мэрик продолжал:

— Когда я наткнулся на вас в лесу, за мной гнались убийцы матери. Почему мне было знать, что вы не выдадите меня с потрохами, когда узнаете, кто я такой? Я хотел двинуться дальше в одиночку, но ты убедил меня пойти с вами. — Мэрик умоляюще вскинул руки. — Почему ты так поступил? Ты же знал, что за мной гонятся. Знал, что это опасно.

Логэйн ничего не ответил. Он все так же стоял спиной к Мэрику и все это время был занят только тем, что рубил кинжалом низко свисавшие корни. То ли он вовсе не слушал принца, то ли о чем-то размышлял.

Наконец Мэрик осторожно, тыльной стороной ладони вытер рот. Кровотечение ослабло, хотя челюсть болела по-прежнему и в ушах стоял навязчивый звон. Не без труда юноша поднялся на ноги.

— Жаль, я раньше не знал, что за человек твой отец, — продолжал он. — Он был готов пожертвовать жизнью, чтобы спасти меня. Почему? Он был замечательный человек — даже я сумел это понять. Вот почему я посвятил его в рыцари. — Глаза Мэрика предательски увлажнились, голос охрип. — Моя мать тоже была... замечательная. И вот что я тебе скажу: если б... если б у меня была возможность с ней попрощаться, я бы эту возможность не упустил.

Логэйн не шелохнулся, даже не поглядел в его сторону.

Было очевидно, что никакими словами его не примешь. Мэрик смахнул слезы с глаз и кивнул:

— Но я тебя понимаю. Я и не жду, что ты останешься и поможешь мне, правда не жду. Тебе нужно вернуться в лагерь, узнать, выжил ли кто-нибудь. Будь я на твоём месте, я бы тоже хотел вернуться к своим. Разве можно такое не понять? — Он стер с подбородка последние следы крови. — Так что спасибо, что спас меня.

С этими словами Мэрик одернул изорванную, насквозь промокшую куртку и пошел прочь. Сапоги у него те же, в которых он выехал с матерью на тайную встречу, — на взгляд

Мэрика, вполне добротные. При нем кинжал, который дала ему сестра Эйлис, стало быть, он не так уж и незащищен. Если повезет, он сумеет отыскать какую-нибудь тропку, которая выведет из леса. Может быть, наткнется на торговый караван. Гномы же пользуются южными дорогами, направляясь в Гварен? Дело, конечно, рискованное, но все же лучше, чем ничего. Другого выхода сейчас все равно нет.

Логэйн остался далеко позади. Мэрик из последних сил брел по непролазной чаще. Туман изрядно мешал; по большей части юноша просто не видел, куда ступает, он то и дело цеплялся за выпиравшие из земли корни либо оскальзывался в грязи. Наконец он срезал кинжалом нижнюю ветку какого-то дерева, чтобы в тумане ощупывать перед собой землю. Лес становился все гуще и мрачнее, и тогда Мэрик сообразил, что понятия не имеет, в каком направлении движется. Лесной полог почти напрочь заслонял небо.

Мэрик стоял в чаще леса, растерянно почесывая затылок, и вдруг услышал шаги. Он резко обернулся и увидел Логэйна. Мэрик вынужден был признать, что никогда еще не испытывал такого ликования при виде другого человека. Сам Логэйн при виде его явно не испытал радости. Свирепый взгляд льдисто-голубых глаз словно говорил: «Я об этом еще пожалею».

Мэрик ждал, когда юноша подойдет поближе. Тот пока что не сказал ни слова, только поморщился и, сняв с плеча лук, поправил висевший на спине полупустой колчан. Затем он снова глянул на Мэрика и, подняв палец, проговорил:

— Первое: язык у тебя подвешен как надо.

— Правда? Мне такого еще никогда не говорили.

Логэйн пропустил его слова мимо ушей и поднял второй палец:

— Второе: вряд ли отец хотел спасти тебя от солдат только для того, чтобы ты как последний идиот сгинул в Диких землях, а именно это и случится без меня.

— Я справлюсь. Ты совершенно не обязан...

Логэйн что-то невнятно буркнул и вдруг, выхватив из колчана стрелу, молниеносно выстрелил. Стрела свистнула справа от головы Мэрика. Тот в ошеломлении не знал, что и подумать. Он попятился было назад, но тут же отскочил, заметив, что на дереве у него за спиной что-то извивается. Стрела воткнулась примерно футом ниже головы толстой черной змеи, пригвоздив бешено извивавшуюся гадину к стволу.

Логэйн шагнул к змее и, сняв с пояса кинжал, не без труда отрезал ей голову. Из обрубка хлынула струей ярко-алая кровь, и обезглавленное тело обмякло.

— Нам такие твари попадались и за пределами Коркари. «Бесшумные ползуны». Ядовитые, но на вкус ничего, если сможешь не принохиваться.

— Надо же, — сконфуженно пробормотал Мэрик.

— Итак, я намерен вывести тебя из Диких земель и доставить к мятежникам. — Логэйн одарил Мэрика суровым взглядом. — После этого мы будем в расчете. Ясно?

— Да.

— И не смей меня благодарить. Мне никакой награды не нужно.

— Хорошо.

— И я не стану звать тебя «ваше высочество».

— Да уж, сделай одолжение.

Логэйн насупился еще сильнее, словно в глубине души надеялся, что принц начнет возражать. Помедлив, он махнул рукой в ту сторону, куда и направлялся Мэрик.

— По крайней мере, ты шел в нужном направлении. Не иначе как чудесная случайность. Есть хочешь?

Мэрик с сомнением оглядел змеиную тушку, болтавшуюся в руке Логэйна, но, прежде чем успел ответить, в животе недвусмысленно забурчало.

— Пойдем поищем что-нибудь посъедобнее змеи. И место для костра, пропади он пропадом.

С этими словами Логэйн оттолкнул Мэрика плечом и зашагал вперед.

Три дня беглецы пробирались сквозь чащу Коркари. Шли они медленно — Логэйн не хотел возвращаться назад, а вел Мэрика на запад. Вопреки собственным словам он вовсе не был уверен, что преследователи не сунутся в непроходимые леса. По меньшей мере, с них станется разместить засады на краю Диких земель.

Если, конечно, солдатам вообще известно, что беглецы направились именно сюда. Изгой разбегались из лагеря во все стороны, а из тех солдат, что столкнулись лицом к лицу с двумя беглецами, не выжил ни один. И тем не менее Логэйн предпочитал ожидать худшего. Продираться по нехоженным чащобам было нелегко, но чем дальше они уйдут от холмов, у которых располагался лагерь, тем лучше.

Самой серьезной проблемой для них оказалось найти укрытие. К счастью, в лесу было полно поваленных старых деревьев. Порой попадались целые поляны поверженных лесных великанов, и Логэйн поневоле задумывался, что за сила могла такое сотворить. Первым делом ему вспомнились рассказы о драконах, однако к югу от Недремлющего моря настоящие драконы не встречались уже давным-давно. Впрочем, кто поручится, что в Диких землях не найдутся и другие гигантские твари? Юноше доводилось слышать байки о кровожадных медведях величиной с дом и ограх — синекожих гигантах с рогами длиной в человеческую руку. Стоило бы отдельно возблагодарить Создателя и за то, что эти милые зверюшки пока не попадались на их пути.

Под поваленными деревьями можно было укрыться на ночь, к тому же первые две ночи обошлись без дождя. Логэйн разводил огонь, а Мэрик спал рядом и во сне дрожал всем телом. Скромному костерку не под силу было надолго разогнать туман, а потому липкая ледяная влага оседала на кожу, просачивалась сквозь одежду. С каждым утром Мэрика все труднее было добудиться; он был бледен и непрерывно стучал зубами. По счастью, более серьезные опасности им пока не грозили.

Что до принца — Логэйн очень быстро обнаружил, что его трудно ненавидеть. Он шел за Логэйном, не отставая ни на шаг, и до сих пор ни разу не пожаловался — ни на холод, ни на усталость, ни на что-то еще. К тому же он делал все, что ему велели. Единственным недостатком этого парня была излишняя разговорчивость. Он болтал без умолку, все время находя какую-нибудь тему для милой светской беседы. То он восторгался великанскими размерами местных деревьев, то рассуждал о том, как далеко простерлись Дикие земли, или вспоминал легенды о хасиндах — варварских племенах, которые якобы живут в здешних лесах. Логэйн безмолвно выслушивал этот неумолчный щебет, всей душой мечтая, чтобы его спутник наконец-то заткнулся. После второй ночи, проведенной в лесу, Мэрик и впрямь заметно притих — и тогда Логэйн с отвращением обнаружил, что соскучился по его беспечной болтовне.

Вот уж кому, наверное, никогда не составляло труда обзавестись друзьями. Даже грязный и изможденный, Мэрик излучал естественное, непобедимое обаяние. Он был изнеженным сыном королевы, которой отец разве что не поклонялся как божеству, и Логэйн всем сердцем хотел презирать его. Но на деле он не мог заново раздуть пламя холодной ярости. И это, наверное, было хуже всего.

На третью ночь пошел дождь. Замерзая без костра, Логэйн и Мэрик скорчились под камнем, и дыхание их вырывалось облачками пара сквозь непрерывно стучащие зубы. В ту ночь появились волки. Осторожные хищники держались поодаль, набираясь духу для атаки. Несколько раз Логэйн обращал их в бегство, выстрелив из лука, но волки неизменно возвращались. Но бесконечно так продолжаться не могло. Запас стрел у Логэйна был невелик, смастерить новые он не мог, а потому старался быть экономным.

С наступлением утра волки решили, что в лесу найдется и менее бдительная добыча. Логэйн устал, продрог до костей и перепугался не на шутку, обнаружив, что Мэрика бьет крупная дрожь и он никак не может проснуться. Принц был не просто бледен — он побелел как мел и, громко стуча зубами, лопотал бессвязную ерунду.

Логэйн сложил костер, что само по себе было делом нелегким, поскольку дождь и туман пропитали сыростью почти все вокруг. Он копался в грудах валежника, добывая

клячьа сухого мха и мелкие сучья. А потом еще целую вечность возился с дымящимся, слабо тлеющим кострищем, кляя носом и отчаянно стараясь не задремать. Когда пламя наконец занялось, Логэйн готов был заплясать от радости и дорого заплатил бы, чтобы только услышать, как Мэрик на разные лады вопрошает, каким это чудом ему удалось добыть огонь.

Он осторожно подкармливал пламя, подбрасывал понемножку обломки сырой древесины, клочки мха, мелкие веточки и сучья, а когда все это просыхало и занималось огнем, добавлял новую порцию топлива. Наконец он добился своего — костер запылал с бодрым треском, и тепла от него было гораздо больше, чем дыма. Тогда Логэйн подтащил Мэрика к огню — близко, но так, чтобы тот случайно не обгорел, — и уселся рядом. Вскоре свет и тепло костра сделали свое дело: веки Логэйна отяжелели и он погрузился в сон.

Проснувшись через несколько часов, Логэйн обнаружил, что принц не только пришел в себя, но и присматривает за костром. Он был еще бледен и слаб, но выглядел заметно лучше. Мэрик кивнул спутнику, смущенно улыбнувшись в знак благодарности, но Логэйн в ответ только насупился.

— Ты хотя бы представляешь, сколько мне пришлось с тобой возиться? — сердито осведомился он.

Мэрик потер ладони, зябко поежился.

— Я... э-э-э... безумно рад, что остался в живых. И что ты не бросил меня здесь умирать.

— Ты бы не успел замерзнуть. Волки сожрали бы тебя раньше.

— Да, это утешает.

Логэйн встал и повернулся, чтобы уйти.

— Пойду поохочусь, пока есть возможность. Буду очень признателен, если ты в мое отсутствие не замерзнешь до смерти. Как по-твоему, справишься?

Он не стал дожидаться ответа и испытал тайное злорадство при виде обиженного лица Мэрика.

На четвертый день Логэйн понял, что за ними следят.

Волки так и не вернулись, и это было странно. Какое-то время Логэйн не мог отделаться от ощущения, что за ним наблюдают, а потом из зарослей донесся шорох. Кто бы там ни засел — а Логэйн был свято уверен, что это не зверь, — следопыт он был явно искушенный. Сколько юноша ни всматривался в сумрак зарослей, заметить так ничего и не смог.

Он поднял руку, подав Мэрику знак притихнуть.

— Головой не верти, — прошептал он одними губами, — сдастся, мы здесь не одни.

К чести Мэрика, тот замер и не стал озираться по сторонам.

— Ты уверен?

— Знаешь, мало что еще можно расслышать, когда ты лопочешь над самым ухом.

— Я не лопочу!

— Да ну? Неудивительно, что ты едва не замерз насмерть, если у тебя все силы уходят на болтовню.

Во время этой пикировки они оба опасно осматривались, стараясь делать это как можно незаметнее.

Мэрик едва различимым жестом указал налево. Логэйн глянул туда, хотя и не верил, что его спутник вправду мог заметить что-то первым. И увидел, что прямо перед ними, в густом сумраке между двумя высокими деревьями, мерцают два ярких огонька — точь-в-точь кошачьи глаза в темноте.

Кошачьи? Эльфийские!

— Проклятие! — ругнулся Логэйн, в панике на миг потеряв самообладание.

Одним движением он толкнул Мэрика на землю и сорвал с плеча лук. И уже пригнулся, чтобы нырнуть в укрытие, когда услышал смертоносный свист. Стрела вонзилась в плечо с такой силой, что он опрокинулся навзничь и застонал от боли.

— Логэйн! — закричал Мэрик.

Вскочив, он бросился к распростертому на земле спутнику и вскрикнул, увидев стрелу,

которая проткнула плечо юноши почти насквозь. Глаза Мэрика округлились от страха.

— Беги! — прохрипел Логэйн, пытаясь одновременно ухватиться за древко стрелы и подняться на ноги. Поздно.

Эльфы один за другим возникали из окружавшего их сумрака. Все они были в кожаных охотничьих доспехах, и лица их были покрыты цветной татуировкой — символами языческих эльфийских божков. Их нечеловеческие глаза горели убийственным огнем. Одни эльфы держали наготове луки со стрелами, другие были вооружены янтарного цвета ножами из железного дерева.

Мэрик взмахнул кинжалом, но в этот миг на беглецов рухнула плотная сеть. И тут же эльфы скопом навалились, хватая за руки, за ноги и что-то разъяренно крича на своем древнем языке. Логэйн отбивался, шипя от боли — под тяжестью сети стрела все глубже входила в тело, — однако все его усилия были напрасны. Рядом безуспешно извивался Мэрик, затем раздался громкий глухой стук — и принц обмяк и осел на землю. Миг спустя на голову Логэйна обрушилось что-то тяжелое — и наступила темнота.

Когда Логэйн пришел в себя, голова у него раскалывалась от боли, а в лицо била тугая волна нестерпимого жара. Он слышал, как совсем близко ревет пламя большого, очень большого костра. Еще не открыв глаз, Логэйн сумел определить, что сидит на земле, привалившись спиной к какому-то шесту, а руки его крепко связаны. Зажарить его собрались, что ли? Запечь на вертеле? Неужели эльфы балуются людоедством? Вряд ли — рану в плече обработали и перевязали. Что ж, по крайней мере, он наконец согрелся.

Логэйн открыл глаза — и они тут же заслезились от яркого света.

Так и есть, его привязали перед огромным костром, а рядом валяется без сознания Мэрик. По ту сторону огня на лесной прогалине стояли кружком несколько длинных крытых фургонов. У каждого из них имелась мачта с треугольным парусом. Логэйн никогда прежде не видел сухопутных кораблей.

Кое-что прояснилось. Это долийцы — кочевники, живущие кланами с тех незапамятных пор, когда было уничтожено эльфийское государство. Многие из них тогда склонились перед властью людей и стали жить в городах, стали гражданами второго сорта, однако долийцы отвергли такую участь. Они бежали и по сей день жили замкнуто, враждебно относясь ко всем без исключения чужакам. Долийские эльфы поклонялись странным богам и кочевали в самых отдаленных, безлюдных местах, в глухих лесах — и беда незадачливым путникам, которые ненароком наткнутся на них!

Логэйн понятия не имел, насколько правдивы все эти истории, он сам впервые видел долийцев так близко, однако засада, которую устроили эльфы, говорила сама за себя.

Жар от костра был так невыносим, что кожа на щеках, казалось, вот-вот лопнет. Лицо саднило, по щеке ползла густая липкая струйка — рана на голове до сих пор кровоточила. С ароматом жареного мяса смешивался другой приторный запах... жасмина? За пеленой дыма Логэйн разглядел нескольких эльфов. Одежда на них была самого простого покроя и разных цветов, в основном красного, синего и золотистого. Эльфы ели из деревянных мисок, изредка поглядывая на людей.

Мэрик, валявшийся на земле, шевельнулся и страдальчески застонал. Наконец он не без труда приоткрыл один глаз.

— Дыхание Создателя! — прохрипел принц и сразу же надрывно закашлялся.

— Полегче, — предостерег Логэйн.

— Мне уже до чертиков надоело получать удары по голове.

— Скажи об этом долийцам. Может, они примут твою жалобу к сведению.

Мэрик сел, сощурился, глядя сквозь дымное пламя.

— Они так называются — долийцы? Я все гадал, почему у них так разрисованы лица.

— Ты ничего о них не знаешь?

— Ну... — Мэрик пожал плечами. — Так вышло, что я был занят изучением совсем другого предмета.

— Это какого же?

— Как угодить в плен к шайке изгоев — какого же еще?

Логэйн хихикнул:

— Думаю, этот предмет ты уже выучил на отлично.

Долийцы прислушивались к их разговору. Еще несколько эльфов вышли из темноты и, остановившись у сухопутных кораблей, откровенно разглядывали чужаков. Вид у них был недружелюбный и подозрительный, если не сказать — неприкрыто враждебный. Что они все-таки задумали? Логэйн чувствовал себя заморским зверем устрашающего вида, к которому зеваки опасаются подойти вплотную.

Мэрик принялся, и его передернуло от отвращения.

— Чем это так пахнет? Жасмином?

— Все может быть.

— Что эти эльфы с ним делают? Набивают в самокрутки и курят?

Он опять втянул носом воздух и закашлялся так, что Логэйн ткнул его локтем в бок, — им сейчас только и не хватало взбесить кочевников, нечаянно посмеявшись над каким-нибудь эльфийским обычаем. Долийцы и так не особенно жалуют людей.

Логэйн принялся напрягать мышцы, проверяя на прочность веревки, и остановился, только заметив, что зрителей в толпе прибавилось. Теперь к ним присоединились охотники, снаряженные точно так же, как те, кто схватил беглецов, — легкие доспехи темной кожи и длинные ножи из железной коры. Логэйну уже доводилось видеть такой кинжал. С ним появился в лагерь изгоев Лодырь, утверждавший, что когда-то выменял клинок у двух охотников. Украл, скорее всего. В конце концов Лодырь продал его, причем за солидную сумму. Одни только долийцы умели правильно обрабатывать железную кору — клинки из нее получались тверже стали, но намного легче.

— Эй, послушайте! — крикнул вдруг Мэрик, обводя взглядом эльфов. — Кто-нибудь из вас может с нами поговорить? Эй!

— Заткнись! — одернул его Логэйн.

— А что такого? Я же только спросил.

— Не будь дураком.

В эту минуту из толпы безмолвных зрителей вышел новый персонаж — молодой эльф с длинными каштановыми волосами. Узоры на его мантии были куда сложнее, чем татуировки у других эльфов, а поверх одежды он, в отличие от соплеменников, набросил тяжелый кожаный плащ. Кроме того, Логэйн заметил на шее у этого эльфа амулет. Деревяшка, отполированная до блеска, была изрезана замысловатыми рунами, и казалось, что они пляшут как живые под самой поверхностью амулета. Магия! При одной этой мысли Логэйна пробрал озноб.

Молодой эльф направился к ним и, перехватив взгляд Логэйна, улыбнулся. Подойдя к Логэйну и Мэрику, он присел на корточки, и это вышло так непринужденно, почти přátельски.

— Этот амулет подарил мне наш Хранитель, — пояснил он бегло и без малейшего акцента.

— Ты знаешь наш язык? — уточнил Логэйн, намеренно не заметив торжествующего взгляда, который метнул в него Мэрик.

— Ваш язык знают почти все из нас, но хорошо им владеют только те, кто ходит торговать с чужаками. — Эльф держался доброжелательно, и в глазах его, не в пример остальным, светилось искреннее сострадание. — А между собой мы стараемся говорить только на родном наречии, чтобы сохранить его, как сохраняем своих богов. — Он наклонил голову к плечу, всем своим видом выражая любопытство. — Как вы здесь оказались?

— Разве ты забыл? — удивился Мэрик. — Вы же сами на нас напали.

— Вы чужаки. Вы подошли слишком близко к нашему лагерю.

— Мы понятия не имели, что здесь ваш лагерь, — осторожно заметил Логэйн.

— Вот как! — Эльф покивал, но на лице его мелькнула тень разочарования. — Стало

быть, вы из тех, кто бежал сюда с холмов?

— С холмов? — встрепенулся Логэйн, потеряв осторожность. — Вы встречали и других беглецов? Давно это было?

Прежде чем ответить, эльф с минуту пристально и бесстрастно глядел на Логэйна своими лиловыми глазами:

— Этот человек был один. Наши охотники перехватили его далеко отсюда.

— Где он сейчас?

— Мне придется отвести вас к нему, — с опечаленным вздохом ответил эльф.

Он поднялся и повернулся к стоявшим поблизости соплеменникам. Учтивым тоном отдал какие-то распоряжения, показывая при этом то на пленников, то куда-то в сторону от лагеря. Прочие долильцы переглянулись — предстоящее явно было им не по душе.

— Сожалею, — сказал молодой эльф, — но нам придется увести вас, так же как его. Прошу вас, не надо сопротивляться.

Судя по тону, он считал, что пленники и впрямь на это способны.

Мэрик озирался по сторонам, вид у него был смятенный. Едва с него сняли путы, он вытянул руки и принялся осторожно растирать запястья.

— Куда, собственно, вы нас поведете?

— К *аша'беланнар*, Женщине Многих Лет, — ответил эльф. — Люди, которые живут в этих лесах, называют ее Ведьмой из Диких земель.

Логэйна передернуло. Ведьма?.. Случалось, что маги бежали из-под власти Церкви, не желая мириться с вечным заточением. Таких именовали отступниками, и Церковь посылала по их следу храмовников — вернуть беглеца в башню Круга или просто убить. Чаще, насколько знал Логэйн, храмовники выбирали второе, а потому беглые маги жили в вечном страхе. В лагерь изгоев тоже как-то явился один маг — тощий парень, которого отец Логэйна, не желая связываться с храмовниками, прогнал.

Эта ведьма — отступница, что скрывается в Диких землях Коркари и настолько страшится разоблачения, что убивает всякого, кто явится в эти леса из внешнего мира? Такое было вполне возможно. Но на краю сознания вертелась легенда — старинное предание об этих местах, которое Логэйну никак не удавалось вспомнить. И от мысли, что ведьма может оказаться кое-чем похуже беглого мага, ему становилось не по себе.

У Мэрика вертелась на языке добрая сотня вопросов, но под властным взглядом молодого эльфа присмирел даже он. Долильцы смертельно боялись Женщины Многих Лет, и это обстоятельство тревожило Логэйна сильнее всего.

Посмотреть, как уводят пленников, собралось все племя. Эльфы с недобрым любопытством глазели на Логэйна и Мэрика, перешептывались на своем чудном языке. Кое-кто сплевывал на землю, когда пленников проводили мимо; перепуганных детишек старательно отгоняли прочь. Логэйн чувствовал себя приговоренным к смертной казни. Вполне вероятно, он был недалек от истины.

Несколько часов шли они, не останавливаясь, по лесу, и кочевники, сопровождавшие пленников, все это время оставались угрюмы и неразговорчивы, не желали отвечать даже на самые невинные вопросы. Молодой долилец в разукрашенной узорами мантии так и не соизволил назвать свое имя, зато всякий раз, когда Мэрик и Логэйн отставали от прочих, оглядывался с явным раздражением. Эльфов, похоже, заботило только одно — поскорее добраться до места.

В самой чаще, где белесый туман сгустился в почти непроницаемую завесу, куда редко заглядывало солнце, стояла неказистая на вид и изрядно обветшавшая хижина, крытая хворостом и пластами бурого мха, и со всех сторон ее стены густо оплетал черный плющ. Куда более внушительное зрелище представляли собой протянутые вдоль тропы веревки с черепами — крысиными, волчьими и других животных, которых Логэйн не сумел распознать, — увязанными вперемешку с перьями, сучками и засохшей грязью. Веревки зловеще покачивались, безмолвно возглашая единоличное право своего владельца на эту

землю. Наверное, здесь не обошлось без колдовства, потому что Логэйну чудилось, словно нечто ползет вверх по плечам, забираясь на затылок. А туман струился так, будто манил, зазывал их идти вперед.

Молодой эльф в узорчатой мантии остановился и указал на хижину:

— Вам туда.

— Что с нами будет? — спросил Мэрик.

— Этого я не могу сказать.

Логэйн помедлил. Тревога усилилась, когда он заметил, что кое-где в диковинные веревки вплетены и человеческие черепа. Оглянувшись, он учтиво наклонил голову, молодой эльф ответил тем же.

— *Даретн ширал*. Желаю тебе и твоему другу удачи.

Судя по голосу, он не был уверен, что это пожелание поможет. Эльф и двое его спутников повернулись и растаяли в лесу, бросив Логэйна и Мэрика в туманном сумраке. После недавних дождей лесные запахи были особенно остры и свежи, и высоко над головой в кронах деревьев возбужденным хором заливались птицы.

— Может, уйдем? — неуверенно спросил Мэрик.

Логэйн сомневался, что из этого выйдет толк.

— Поглядим, что за Ведьма из Диких земель, — пробормотал он, махнув рукой в сторону хижины.

Мэрик покосился на него как на сумасшедшего, но смолчал.

Они шли по тропе, и казалось, что с каждым шагом вокруг становится все темнее. Все более зловеще высились над головой громадные деревья, и струился, извиваясь в причудливом танце, туман. Или то был обман зрения? Перед самой хижинкой стояло небольшое ветхое кресло-качалка, а рядом виднелось кострище, в котором, судя по виду, давно уже не разводили огонь. По краям кострища аккуратными стопками были сложены мелкие заплесневелые кости.

— Да это же... — Голос Мэрика оборвался от ужаса, и Логэйн, проследив за его взглядом, посмотрел вверх.

На дереве висел труп человека, белесый и влажный, точно рыбье брюхо. Подвешенный за руки и шею, мертвец болтался в пустоте, как сломанная марионетка. Вокруг него гудели мухи, и в воздухе стоял запах гниющего мяса. Никаких ран на теле видно не было, но человек явно умер уже давно. Лицо покойника чудовищно распухло, глаза вылезли из орбит, но все же Логэйн сразу понял, кто перед ним.

— Дэннон? — прошептал Мэрик.

Логэйн кивнул. Чуть поодаль болтались и другие мертвецы. Эти по большей части давно уже превратились в скелеты, и к обнажившимся костям лишь кое-где прилипли клочки волос или полусгнившей ткани.

— Вижу, вы уже познакомились с моим последним трофеем, — прозвучал незнакомый голос.

Из-за деревьев вышла, ковыляя, дряхлая скрюченная старуха. Копна седых волос и балахон из темной кожи, щедро отделанный черным мехом, придавали ей вид самой настоящей ведьмы. На плечи женщины был наброшен тяжелый, подбитый лисьим мехом плащ — на диво щегольской и ладно сшитый. Старуха несла в руке корзину с крупными желудями и еще какими-то штуками, завернутыми в лоскутья красной ткани. Этой корзиной она с рассеянным видом помахала в сторону Дэннона.

— Он даже имени своего назвать не соизволил, дурачок этакий. А ведь я предупреждала, когда он начал вопить во все горло... — Старуха остановилась, окинула испытующим взглядом Мэрика и Логэйна, которые так и глазели на нее разинув рот. — По счастью, вы оба на вид не из таких. Вот и славно! Так-то попроще будет.

Старуха засмеялась-закудаhtала, отчего все это еще больше стало походить на дурной сон. Логэйн пожалел, что эльфы не оставили ему хотя бы кинжал. Не дожидаясь Мэрика и Логэйна, старуха направилась к хижине и с утомленным вздохом уселась в кресло-качалку.

— Да идите же сюда! — буркнула она, поставив корзину на землю.
Логэйн нехотя подошел ближе, принц не отставал от него.
— Это ты убила Дэннона? — недоверчиво спросил он.
— Разве я так сказала? — хихикнула старуха. — Нет, по правде говоря, не думаю, что это я его убила. Если хочешь знать правду, так он сам убил себя.
— Колдовство! — прошипел Логэйн.
Старуха опять разразилась веселым кудахтаньем, но не сказала ни слова.
— Кто ты такая? — спросил Мэрик.
— Мне наплевать, кто она такая! — отрезал Логэйн. — Я не потерплю, чтобы со мной так забавлялись.

Он с угрожающим видом шагнул к старухе. Та сощурила подслеповатые глазки, но не сказала ни слова.

— Я требую, — сказал Логэйн, — чтобы ты нас отпустила.
— Требуешь? — переспросила старуха, явно впечатленная таким оборотом.
— Э-э-э... Логэйн... — предостерегающе проговорил Мэрик.
Логэйн поднял руку, жестом веля ему не двигаться с места. И шагнул ближе, нависнув над ведьмой, которая так и сидела в кресле-качалке.

— Да, требую, — повторил он. — Меня магией не впечатлишь. Чтобы сотворить заклинание, нужно время, а я сверну тебе шею прежде, чем шевельнешь хоть пальцем.

Старуха ухмыльнулась во весь рот, блеснув крепкими зубами:

— А кто сказал, что шевелить хоть чем-то буду я?

Логэйн услышал, как за спиной ахнул Мэрик, но успел только обернуться и увидеть: одно из деревьев молниеносно рванулось к нему. Громадные ветви обхватили его, точно руки, и вздернули вверх. Со всех сторон затрепетали листья, злобно загудели мухи. Логэйн отбивался, кричал, но все без толку. Дерево выпрямилось, отступило к своим собратьям, и Логэйн обнаружил, что болтается всего в двух шагах от раздувшегося трупа Дэннона. В ужасе он хотел что-то крикнуть Мэрику, но мелкие веточки тотчас оплели его рот и сжали мертвой хваткой голову.

Съежившись, Мэрик широко открытыми глазами смотрел на попавшего в ловушку Логэйна. Сердце его неистово стучало. Все случилось настолько быстро... и как только гигантское дерево могло двигаться, да еще так проворно? Охваченный ужасом, он оглянулся на ведьму, но та лишь неспешно покачивалась в кресле, взирая на Мэрика со смутным раздражением.

— Ну что, будешь следующим? — осведомилась она.

— Н-нет... надеюсь, что нет.

— Мудрое решение.

Чувствуя, как по лбу текут струйки пота, Мэрик откашлялся и осторожно опустился на одно колено.

— Госпожа, я умоляю вас простить горячность моего спутника. — Он говорил тихо, но старуха слушала внимательно и, кажется, с удовольствием. — Мы несколько дней бежали от погони, и после того, как на нас напали долильцы, мы ожидали только нового нападения. Простите нас.

С этими словами Мэрик склонил голову, изо всех сил стараясь припомнить уроки светских манер, которыми так долго и усердно мучила его мать. Он ни в грош не ставил эти занятия, считая, что в жизни они ему никогда не пригодятся.

Старуха визгливо рассмеялась:

— Учтивость? Силы небесные, вот уж чего не ожидала. — Мэрик поднял глаза и увидел, что ведьма ухмыляется ему. — Однако же правда в том, молодой человек, что ты понятия не имеешь, какую участь я уготовила для тебя и твоего друга. Вдруг я замыслила отдать вас обоим сильванам, как уже отдала вашего приятеля? Как по-твоему, такое возможно?

— Да, возможно.

— Да, — размеренно повторила она, — возможно...

Ведьма махнула морщинистой старческой ладонью в сторону дерева — и ветви лесного великана сами собой расплелись. Логэйн с глухим стуком шлепнулся на землю, но тут же вскочил. Мэрик предостерегающе вскинул руку, и Логэйн фыркнул, словно намекая, что он хотя и зол как черт, но не дурак.

— Итак, это ты, — проговорила ведьма, испытующе разглядывая Мэрика и одобрительно кивая. — Я знала, что ты здесь появишься, знала, каким образом, — не знала только, когда именно. — Она резко, грубо хохотнула и ударила себя ладонями по коленям. — Разве не диво, до чего своенравна бывает магия, когда выдает какие-то сведения? Это все равно что спрашивать кошку — считай, повезло, если она хотя бы укажет верное направление!

И старуха зашлась от хохота, упиваясь собственной шуткой.

Мэрик и Логэйн непонимающе уставились на нее. Хохот ведьмы постепенно затих, перешел в глубокий вздох.

— А ты как думал? — спросила она. — Что король Ферелдена пройдет через Дикие земли и его никто-никто не заметит?

Мэрик нервно облизнул губы:

— Полагаю, ты имеешь в виду законного короля Ферелдена.

— Точно! Если бы орлесианцу, который восседает на твоём троне, вздумалось в одиночку побегать по Коркари, я бы с радостью заграбастала его, а не тебя! Но поскольку этого не случилось, думаю, и ты сойдешь. Верно ведь?

— Э-э-э... да, пожалуй.

Ведьма запустила руку в корзину, которая стояла у ее ног, выудила оттуда большое блестящее яблоко — спелое, круглое, краснобокое — и с явным удовольствием впиалась в него зубами.

— А теперь... — продолжала она, с хрустом жуя, — я должна извиниться, если эльфы действовали чересчур ретиво. — Старуха слизнула с губ брызги яблочного сока. — Ну да каждый делает что может.

Мэрик тщательно обдумал слова:

— Значит, эльфы схватили нас не случайно?

— Надо же, какой умница!

— Кто ты? — почти беззвучно спросил Мэрик.

— Отступница, магичка, которая прячется от гончих псов Церкви, — непреклонно отозвался Логэйн. — С чего бы иначе ей торчать в этих дебрях?

Ведьма выразительно закатила глаза к небу и хихикнула:

— В потаенных уголках Ферелдена таится немало такого, о чем вы и не подозреваете. — Она глянула в упор на Логэйна, и взгляд ее неожиданно стал пронзительным. — Только я жила в этих краях задолго до того, как появилась эта твоя Церковь.

— Это не моя Церковь! — огрызнулся он.

— Что до твоего вопроса... — Ведьма вновь перевела взгляд на Мэрика. — Разве эльфы не сказали тебе, как меня зовут? У меня много имен, и это ничем не хуже других.

— Тогда зачем я тебе понадобился?

Ведьма шумно вгрызлась в красный бок яблока и, задумчиво жуя, откинулась на спинку кресла.

— Зачем подданному искать встречи со своим повелителем?

— Тебе что-то от меня нужно? — Мэрик беспомощно пожал плечами. — В таком случае тебе скорее следовало бы обратиться к моей матери. У меня ничего нет.

— Судьба переменчива. — Взгляд ведьмы устремился вдаль. — Вот ты влюблен, так глубоко влюблен, что и по-мыслить не можешь о том, что может случиться что-то дурное. И вдруг тебя предали. Вырвали у тебя сердце, и ты клянешься пойти на все — на все, — только

бы те, кто в этом виноват, заплатили. — Ведьма перевела взгляд на Мэрика, и голос ее зазвучал негромко, почти ласково. — Порой месть изменяет лицо мира. На что же способна твоя месть, молодой человек?

Мэрик ничего не ответил, только неуверенно смотрел на нее.

Логэйн яростно шагнул вперед:

— Оставь его в покое!

Ведьма повернулась к нему, и в ее глазах мелькнуло удовольствие.

— А что скажешь ты о своей мести? В тебе накопилось довольно гнева, перекованного в меч из отменной стали. Хотела бы я знать, в чье сердце ты когда-нибудь вонзишь этот клинок?

— Мы с Мэриком не друзья, — проворчал Логэйн, — но я не желаю его смерти.

Ведьма невесело хохотнула:

— О, ты прекрасно знаешь, о чем я говорю.

Логэйн побледнел, но почти сразу взял себя в руки.

— Это теперь уже не важно, — ровным голосом проговорил он.

— Вот как? Значит, ты их простил? Ты забыл, как она кричала, когда ее прижали к земле? Как хохотали солдаты, когда оттащили тебя и заставили смотреть на все это? Как твой отец...

— Заткнись! — крикнул Логэйн, и ужаса в его крике было ничуть не меньше, чем ярости.

Мэрик, остолбенев, глядел, как Логэйн рванулся к ведьме с таким видом, словно хотел удушить ее собственными руками. И рывком замер, не дотянувшись до нее, изо всей силы стиснул кулаки, борясь с собственным порывом. Деревья вокруг хижины поскрипывали в предвкушении, словно сжатые до отказа пружины. Ведьма лишь покачивалась в кресле и в упор, молча глядела на Логэйна, не проявляя и тени беспокойства.

— Ты слишком много видишь, старуха, — пробормотал он.

— Ровно столько, сколько нужно, — сухо отозвалась она.

— Прошу тебя. — Мэрик шагнул вперед. — Скажи, чего ты хочешь.

Старуха с минуту испытующе молчала, глядя на принца, потом доела яблоко и бросила огрызок за спину. В тот же миг что-то длинное и белесое выскользнуло из сумрака и ловко схватило его. Листья скрывали это существо почти целиком, но Мэрику показалось, что это вовсе не змея.

— Ты, молодой человек, должен быть мне благодарен, — вкрадчиво проговорила ведьма. — Что, по-твоему, могло бы приключиться с тем, кто, как ты, безоглядно убежал в Дикие земли? Ты мог бы угодить в руки хасиндов, тебя убили бы долийки или сожрала бы одна из тех тварей, которыми кишат местные ущелья. Ужели ты и вправду думаешь, что этот изгой сумел бы уберечь тебя от всех напастей?

— Не знаю. Может, и сумел бы.

Ведьма глянула на Логэйна, выразительно изогнув бровь:

— А он высокого мнения о твоих способностях. Верно?

Логэйн промолчал, и она снова впилась взглядом в Мэрика:

— Оставь его при себе, и он будет тебя предавать. С каждым разом все горше.

На Мэрика эти слова не произвели никакого впечатления.

— Так ты заманила меня сюда, чтобы загадывать загадки?

— Нет-нет, — рассеянно отмахнулась старуха. — Чтобы спасти.

Принц уставился на нее, не веря собственным ушам. Пожалуй, ничто из речей старухи не могло бы поразить его больше, чем эти слова. Ну разве что она призналась бы, что сделана из сыра. И все равно «чтобы спасти» уверенно заняло бы второе место.

— Я, можно сказать, перехватила тебя на самом краю пропасти, — продолжала она, — и теперь собираюсь помочь выбраться отсюда. Целым и невредимым.

С этими словами ведьма откинулась в кресле, чрезвычайно довольная собой.

— И чего ты хочешь взамен за эту помощь? — резко спросил Логэйн.

— Обещание, — улыбнулась старуха. — Обещание, которое король даст мне с глазу на глаз и позднее никому о нем не расскажет.

Мэрик ошеломленно моргнул, но Логэйн шагнул вперед:

— А если он откажется?

Ведьма жестом указала на окружавший их лес:

— Тогда вы вольны уйти куда глаза глядят.

Логэйн повернулся к Мэрику. Что он думает обо всем этом, можно было понять и без слов. Магам нельзя доверять, а этой старухе — в особенности. Логэйн, вполне вероятно, считал, что ведьма может отпустить их, даже если Мэрик откажется выполнить ее просьбу, — и тогда они попробуют выбраться из дебрей. Возможно, им даже удастся вернуть оружие, отобранное долийцами. В конце концов, тот молодой эльф, который привел их сюда, с виду не такой уж безнадежный фанатик. Может, они сумеют что-нибудь выменять у кочевников — одеяла, к примеру, плащи...

Высоко над головой в кронах посвистывал ветер. Мэрику на миг показалось, что деревья приплясывают в такт его свисту, — очень уж похожи на танец были движения веток. Беспоконные растения пляшут под музыку ветра, а они двое стоят в тишине и сумраке перед старой ведьмой. Мэрик посмотрел на Логэйна, взглядом прося помощи, но отклика не дождался. Продрогшие, избитые, обессиленные, в самом сердце Диких земель Коркари — как еще они могут поступить?

— Я согласен, — сказал Мэрик.

Глава 4

Логэйн и Мэрик заночевали под открытым небом, возле ведьминой хижины, у костра, который, стоило старухе топнуть ногой, разгорелся вовсю. И горел всю ночь, хотя Логэйн так и не сумел разобраться, чем именно питался огонь. Не иначе как магия, заключил он и решил, что об этом лучше не задумываться. Ему вообще не хотелось думать. Особенно о том, что трупы, висящие на деревьях, исподтишка подглядывают за живыми. А еще о том, что деревья, окружавшие хижину, все время перемещаются с места на место.

Утром оказалось, что тропа, по которой Логэйн и Мэрик пришли сюда, теперь ведет в совершенно другом направлении.

Не хотелось юноше думать и о том, какое именно обещание ведьма вытянула из Мэрика. Тот ушел в старухину хижину и пробыл там несколько часов — так долго, что Логэйна охватило нешуточное беспокойство. Он как раз пытался разглядеть, что творится внутри избушки, через единственное окошко, грязное и закопченное, когда Мэрик наконец вышел наружу. Один. Был он притихший, явно потрясенный до глубины души и на все попытки Логэйна как бы невзначай что-нибудь выпытать упорно отмалчивался. Было ясно, что тайна так и останется тайной.

Ведьма больше не появилась, так что Логэйн и Мэрик спали на опавших листьях у костра. Вернее, спал только Мэрик. Логэйн лежал с открытыми глазами, наблюдая за игрой теней и пристально вглядываясь туда, где в темноте покачивалось тело Дэннона. Интересно, когда именно Дэннон бежал из лагеря изгоев — до появления солдат или во время нападения? Наконец Логэйн встал, подошел к дереву и вгляделся в мертвое опухшее лицо. Потом ухватился за труп и с силой потянул его вниз, пытаясь выволить из цепкой хватки ветвей. Тело Дэннона грянулось оземь с глухим чмокающим звуком, и от него хлынула тошнотворная вонь разложения. Логэйн обеими руками нагреб побольше мха, опавших листьев, камешков и соорудил небольшую надгробную насыпь. Не сказать, что это была подобающая могила. Юноша сам не знал, почему так поступил, — просто чувствовал, что так надо.

Вернувшись к костру, он наконец-то впал в беспокойное забытие, в котором не было снов — лишь мелькали обрывки жутких видений. В полудреме ему почудились шаги, он встrepенулся и обнаружил, что уже наступило утро. Сквозь кроны деревьев проникали

тонкие лучики солнечного света, а от костра опять остались одни головешки. Все их раны, ушибы и ссадины чудесным образом исцелились, а рядом были сложены дорожные припасы — два плаща, оружие, отнятое долийцами, и мешок, в котором лежали ломтики хлеба, ягоды, полоски вяленого мяса и блестящее краснобокое яблоко.

Хижина оказалась совершенно пуста — только пыль да труха по углам, словно здесь уже много лет не бывало ни единой живой души. Мэрик и Логэйн обшарили все вокруг, но от ведьмы не осталось и следа. А еще исчезла импровизированная могила. Похоже, теперь они вольны были уйти.

На то, чтобы выбраться из Диких земель, ушло четыре дня. Ведьма сказала Мэрику, что они отыщут нужную дорогу, как только отойдут от ее хижины. И верно, не прошло и часа, как впереди на дереве зачирикала синешейка. Ее появление здесь казалось настолько неуместным и пела она так сладко, что беглецы не могли не обратить на нее внимание. Едва они подошли ближе, птица перепорхнула на соседнее дерево, и так продолжалось, пока Логэйн не сообразил, что им указывают дорогу. Тогда они уверенно двинулись следом. Когда синешейка появилась и на следующее Утро, сомнений уже не осталось.

Погода по большей части была благосклонна к путникам — дождь лил только в первую ночь, а остальные ночи были прохладными, но сухими. К Мэрику очень скоро вернулась прежняя говорливость. Логэйн грозился отобрать у него плащ — вот продрогнет как следует, авось опять примолкнет, — однако сам сознавал, что болтовня Мэрика его больше не раздражает. Притворяясь безразличным, он исподтишка прислушивался к рассказам спутника обо всем на свете.

Логэйн совершенно точно знал, что они идут по тем местам, где хозяйничают долийцы. Не единожды он мог бы поклясться, что чувствует чужой взгляд, но никого в глубине леса не заметил. Эльфы очень хорошо умели прятаться от посторонних глаз, во всяком случае эти эльфы.

Ничего непредвиденного с беглецами больше не приключалось, хотя на третью ночь они вышли к древним, поросшим мхом и травой развалинам. Зрелище было необычное: высоченные каменные арки выгибались, точно исполинские ребра. По всей видимости, когда-то они служили опорой громадному своду. Часть фундамента и длинная каменная лестница уцелели, хотя изрядно растрескались и под напором неумолимой зелени готовы были вот-вот рассыпаться. Мэрик при виде всего этого пришел в благоговейный восторг и довольно долго осматривал и обшаривал руины. Он нашел остатки алтаря, украшенного резьбой, которая, вероятно, когда-то изображала драконью голову. Теперь линии почти стерлись, но принц каким-то образом видел, где могли быть глаза и зубы, и водил по ним пальцем. Вне себя от восторга, он рассказал Логэйну, что это, скорее всего, храм древней империи Тевинтер, возведенный в те времена, когда ее армии вторглись в южные земли и вели затяжную войну с варварскими племенами. То, что этот храм, пусть и разрушенный, сохранился до нынешних времен, производило на Мэрика глубокое впечатление. Логэйн знал об империи Тевинтер только то, что когда-то там правили колдуны, а он решительно не хотел больше иметь дело с магией. Ему действовала на нервы сама мысль о том, чтобы заночевать в руинах языческого храма, и, хотя Мэрик посмеивался над его суеверностью, он не стал возражать, и беглецы двинулись дальше.

Вскоре им опять встретились волки. Тогда Логэйн впервые стал склоняться к мысли, что ведьма использовала могучие чары не только для того, чтобы послать им птицу-проводника. Он стоял с нацеленным луком, следя за каждым движением животных, а рядом, затаив дыхание, замер Мэрик. Стая, однако, держалась на почтительном расстоянии, и хотя не сводила глаз с беглецов, но нападать явно не собиралась. Тогда Логэйн и Мэрик осторожно двинулись через лес, а десятка два крупных волков сидели и молча смотрели им вслед. Когда хищники скрылись из виду, Логэйн шумно выдохнул. Потом он объявил, что, пока жив, не желает больше связываться ни с какой магией, — и Мэрик вполголоса поддержал его.

К середине четвертого дня пути окружающий лес настолько поредел, что Логэйн убежденно заявил: они, дескать, покинули Дикие земли Коркари. Он считал, хотя и не знал

наверняка, что синешейка вела их на запад — именно в том направлении, которое сам Логэйн выбрал изначально. Значит, они находятся довольно далеко от Лотеринга, в нагорьях на западе Внутренних земель. И в самом деле, почва под ногами становилась все более каменистой, а вдалеке проступали величественные очертания Морозных гор. Приятно было снова увидеть горизонт. Долгое пребывание в лесных дебрях, промозглых и туманных, могло кого угодно свести с ума.

Когда зашло солнце, синешейка исчезла.

— Как думаешь, она еще вернется? — спросил Мэрик.

— А мне почему знать?

— Но это же ты у нас знаток чародейства и волшебства?

Логэйн фыркнул:

— Птица вывела нас из Диких земель. Ее дело сделано. — Он нетерпеливо глянул на принца. — Трудно будет найти эту вашу мятежную армию? Надежно ее не спрячешь, не иголка все-таки.

— Все эти годы мы ухитрились избегать прямого столкновения с узурпатором, так что понятия не имею.

Мэрик вскочил на ближайший валун и окинул взглядом нагорья. Закат расписал небо сочными красками — оранжевой и алой.

— Думаю, они и в самом деле могут быть где-то неподалеку. Если бы ты раньше спросил, где мы стали лагерем, я бы ответил — к западу от Лотеринга. Стало быть здесь?

— Замечательно.

Логэйн выбрал для стоянки небольшую прогалину и отправил Мэрика за хворостом. Теперь, когда они выбрались из векового тумана, развести приличный костер было куда проще, однако Логэйн знал, что огонь будет замечен издали, особенно в нагорьях. Вполне вероятно, что преследователи Мэрика ищут его до сих пор — даже здесь, в этих местах. Почему знать, вдруг то, что Логэйн говорил про магов, которые высматривают Мэрика в хрустальном шаре, чистая правда? Быть может, эти маги следят за каждым, кто выйдет из леса, — и что тогда?

Костер уже понемногу разгорался. «Что ж, — подумал Логэйн, — придется рискнуть». Если он станет принимать в расчет еще и магию, то в конце концов рехнется.

— Я снова видел волков, — объявил Мэрик, вернувшись с охапкой хвороста.

— И что? Они вели себя враждебно?

— Они на меня не напали, если ты это имеешь в виду. Но собирались.

— Они сами тебе это сказали?

— По сути, да. Послали кролика с запиской, в которой сообщали о своих намерениях. — Мэрик бесцеремонно швырнул свою поклажу у костра. — Я подумал, что это довольно мило с их стороны.

Логэйн промолчал, и Мэрик, усевшись на траву, уставился в темнеющее небо.

— А может, это были оборотни? Интересно, как отличить их от обычных волков?

«Начинается», — подумал Логэйн. Не поднимая головы, он понемногу подбрасывал хворост в огонь.

— Не знаю и знать не хочу.

— Мне припомнилась легенда, которую рассказывал один мой наставник. О том, как в Диких землях Коркари появился туман. Эта история связана с оборотнями.

— Как интересно.

Как обычно, Мэрик словно и не заметил, что в голосе Логэйна прозвучало полнейшее отсутствие интереса.

— Было это еще до того, как король Каленхад объединил племена клейнов. Волков одолел странный недуг, и в их тела вселились могущественные демоны. Волки превращались в чудовищ, которые нападали на окрестные деревни и хутора, а когда их загоняли в Дикие земли — снова принимали волчий облик и прятались.

— Суеверные рассказы, — пробормотал Логэйн.

— Нет-нет, так и было на самом деле! Вот почему местные жители и поныне поголовно держат собак. В те времена пес мог издали учуять оборотня и предупредить хозяина об опасности, а то и броситься в бой, чтобы человек успел убежать. Говорю тебе, это было самое настоящее поветрие.

Логэйн с минуту молчал, обреченно взирая на Мэрика.

— И какое отношение все это имеет к туману? — осведомился он.

— Легенда гласит, что один владетельный эрл в конце концов собрал войско из охотников и собак и двинулся в Дикие земли. Много лет они убивали всякого волка, который попадался им на пути, не важно, одержимого или нет. И вот последний оборотень поклялся им отомстить. Он пронзил себе сердце тем самым клинком, который убил его подругу, и, едва кровь пролилась на землю, в том месте начал подниматься туман. Туманная пелена расплзалась по всему лесу, и в конце концов армия эрла заблудилась. Они так и не отыскали дорогу домой, и со временем эрлинг пришел в запустение. Мой наставник утверждал, что в старинных руинах до сих пор бродят призраки женщин, которые все ожидают возвращения своих мужей.

— Что за чушь! — устало вздохнул Логэйн. — Призраков не существует. Да и туман в Диких землях не настолько густой, чтобы кто-то мог в нем заблудиться. Он только Досадная помеха, не более.

— Может, в давние времена было по-другому? — пожал плечами Мэрик. — Так или иначе, говорят, что некоторые оборотни все-таки уцелели. Они скрываются в здешних местах и нападают на всякого одинокого путника.

— Ну, мало ли что говорят.

— Мой наставник был весьма ученый человек.

Логэйн встал, отряхнулся, повернулся к полулежащему на траве Мэрику — и в этот миг над самым его ухом свистнула стрела.

— Что за... — Мэрик в смятении сел.

— Ложись!

Логэйн пригнулся и обнажил меч. Мэрик упал на землю и принялся вертеть головой, пытаясь разглядеть, откуда прилетела стрела. Не желая заводить неуместный спор, Логэйн ухватил его за капюшон плаща и повалил ничком. Уже слышен был топот копыт — к прогалине приближались несколько всадников, — и Логэйн мысленно обозвал себя дураком. Если погоня уже сумела их настичь, значит, он недооценил, насколько этим людям нужен принц Мэрик.

— Надо прорываться! — выкрикнул Мэрик.

Он тоже сжимал в руке кинжал, а на прогалину уже рысью въезжали двое всадников. Это были солдаты в кольчужных доспехах и закрытых шлемах.

Когда первый всадник проскакал мимо Логэйна, тот поднырнул под руку, и шипастый шар кистеня зловеще свистнул над самой головой. Второй всадник мчался почти вплотную к первому, и Логэйн, метнувшись вперед, ударил мечом снизу вверх, прежде чем солдат успел замахнуться. Логэйн ощутил, как острие меча воткнулось под мышку противника, — и воин вскрикнул от боли. Выдернув меч, Логэйн успел подставить его под удар, и цепь с массивным шаром обмоталась вокруг клинка. Напрягшись, он резко дернул — и всадник, изумленно вскрикнув, вылетел из седла.

Он неуклюже грянулся оземь и откатился, крепко сжимая кистень. Логэйн едва успел высвободить свой меч. Но напарник поверженного воина уже несея прямо на юношу. Тот успел только увидеть, как взметнулся, целя в него, шипастый шар. Удар пришелся в грудь, и ребра отчетливо хрустнули. Логэйна отшвырнуло на несколько шагов.

— Эй! — пронзительно закричал Мэрик, с кинжалом в руке бросаясь в драку.

Он воткнул кривое лезвие в ногу всадника. От боли тот пронзительно закричал и невольно дернул на себя поводья, отчего лошадь взвилась на дыбы и тоненько заржала. Упавший солдат стонал, пытаясь отползти в сторону. Мэрик перепрыгнул через него и бегом бросился к валявшемуся на земле спутнику.

Стиснув зубы, преодолевая чудовищную боль в груди, Логэйн попытался сесть. Он хотел крикнуть Мэрику, чтобы тот бежал без оглядки, но было поздно. На прогалину выехали еще четверо всадников, и среди них рыцарь в искусно сработанном пластинчатом доспехе. Под ним был крупный вороной конь, на голове — закрытый шлем с зеленым плюмажем. Командир отряда.

Внезапно рыцарь подал знак всадникам, которые ехали за ним, остановиться. Лошади загарцевали. Раненый солдат, в ноге которого торчал кинжал Мэрика, кое-как осадил коня, шипя и ругаясь сквозь зубы.

Логэйн зашелся в мучительном кашле, но все же сумел подняться на ноги. Он стоял рядом с Мэриком, и оба они не сводили глаз со всадников. Почему они не нападают? Логэйн шагнул вперед, заслонив собой Мэрика, и поднял меч, передернувшись от боли в треснувших ребрах.

— Первый, кто приблизится, лишится руки! — отчеканил он. — Это я вам обещаю.

Двое всадников подали коней назад, вопросительно поглядывая на рыцаря с зеленым плюмажем. Тот не тронулся с места, молча, в упор глядя на Мэрика и Логэйна.

— Мэрик?

В голосе, прозвучавшем из-под шлема, было что-то странное.

Мэрик потрясенно ахнул. Логэйн, не опуская меча, покосился на него:

— Вы знакомы?

Рыцарь сунул меч в ножны. Потом резким движением сдернул с головы шлем. Это была девушка. Завитки густых каштановых волос липли к бледному, лоснящемуся от пота лицу, но, как ни странно, это ее отнюдь не портило. Она была скуласта, с крепким подбородком, какой мечтал бы вылепить любой скульптор, и держалась уверенно — было видно, что доспехи она надела отнюдь не прихоти ради. Эта Девушка была таким же воином, как и солдаты, которыми она командовала, и, хотя ферелденские женщины, случалось, воевали наравне с мужчинами, все же это явление было редкостью.

На Логэйна девушка не обратила никакого внимания. Она потрясенно смотрела на Мэрика, а он, судя по всему, тоже был потрясен до глубины души.

— Роуэн?.. — пробормотал он.

Девушка спешила, держа под мышкой шлем. Молча бросив поводья одному из спутников, она широким шагом двинулась прямо к принцу. Логэйн уступил ей дорогу, но меч так и не опустил. Она не произнесла ни слова, только смотрела темными глазами на Мэрика.

Юноша явно был в полном замешательстве.

— Э-э-э... здравствуй, — наконец пробормотал он. — Рад тебя видеть...

Девушка все так же молчала, только губы ее угрожающе сжались.

— А ты разве мне совсем не рада?

И тогда девушка ударила его. Латный кулак впечатался в челюсть и сбил Мэрика с ног. Изогнув бровь, Логэйн с легким интересом смотрел, как Мэрик валяется на земле и стонет, держась обеими руками за лицо, а затем повернулся к девушке-рыцарю. Она была вне себя от бешенства.

Логэйн убрал меч в ножны.

— Да, — сказал он, — теперь я точно вижу, что вы знакомы.

Мэрик был рад увидеть Роуэн. Точнее говоря, безумно рад. По крайней мере до той минуты, пока девушка его не ударила. Принц полагал, что его физиономии в последнее время и так слишком много доставалось. Не без труда поднявшись на ноги, он поспешно принялся объяснять, что к чему, — и сделал это как нельзя кстати, потому что Роуэн уже кипела от ярости. Мэрик с детских лет обладал несчастливым даром выводить ее из себя. Будучи ребенком, он зачастую необдуманно доводил ее до бешенства, а потом в поисках защиты мчался к матери. Та только снисходительно посмеивалась. Став постарше, Мэрик научился различать признаки близкой бури, но сейчас, похоже, слегка подзабыл, как это делать.

Роуэн и ее солдаты разглядели их костер издалека и решили, что Мэрик в плену у

Логэйна. Вернее сказать, Роуэн увидела, что Мэрик лежит на траве, и сочла, что он без сознания или вообще мертв. Когда же он не только не обратился в бегство при первом удобном случае, но и бросился защищать спутника, Роуэн заключила, что они в сговоре и что Мэрик удрал от матери, хотя вслух этого не сказала. Потребовалось немало убедительных слов, прежде чем Роуэн скрепя сердце поверила, что Мэрик и Логэйн направлялись в лагерь мятежников и что, если бы не Логэйн, Мэрика давно уже не было бы в живых.

— Вот как? — проговорила Роуэн, наконец-то соизволив поглядеть на Логэйна. Рассказ Мэрика, похоже, ее не слишком впечатлил. — В таком случае, сер, я должна извиниться.

Неприкрытое подозрение, с которым были произнесены эти слова, практически сводило их смысл на нет, но Логэйна это скорее позабавило, чем задело.

— Похоже что так, — согласился он, протягивая руку. — Логэйн Мак-Тир к твоим услугам.

— Роуэн Геррин, — отозвалась девушка с сомнением, возможно, потому, что любой другой мужчина в такой ситуации поклонился бы или галантно поцеловал руку, пусть даже она и в грош не ставила подобные церемонии. Она протянула руку, и Логэйн крепко пожал ее. Роуэн тотчас отвернулась, возможно чуточку торопливее, чем пристало. — Сомневаюсь, сер, что мне понадобятся твои услуги.

— Я их и не предлагаю, просто так говорят.

— Это леди Роуэн, — вмешался Мэрик, — дочь эрла Редклифа, который... который, надеюсь, по-прежнему находится при армии?

— О да... — Роуэн еще раз посмотрела на Логэйна, затем повернулась к Мэрику, нахмурилась, озабоченно глядя на него. — Мы искали тебя. Отец уже хотел объявить тебя мертвым и двинуть армию дальше. — Взгляд Роуэн смягчился, и она с непривычной нежностью коснулась ладонью Щеки Мэрика. — Дыхание Создателя! Когда мы слышали, что эти негодяи сделали с королевой, мы так испугались за тебя! Смерть или тюрьма... — Роуэн вдруг порывисто обняла Мэрика, крепко прижала к закованной в латы груди. — Но ты жив! И свободен!

Мэрик терпеливо сносил эти сокрушительные объятия, только умоляюще косился на Логэйна. Тот даже не шелохнулся, — судя по всему, эта сцена его забавляла. Наконец Роуэн разжала руки, отстранилась и помедлила, глядя на Мэрика с таким видом, словно не знала, что говорить дальше.

— Твоя мать...

Мэрик горестно кивнул:

— Ее убили у меня на глазах.

— Узурпатор велел, чтобы ее тело отправили в Денерим. Он устроил праздник, приказал выставить ее... — Роуэн осеклась, и голос ее задрожал. — Не думаю, что тебе хочется это знать.

— Да. Наверное, не хочется.

Мэрик знал, что узурпатор обожает выставлять врагов на всеобщее обозрение, а уж тело Мятежной Королевы, без сомнения, было самой ценной добычей. Принц содрогался, гоня прочь непрощенные картины, которые рисовало воображение, — одна отвратительнее другой.

Логэйн подался вперед, кашлянул с преувеличенной учтивостью:

— Не хотелось бы прерывать вашу милость...

— Можно просто — Роуэн, — перебила она.

Логэйн вопросительно глянул на Мэрика, но тот лишь беспомощно развел руками.

— Не хотелось бы прерывать тебя, Роуэн, — повторил Логэйн, — но, может, нам стоит поскорее покинуть это место? Наш костер могли заметить и другие.

Девушка отступила от Мэрика, и на лице ее вновь появилось собранное, деловитое выражение. Она обеспокоенно посмотрела на горизонт и кивнула:

— Ты прав. — Затем Роуэн повернулась к солдатам, которые из учтивости наблюдали с приличного расстояния. — Оставьте пару коней нам. Поедете по двое. Я хочу, чтобы вы

вернулись к отцу и сообщили, что я нашла принца.

Солдаты замялись, — быть может, им не хотелось оставлять Роуэн без охраны.

— Поезжайте! — В голосе Роуэн прибавилось нажима. — Мы поскачем следом.

Когда всадники ускакали, оставив после себя клубы пыли, Роуэн пояснила:

— Отец получил странные донесения. Во Внутренних землях было замечено немало солдат. Ищеек узурпатора... — Девушка тяжело вздохнула. — Быть может, мы слишком долго стояли лагерем в этих местах.

— И ты отослала телохранителей?

— В качестве приманки. — В голосе Логэйна мелькнула тень одобрения.

Роуэн вновь забралась на коня.

— Если бы мы и впрямь наткнулись на врагов, несколько солдат нас не спасли бы. — Она искоса глянула на Мэрика и озорно усмехнулась. — К тому же, насколько я помню, ты у нас превосходный наездник. Если понадобится, мы запросто ускачем от погони.

Мэрик сделал вид, что ничего не слышал, и забрался в седло. Дело оказалось не из легких — конь нервничал и отказывался стоять на месте. Наконец принц кое-как уселся в седле. Конь, почуяв его неуверенность, беспокойно заржал.

— Я вечно падаю, — с натушной усмешкой пояснил Мэрик Логэйну. — Это мое любимое занятие.

— Тогда постарайся ни на кого не наткнуться.

У Логэйна, судя по всему, верховая езда никаких затруднений не вызывала. Словно желая показать это, он рысью проехал мимо Мэрика и поравнялся с Роуэн. Мэрик, скривившись, проводил его взглядом.

Роуэн, похоже, была удивлена.

— Ты умеешь ездить верхом? Как необычно для...

Девушка замялась, подыскивая наиболее уместное слово.

— Простолюдина? — договорил за нее Логэйн. И презрительно фыркнул. — Как занятно слышать такое суждение от той, кто живет под открытым небом и, может быть, клянчит пропитание у трусов!

Роуэн стиснула зубы, и глаза ее гневно блеснули. Мэрик решил, что не станет предостерегать спутника насчет крутого нрава девушки. В конце концов, Логэйн уже большой мальчик. Верхом ездит и все такое.

— Я имела в виду, — отрывисто проговорила девушка, — что не у всякого есть возможность обучаться верховой езде.

— Мой отец выращивал лошадей на хуторе. Он меня и обучил.

— А хорошим манерам тебя тоже обучал отец?

— Нет, — холодно ответил Логэйн, — манерам меня учила мать. Во всяком случае пыталась, до того как ее изнасиловали и убили орлесиянцы.

Глаза Роуэн широко раскрылись, а Логэйн развернул коня и поскакал прочь.

Мэрик не без труда подъехал к Роуэн.

— Да уж, неловко получилось, — заметил он.

Девушка воззрилась на него так, словно у того выросли еще две головы.

— Кстати, просто так, чтобы тему сменить... — Мэрик откашлялся, прочищая горло. — Разве мы не собираемся поехать следом за солдатами, которых ты отослала? Потому что если собираемся, то они довольно быстро удаляются от нас. Очень быстро. Я бы сказал, совсем удалились.

— Нет, — отрезала Роуэн. — Мы поскачем другим путем.

— Тогда, может быть, уже пора двигаться?

Не сказав больше ни слова, Роуэн надела шлем и пришпорила коня. Ее зеленый плюмаж развевался на ветру.

Глядя ей вслед, Мэрик пытался представить, какова была бы нормальная жизнь Роуэн. Ферленцы — народ грубоватый и практичный, и женщин-воинов они почитают ничуть не меньше, чем мужчин, но знать на это смотрит иначе. Если бы не мятеж, дочь эрла сейчас

красовалась бы в нарядных платьях и разучивала самые модные при орлесианском дворе танцы, а не помогала бы отцу командовать армией.

Семья Роуэн многим пожертвовала. Эрл Рендорн оставил свой бесценный Редклиф во власти узурпатора. Эрлесса, его жена, умерла от лихорадки во время одного из переходов, а младших сыновей, Эамона и Тегана, он отослал к дальней родне на север. Если бы они сейчас вернулись в Ферелден, узнали бы они вообще своего отца?

Вся их семья многое отдала, чтобы помочь Мятажной Королеве. А теперь она мертва.

Да, такую жизнь никак не назовешь нормальной.

Они углубились в горы, следуя тропой, которую Роуэн явно знала как свои пять пальцев. Мэрик мог только гадать, сколько раз девушка прежде проезжала этим путем, разыскивая его, и с какой стати она вообще столько сил потратила на поиски. Да, конечно, Мэрик — наследный принц, сын Мятажной Королевы, но уже через два-три дня после ее гибели шансов отыскать его практически не осталось. Мятажникам следовало бы уйти отсюда... без него.

Ехать верхом по гористой местности было нелегко, и Мэрик радовался уже тому, что как-то умудряется держаться в седле. Остановились они только один раз — когда Мэрик сообразил, что у Логэйна кровоточат раны на груди. Принц подал Роуэн знак остановиться, а затем ему пришлось едва ли не силой стаскивать Логэйна на землю, чтобы сделать перевязку. Того, само собой, эта непредвиденная задержка только взбесила, и Мэрик, глядя на него, поневоле задумался: а сумел бы он, получив от всадника удар кистенем, остаться на ногах и упорно делать вид, что все в порядке? Пожалуй, что и не смог бы.

Наконец они встретили несколько часовых, которые отдали честь Роуэн и только потом, узнав Мэрика, застыли с разинутым ртом. Как видно, известие, что принц отыскался, еще не разлетелось по всему войску.

Очень скоро Мэрик, Логэйн и Роуэн, проехав между палатками, оказались в самом сердце лагеря в небольшой долине между холмами. Мать Мэрика любила Внутренние земли именно за то, что здесь было множество таких потаенных местечек, где без труда могла укрыться армия. Отсюда мятежники могли быстро добраться почти в любое место северных низин и так же быстро отступить в укрытие. В этом краю мать Мэрика кропотливо, практически на пустом месте создала армию, которая вот уже добрых десять лет изрядно отравляла жизнь орлесианцам.

Логэйн с некоторым удивлением разглядывал скопище палаток, мимо которых они проезжали. По правде говоря, этот лагерь во многом напоминал уютный изгоев, разве что был намного обширнее. Палатки — потрепанные и грязные, и солдаты в большинстве своем выглядят не лучше. Ряды мятежников годами пополнялись за счет обозленных на узурпатора дворян, людей, которые решились бросить свои земли и имущество. Те, кто не мог вступить в армию, иногда предлагали провизию или кров, если таковой имелся у них самих, — впрочем, это случалось нечасто. Матери Мэрика не раз доводилось опускаться до того, чтобы кланчить милостыню, — в этом Логэйн был сокрушительно прав.

Едва только прозвучал первый крик: «Это принц!» — как из палаток хлынули люди, со всех сторон подбегая к Мэрику, Логэйну и Роуэн. Вначале их было немного, но очень скоро троих всадников окружила целая толпа. Солдаты теснились вокруг, и их грязные лица сияли от счастья, десятки рук тянулись к Мэрику.

— Принц!

— Принц вернулся! Он жив!

Гул толпы становился все громче, и в нем звучали восторг и ликование. Иные солдаты, постарше, не стесняясь, плакали, другие обнимались и неистово потрясали кулаками. Роуэн сдернула с головы шлем, и Мэрик увидел, что глаза ее тоже увлажнились. Она дотянулась до Мэрика, подняла его руку — и ликующая толпа отозвалась на этот жест одобрительным ревом.

Эти люди любили его мать всем сердцем. Каково было им потерять ту, ради которой

большинство из них отказалось от нормальной жизни? Мэрик, тронутый до глубины души, вдруг осознал, что его возвращение стало для них в некотором роде победой, как если бы отчасти вернулась сама королева Мойра. При мысли о матери у него перехватило дыхание.

Роуэн крепко стиснула его руку. Она все понимала.

Логэйн держался чуть позади. Вид у него был страдальческий — он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Мэрик обернулся к спутнику, жестом настойчиво призывая его выехать вперед. В конце концов, если бы не он, принц вообще не добрался бы до лагеря. Юноша, однако, лишь помотал головой и не тронулся с места.

Земля вдруг содрогнулась от грохочущей поступи. Из глубины лагеря к толпе неспешно шагала каменная фигура ростом добрых десять футов. Ликующие возгласы притихли — кое-кто из солдат почтительно расступился перед этим внушительным явлением, однако для большинства этот странный исполин, судя по всему, был вполне привычным зрелищем.

Логэйн потрясенно уставился на ожившего истукана:

— Что это?!

Мэрик хихикнул, наконец-то отыгравшись за все:

— Да так, ничего особенного. Просто голем.

Он вдоволь поохотался бы над недоверчивым взглядом Логэйна, но тут через толпу солдат решительно протолкался хозяин голема. Он был высокого роста, но настолько худ, что выглядел отнюдь не внушительно — тщедушный и худосочный. Если окружающие и спешили уступить ему дорогу, так это потому, что на нем были красочные одеяния высокопоставленного чародея Круга магов.

— Принц Мэрик! — крикнул он издали, хмурясь со знакомым нетерпеливым видом.

Этот человек много лет служил советником и помощником эрлу Рендорну и был в хороших отношениях с королевой. С самим же Мэриком он всегда обходился так, словно тот был строптивым учеником, которого надлежит держать в ежовых рукавицах. Маг пребывал в вечном недовольстве, всегда хмурился и на всех смотрел свысока. При этом он оставался неизменно верен и надежен, а потому Мэрик ничем не выдал своей неприязни и приветственно кивнул.

— Вильгельм, я нашла его! — счастливо рассмеялась Роуэн.

— Вижу, миледи, — проворчал маг. Ликующие крики продолжались, но маг, словно не слыша их, воззрился на Мэрика с нескрываемым подозрением. — И на удивление вовремя.

— Почему?

— Вначале убедимся, что ты и вправду тот, за кого себя выдаешь.

Руки Вильгельма задвигались, совершая сложные пассы, напряженный взгляд, казалось, обшаривал мысли Мэрика. Огненные искорки завертелись вокруг мага, разгораясь все ярче. Ликующие крики разом оборвались, и большинство тех, кто стоял поблизости, шарахнулось прочь, да так поспешно, что кое-кто из солдат упал.

— Вильгельм! — Роуэн, нагнувшись с седла, ухватила мага за запястье. — В этом нет нужды!

— Есть! — огрызнулся он, резко отдернув руку.

Он завершил заклинание, чуть слышно пробормотав нужные слова, и Мэрик ощутил прикосновение магии. Незримые булавки то тут, то там покалывали кожу, щекотали изнутри голову. Логэйн обеспокоенно наблюдал за происходящим, но не вмешивался.

Наконец Вильгельм отступил, явно удовлетворенный тем, что обнаружил:

— Прошу прощения, ваше высочество. Я должен был убедиться.

— Уж я бы всегда узнала Мэрика с первого взгляда! — заявила Роуэн.

— Не уверен. — Вильгельм повернулся к притихшим солдатам, которые не сводили с него глаз. — Солдаты! — выкрикнул он. — Пора готовиться к битве! Ваш принц вернулся, и теперь будьте готовы защищать его!

Словно для того, чтобы прибавить веса словам мага, каменный голем встал у него за спиной и обвел толпу жутковатым взглядом злобно горящих глаз.

Солдаты тотчас ожили, заметались, несколько офицеров, затесавшихся в толпе,

принялись выкрикивать приказы. Мэрик с растущей тревогой воззрился на мага.

— Зачем все это? Что происходит?

— Пойдем. Эрл сам тебе все объяснит.

С этими словами маг развернулся и проворно зашагал к центру лагеря. Голем, неуклюже ступая, последовал за ним.

Мэрик переглянулся с Роуэн, и оба спешили. Тотчас подбежал солдат и принял у них коней. Логэйн, однако, остался в седле и неловко поглядывал сверху вниз на Мэрика.

— Мне, пожалуй, самое время уйти, — пробормотал он.

— И куда ты пойдешь?

Мэрик насупленно уставился на Логэйна, но, прежде чем тот ответил, Роуэн взяла его за руку и повлекла прочь.

Принц подчинился, но оглянулся на молодого изгоя. Тот по-прежнему сидел в седле, и вид у него был до крайности неловкий, а солдат, стоявший рядом, терпеливо ждал, когда сможет принять коня. Мэрику стало почти жаль недавнего спутника. Наконец Логэйн тяжело вздохнул, спешился и, вручив поводья солдату, поспешил за принцем и Роуэн.

Чем ближе подходили они к центру долины, тем суматошнее становилось вокруг. Солдаты строились в боевом порядке, спешно сворачивались палатки, куда ни глянь — всюду беготня и крики... Это был управляемый хаос — зрелище, в общем, для Мэрика привычное. Ему только не нравилось, что у всей этой суматохи был отчетливый оттенок паники. Принц и прежде не раз видел, как армия его матери срывается с места, — и то, что творилось сейчас в лагере, было очень похоже на паническое бегство.

В самом средоточии этой суеты он разглядел эрла Рендорна, отца Роуэн. Не заметить его было мудрено — сразу бросалась в глаза сильверитовая кольчуга, которую мать Мэрика много лет назад подарила своему самому доверенному другу и полководцу. Седовласый, осанистый, эрл Рендорн был воплощением аристократического духа, и Мэрик вдруг обнаружил, что очень рад его видеть. Приказы окружавшим его солдатам он отдавал быстро, деловито и четко. Ему подчинялись беспрекословно, и ни одного слова не приходилось повторять дважды.

Вильгельм замахал рукой эрлу, хотя в этом вряд ли была необходимость: каменный истукан, высившийся за спиной мага, привлекал всеобщее внимание. Эрл обернулся, увидел Мэрика и двинулся к нему через шеренги солдат, просияв широкой и радостной улыбкой.

— Мэрик! — рявкнул он, хлопая принца по плечу. — Да ведь это же ты!

— Именно это мне твердят все кому не лень, — ухмыльнулся Мэрик.

— Хвала Создателю! — Глаза эрла на миг затуманились печалью. — Если бы твоя мать могла узнать, что ты уцелел, она гордилась бы тобой. Молодчина!

— Вот видишь, отец, — вмешалась Роуэн, — я же говорила, что найду его!

Эрл одарил дочь взглядом, в котором восхищение смешивалось с неистребимой досадой.

— Говорила, конечно же говорила. Зря я сомневался в тебе, малыш.

С этими словами он повернулся к офицерам, которые потрясенно таращились на Мэрика. Повелительный окрик эрла привел их в чувство, и они поспешили вернуться к делам.

— Пойдем в шатер, — сказал эрл Рендорн. — Наверняка тебе есть что рассказать, но это подождет. Правду говоря, ты вернулся в довольно опасную минуту и как нельзя вовремя.

Он отступил к большому красному шатру и отдернул полог. Вильгельм тотчас же с надменным видом протиснулся в шатер, как будто приглашали в первую очередь его. По чести говоря, Мэрик никогда не понимал, как может эрл Рендорн терпеть такое поведение человека, который был по сути наемным работником, присланным из Круга магов. Эрла тем не менее выходка Вильгельма больше развеселила, чем оскорбила.

Однако это веселье тотчас сошло на нет, едва он увидел, что к шатру направляется Логэйн. Эрл резко вскинул руку, преграждая ему путь:

— Погодите, это еще кто такой?

Логэйн остановился, оглядел руку эрла, выразительно изогнув бровь.

— Это Логэйн, — сказал он. — Логэйн Мак-Тир.

— Он пришел со мной, — с готовностью пояснил Мэрик.

Глаза эрла подозрительно сузились.

— Я не знаю такого имени.

— А тебе и знать незачем.

Взгляды их скрестились, высекая невидимые искры. Мэрик поспешно встал между ними, вскинул руки, стремясь предотвратить неизбежное столкновение.

— Логэйн помог мне, — сказал он Рендорну, стараясь говорить сдержанно. — Я добрался сюда, ваша светлость, только благодаря ему. Если бы не он и не его отец, вы бы, скорее всего, меня больше никогда не увидели.

Эрл Рендорн с минуту помедлил, переваривая это заявление, затем кивнул Логэйну:

— Если это так, мы все тебе крайне признательны. Ты сослужил нам великую службу, и я позабочусь о том, чтобы тебя достойно вознаградили.

— Мне не нужны награды.

— Как пожелаешь. — Эрл повернулся к Мэрику, и лицо его помрачнело. — Мальчик мой, нам надо поговорить, и этот разговор не предназначен для ушей простолюдина, тем более незнакомого. — Он учтиво кивнул Логэйну. — Не в обиду будет сказано.

— Какие уж там обиды, — проворчал Логэйн.

Сочтя это дело улаженным, Рендорн хотел было войти в шатер, но Мэрик решительно заступил ему дорогу:

— Он не простолюдин!

В голосе Мэрика прозвучала такая злость, что эрл опешил. Роуэн, стоявшая в шаге от них, тоже удивилась, но лишь молча вскинула брови. Даже Логэйн посмотрел на Мэрика так, словно тот слегка спятил.

— Он — сын рыцаря, — твердо сказал Мэрик. — Сын человека, который погиб, служа мне. Кроме того, он не единожды спасал мне жизнь, а потому я требую, чтобы с ним обращались подобающим образом!

Отец Роуэн одарил Мэрика убийственным взглядом. На миг воцарилось напряженное молчание. Затем эрл испытующе воззрился на Логэйна. Тот, казалось, чувствовал, что должен что-то сказать, но никак не мог подобрать подходящих слов. Он лишь пожал плечами и едва заметно, но дерзко усмехнулся.

— Прекрасно, — буркнул эрл. — У меня нет времени на споры.

Он придержал полог, пропустил вперед Логэйна и всех прочих, а потом вошел сам. Голем остался у входа безмолвным часовым.

Большую часть шатра занимал потертый стол, за которым мать Мэрика обычно собирала полководцев. Большое кресло, в котором, сколько помнил себя Мэрик, сидела мать, сейчас красноречиво пустовало. Он постарался не смотреть в его сторону.

— Прямо сейчас, сию минуту на нас движутся солдаты Узурпатора, — объявил эрл Рендорн, едва за ним опустился полог шатра. Никто из них не стал садиться. — Положение отчаянное. Враги точно знают, где мы находимся, и успели почти окружить нас, прежде чем мы узнали об их приближении.

— Магия! — Горбоносое лицо Вильгельма скривилось в неодобрительной гримасе. — Узурпатор немало потрудился, замышляя этот удар.

— Замышляя? — Роуэн сдвинула брови. — Но откуда ему было знать, что мы останемся здесь? Ты давно уже увел бы армию, если бы я не настояла на поисках Мэрика.

Эрл пожал плечами:

— Быть может, они ожидали, что мы именно так и поступим. Или кто-то сообщил им, что мы пока не намерены трогаться с места.

— В ферелденцах, готовых нас предать, недостатка нет, — вздохнул Мэрик. — Именно это и погубило мою мать.

— Есть один план, — объявил эрл. — Ты вернулся, мальчик мой, и у нас появилась

надежда. Еще не все потеряно. Кольцо пока еще не сомкнулось. Если мы выйдем немедленно, взяв с собой только нескольких людей, и воспользуемся магией Вильгельма, нам удастся выскользнуть из петли, прежде чем она затянется окончательно.

— А как же армия? — спросил Мэрик.

Роуэн мрачно кивнула, соглашаясь с отцом.

— Армию мы потеряем. — Девушка положила руку на плечо Мэрику. — Она уже обречена. Мы должны спасти тебя, Мэрик. Чтобы сохранить династию.

— Нет! Нельзя бросать армию! Это безумие!

— Мы соберем новую армию, как это однажды уже сделала твоя мать. — Эрл тяжело вздохнул. — То, что Роуэн так вовремя нашла тебя, — знак Создателя. Мы должны увезти тебя, пока не поздно.

— Нет! — Мэрик яростно заходил по шатру, с гневом глядя на Роуэн и ее отца. — Я просто ушам своим не верю! Не для того я вернулся, чтобы потерять всю армию моей матери! Мы должны что-то сделать!

— Мальчик мой, ничего нельзя сделать, — мягко сказал эрл. — На нас движутся две армии — одна с севера, другая, намного крупнее, — через лес, с востока. Они загнали нас в угол. Если мы попытаемся вырваться, они обрушатся на нас с фланга. Есть только один выход.

— Нет! — упрямо повторил Мэрик. — Мы будем драться!

— Решение глупца, — презрительно фыркнул Вильгельм.

Роуэн осторожно двинулась к Мэрику, печально качая головой:

— Мэрик, сражаться бессмысленно. Ты просто погибнешь, вот и все!

— Значит, погибну, — отрезал он.

Эрл пренебрежительно махнул рукой:

— Этому не бывать. Мальчик мой, я понимаю, что в тебе говорит храбрость, но сейчас гораздо важнее осмотрительность.

Мэрик стиснул зубы:

— И я понимаю, к чему вы клоните, ваша светлость, но решать не вам.

Эрл Рендорн резко развернулся к нему, и глаза его загорелись гневом.

— Не мне? Я командую этой армией!

— Моей армией, — жестко уточнил Мэрик. — Или ты не подчиняешься своему королю?

— Я не вижу здесь короля! — вскипел эрл. — Я вижу только сопляка, который вздумал кичиться своей отвагой! Королева Мойра поняла бы меня. Если бы понадобилось, она бросила бы этих солдат, дабы сохранить дело мятежа!

— Она мертва! — Мэрик изо всей силы грохнул кулаком по столу. — А я лучше сам умру вместе с этими людьми, чем брошу их ради спасения собственной шкуры! Я на это не пойду!

— Не будь ослом! Какой смысл драться только для того, чтобы потерпеть поражение?

— Так победите! — выпалил вдруг Логэйн.

Это было так неожиданно, что даже эрл Рендорн остолбенел, изумленно глядя на него. Роуэн с любопытством изогнула бровь, глядя, как Логэйн с раздраженным видом выступил вперед.

— Не деритесь, чтобы потерпеть поражение, — повторил он. — Деритесь, чтобы победить.

Роуэн беспомощным жестом воздела руки:

— Это невозможно! Все не так просто, как ты думаешь.

— Почему? — Логэйн сумрачно глянул на нее. — Потому что он так сказал?

Эрл словно окаменел.

— Я знаю, что говорю, — процедил он.

— Не сомневаюсь. — Логэйн скрестил руки на груди. — Однако мой отец много лет опережал таких, как ты, просто потому, что поступал так, как они не ожидали.

— И, насколько я понимаю, погиб.

— Наш лагерь окружили, точно так же как вашу армию. Если бы только мы узнали об этом вполтину раньше, чем вы, будь у нас хоть половина вашего снаряжения, хоть какая-то магическая помощь, мой отец сумел бы вырваться из окружения! — Голос Логэйна был тверд как сталь. — Уж это точно.

Эрл покачал головой:

— Ты заблуждаешься.

Мэрик шагнул к Логэйну, и лицо его засветилось робкой надеждой.

— Ты что-то придумал?

Логэйн помедлил, пробежал неуверенным взглядом по лицам эрла Рендорна, Мэрика, Роуэн, словно лишь сейчас осознал, что все трое смотрят только на него. На долю секунды Мэрику почудилось, что Логэйн пойдет на попятную, но затем в его льдисто-голубых глазах вспыхнула решимость.

— Да, — кивнул Логэйн. — Придумал.

Глава 5

Логэйн неловко покосился на рыцарей, отданных под его начало, и уже в который раз спросил себя: как вышло, что он во все это ввязался? Тридцать всадников в тяжелой пластинчатой броне, которые за один последний год сражались больше, чем он, Логэйн, за всю свою жизнь, — и вот ему предстоит ими командовать?

Впрочем, так ему и надо, — в конце концов, он сам предложил этот план. Будь он хоть чуточку умнее, держал бы рот на замке. Однако чем дольше Логэйн слушал, как Мэрик и эрл Рендорн жарко спорят, кому надлежит сыграть в этом замысле решающую роль, тем сильнее злился. Наконец он в крайнем раздражении вскинул руки и объявил, что готов взять эту роль на себя, только бы они уже перестали цапаться.

Мэрик решил, что это блестящая идея. Одно это могло бы намекнуть Логэйну, что все их предприятие обречено на провал.

И тем не менее вот он, здесь, готовый сыграть свою роль. Он надел рубашку из тонкого полотна, сапоги, начищенные до блеска, черные волосы надежно укрыл шлем. Тяжелый пурпурный плащ раньше принадлежал Мятажной Королеве, и это приметное облачение вызывало у Логэйна изрядную неловкость. Кожаные штаны с подкладкой из черного бархата были Логэйну тесноваты, но больше ничего подходящего у Мэрика не нашлось. Сам он в жизни не носил такой дорогой и непрактичной одежды, но сейчас это было необходимо.

Сдерживая коней, Логэйн и приданные ему рыцари стояли посередине неглубокого ручья и ждали, когда появятся враги. Разведчики, которых выслал эрл Рендорн, сообщили, что основная часть армии противника, идущей с востока, должна пройти именно этим путем и что вражеские солдаты появятся из леса, который рос на берегу ручья. Логэйн намеревался внушить им, что они видят принца Мэрика, который бросил армию на произвол судьбы и спасается бегством под охраной небольшого отряда. Логэйн прикинул, что ему, чтобы сойти за Мэрика, достаточно выглядеть издалека важной персоной. Если им повезет, враги разглядят пурпурный плащ, пышный наряд и решат, что эрл Рендорн поступил именно так, как намеревался: отправил Мэрика в безопасное место.

И если Логэйну удастся отвлечь на себя войско, идущее с востока, основная часть мятежной армии встретит удар с севера, не опасаясь нападения с тыла.

А потом? Что ж, Логэйн надеялся, что у мятежников найдется возможность прийти к нему на помощь. А помощь ему понадобится, даже если все пойдет по плану, — чего, как говаривал отец, никогда еще не случалось ни в одной битве. «Как я во все это ввязался?» — спрашивал себя юноша и не находил ответа.

Вокруг было тихо, лишь негромко журчал неутомимый ручей да время от времени то один, то другой конь принимался нервно ржать. Легкий ветерок перебирал листву прибрежных деревьев, и Логэйн дышал полной грудью, наслаждаясь запахом хвои и свежей

воды. На душе у него царило странное умиротворение. Неминуемый бой казался сейчас неизмеримо далеким.

Кое-кто из рыцарей украдкой поглядывал на юношу — личность новоявленного командира явно вызвала сомнения, хоть они и добросовестно пытались это скрыть. Рыцари наверняка ломают голову, кто же он такой. Времени познакомиться как следует у них не было — его едва хватило, чтобы объяснить людям, что им предстоит. Эрл вызвал добровольцев из самых опытных воинов, и вот они здесь. Добровольцы, сказали им, требуются потому, что, скорее всего, никто из них этого боя не переживет.

И почему, собственно, он решил, что это хороший план?

Один из рыцарей, пожилой воин с густыми седоватыми усами, которые виднелись из-под шлема, подошел к Логэйну.

— Сэр Логэйн, — сказал он негромко, — то место, куда нам надлежит поскакать, тебе хорошо знакомо?

— Не нужно титулов. Достаточно просто — Логэйн.

Рыцарь явно опешил:

— Но его светлость сказал, что твой отец...

— Да, можно сказать, что он был рыцарем. А я — нет. — Логэйн с любопытством глянул на собеседника. — Тебе не-приятно, что вами командует простолюдин?

Рыцарь оглянулся на своих товарищей, которые жадно ловили каждое их слово. Затем он перевел взгляд на Логэйна и решительно покачал головой.

— Если все это и впрямь задумано для того, чтобы уберечь принца, — твердо сказал он, — то я был бы готов пойти в бой даже под началом своего злейшего врага. И отдать жизнь, если потребуется.

— И я тоже! — вставил другой рыцарь, помоложе.

Остальные согласно закивали.

Логэйн окинул взглядом своих спутников, дивясь их твердой решимости. Быть может, удача им все-таки улыбнется.

— Я уже как-то проходил по этим местам, — сказал он вслух. — Дальше к югу, по течению ручья, за горным кряжем и равниной, есть обширный, почти отвесный утес. По его склону к вершине ведет одна-единственная узкая тропа.

— Я знаю это место, — отозвался один из рыцарей.

— Добравшись до утеса, мы верхом и как можно быстрее поднимемся по этой тропе. Наверху есть плоская, удобная для обороны площадка. Если мы сумеем перекрыть тропу...

— Склон чересчур крутой, — дрогнувшим голосом заметил тот же рыцарь. — Выбраться оттуда иначе чем по тропе невозможно.

— Невозможно, — согласно кивнул Логэйн.

Он помолчал, давая рыцарям время осознать смысл этих слов. Логэйн предполагал, что враги нипочем не захотят упустить возможность поймать «принца», а стало быть, не отступятся и не двинутся на основные силы мятежников. Значит, ему и добровольцам, которых отобрал эрл, надо будет постараться, чтобы маскарад не вызвал у противника и тени сомнения. Постепенно рыцари перестали шептаться, примолкли и стали ждать, когда наконец покажутся враги. Впрочем, ничего другого им и не оставалось.

Ждать, по счастью, пришлось недолго.

Когда из-за деревьев высунулся первый солдат, Логэйн пустил стрелу. Он мог бы запросто попасть в горло врага, но лишь ранил его в плечо. Ему нужна была не смерть, а паника.

Минуты не прошло, как в лесу замелькали и другие солдаты. У многих рыцарей, сопровождавших Логэйна, тоже оказались луки, и пение тетивы слилось с криками раненых и стуком падающих тел. Испуганные кони загарцевали в воде.

Враги наконец сообразили, что происходит, и изготовились к ответному удару. Вместо того чтобы очертя голову ринуться на берег, они стягивали силы под прикрытием деревьев. Топот бегущих ног и крики эхом разносились по всему лесу, словно громовые раскаты

близкой бури. Засвистели стрелы, и рыцари вскинули щиты, прячась от смертоносного ливня.

— Ваше высочество! — во все горло проревел Логэйну один из рыцарей. — Вам нельзя здесь оставаться!

— Защищайте принца! — прокричал другой.

— На юг! — Логэйн высоко вскинул меч. — За мной!

С этими словами он развернул коня и, шумно разбрызгивая воду, поскакал вдоль ручья. Рыцари последовали за ним. Тем не менее даже сквозь топот и плеск Логэйн различил крики: «Это принц!» — и еще громче: «За ним! В погоню!»

В воздухе засвистели новые стрелы. Пурпурный плащ развевался за спиной Логэйна. Рыцарь, скакавший прямо за ним, вскрикнул от боли и вывалился из седла, с плеском рухнув в воду. Прочие всадники, уходившие от погони, ничем не могли помочь товарищу.

Ручей был неглубок, но все же замедлял бегство. Логэйн и его рыцари не хотели скакать слишком быстро — им, в конце концов, нужно, чтобы враги не теряли их из виду и продолжали погоню, — однако в них летело слишком много стрел. И многоголосый крик преследователей приближался чересчур быстро. Что, если разведчики ошиблись?

— Быстрее! — гаркнул Логэйн.

Еще один рыцарь, пронзительно закричав, рухнул в воду в тот самый миг, когда отряд доскакал до горного кряжа. В этом месте ручей делал поворот, и берег становился опасно крутым. Логэйн направил коня вверх по склону. Мимо уха свистнула стрела. На мгновение конь заартачился, дрожа всем телом, замедлил подъем и вдруг выскочил на самый верх откоса.

— За мной! — крикнул Логэйн оставшимся позади рыцарям.

Словно волна, с размаху ударившаяся о скальную стену, всадники устремились вверх по склону. Вода бурлила под копытами отчаянно рвущихся вверх коней, а сзади, совсем близко уже выбегали из леса нагонявшие их вражеские солдаты. Конных среди них, хвала Создателю, не было, но это едва ли замедлило их продвижение. Теперь, оказавшись на открытой местности, они могли бежать еще быстрее.

До крови нахлестывая коня, Логэйн скакал во главе отряда по равнине. Впереди уже виден был утес — длинный крутой уступ вдоль края скалистых гор, которые окаймляли долину с юга. Лжепринц разглядел и тропу, к которой они направлялись, а также вражеских солдат, которые высыпали из-за росших впереди деревьев. Разведчики, решил Логэйн. На них были тяжелые кожаные доспехи, оружие — самое обычное. Солдаты стремительно развернулись навстречу скачущим рыцарям.

«Что ж, — подумал Логэйн, — если они и впрямь хотят заступить дорогу всадникам, пускай получают по заслугам».

Он издал воинственный крик и, снова вскинув над головой клинок, помчался прямо на врагов. Рыцари, дружно подхватив его клич, ринулись следом.

С громкими криками и оглушительным грохотом копыт они и обрушились на противника. На миг Логэйну почудилось, что время замедлило ход. Он видел, как на лицах солдат появляется ужас, как некоторые из них — те, что были в арьергарде, — безуспешно пытаются скрыться в лесу. Видел, как его собственный конь стоптал одного из этих несчастных. Справа от Логэйна удар меча рассек горло другого солдата — и фонтаном ударила кровь.

А затем время снова помчалось с головокружительной быстротой. Кричали люди, хрустели, ломаясь, кости, сталь звенела о сталь. Логэйн успел нанести несколько ударов, но миг спустя уже был далеко и во весь опор скакал к тропе. За спиной у него рыцари топтали конями вражеских солдат.

Пока все шло хорошо, вот только нельзя было забывать, что войско, которое гонится за ними по пятам, во много раз больше этого отряда.

Минуту спустя они были уже на тропе, которая местами сужалась настолько, что по ней могли проехать бок о бок только два всадника.

— Вперед! — подгонял Логэйн.

Когда они добрались до вершины утеса, вокруг снова засвистели стрелы. Лжепринц развернул коня и впервые за все это время увидел, что происходит позади него. Уцелевшие рыцари взбирались по тропе, а чуть дальше по равнине со всех ног мчались к ним две с лишним сотни солдат. Они были повсюду, куда ни глянь, и сердце Логэйна бешено заколотилось от страха. Им некуда деваться с этого утеса, враги многократно превосходят числом, да к тому же лучники могут перестрелять их издалека, точно уток.

— В укрытие! — гаркнул он, поспешно соскользнув с коня.

По краю площадки торчали большие камни — за ними и скрылись Логэйн и его люди.

Обстрел прекратился. К чему попусту тратить стрелы, пытаясь попасть в невидимого противника? Логэйн не мог услышать, какие еще приказы отдают внизу, но об этом легко было догадаться. Враги собираются двинуться вверх по тропе, а лучники постараются как можно дольше не дать рыцарям высунуться из укрытия. Без потерь, конечно, не обойдется, но рано или поздно они прорвутся. Их слишком много.

Рыцарь, притаившийся рядом с Логэйном, глянул на него. Он тяжело дышал, и в глазах его был страх.

— Они поднимутся сюда? — шепнул он.

Логэйн кивнул:

— У нас есть то, что им нужно. По крайней мере, они так считают.

— И что же нам теперь делать?

Логэйн крепче стиснул рукоять меча.

— Драться.

В глубине души он надеялся, что армия Мэрика, что бы там ни выпало на ее долю, быстро придет им на помощь. В конце концов, именно так они и задумали. И все-таки Логэйна пробрал озноб, когда снизу донеслись крики атакующих.

Когда меньшая часть вражеского войска вошла в долину с севера, ее командиры — ферелденские аристократы, служившие своему королю, пусть он и орлесианец, — ожидали застать мятежную армию в полном замешательстве, а то и в разгар беспорядочного бегства.

Вместо этого они попали под удар основных сил мятежников. Огненные магические шары обрушились на самую гущу войска, и солдаты поспешно разбежались во все стороны. И тут же в первые ряды королевского войска ворвался громадный каменный голем, и огромные кулаки замелькали, расшвыривая солдат. А следом с оглушительным боевым кличем хлынула на врага пехота мятежников.

Этими пехотинцами командовал Мэрик, правда, был он не в первых рядах, а довольно далеко от линии сражения, так что сойтись с врагами лицом к лицу ему не грозило. Роуэн неотрывно следила за ним издалека, со склона холма, на котором всадники изнывали от нетерпения. Отец приказал, чтобы Роуэн и ее люди, укрывшись на лесистом склоне, выждали, пока пехотинцы как следует увязнут в бою, а затем атаковали врага с фланга. Их единственный шанс был в стремительности и жесткости. Тогда будет шанс рассеять вражеских солдат и вовремя добраться до Логэйна. Если застать врагов на утесе, их можно будет прижать к скалам и стереть в порошок — отступать гам некуда.

Это было рискованное предприятие. Тревога на лице отца, когда он давал согласие на этот план, сказала Роуэн о многом. Правда, если бы осуществить этот замысел было невозможно, отец скорее оглушил бы Мэрика дубинкой и увез против его воли, чем согласился на такое.

Роуэн видела, как Мэрик выкрикивает приказы, подгоняя солдат. Он пытался пробиться вперед, туда, где кипело сражение, но рыцари, окружавшие его, теснее сомкнули ряды. Лицо Мэрика скрывал шлем.

Снова воздух дрогнул от магических колебаний, и на большую часть вражеского войска обрушилась снежная буря. Враги начали отступать к выходу из долины и под исступленные выкрики командиров перестраиваться, но волшебный лед, которым стремительно обрастала земля у них под ногами, изрядно затруднял маневры.

Один из вражеских командиров что-то громко закричал, указывая на Вильгельма, который стоял на камне позади пехотинцев Мэрика. Желтое одеяние мага, к несчастью, слишком бросалось в глаза, да и позиция его была чересчур уязвимой. Ничего не поделать — Вильгельму нужно видеть цель, да и дальность заклинания ограничена. Когда в его сторону полетели стрелы, маг вынужден был спрыгнуть с камня и при этом так громко выругался, что даже Роуэн расслышала издали его разъяренную брань. Потом Вильгельм взмахнул рукой — и каменный голем с оглушительным топотом ринулся на лучников, размахивая увесистыми кулаками. Этот маневр, безусловно, должен был отвлечь их от персоны мага.

Скоро, уже скоро. Роуэн не могла разглядеть, сколько именно в долине вражеских солдат, но наверняка их не меньше, чем мятежников. Как только они закрепятся и начнут отражать атаки, наступление пехотинцев неизбежно захлебнется.

Боевой конь тревожно заржал, и девушка легонько похлопала его по голове, стараясь успокоить.

Один из всадников, стоявших рядом с Роуэн, обеспокоенно глянул на нее:

— Миледи, когда же мы ударим? Если они выйдут из долины, нам в жизни не удастся зайти с фланга.

— Все до единого не выйдут, — заверила его Роуэн. Надо ждать.

Тем не менее она разделяла опасения рыцаря. Уже было заметно, что враг перестраивает ряды и снова направляется в долину, пытаясь обойти людей Мэрика с флангов. Правда, на самом деле большинство врагов подгоняло отчаянное стремление увернуться от неистовых кулаков голема. Пока все шло так, как предсказывал отец, и все же врагов оказалось куда больше, чем сообщали разведчики. Стало быть, на выполнение этой части плана уйдет гораздо больше времени. Даже если мятежники смогут нанести поражение этой части узурпаторского войска, что станет с Логэйном?

Подобрав поводья, Роуэн подъехала к своему лейтенанту. Это была плотная плечистая женщина по имени Бранвен — одна из немногих женщин в мятежном войске. Роуэн было известно: многие из тех, кто плохо знал и ее, и Бранвен, утверждали, что дочь эрла дала этой женщине чин лейтенанта именно за то, что она женщина. Тем не менее это было не так. Лейтенант Бранвен была сильным и решительным бойцом — во многом, быть может, потому, что ей все время приходилось доказывать свое право быть воином. Роуэн это было слишком хорошо знакомо.

— Лейтенант! — окликнула она Бранвен. — Мне надо поговорить с эрлом.

Женщина серьезно кивнула:

— Приказы будут, миледи?

— Если я не вернусь через двадцать минут, атакуйте во фланг, как задумано. — Роуэн сумрачно усмехнулась. — Во всем остальном я полностью полагаюсь на тебя.

В глазах Бранвен мелькнуло удивление, губы сжались, но больше она ничем не показала, какие чувства вызвал у нее этот необычный приказ.

— Ясно, миледи.

Роуэн развернула коня и, выехав из-под прикрытия деревьев, спустилась в долину. Она старалась не особо засматриваться на все еще продолжавшийся бой, хотя все же заметила, что Мэрик добился своего: круг солдат, прикрывавших его, рассыпался, а это значило, что принц получил возможность ввязаться в драку. Роуэн это обеспокоило, хотя не так сильно, как отца. Он стремился целиком и полностью оградить Мэрика от рукопашной схватки. Роуэн знала, что у Мэрика добротные доспехи, да и с мечом он обращается недурно.

Солдаты, которыми командовал отец, дожидались своего часа на противоположной стороне долины, и Роуэн пришлось несколько минут скакать во весь опор, чтобы добраться до них. Она с шумным плеском перебралась через Ручей, который в этом месте был широк, но мелководен, а когда выбралась на берег, ей навстречу уже бежали люди эрла. Минуту спустя появился и сам эрл — верхом на вороном жеребце и явно не на шутку встревоженный появлением дочери.

— В чем дело? — резко спросил он. — Ты должна быть со всадниками.

— Отец, вражеских солдат в долине куда больше, чем мы предполагали. Это означает, что и войско, идущее с востока, может оказаться крупнее. Надо помочь Логэйну.

Лицо эрла исказилось. Солнечные блики брызнули с его сильверитового доспеха, когда он повернулся к замершим чуть поодаль солдатам.

— Отойдите! — бросил он, властно махнув рукой. — Мне нужно побыть одному.

На миг они замешкались, растерявшись, однако подчинились приказу и отошли.

Эрл Рендорн, озабоченно насупив седые брови, медленно повернулся к дочери. Роуэн не знала, что именно он собирается сказать, зато хорошо поняла, что у него на уме. В груди у нее всколыхнулся гнев.

— Я вижу то же самое, что и ты, — начал эрл. — И согласен с тобой. Нам будет нелегко справиться и с теми силами узурпатора, которые ворвались в долину.

— Но?..

Отец поднял руку:

— Друг Мэрика сделал свое дело. Идущее с востока войско еще не скоро появится в долине. Логэйн отвлек его на себя, и это дает нам возможность исполнить свой долг.

— То есть? — процедила Роуэн.

— Спасти Мэрика и его армию, — твердо ответил эрл. Шагнув ближе к дочери, он положил руку ей на плечо. На лице его была мрачная решимость. — Роуэн, в тот миг, когда нам удастся вынудить врагов к отступлению, мы должны будем со всеми оставшимися силами бежать из долины. Это наш единственный шанс.

— Логэйн ждет, что мы ему поможем.

— Им можно пожертвовать. — Эрл произнес последнее слово с явной неловкостью, но тем не менее произнес.

Роуэн, помрачнев, отступила на шаг. Решение отца не стало для нее полной неожиданностью, и все же она испытала глубокое разочарование.

— Но ведь мы дали слово, — возразила она. — Логэйн придумал план, который подарил тебе шанс победить, а ты собираешься бросить его на произвол судьбы?

Эрл тяжело вздохнул:

— Роль, которую Логэйн предназначил себе в собственном плане, — это роль ягненка, отданного на заклятие. Возможно, он сам этого не понял, но это так. — Он прямо взглянул в глаза Роуэн, крепко сжав ее руку в латной перчатке. — План Логэйна хорош. Мы должны им воспользоваться ради блага Ферелдена.

Роуэн отдернула руку, повернулась спиной к отцу, но не ушла. Эрл опять похлопал ее по плечу:

— Мы должны делать то, что должно. Чтобы выжить. Так поступала королева Мойра, и так поступит ее сын. Этот Логэйн и те, кто отправился с ним, просто исполняют свой долг на службе у короля.

Роуэн, морщась, медленно кивнула. Рука эрла на миг задержалась на ее плече, но если он и собирался что-то сказать, то предпочел оставить это при себе.

— Ладно, — проговорил он, — поезжай. Времени у нас немного.

Роуэн даже не оглянулась.

Вернувшись к своему отряду, она увидела, что всадники уже готовятся броситься в бой.

— Мы как раз собрались атаковать, — сообщила Бранвен. — Хотите отменить атаку, миледи?

— Каково положение?

— У принца, судя по всему, дела пока идут недурно. Он не допустил, чтобы враги окружили его. Этот маг — просто сам по себе армия... — Лейтенант на миг запнулась: снизу, из долины, пропели сигнальные рожки.

Двое дозорных, размещавшиеся неподалеку, помахали Роуэн, и она кивнула, давая понять, что видела их знаки.

— Эрл двинулся в бой, миледи.

Роуэн ничего на это не сказала. Сидя в седле, она мрачно и упорно смотрела вниз, на

землю, и зеленый плюмаж на ее шлеме трепетал под порывами ветра. Крики и предсмертные стоны, звучавшие в долине, здесь были едва слышны. В этом отдаленном хоре мог быть и голос Мэрика...

— Миледи? — неуверенно повторила Бранвен.

— Нет, — твердо сказала Роуэн. И, подняв наконец глаза, решительно развернула коня. — Мы поскачем на помощь Логэйну, куда еще не поздно.

— Но, миледи! А как же принц?

Роуэн тронула коня. Лицо ее было непреклонно.

— Да охранит его Создатель, — мрачно пробормотала она. И прибавила уже в полный голос, обращаясь к своим всадникам, которые в замешательстве толпились вокруг нее: — Все за мной! На юг!

Не дожидаясь ответа, Роуэн пришпорила коня и галопом поскакала вниз, в долину.

Враги шли на приступ уже в третий раз.

Логэйн обливался потом и кровью, жгучей болью отзывалась рана в груди, нанесенная в прошлой атаке мечом удачливого противника. Он превозмогал боль и дрался. Из тридцати рыцарей, вместе с ним оседлавших тропу, в живых осталось семеро, и они плечом к плечу бились на вершине утеса. Все их противники были ферелденцами — орлесианские командиры гнали их в бой, предусмотрительно оставаясь в безопасности, у подножия утеса.

На сей раз у врагов были алебарды, которые давали изрядное преимущество в ближнем бою. С первым же ударом алебардщиков Логэйн потерял почти десяток рыцарей, а солдаты противника прорвались к самой площадке и едва не смяли ее защитников. Одному рыцарю отрубили руку, и он с ужасом уставился на обрубок, из которого хлестала алая кровь.

— Отбросить их! — взревел Логэйн.

Вражеский солдат кинулся на него — отчасти для того, чтобы нанести удар, отчасти потому, что на него напирала сзади. Застигнутый врасплох, Логэйн на мгновение шатнулся назад. На крысиной физиономии низкорослого солдата вспыхнуло возбуждение — он сообразил, что атаковал не кого-нибудь, а самого принца, и уже изготовился ударить сызнова.

Логэйн схватил его за горло и отшвырнул от себя. Солдат оступился и, теряя равновесие, обеими руками вцепился в королевский плащ — некогда пурпурный, а теперь почерневший от крови и грязи. Солдат повалился набок, рывком дернув на себя плащ, и Логэйн рубанул мечом по натянувшейся ткани. Солдат покатился дальше и, перевалившись через край площадки, с душераздирающим воплем исчез из виду.

Логэйн не успел перевести дух, как на него навалился другой противник — верзила с густой рыжей бородой. И тут же еще один солдат бросился к ним, высоко занеся над головой боевой топор. Лжепринц пригнулся, сложившись почти пополам, и резко развернулся, прочертив мечом широкую дугу. Клинок вспорол живот солдату с топором. Едва тот рухнул, Логэйн изо всей силы двинул локтем рыжебородого. Это не помешало противнику воткнуть меч в плечо сына Гарета, но юноша лишь зашипел сквозь зубы и проворно отпрыгнул.

Он сделал новый выпад, и рыжебородый, задыхаясь и судорожно кашляя, едва сумел отразить его. Они обменялись несколькими ударами, причем Логэйн с каждым разом атаковал все увереннее и сильнее и наконец проткнул противника насквозь.

Его рыцари — те немногие, что уцелели, — едва держались на ногах, а натиск врага не ослабевал. Логэйн почти ничего не видел, глаза заливал едкий пот, а камни наверху тропы были так щедро политы кровью, что ноги скользили, с трудом находя опору.

«Где же эта проклятая помощь?» — подумал Логэйн, отбиваясь от все новых врагов. И в тот же миг ясно понял: никакой помощи не будет. Посылать им подкрепление бессмысленно. Будь он на месте эрла, он поступил бы точно так же.

Логэйн яростно зарычал, сражаясь еще неистовее, не давая врагу прорвать их редкий строй. Еще один солдат бросился на него, и юноша изо всей силы ударил его сапогом под ребра. Противник отлетел назад и с полным ужаса криком рухнул с утеса.

И тут ясно пропел сигнальный рожок.

Логэйн протер глаза, глянул вниз и от неожиданности разразился хохотом. Гром копыт возвестил о приближении мятежной конницы, которая врезалась во вражеские ряды с тыла. Отряд возглавлял всадник с зеленым плюмажем на шлеме.

На врагов эта внезапная атака произвела ошеломительное воздействие. Орлесианцы оказались отброшены к утесу, их воинственные крики сменились растерянными и изумленными воплями. Боевой порядок узурпаторского войска почти мгновенно сломался. Пеших солдат охватила паника, и они стали разбегаться, не слушая офицеров.

Впрочем, Логэйну некогда было любоваться этим зрелищем. Вражеские солдаты, еще оставшиеся на тропе, угодили в отчаянное положение. Снизу напирали товарищи, которые пытались удрать от всадников Роуэн, сверху преграждали путь Логэйн и уцелевшие рыцари — и пронзительные, полные ужаса вопли солдат становились все громче.

— Вперед! — что есть силы гаркнул Логэйн. — За дело! Отбросим их!

Рыцарей рядом было всего шестеро — все в крови, все тяжело изранены, — однако они стиснули зубы и выполнили приказ. И двинулись на тропу, взмахами мечей заставляя врагов отступать.

Сталь зазвенела о сталь, и некоторое время солдаты отчаянно сопротивлялись, но вскоре дрогнули. С победным криком Логэйн бросился вперед и заколол двоих, которые неуклюже пятились, умоляя о милосердии. Другие рыцари последовали его примеру, и уцелевшие враги побежали в панике. Многие не могли удержаться на узкой тропе и падали с обрыва.

Внизу царил сумятица. Солдаты метались, спасаясь от мятежной конницы, во весь дух неслись к лесу на краю долины, на ходу бросая оружие. Какой-то офицер-орлесианец яростно вопил, пытаясь собрать своих людей для контратаки, но Роуэн быстро положила этому конец. Удар копыт боевого коня прервал вопли напыщенного вояки на полуслове. Это зрелище прибавило прыти удиравшим вражеским солдатам.

Роуэн приказала нескольким всадникам следовать за ней и, развернув коня, поскакала вверх по тропе.

Вдохновленный этим зрелищем, Логэйн кричал рыцарям, чтобы не ослабляли натиск, — и они продолжали теснить врага. Теперь они неуклонно продвигались вперед, сметая вражеских солдат с тропы, как мусор с крыльца. Невыносимо было слышать душераздирающие крики, с которыми эти несчастные срывались в пропасть навстречу собственной смерти.

На земле у подножия стофутowego обрыва во множестве валялись разбившиеся насмерть люди. Точно куклы, разбросанные капризным ребенком, мрачно подумал Логэйн.

Некоторые солдаты сами прыгали вниз, стремясь убраться с дороги Роуэн и ее всадников. Тех немногих, что решались преградить путь мятежникам, не ожидало ничего хорошего. Среди них был одинокий, трясущийся от страха алебарщик. Роуэн в последний миг развернула коня боком и, объезжая солдата, ловко рубанула клинком по шее. Долговязый рухнул замертво, не успев издать ни звука.

Добравшись до вершины тропы, Роуэн одним плавным движением соскользнула с коня и бросилась к Логэйну. На бегу она сорвала с головы шлем, и каштановые волосы хлынули на плечи. Одним взглядом окинула она жалкую кучку израненных и изможденных бойцов. Все они молча смотрели на нее, лишившись дара речи от безмерной усталости и гаснущей горячки боя.

— Ты ранен? — с запинкой проговорила Роуэн, и на лице ее отразилась тревога.

Логэйн подошел к ней и протянул руку. Девушка замешкалась, глядя так, словно не могла понять, что означает этот жест, но потом все же вздохнула с заметным облегчением и пожала руку Логэйну.

— Вот это была атака! — восхищенно проговорил он.

Взгляды их на мгновение встретились, и это мгновение длилось дольше, чем того требовали приличия. Потом Роуэн торопливо выдернула руку и отвела взгляд:

— Просто не верится, что вы держались так долго. Жаль, что я не могла появиться

раньше.

Она чинно кивнула рыцарям, стоявшим позади Логэйна, и кое-кто из них почтительно опустил на одно колено.

— Молодцы! Какие вы все молодцы!

— Это еще не конец, — со вздохом отозвался Логэйн.

Он уже видел, что внизу, у подножия утеса, враги постепенно приходят в себя. Атака мятежной конницы рассеяла их и изрядно потрепала, но очень скоро орлесианцы очнутся от потрясения. Численное преимущество по-прежнему за ними. Надо выбираться отсюда — и немедленно.

Роуэн уже кивала, и Логэйн осознал, что она оценивает ситуацию точно так же. Почему-то его это не очень удивило.

— Мэрику понадобится наша помощь. Уходим отсюда, пока еще можем.

Бой был в разгаре, и Мэрик жадно хватал ртом воздух, улучив пару тех редких мгновений, когда в царящем вокруг хаосе можно было сделать хоть один вдох. В ушах стоял непрерывный звон стали. Правая рука, сжимавшая меч, ныла так сильно, что, казалось, вот-вот отвалится. Вдобавок он вдруг заметил, что в плече у него торчит стрела, вонзившаяся в зазор между пластинами добротного доспеха. Это объясняло, почему чуть раньше он ощутил резкую колющую боль в плече.

Казалось, бурлящий водоворот рукопашной схватки никогда не стихнет. После того как отряд эрла Рендорна атаковал вражеский строй, Мэрик уже не в состоянии был разобрать, как идет сражение в целом. Сейчас его занимало только одно: просто уцелеть, отбиваясь от бесконечного потока врагов, которые напирали со всех сторон.

Пока ему это, вопреки всему, удавалось. Массивный доспех гномьей работы остановил уже десятки ударов. Немало солдат мятежной армии погибли на глазах у Мэрика, своей смертью добывая принцу еще минуту-другую жизни. Ну и конечно же, ему попросту безумно везло.

В какой-то момент Мэрика сбил с ног великанского роста солдат в кольчуге. Мэрик перекатился на спину и в тот же миг увидел огромный топор, который вот-вот опустится ему на голову. Никого из солдат, оберегавших его, рядом не было. Спасла принца латная перчатка, которую швырнул — быть может, случайно — какой-то солдат мятежной армии. Перчатка ударила великана по затылку, и он пошатнулся, теряя равновесие. Топор едва не задел ухо Мэрика, вонзившись в землю в дюйме от его головы.

Великан в кольчуге почти мгновенно выдернул топор, но тут уже вмешался Вильгельм. Над полем боя сверкнула молния и ударила в грудь солдата, пробив в ней громадную дымящуюся дыру. Мэрик едва сообразил откатиться в сторону, когда убитый великан с грохотом рухнул наземь, точно подрубленное дерево.

Очевидно, срок жизни, отведенный принцу Создателем, еще не подошел к концу.

Мэрик стиснул зубы, отгоняя ноющую боль в плече, и окинул взглядом поле боя. И сразу же заволновался, что с Роуэн? Ее зеленого плюмажа не было видно ни среди сражающихся, ни среди павших. На поле боя вообще не было ни одного всадника. Как долго тянется рукопашная? Может, основные силы вражеского войска вот-вот обрушатся с юга?

Мэрик поймал себя на том, что больше всего тревожится о Логэйне, о том, что, быть может, заставил его принести бессмысленную жертву. Если сын Гарета тоже погибнет, защищая его жизнь...

И тут протрубил рожок. Это, конечно, произошло с запозданием, но все же произвело желанное воздействие. Мэрик издали видел, как всадники Роуэн врзались в ряды врагов, смяли их и рассеяли во все стороны.

Этого оказалось достаточно. В следующие десять минут на поле боя царил настоящее безумие. Мэрик слышал, как эрл Рендорн кричит своим солдатам, приказывая оттеснять врага к горе, и сам последовал его примеру. Кровь текла рекой, солдаты гибли десятками, но урон, наносимый всадниками Роуэн, становился все ощутимее — и враг дрогнул. Вражеские

офицеры скомандовали отступление.

Глядя, как бегут сломя голову солдаты узурпатора, Мэрик едва не поддался соблазну погнаться за ними, но в эту минуту явился эрл Рендорн.

— Пусть бегут! Нам надо уходить! — прокричал он.

Эрл держался обеими руками за грудь и истекал кровью; двое рыцарей поддерживали его, не давая упасть. Видя это, Мэрик кивнул и закричал солдатам, чтобы отступали.

Это пока еще была не победа.

Через несколько часов смятения и поспешного бегства армия мятежников остановилась на берегу речушки в нескольких милях к северу от долины. Сюда один за другим подтягивались отставшие — обессиленные, покрытые кровью, зачастую несущие на руках тяжело раненных товарищей. Нескольких всадников выслали на поиски тех, кто бежал в другом направлении, но по всему выходило, что мятежники потеряли по меньшей мере половину армии. В довершение ко всему, им пришлось бросить в долине большую часть припасов и снаряжения.

И все-таки Мэрик считал, что они победили. Вместо того чтобы потерять все, созданное трудами его матери, они выжили. Они ускользнули из западни, да еще попутно задали врагам изрядную трепку.

Когда Роуэн наконец привела к костру перед новым шатром Логэйна — помятого, окровавленного, но все в тех же щегольских штанах и пурпурном плаще королевы, изодранном и грязном, — Мэрик с ликующим воплем вскочил, бросился к ошарашенному товарищу и заключил его в крепкие объятия. Логэйн скривился от боли, но мужественно стерпел такое проявление чувств и только смотрел на Мэрика с таким видом, словно тот окончательно чокнулся.

— Сработало! — вопил Мэрик. — Твой план сработал, ура!

— Хватит! — буркнул наконец Логэйн и толкнул Мэрика с такой силой, что тот живо отскочил.

— Аккуратнее! — со смехом попеняла ему Роуэн. — Логэйна несколько раз ранили в грудь.

— Да ну! Он же неуязвим! — расхохотался Мэрик и отбежал от них, восторженно приплясывая на бегу.

Он плясал вокруг костра, точно варварский шаман, исполнявший диковинный победный ритуал, и все время хохотал как безумный.

Логэйн проводил его озадаченным взглядом, а затем удивленно посмотрел на Роуэн:

— И часто с ним такое бывает?

— Думается мне, его основательно стукнули по голове.

В это мгновение к ним подошел эрл Рендорн. Доспехи он уже снял, и грудь его стягивала тугая повязка, на которой проступали пятна крови. Кроме того, у эрла был перевязан глаз и он сильно хромал. С первого взгляда было заметно, что эрл очень сердит, и, когда Роуэн хотела поддержать отца, он гневным жестом отмахнулся от нее.

— Судя по всему, ты решила, что мои приказы не подлежат исполнению, — со сдержанной яростью процедил он.

Мэрик тотчас почуял неладное и, прервав свой неистовый танец, повернулся к эрлу:

— Что-то не так, ваша светлость?

— О да. И ей это хорошо известно.

Роуэн серьезно кивнула, без возражений принимая этот упрек:

— Отец, я знаю, что ты сердишься на меня, но... — Она подняла руку, чтобы предотвратить новую вспышку отцовского гнева. — Я сделала то, что нужно было сделать. Если бы я не обратила этих солдат в бегство, пусть и ненадолго, они могли бы, едва расправившись с Логэйном, двинуться на север.

— А еще она прикончила орлесианского офицера, — вставил Логэйн. — Это было потрясающее зрелище.

— К тому времени мы могли бы уже уйти из долины! — рявкнул эрл. Затем он взглянул

на Логэйна, и его сердитое лицо отчасти смягчилось. — Однако я рад, парень, что ты остался в живых. И что замысел твой достиг цели. — Он перевел взгляд на Мэрика и помрачнел. — Впрочем, я радовался бы куда сильнее, если бы наше положение не было столь плачевно. Мы потеряли много людей и лишились изрядной части снаряжения. В пути нам придется нелегко.

Мэрик подошел к эрлу Рендорну и утешающе положил руку ему на плечо. Восторг его несколько приугас, но он все еще улыбался.

— Это верно, и все-таки я считаю, что у нас есть повод для торжества. Мы устроили врагу кровопускание, и дело мятежа не умрет.

Эрл Рендорн слабо улыбнулся:

— Твоя мать... — голос его дрогнул, — твоя мать сегодня гордилась бы тобой, мой мальчик.

Мэрика изумило и это проявление чувств, и то, что, когда они с эрлом неловко обнялись, у него самого предательски защипало глаза. Они с непривычной сердечностью похлопали друг друга по спине, и, когда Мэрик отстранился, у него только и хватило сил, чтобы молча кивнуть.

Затем Мэрик повернулся к раненому товарищу, который уже уселся у огня. Принц протянул руку, и Логэйн, помедлив, пожал ее.

— Спасибо за все, что ты сегодня сделал. Я всем сердцем надеюсь, что ты все-таки решишь остаться с нами.

— Видел бы ты его там, на утесе! — вмешалась Роуэн. — Он был великолепен. Рыцари, которые были с ним, уже всюю рассказывают об этом.

Логэйн чуть смущенно дернул губами, и Мэрику подумалось, что за все это время он ни разу не видел, чтобы тот улыбался.

— Положение было нелегкое, и мы просто делали то, что требовалось. — Логэйн почти виновато глянул на Мэрика, приподнял край пурпурного плаща, вернее, того, что от него осталось. — А еще я... э-э-э... испортил плащ твоей матери.

Мэрик рассмеялся, и Роуэн присоединилась к нему.

— Экий ты скромный! — поддразнила она.

— Что верно, то верно. — Эрл Рендорн, хромя, подошел к Логэйну и тоже пожал ему руку. — Я недооценил тебя, юноша. У тебя превосходное чутье, и нам весьма пригодилась бы твоя помощь.

Взгляд голубых глаз Логэйна заметался, переходя с одного собеседника на другого, и на мгновение Мэрику почудилось в этом взгляде что-то затравленное. Затем Логэйн уставился в огонь и после долгой паузы неохотно кивнул:

— Я... ладно, пока что останусь.

Обрадованный, принц наконец повернулся к Роуэн. Несмотря на синяки и ссадины, она была ослепительна, впрочем, как и всегда. Мэрик взял ее руки в свои, и лицо девушки просияло.

— Когда ты не начала атаки в условленное время, я решил было, что мы тебя потеряли, — серьезно проговорил он. — Никогда больше не пугай меня так.

В глазах Роуэн блеснули слезы, однако она рассмеялась:

— Так легко ты от меня не отделаешься.

— Очень смешно, — сухо отозвался он.

Логэйн снизу вверх оторопело глянул на них.

— От чего это он не отделается? — спросил он у эрла Рендорна.

Тот улыбнулся:

— Мэрик и Роуэн помолвлены. Их обручили, когда она только появилась на свет.

— А-а-а, — только и сказал Логэйн и снова уставился в огонь.

Немного погодя Мэрик тайком ушел от костра. Светила луна, и неподалеку радостно кружился огромный рой светящихся мотыльков. Удивительно мирная картина, подумал

юноша. По речному берегу рассыпались редкие, слишком редкие костры, и ночную тишину нарушали только слабые стоны раненых.

Мэрик подошел поближе к одному из костров, и сердце его болезненно сжалось при виде израненных и изнуренных солдат, которые тесно сбились у огня. В лагере наспех поставили несколько палаток, однако очень многие солдаты спали на голой земле, порой даже и без одеял. Люди, сидевшие у костра, бездумно глазели на огонь, изо всех сил стараясь не прислушиваться к мучительным стонам, которые раздавались выше по течению реки, — стонам тех, кому не суждено было пережить эту ночь.

Мэрик наблюдал за солдатами, держась так, чтобы они не могли его заметить, и все же непонятная сила влекла его к костру. Он старательно твердил себе, что, если бы он не настоял на сражении, все эти люди давно были бы мертвы...

— Ваше высочество!

Мэрик вздрогнул и резко обернулся на звук. В темноте, привалившись спиной к стволу дерева, лежал одинокий солдат. Подойдя ближе, Мэрик разглядел, что этот человек намного старше его, пожалуй, даже слишком стар, чтобы воевать. И тут он заметил, что правая нога солдата обрублена до колена и щедро обмотана пропитанными кровью бинтами, — видимо, ее ампутировали совсем недавно. Мужчина был бледен, весь дрожал и все время жадно припадал к бурдюку с вином.

— Мне жаль, что так вышло с твоей ногой, — пробормотал Мэрик, чувствуя себя до крайности неуклюжим.

Солдат ухмыльнулся, глянув на свою культю, и почти ласково похлопал по искалеченной ноге.

— Теперь уже не так больно, — со смешком сообщил он. — Маг даже сказал, что попозже подойдет и глянет, что можно сделать.

Мэрик не знал, что на это ответить. Он постоял так немного, и солдат поднял бурдюк с вином, как поднимают кружку, когда хотят произнести тост.

— А я, ваше высочество, видел вас нынче в бою. Даже дрался шагах в двадцати от вас.

— В самом деле?

— Когда-нибудь я скажу своим внукам: «Ваш дед сражался бок о бок с принцем!» — с гордостью произнес солдат. — Ах, как вы дрались, милорд, — просто загляденье! Я своими глазами видел, как вы подряд уложили троих.

— Ты что-то напутал, — усмехнулся Мэрик. — Я был едва жив от страха.

— Я знал, что мы победим, — гнул свое солдат. Взгляд его, устремленный на Мэрика, сиял. — Когда вы нынче утром вернулись к нам, все сразу поняли, что победим. Это же Создатель вас к нам направил. Чтобы спасти и сохранить.

— Вполне возможно, — пробормотал Мэрик.

Солдат одарил его широкой ухмылкой и как следует хлебнул из бурдюка.

— За королеву! — пьяно провозгласил он, обращая свой тост к луне. — Покойтесь с миром, ваше величество! Вы свой долг исполнили.

Глаза Мэрика наполнились слезами, но он превозмог рыдания. Молча взял у солдата бурдюк с вином и сделал большой глоток.

— За королеву, — повторил он, обращаясь к луне.

И недавняя победа вдруг показалась ему не такой восхитительной, как прежде.

Глава 6

— За короля!

Северан услышал тосты в честь короля еще до того, как вошел в тронный зал. Сейчас, должно быть, зал битком набит знатью, которая съехала со всех концов Ферелдена, чтобы отпраздновать день рождения его величества.

«Отпраздновать», конечно, не самое подходящее слово. Местные аристократы безумно страшились, что король отберет у них земли, как уже не единожды поступил со многими их

соотечественниками, в наказание за грехи, настоящие и мнимые. Орлесианские дворяне — из тех, которые решились попытать счастья за пределами империи, — страшились того же. Ничего удивительного — король, принадлежавший к старинному аристократическому роду, мучимый скукой и склонный к непредсказуемым выходкам, воссел на ферелденский трон только после того, как вызвал гнев императора — своего близкого родственника и, как утверждала скандальная молва, бывшего любовника. Теперь он вымещал неудовольствие на подданных, которым ничего не оставалось, как терпеливо сносить венценосные капризы.

Северан уже как-то со всем возможным тактом указал королю, что мятеж давно был бы усмирен, если бы его величество помягче относился к местным жителям. Но король отказался внять мудрому совету. Он желал поступать только так, как ему в голову взбредет, и никто не смел ему указывать.

Точно так же он обращался со своим двором. Северану припомнилось, как король попытался привить ферелденской знати орлесианский обычай носить маски. Он объявил, что всем аристократам надлежит появляться при дворе только в масках — чем пышнее и причудливее, тем лучше, — и что в конце каждого дворцового приема тот, чья маска менее всего понравится его величеству, будет наказан. Нет нужды говорить, что безумные поиски масок и огромный спрос на тех, кто умел их делать, едва не закончились уличными бунтами. В конце концов, когда во дворец ухитрился проникнуть, укрыв лицо под маской, наемный убийца, капитан дворцовой стражи на коленях молил короля отменить указ из соображений безопасности.

Король Мегрен был тираном, а тиранов никогда не чествуют искренне — только ублажают и умасливают. Так что знать, собравшаяся в тронном зале, изо всех сил изображала восторги по поводу обожаемого монарха, скрывая за умильными улыбками смертельный страх. Король прекрасно знал, что его подданные лицедействуют. Они понимали это, но так же хорошо сознавали, что обязаны продолжать притворяться.

Таково было невеселое положение дел в оккупированном орлесианцами Ферелдене.

Северану на это было в высшей степени наплевать. Сам он происходил не из Ферелдена и не из Орлея, а, судя по темной коже, из далеких краев по ту сторону Недремлющего моря. Впрочем, он и унижение собственной родины перенес бы не поведя бровью, потому что у магов не бывает родины. Северана заботили только его личные интересы, и короля это вполне устраивало. Честолюбие мага отличалось таким же постоянством, как восход солнца, и именно поэтому он до сих пор оставался самым близким советником Мегрена.

— Амарантайн преподносит своему возлюбленному королю меч из чистейшего серебра, выкованный в чертогах Орзаммара! Да послужит ему верно этот меч в грядущие годы и да покажет всему Тедасу, как неоспорима мощь его величия!

Войдя в тронный зал, Северан увидел, что молодой эрл, завершая свою напыщенную речь, стоит среди приглашенной знати, которая рядами расселась за праздничными столами. Несколько слуг-эльфов торопливо просеменили к трону и протянули королю длинный, богато украшенный футляр. Король Мегрен являл собой живое воплощение скуки. Он полулежал на троне, перекинув ногу через подлокотник и подперев рукой голову. Король был молод и хорош собой — черные кудри, оливково-смуглая кожа, мужественное лицо, слегка подпорченное кривоватой ухмылкой, — однако сегодня он выглядел так, словно всю неделю без передышки предавался всем мыслимым излишествами. Так оно, впрочем, и было.

Мегрен тяжело вздохнул и поерзал, присев повыше — ровно настолько, чтобы принять новый подарок. Пол вокруг трона уже был усеян другими дарами, которые либо не заметили, либо отшвырнули прочь, пренебрежительно пожав плечами. Позади трона, пристально наблюдая за происходящим, стояла преподобная мать Бронах. Вид у нее был суровый, на морщинистом лице отпечатались все заботы, какие несет чин Владычицы Святой Церкви Ферелдена, и, несмотря на хрупкость фигуры, в блистательном красном облачении преподобная мать выглядела так же внушительно, как сам король. Мегрен уткнулся носом в помятый бархатный камзол и принял футляр с мечом у почтительно склонившихся перед тронном эльфов. Те немедленно попятились.

Достав из футляра ослепительно сверкающий меч, Мегрен с интересом поглядел на клинок:

— Так ты говоришь, он гномьей работы?..

Эрл низко склонился, обливаясь потом, хотя ему полагалось ликовать, что король соизволил заинтересоваться его подарком.

— Да, ваше величество. Это подарок короля гномов, изготовленный в давние времена для основателя нашего рода.

— А, так, стало быть, его сделали не для меня.

По залу пробежал шепоток, аристократы прервали застольную болтовню, уловив в тоне Мегрена ледяные нотки.

Молодой эрл побелел.

— Но... но это меч необычайной ценности! — запинаясь, выговорил он. — В мире не было и нет клинка более тонкой Работы! Я подумал... вы поймете...

— Император Флориан подарил мне меч, — перебил его король. Он задумчиво покачивал сильверитовым клинком сбоку от трона, при каждом взмахе словно отсекая чью-то невидимую голову. — Этот меч изготовили лучшие оружейники Вал Руайо, он невероятно изящен и прекрасен. Должен ли я сообщить его императорскому величеству, что ты считаешь свой меч наилучшим?

Глаза молодого эрла округлились.

— Нет, я... я...

— Возможно, ты полагаешь, что мне следует вернуть императору его подарок? В конце концов, чего ради мне хранить у себя жалкую железяку, годную разве что пыль собирать?

В зале воцарилась мертвая тишина. Эрл озирался в поисках поддержки, однако все старательно отводило глаза. Тогда он вдруг рухнул на одно колено, низко опустив голову:

— Простите меня, ваше величество! Это был дерзкий подарок! Я молю о прощении!

Мегрен ухмыльнулся и поднял взгляд — из-за трона выступила мать Бронах. Северан всем сердцем презирал эту женщину, и она платила ему той же монетой.

— Могу я кое-что предложить, ваше величество? — осведомилась она.

Король махнул рукой:

— Да-да, конечно.

— Если этот меч и впрямь настолько ценен, как утверждает эрл, передать его в дар Церкви значило бы доказать, что и в эти мрачные времена Амарантайн сохраняет стойкую приверженность вере. В конце концов, нам еще столько предстоит потрудиться, дабы священные светильники Ферелдена сияли славой, подобающей великому государству.

— Вот истинные слова! — проворковал король. И, вопросительно изогнув бровь, глянул на эрла. — Ну как, твоя милость? Согласен ты подарить этот клинок преподобной матери Бронах?

Эрл, не переводя дыхания, отвесил стремительный поклон:

— Конечно, ваше величество!

Мать Бронах щелкнула пальцами. Двое дворцовых слуг, стоявших неподалеку, тотчас бросились к трону. Бережно приняв от короля Мегрена клинок, они уложили его в футляр и убежали прочь, провожаемые внимательным взглядом преподобной матери. Едва слуги исчезли из виду, церковница низко поклонилась королю:

— Благодарю за прекрасную идею, ваше величество.

Король вздохнул и снова перевел взгляд на эрла, который так и застыл в низком поклоне:

— И что же ты теперь будешь делать, твоя милость? Значит ли это, что тебе нечего подарить своему королю?

Потрясенный до глубины души, эрл несколько раз открыл рот, но так и не произнес ни звука. Тишина, царившая в зале, стала совершенно невыносимой — ни единого звяканья ножа или вилки. Несколько шевалье — элитных рыцарей империи Орлей, которых легко было отличить по ярко-лиловым камзолам и шляпам с перьями, — сделали шаг вперед,

положив руки на рукояти мечей.

Мегрен вдруг громко расхохотался, и этот безумный смех словно ножом полоснул напряженную тишину. Король все хохотал, и знатные гости понемногу присоединялись к нему. Вначале они несмело хихикали, затем стали смеяться все громче и громче. Когда весь зал уже покатывался со смеху, Мегрен хлопнул в ладоши. Только эрл Амарантайна молчал, и по лицу его градом катился пот.

— Я пошутил, друг мой! — торжественно объявил король. — Прости меня, прости меня! Такой щедрый дар Церкви, сделанный от моего имени! Да чего же еще я мог бы пожелать?

Эрл низко склонился, едва не коснувшись лбом пола:

— Я счастлив, ваше величество.

Все еще посмеиваясь, Мефен громко хлопнул в ладоши — знак того, что веселье должно продолжаться.

— Не стесняйтесь, друзья мои! Ешьте! Пейте! Праздник продолжается, и он милее нам стократ теперь, когда голова самозванки красуется на колу перед воротами! Ну разве она не прекрасна? — Он вновь разразился громким хохотом, и аристократы поспешили присоединиться к нему. — Да, и принесите-ка эрлу другой камзол! В этой одежде ему явно жарковато!

Пир возобновился, и Северан воспользовался случаем, что-бы пройти к трону. В зале стоял тяжелый густой запах вина и пота. Дворяне, мимо которых проходил Северан, поспешно отводили взгляды, внезапно ощутив сильнейший интерес к куску фазана на тарелке или соседям по столу. Северан прекрасно их понимал. Веками Церковь лезла вон из кожи, поливая магов грязью и обвиняя их во всех напастях, какие только выпадали на долю человечества. Подумать только, ведь когда-то маги правили всем Тедасом, а теперь превратились в ненавидимых всеми рабов, за каждым шагом которых следят сторожевые псы Церкви. Воистину печальная участь.

При виде своего советника король Мегрен просиял. Преподобная мать Бронах, напротив, скривилась так, что ее морщинистое лицо стало крайне непривлекательным.

— Неужели, маг, ты хотя бы раз не можешь дать своему королю спокойно насладиться праздником? — прошипела она. — Надо ли тебе омрачать своим присутствием зал, в котором собралось столько гостей?

— Ну-ну, — хохотнул Мегрен, — не будь так сурова к нашему дорогому другу. Он весьма усердно трудится на благо своего повелителя, не так ли?

Северан опустил голову, поклонился, и шелк его желтых одеяний замерцал. Редущие волосы, лицо, словно составленное из острых углов, — Северана, в отличие от короля, никак нельзя было назвать красавцем. Лучший комплимент его внешности сделала когда-то одна молоденькая шлюха. Она сказала, что у него умный вид, что его маленькие глазки способны одним взглядом схватить ее, прожевать и выплюнуть. Эти слова так понравились Северану, что он дождался утра и только тогда велел отправить ее в тюрьму.

— Ваше величество, — сказал он, — у меня есть новости.

— Ты не мог отправить с ними слугу? — все так же холодно спросила мать Бронах.

— Когда у меня есть новости для тебя, дражайшая, я всегда отправляю с ними слугу.

Мегрен медленно сел, зевнул, протирая налитые кровью глаза, и заморгал. Затем он встал, одернул измятый камзол и жестом дал понять слугам, чтобы не следовали за ним.

— Тогда не будем медлить, — бросил он и вышел.

Северан и мать Бронах поспешили вслед за ним, и праздничный гул тронного зала остался позади.

Небольшая гостиная использовалась как место для частных аудиенций. По приказу Мегрена прочную и практичную мебель ферелденской работы заменили куда более броской орлескианской — сплошь красное дерево и атласная обивка ярких цветов, которая сама по себе была произведением искусства. Стены гостиной были оклеены ярко-красной бумагой — обычай, который, насколько знал Северан, в последнее время приобрел популярность в

империи.

Мегрен повалился на мягкую кушетку, снова зевнул и потер лоб ладонью:

— И вот это в здешнем захолустье называется увеселением? Ты слышал музыкантов, которых они притащили?

Северан покачал головой:

— До или после того, как ты погнал их взащей из зала?

— Тьфу! Что бы только я не дал за настоящий оркестр! Или маскарад! Сельские дворянчики, которых мне шлют из Орлея, не то что танцевать — высморкаться не способны! — Он презрительно фыркнул и сел, свирепо уставясь на мага. — Знаешь, что мне подарил один местный олух из Баннорна? Собак! Пару грязных, блохастых псин!

— Породистые псы в Ферелдене ценятся высоко, — вмешалась мать Бронах. В голосе ее звучало явное неодобрение. — Вашему величеству подарили пару боевых волкодавов. Для мелкого банна такой подарок — знак великого почтения к вашему величеству.

— Скорее уж великого страха перед моим величеством, — фыркнул король, ничуть не смягченный ее словами. — Бьюсь об заклад, это было задумано как тонкое оскорбление. Подарить мне зверюг, даже не отчистив их от лошадиного дерьма! Все эти захолустные дурни из Баннорна одинаковы!

— Весьма печально, что вашему величеству пришлось в собственный день рождения иметь дело с таким количеством дерьма, — хладнокровно заметил Северан.

Мегрен выразительно воздел руки к потолку и вздохнул:

— Скажи мне, добрый маг, что новости, которые ты доставил, — это ответ нашего императора.

Северан заколебался:

— Я... да, я и в самом деле получил ответ, но это не...

— Что может быть важнее, чем послание Флориана?

Северан расправил складки одеяния, собрался с духом:

— Его императорское величество шлет тебе свои сожаления. Он уверен, что долг короля по-прежнему не дает тебе покинуть Ферелден, а потому тебе пока что незачем появляться при императорском дворе.

Мегрен рухнул на подушки.

— Ясно. Значит, он меня еще не простил.

Северан едва сдержался, чтобы не вздохнуть с облегчением. В иные дни послание от императора могло стать причиной истерики, если не хуже. Но, судя по всему, не сегодня.

— После четырнадцати неудачных попыток ты ожидал положительного ответа? — укоризненно спросил он.

— Я неисправимый оптимист, мой добрый маг.

— Определение безумия, ваше величество, состоит в том, что человек повторяет одно и то же действие, всякий раз ожидая иного результата.

Мегрен весело захихикал:

— Ты считаешь, что я безумен?

— Безумно настойчив.

Преподобная мать Бронах поджала губы:

— Ваше величество, вы все-таки король.

— Уж лучше бы я был каким-нибудь жалким бароном в орлесианской провинции, — уныло посетовал Мегрен. Я обзавелся бы домом в Вал Руайо и посещал бы Великий Собор. — Он тяжело вздохнул. — Ну да ладно. Пусть я король захолустья, но ведь это же мое захолустье, верно?

— Следует ли мне приступить к сочинению еще одного письма? — осведомился Северан. — Вдруг пятнадцатая попытка принесет нам счастье?

— Чуть позже. Поглядим, удастся ли нам взять его измором. — Мегрен задумался, и лицо его посерьезнело. — Ладно, к делу. Новости, о которых ты говорил, из Внутренних земель?

— Совершенно верно.

— Ну и?.. Валяй, выкладывай.

Северан сделал глубокий вдох:

— Сведения, которые я получил, оказались абсолютно точными. Армия мятежников находилась именно там, где предполагалось. Тем не менее наш удар не достиг желаемого результата. Потери были велики, однако мятежникам удалось ускользнуть из окружения.

Мегрен вскинул брови:

— Вот как?

— Это еще не все. Принц Мэрик жив. Он возглавил отвлекающую вылазку и с горсткой солдат долго удерживал вершину утеса, а потом бежал вместе с остальной армией. — Северан извлек на свет изрядных размеров лоскут. Потрепанный, грязный, но явно пурпурного цвета. — Мятежники не пали духом, наоборот — воспрянули.

Король, нахмурился, раздраженно уставился на Северана. Пальцы его выбивали на краю кушетки злобную дробь.

— Воспрянули? Ты говорил, что принца там не будет. Щенка должны были прикончить вместе с мамашей.

— Его проследили до лагеря изгоев, — медленно ответил Северан. — Всех их перебили, но он каким-то образом ускользнул от наших солдат и остался жив.

— Итак, правильно ли я тебя понял? — Мегрен все так же барабанил пальцами по кушетке. В голосе его зазвучали взвинченные нотки. — Этот мальчишка, этот неопытный и бестолковый принц не только сумел улизнуть от твоих людей в лесу, но прошел через Дикие земли и явился целым и невредимым как раз вовремя, чтобы возглавить блестящую оборону мятежной армии?

— Я потрясен этим не меньше вашего величества.

Лицо преподобной матери Бронах закаменело от гнева.

— Его чары, король Мегрен, не приносят никакой пользы! Прогони его прочь! Он служит только собственной гордыне, а больше — никому и ничему.

— А что ты делаешь для трона, кроме как изрекаешь банальности, одна бесполезнее другой, и притом еще вечно требуешь приношений для жертвенного пламени?

От ярости у священницы глаза полезли на лоб.

— Создатель не дарует Ферлдену процветания, покуда в самом сердце страны существует греховная язва!

— Создатель, как сказано в вашей же Песни Света, покинул сей мир. Он отвернулся от своих собственных творений, и Ему наплевать, что с ними будет. Так что, женщина, избавь нас от своего бессмысленного лепета!

— Богохульство! — выкрикнула преподобная мать.

— Молчать! — что есть силы гаркнул Мегрен. Лицо его исказилось от бешенства. Мать Бронах после этого крика неохотно примолкла, а король потер ладонями лицо, все сильнее раздражаясь. — Ты говорил, Северан, что без своей возлюбленной королевы мятежники не устоят. Ты говорил, что сметешь их с лица земли одним ударом.

— Я... Да, ваше величество.

— Гордыня! — провозгласила священница.

Мегрен вскинул руку, помешав Северану достойно ответить на этот выпад.

— Очевидно, этот юнец Мэрик не такое уж ничтожество, как ты предполагал.

— Возможно. — Северан еще не готов был признать этот факт. — Вполне вероятно также, что ему так или иначе помогли. Он, безусловно, пользуется поддержкой многих. К примеру, леди Роуэн, дочь бывшего эрла Редклифа, как говорят, убила во время сражения твоего кузена Феликса. Попросту хладнокровно стоптала его конем.

— Феликса? — Мегрен пожал плечами. — Мне он никогда особо не нравился.

— И тем не менее хребет мятежа оказался куда прочнее, чем я представлял. Я ошибся, ваше величество, и теперь молю о прощении. Дай мне еще один шанс.

Мегрен хитро ухмыльнулся:

— У тебя что-то на уме?

— У меня всегда что-то на уме.

Молодой король хихикнул и перевел взгляд на Владычицу Церкви. Та сидела, устремив взгляд на свои руки, сложенные на коленях.

— Ну а твой совет, бесценная госпожа, будет, видимо, таким, как и всегда?

— Сочетайся браком с дочерью Ферелдена, — проговорила она устало, словно повторяла эти слова уже в сотый раз, — и произведи на свет наследника. Ты не сможешь править этой страной, не став прежде полноценным королем.

С лица Мегрена мгновенно исчезли все признаки веселья. Он одарил мать Бронах убийственным взглядом. Та побледнела, но не дрогнула.

— Я уже правлю этой страной, — процедил он, — и я — король. Советую тебе не забывать об этом.

— Ваше величество, я говорю от имени ваших подданных. Это простые, добросердечные люди, и они примут тебя, если...

— Это невежественные болваны, — отрезал Мегрен, — и они примут меня просто потому, что у них нет выбора. Пока за моей спиной стоят шевалье, моей власти ничто не угрожает. — Он умолк, понемногу остывая, задумчиво потер подбородок. И вновь обратился к Северану: — Что же, мой добрый маг, я дам тебе еще один шанс. Мы опять попробуем поступить по-твоему, но только потому, что у меня нет ни малейшего желания жениться на пропахшей собаками местной девке. Ты меня понял?

Северан снова поклонился:

— Я не подведу вас, ваше величество.

Северан вернулся в свои покои, располагавшиеся в недрах дворца, безмерно радуясь, что Мегрен не отослал его назад в Круг магов. Там под бдительным надзором храмовников каждое его заклинание подвергалось бы тщательной проверке. На службе у Мегрена он, по крайней мере, обладает кое-каким могуществом, пусть даже и вынужден применять его с осторожностью. Занимавшим такое высокое положение, как Мегрен, Круг позволял иметь в советниках мага при условии, что за ним будет наблюдать Церковь. Так что желания преподобной матери Бронах король мог игнорировать только до определенной степени.

Будь проклято загадочное везение, которое позволило принцу Мэрику разрушить план Северана! План был великолепный: одним ударом уничтожить и мятеж, и последних представителей династии Тейрина. Тогда королю разрешили бы вернуться к императорскому двору, а Северан, будучи героем дня, возможно, даже стал бы его наместником в Ферелдене.

А теперь? Теперь ему придется предпринять еще одну попытку.

В покоях Северана царил темнота, что вполне соответствовало его настроению. Он взмахнул рукой — и фонарь, висевший у двери, ярко вспыхнул. Спальню залил свет, и тогда стало видно, что у громадной кровати кто-то стоит, небрежно опираясь на столбик балдахина.

— Приветствую, господин маг.

Это была эльфийка, отличавшаяся той особенной красотой, которая присуща только женщинам этой расы: гладкая бледная кожа, миндалевидные, невероятно зеленые глаза. Кожаные штаны и куртка выразительно облегли ее ладную фигурку, вьющиеся локоны цвета золотистого меда прихотливо рассыпались по плечам. Шпионка, кто же еще. Северан заметил, что девушка не достала из ножен висевший у пояса кинжал, а стало быть, она не явилась убивать его, по крайней мере, он так предполагал. Если он в этом ошибся — что ж, пускай попытает счастья.

— Это у тебя такое развлечение — торчать одной в темноте?

Северан вошел в спальню и, оттолкнув плечом незваную гостью, принялся торопливо собирать разбросанные на столе бумаги.

Девушка хихикнула, наблюдая за его действиями с неподдельным интересом:

— Если бы я, господин маг, задумала прочитать твои бесценные письма, неужели я не

сделала бы этого раньше?

— Быть может, ты их уже прочла. В таком случае мне пришлось бы тебя казнить, верно?

— Я здесь по твоему приглашению.

Северан медленно положил на стол стопку бумаг, кивнул.

— Значит, ты — бард.

— Совершенно верно. — Эльфийка учтиво поклонилась. Наш общий знакомый из Вал Шеван посылает тебе свои наилучшие пожелания, а также меня.

Северан шагнул, схватил ее пальцами за подбородок, повернул голову влево, потом вправо, пристальнее вглядываясь в черты лица. Девушка даже бровью не повела.

— Так он прислал мне эльфийку? Для своего положения ты чересчур языкастая.

— Я умею и помалкивать, господин мой.

— Не сомневаюсь.

Барды Орлея пользовались особенной славой. Изображая менестрелей и странствующих актеров, они бродили по знатым дворам империи, развлекали высокородных хозяев, а между тем втайне занимались своим истинным ремеслом. Политика в империи отличалась невероятной сложностью и обилием интриг, а оттого на услуги бардов всегда был большой спрос. Казалось, имперской знати было бы разумнее вовсе не принимать у себя при дворе бродячих певцов, однако же на самом деле вероятность того, что такой певец окажется опасным шпионом, придавала заурядному развлечению приятную пикантность. Быть достаточно важной персоной, чтобы к тебе подсылали наблюдателей, и дерзко принимать у себя предполагаемого шпиона — перед таким искушением не мог устоять ни один уважающий себя аристократ.

— Если господин мой полагает, что эльфийка не сумеет справиться... — начала девушка.

— Нет, не полагаю. — Северан выпустил ее подбородок. — Просто помни свое место. Я заключил контракт с твоим хозяином, и это значит, что теперь ты принадлежишь мне. — Он сверлил девушку жестким взглядом и остался доволен, отметив, что она не дрогнула. Интересно, устояла бы на ее месте ферелденская эльфийка? — Преуспеешь в деле — получишь вознаграждение. Провалишься — будешь кланяться объедки в эльфинаже среди соплеменников и горько пожалеешь, что не осталась в Орлее. Я достаточно ясно выражаюсь?

Девушка помолчала, лицо ее стало бесстрастным. Затем она снова сдержанно поклонилась Северану.

— Понимаю, — ровным голосом проговорила она. — Мне сказали, что контракт заключен только на одно дело. Это так? — Она отступила на шаг и, усевшись на краю кровати, одарила Северана отработанно призывным взглядом. — Это будет дело личного свойства?

— Не трать попусту силы, — презрительно отмахнулся Северан. — Тебе известно, кто такой принц Мэрик?

Эльфийка помедлила, размышляя.

— Думаю, что известно, — отозвалась она уже совершенно деловым тоном. — Сын законной королевы Ферелдена, который скрывается где-то в глуши вместе с матерью. Так?

— Мятежная Королева мертва. Ты наверняка видела ее голову на колу перед воротами.

— Так вот чья это была голова! А с виду такая зеленватая, подгнившая. Нипочем не подумаешь, что королевская.

— Тем не менее мальчишка — наследник Мятежной Королевы. И он жив. Мне нужно, чтобы ты сблизилась с ним.

Эльфийка задумалась, глубокомысленно крутя локон:

— Для этого требуется время.

— Время у нас есть.

— Тогда, может, обсудим мое вознаграждение?

— Сначала сделай дело, — пренебрежительно бросил он. — А уж тогда король Мегрен

даст тебе любую награду, какую только пожелаешь.

Девушка встала и отвесила Северану уже совершенно иной поклон — низкий и подобострастный.

— В таком случае, господин мой, бард в твоём распоряжении.

Северан удовлетворенно кивнул. Вот и еще один шанс уничтожить мятежников.

Издали, из тронного зала, донеслись приглушенные раскаты натужного хохота. И тут же сквозь эти звуки прорвался пронзительный, полный боли крик. Видимо, король развлекался. Это была единственная причина, по которой Мегрен получал удовольствие от подобных сборищ. До окончания праздника неизбежно находилось кому заплатить за венценосную скуку.

Кому-то всегда приходится платить.

Глава 7

Как и предсказывал эрл Рендорн, после битвы в долине мятежной армии пришлось не сладко. Углубившись в западные горы, мятежники могли не бояться преследования, но остались практически без провизии и снаряжения. Они ловили рыбу в горных ручьях, охотились в редких лесах, но все равно жили впроголодь. Одежд и добротных палаток у них было наперечет, занятий или развлечений еще меньше, за что ни возьмись, всего не хватало — и люди бродили по лагерю, потерянные и злые.

Не сказать, чтобы на это время их совсем оставили в покое. Небольшие отряды солдат то и дело устраивали вылазки в горы. Мятежникам, изнуренным лишениями и голодом, становилось все труднее бдительно следить за окрестностями. Когда небольшая группа врагов беспрепятственно добралась чуть ли не до самого королевского шатра и была перехвачена стражниками всего в нескольких шагах от того места, где Мэрик поедал свой более чем скромный ужин, эрл Рендорн решил, что просто прятаться в горах больше нельзя.

Первое, что пришло на ум командирам мятежников, — небольшие отряды лучников, которыми руководил Логэйн. Под покровом ночи группы эльфов — из тех немногих, что примкнули к мятежникам и служили курьерами либо нашли себе занятие в обозе, — выбирались из лагеря. Через пару недель на счету этих отрядов было уже изрядное количество убитых — так много, что враги начали всерьез опасаться появления в своих лагерях «ночных эльфов».

Враги мало что могли противопоставить этим непрерывным налетам: в стремлении запереть мятежников и уморить голодом они и слишком растянулись и рассредоточились вдоль гор. За этими вылазками последовали и другие — Роуэн и ее всадники наносили удары уже при свете дня. Если же у вражеских солдат хватало наглости погнаться за ними в горы, то на узких тропинках их ждали засады, устроенные Мэриком и эрлом Рендорном.

Мятежники, само собой, несли потери, но урон, который они при этом наносили врагу, оказался во много раз больше. Силы мятежной армии были уже на пределе, когда наступил радостный день: разведчики наконец сообщили, что враг отводит войска от гор.

Через пару дней после этого известия эрл Рендорн отдал приказ выступить, и мятежная армия; разделившись на четыре части, при свете полной луны тайно прошла через северные перевалы. Ночь выдалась напряженная, шли без факелов, что изрядно замедляло продвижение, но все же мятежникам улыбнулась удача. В отдаленных вражеских лагерях не заметили их передвижения, и к рассвету армия уже почти дошла до южных берегов великого озера Каленхад.

Здесь располагались многочисленные хутора, чьи владельцы сочувствовали мятежникам. В несколько местных деревень, и даже в Редклиф, отправили конных гонцов — тайно собирать съестные и прочие припасы.

Прибытие в лагерь первых поставок превратилось в праздник, стихийный и бурный. Одного вида мыла оказалось достаточно, чтобы Мэрик и Роуэн едва не сошли с ума от радости. А каким неземным наслаждением было хрустеть свежим яблоком! Привезли чистое

белье, новые палатки, лекарства. В тот вечер в лагере звучала музыка, люди смеялись и плясали вокруг костров, и никто не вспоминал о войне.

Эрл Рендорн даровал Логэйну чин лейтенанта, а «ночных эльфов» объявил регулярной ротой. Юноша не проявлял ни малейшей охоты принимать такую честь и сдался только после долгих уговоров своих лучников и поддразниваний Роуэн. Мэрик вручил ему подобающий чину алый плащ, устроив для этого краткую церемонию перед лицом всей армии. Логэйна эта церемония явно тяготила — он не видел никакой необходимости в подобном спектакле, однако солдаты приветствовали назначение с таким восторгом, что даже ему стало ясно, насколько важна была вся эта сцена для поднятия морального духа армии.

В конце концов, у них было не так уж много поводов для радости.

Потери мятежной армии оказались велики, многие ферелденцы погибли вместе со своей королевой. Узурпатор прилагал все усилия, чтобы распространить эту мысль по всей стране.

Тем не менее по-прежнему находились те, кто не верил ему и поддерживал мятежников — не важно, насколько явно. Через пару месяцев, пройдя вдоль гор, а затем повернув на восток, через гористое побережье, мятежная армия нашла приют в приветливых лесах близ портового города Амарантайн. По каким причинам — неизвестно, но Байрон, эрл Амарантайна, словно и не заметил присутствия на своих землях мятежников, тем самым дав понять, что они пока что могут остаться. Это был далеко не первый случай, когда мятежной армии приходилось полагаться на того, кто как бы не замечал их существования.

С точки зрения Мэрика, самым важным было вернуть мятежу утраченный размах, хотя бы на время разделить силы, чтобы донести правду о положении дел до разных частей страны. Эрл Рендорн считал такое предприятие очень рискованным, но согласился, что сделать это необходимо.

Первыми отправились в путь Роуэн и Логэйн, хотя тут, само собой, не обошлось без споров. Ни ей, ни ему не хотелось покинуть принца, да и сама мысль о совместном путешествии не вызывала у них ни малейшего восторга. Но в конце концов Мэрик все-таки настоял на своем. С видимой неохотой они покинули лагерь, взяв с собой нескольких солдат, хорошо знакомых с Баннорном — плодородным краем в самом сердце Ферелдена. Несколько месяцев отряд путешествовал по Баннорну, становился лагерем в безопасных местах, а Роуэн и Логэйн устраивали вылазки в соседние деревни, чтобы рассказать местным жителям, как обстоят дела. Иногда они заглядывали в гости к какому-нибудь банну, который мог проявить интерес к переговорам.

Роуэн была впечатлена способностью Логэйна с ходу определять, на самом ли деле тот либо иной банн заинтересован в дружбе с мятежниками или же пытается заманить их в ловушку. Как-то раз она разозлилась не на шутку, когда Логэйн, ничего не объясняя, выдернул ее из-за обеденного стола, и только потом сообразила, что к ним, прячась в темноте, подбирались стражники. Логэйн обнаружил это. Логэйн, а не она. Сверкнули мечи — и им пришлось драться спина к спине.

В подобных ситуациях Логэйн никогда не держался с Роуэн так, словно ее нужно было спасать или особенно оберегать. Он ждал, что девушка будет сражаться так же ожесточенно, как он сам, — и она старалась не обмануть ожиданий.

Очень часто им приходилось сворачивать лагерь второпях и бежать, пытаясь оторваться от подручных того или иного аристократа. Похоже, среди местной знати с избытком хватало тех, кто готов был продать с потрохами законного короля. Особенно теперь, когда узурпатор уже, казалось бы, одержал безоговорочную победу.

Случалось и так, что проникновенные речи Роуэн находили благодарных слушателей среди баннов, которые потеряли изрядную часть своего состояния, но еще помнили лучшие дни. Правление орлесианцев нанесло Баннорну тяжкий урон: налоги разоряли местное население ничуть не меньше, чем вражеская армия. Страх, однако, мешал многим жителям этого края поддержать мятеж: почти на каждом перекрестке висели клетки, в которых разлагались трупы казненных, — яркое свидетельство правосудия, как его понимали в

империи.

Все же дух ферелденцев не был окончательно сломлен, и за месяцы, проведенные в самом сердце страны, Роуэн и Логэйн не раз убеждались в стойкости и вольнолюбии соотечественников. Бедняки, чью изможденную плоть едва прикрывали жалкие лохмотья, слушали рассказ Логэйна о том, как принц Мэрик спасся от смерти, и в глазах у них загоралась яростная решимость, надежда, что еще не все потеряно. Старики, сидевшие в таверне у очага, гневно сплевывали в огонь и заводили разговор о тех временах, когда правил дед Мэрика, о великой войне с Орлеем и тяжком поражении, которым она закончилась. Те, кто слушал их в дымном полумраке, озаряемом отблесками огня, мрачно кивали каждому слову.

Роуэн заметила, что задиристость Логэйна постепенно исчезла и на смену ей пришло нечто среднее между придворной учтивостью и безразличием. По большей части Логэйн помалкивал, но как раз тогда, когда девушке начинало казаться, что в его отношении к ней наступило чуть заметное потепление, ее неизменно обдавало зимним холодом.

В сущности, единственный случай, когда Роуэн услышала от Логэйна нечто настоящему важное, произошел как-то вечером в разгар зимы. Они разбили лагерь в лесу, укрываясь от пары охотников за головами, и сидели по обе стороны крохотного костерка, ежась от холода и зябко кутаясь в шерстяные одеяла. Дыхание срывалось с губ белыми облачками морозного пара, и Роуэн уже в который раз подумывала о том, чтобы предложить Логэйну развести огонь пожарче. Можно было не сомневаться, что юноша в ответ лишь нахмурится и одарит ее суровым взглядом. Большой костер выдаст их расположение, и девушка это прекрасно понимала. Вот только будет ли прок от подобной скрытности, если они попросту замерзнут до смерти?

При этой мысли она бросила взгляд на спутника и обнаружила, что Логэйн в упор смотрит на нее. Он молчал, и взгляд льдисто-голубых глаз был таким напряженным, что у Роуэн ёкнуло сердце. Она поспешно отвела глаза и плотнее закуталась в одеяло. И долго он вот так смотрит на нее?

— Я забыл тебя поблагодарить, — ровным голосом произнес Логэйн.

Растерявшись, Роуэн подняла взгляд:

— За что?

— Тогда, во время боя, ты пришла мне на помощь. — Он сумрачно усмехнулся. — Прискакала, если быть точным.

— Не стоит...

— Стоит, — резко перебил Логэйн. Роуэн зачарованно смотрела, как он сделал глубокий вдох, а затем пристально и прямо взглянул ей в глаза, точно хотел убедиться, что она поняла его искренность. — Я знаю, что именно ты сделала, и за это благодарен тебе. Мне следовало бы сказать об этом давным-давно.

Холод отступил.

Сделав этот шаг к примирению, Логэйн вежливо кивнул и, не сказав больше ни слова, опять устремил взгляд в огонь. И продолжал греться у костра как ни в чем не бывало, а Роуэн даже отдаленно не представляла, что ответить. Поэтому она промолчала.

В конце концов, все это не имело особого значения, поскольку за время путешествия им и так было чем заняться. Зачастую все силы уходили только на то, чтобы остаться в живых. Может быть, Роуэн и предпочитала путешествовать с более интересными спутниками, однако она не могла отрицать, что сноровка и опыт Логэйна не единожды спасали ее от смертельной опасности. Если Логэйн и был у нее в долгу за то, что она нарушила приказ своего отца, — этот долг давно был оплачен с лихвой. Теперь Роуэн понимала, отчего принца так влечет к этому человеку.

Между тем сам Мэрик в это время тоже не сидел на месте. Всю зиму он в компании мага Вильгельма и небольшого отряда телохранителей наносил тайные визиты тем дворянам, которые прежде поддерживали мятежников. Он напоминал этим людям, что мятеж далеко не разгромлен, и просил их и впредь оказывать посильную помощь его армии.

Само собой, Мэрик не забывал урока, преподанного смертью матери. Как бы лояльно ни относились когда-то к мятежу эти люди, он никому из них безоглядно не доверял. Времена были лихие. Каждой такой встрече предшествовала тщательная подготовка, и вспыльчивый маг не ведал покоя до той минуты, пока встреча не завершалась. В нескольких случаях, когда кто-то из дворян пытался захватить короля, пыл напавших мгновенно остужало внезапное появление Вильгельмова голема.

Главное, что помогало Мэрику в эти долгие месяцы, — непопулярность узурпатора. Мегрен держал подданных в страхе и не скрывал нелюбви к ним. Большинство тех дворян, к которым навевался Мэрик, готово было по меньшей мере выслушать его и выразить поддержку хотя бы на словах. Однако примкнуть к мятежу решались немногие.

В конце концов это означало покинуть свой дом и имущество на произвол судьбы. Их исконные владения достались бы какому-нибудь орлесианскому хлыщу, который обдерет их как липку, — а многим аристократам не слишком-то хотелось обрекать простых людей на такую участь.

Нет, открыто примыкали к мятежу только самые отчаянные и безрассудные или те, кому уже нечего было терять. Мэрика ободряло — но вместе с тем и печалило — то, что с течением времени все больше и больше дворян оказывалось именно в таком безвыходном положении. Ему уже доводилось слышать о баннах, вынужденных бросить поместья и, прихватив с собой всю челядь, способную носить оружие, отправляться напрямик в мятежную армию.

Настоящие неприятности начались весной, когда по округе прошел слух о странной компании, которая путешествует по Внутренним землям в более чем приметном обществе голема. На отряд напали солдаты узурпатора, и Мэрику пришлось бежать, спасая свою жизнь. Вильгельм настаивал на возвращении к армии, но принц повернул на север и направился к Твердыне Кинлоха — старинной башне, в которой располагался ферелденский Круг магов. Высокая, увенчанная шпилем башня непостижимым образом вырастала прямо из вод озера Каленхад.

Маги никогда не принимали чью-то сторону в политических столкновениях, во всяком случае открыто, и Первый Чародей, встретивший Мэрика у ворот, заметно нервничал. Невысокий сморщенный старичок дрожащим голосом сообщил, что в башне как раз находится с визитом Владычица Церкви. Намек был ясен без слов: Церкви пока еще не известно о появлении Мэрика и маги будут несказанно счастливы, если он проявит здравый смысл и уберется восвояси.

Их беспокойство было вполне объяснимо. Церковь зорко следила за Кругом и не доверяла ему ни на грош. Если возникнет даже тень подозрения, что маги как-то связаны с мятежом, на них тотчас спустят храмовников. Вполне вероятно, достаточной причиной для тревоги было уже то, что Мэрика сопровождал Вильгельм.

Мэрик, однако, никогда в жизни не встречался с преподобной матерью Бронах. Он был знаком с ней только по слухам. Когда еще выпадет ему шанс переговорить с этой женщиной без того, чтобы за спиной у нее маячила армия храмовников?

Когда Мэрик изложил свои намерения вслух, Первый Чародей побелел как мел. Мэрику почти стало жаль старичка. В конце концов после длительной суматохи и множества резких фраз, которыми обменивались мятежный принц и свита Владычицы Церкви, Мэрика, и только его, провели в зал собраний — сводчатый зал в самом сердце башни.

Огромные колонны подпирали потолок на стофутовой высоте, а между ними плясали стеклянные шарики, сиявшие магическим светом. Обычно в этом зале вели споры старшие маги, но сегодня ему суждено было послужить нейтральной территорией. Владычица Церкви тоже была одна. Облаченная в блистающие красные одеяния, она чопорно восседала в кресле и постукивала по подлокотнику сухими старческими пальцами. Когда Мэрик вошел, церковница окинула его осуждающим взглядом, но никаким иным приветствием не удостоила.

Мэрик обливался потом. Для них двоих этот зал был чересчур громадным. Здесь он

чувствовал себя карликом, жалким и ничтожным.

— Принц Мэрик, — с натянутой вежливостью выдавила мать Бронах, когда он подошел ближе.

Мэрик опустил на одно колено и низко, почтительно склонил голову:

— Преподобная мать Бронах.

Воцарилась напряженная тишина, затем Мэрик поднялся. Церковница разглядывала его с интересом, — судя по всему, его учтивость пришлась ей по вкусу.

— Тебе повезло... — начала она жестким тоном, — повезло, что я прибыла сюда без почетной охраны. В противном случае я бы тотчас велела арестовать тебя. Думаю, ты это понимаешь.

— В противном случае этот разговор вовсе бы не состоялся.

— Да уж.

Священница вновь забарабанила пальцами по подлокотнику, и у Мэрика возникло ощущение, что его тщательно изучают. Может, преподобная мать ищет в нем признаки слабости? Пытается понять, соответствует ли он своей, без сомнения жалкой, репутации? Наверняка он этого знать не мог.

— Ты андрастианец, юноша? Веруешь ли ты в Создателя и Его Церковь?

Мэрик кивнул:

— Мать научила меня Песни Света.

— Тогда склонись перед законным правителем Ферелдена. Покончи со всей этой чушью.

— Это не чушь! — отрезал он. — Как может Церковь поддерживать орлесианца на ферелденском троне?

Брови преподобной матери изумленно взлетели вверх. Она явно не привыкла к тому, чтобы ей перечили.

— Такова воля Создателя, — отработанно терпеливым тоном проговорила она.

— Но он же тиран!

Преподобная мать поджала губы и с минуту молчала, пристально глядя на Мэрика.

— Сколько невинных жизней загубила в этой безнадежной борьбе твоя мать? Сколько еще загубишь ты? Разве твои соотечественники не заслужили мира?

Мэрик ощутил, как жаркий гнев закипает в нем, грозя вот-вот вырваться наружу. Да как она смеет?! В два шага он одолел расстояние между ними и остановился лицом к лицу с преподобной матерью, вытянув вдоль тела руки, крепко сжатые в кулаки. Только так он и мог удержать себя от того, чтобы не придушить эту женщину. В конце концов, она, несмотря на кичливость, заслуживает уважения. Мэрику пришлось напомнить себе об этом.

Он медленно выдохнул, успокаиваясь. Преподобная мать Бронах все так же пристально смотрела на него, с виду ничуть не обеспокоенная ни тем, что он подошел так близко, ни невысказанной угрозой, которая сквозила в каждом его движении. Тем не менее Мэрик знал, что она нервничает. Он видел, что на лбу у нее выступили бисеринки пота, и заметил, что взгляд ее на миг метнулся к ближайшей двери.

— Это правда, что он выставил голову моей матери на копье перед денеримским дворцом? — ледяным гоном спросил он. — Моей матери, твоей законной королевы?

Взгляды их скрестились, и наступила невыносимо долгая пауза. Наконец преподобная мать с величественным видом поднялась из кресла.

— Вижу, нам нечего обсуждать, — проговорила она с едва заметной дрожью в голосе. — Ты — несносный мальчишка. Предлагаю тебе взять своих спутников, покинуть башню, пока еще есть такая возможность, и молиться, чтобы, когда настанет твой смертный час, с тобой обошлись более милосердно, чем с твоей матерью.

С этими словами преподобная мать развернулась и решительно вышла из зала. Когда она скрылась за дверью, у Мэрика подкосились ноги.

Недолгий разговор с Первым Чародеем, последовавший за этой встречей, завершился немногим лучше. Круг магов не пожелал отказаться от своего нейтралитета. В лучшем

случае маги были готовы закрыть глаза на то, что мятежникам помогает один из их собратьев. Мэрик подозревал, что вряд ли ему удалось бы добиться чего-то большего.

Тем не менее, думал он, встреча лицом к лицу с преподобной матерью Бронах все-таки оказалась не совсем бесполезной. Пускай Владычица Церкви сочла его слабаком и невежей, зато он, по крайней мере, столкнулся лицом к лицу с одной из ближайших советников узурпатора и не дрогнул, не отступил. Преподобная мать покинула Твердыню Кинлоха в большой спешке и, вне всякого сомнения, во весь опор помчалась напрямик во дворец. Мэрик покинул сияющую башню задолго до того, как Владычица Церкви успела бы отправить за ним стражу.

И вот все главные мятежники снова встретились в лесах близ Амарантайна. Эрл Рендорн радостно приветствовал и Мэрика, и Роуэн с Логэйном. Все они были изнурены долгим путешествием, но каждый был счастлив, что другие вернулись благополучно. Роуэн, бросившись вперед, радостно заключила Мэрика в объятия и тут же принялась посмеиваться над бородкой, которую он отрастил за зиму, а если Логэйн при этом и держался излишне молчаливо, то ни один из них этого не заметил. Мэрику не терпелось услышать рассказ о времени, проведенном в Баннорне, и всю первую ночь в лагере он до рассвета сидел у костра, попивая вино и вытягивая из несловоохотливого Логэйна одну историю за другой.

И тут же оказалось, что расслабляться им пока рано. Эрл Рендорн уже предостерегал, что расположение мятежной армии становится слишком известным; никогда прежде они не задерживались так долго на одном месте. Все это время в лес, где стояла армия, понемногу просачивались небольшие группы новобранцев, и слухи о том, где искать сторонников Мэрика, расходились все шире. Наконец однажды вечером прискакал гонец от эрла Амарантайна и сообщил о приближении войск узурпатора.

Мэрик сказал эрлу Рендорну, что, прежде чем уходить, должен кое-что сделать. Взяв с собой Логэйна, он отправился с визитом к эрлу Байрону. Логэйн твердил, что это глупо, но Мэрику было плевать.

При их приближении молодой эрл в сопровождении стражников вышел из своего амарантайнского поместья и дружелюбно помахал рукой.

— Ваше высочество, — приветствовал он гостя. — Признаться, я удивлен, что вы еще здесь. Разве вы не получили мое послание?

— Получил, ваша светлость, — кивнул Мэрик. — И хотел поблагодарить вас.

Молодой эрл тоже кивнул. По выражению лица трудно было понять, о чем он думает.

— Это было меньшее, что я мог для вас сделать.

— Куда уж меньше, — многозначительно проворчал Логэйн.

Мэрик ожег его гневным взглядом. Логэйн лишь насупился, но не проявил ни малейших признаков раскаяния.

— Я хотел, — твердо продолжал Мэрик, снова глядя на эрла Байрона, — выразить тебе нашу благодарность. В твоих владениях мы нашли надежное убежище, пусть всего лишь на время. Надеюсь, этот поступок не будет иметь для тебя никаких дурных последствий.

С этими словами он отвесил низкий поклон эрлу. Тот явно сконфузился и только смог на прощание выдавить из себя пару ничего не значащих любезностей.

Едва ли от этой встречи можно было ожидать чего-то большего. Возвращаясь в лагерь, Мэрик уже готов был согласиться с Логэйном и признать, что лучше бы они просто ушли из этих мест, не тратя попусту сил и времени. И когда на следующее утро мятежная армия выступила в поход, принц испытал нешуточное потрясение: у самой опушки леса мятежников поджидал большой вооруженный отряд со значками Амарантайна.

Солдаты, однако, не спешили атаковать. Вперед выехал эрл Байрон, на виду у всего отряда преклонил колени перед Мэриком.

— Пусть узурпатор подавится моими землями, — проговорил он, и голос его дрожал от наплыва чувств. — Я отправил жену и детей на север, взял с собой всех верных людей и все припасы, какие удалось собрать. — Эрл поднял взгляд на Мэрика, и в глазах его заблестели слезы. — Если... если ты, милорд принц, согласишься принять мою службу, я с радостью

примкну к твоему делу. И прости, что у меня не хватило духу поступить так раньше.

Мэрик потерял дар речи, а люди эрла и его собственные спутники разразились ликующими воплями.

И снова им пришлось сражаться — вначале, когда мятежная армия, уходя от войск узурпатора, отступала назад в западные горы; потом, когда эрл Рендорн решил, что врагу надлежит дать подобающий отпор. Ряд мелких стычек, происходивших большей частью под весенним проливным дождем, вынудил солдат узурпатора, не ожидавших такого оборота дел, поспешно отступить. Пару педель спустя прибыло более крупное войско, которое наспех собрал разъяренный Мегрен, но мятежная армия к тому времени была уже далеко.

Вот как жила и выживала мятежная армия два нелегких года.

Правда, настоящие сражения случались редко, и мятежники в основном занимались тем, что ждали. Разбивали лагерь и неделями стояли под дождем, а зимой в снегу. Недели ожидания перемежались нелегкими переходами по самым глухим и труднодоступным углам Ферлдена — мятежники уходили от преследования либо подыскивали себе новое укрытие.

Только один раз войскам узурпатора удалось потрепать их всерьез. Плохо охраняемый караван, который в начале зимы вез припасы из Орлея, оказался чересчур соблазнительной мишенью, и слишком поздно эрл Рендорн сообразил, что это ловушка. Мятежники не успели и глазом моргнуть, как со склонов хлынули сотни орлесианских шевалье, до того укрывавшихся среди скал. Их серебристые доспехи и наконечники копий нестерпимо сверкали под низким зимним солнцем. Шевалье окружили бы основные силы мятежников, задержав их до подхода подкреплений, если бы не стремительные действия Логэйна и «ночных эльфов».

Лучники бросились вверх по склонам наперерез скачущим в атаку шевалье. Осыпанные градом стрел, рыцари вынуждены были остановиться и, не завершив обходного маневра, ввязаться в бой. Однако эльфы в легких доспехах не могли сражаться на равных с шевалье, и, когда орлесианцы обрушились на их позиции, больше половины лучников погибло. Самого Логэйна проткнули копьем.

Эта жертва дала Мэрику возможность отменить удар по каравану и благополучно отойти. Настояв на том, чтобы помочь Логэйну, Мэрик повел мятежное войско в обход. Потери были велики, но и раненого Логэйна, и уцелевших эльфов удалось спасти. Шевалье погнались было за мятежниками, но быстро отказались от своего намерения.

Места для других сражений выбирались куда более тщательно. Выбор по большей части принадлежал эрлу Рендорну, и, когда они с Мэриком расходились во мнениях, дело заканчивалось жарким спором. Побеждал в конце концов немалый опыт эрла Рендорна.

Эти поражения принц переживал тяжело. По несколько дней он избегал окружающих, проводя время в мрачных размышлениях и внутренне закипая оттого, что его не принимают всерьез. Он сетовал, что с ним обращаются как с марионеткой. Как-то Мэрик явился на совещание к эрлу Рендорну, где уже были Роуэн и Логэйн, и запоздало сообразил, что его-то как раз сюда не приглашали. Почти неделю бродил он пьяный и несчастный, стараясь никому не попадаться на глаза. В конце концов Логэйн отыскал его, назвал дураком и силой приволок в лагерь. Непонятно почему, но это происшествие значительно успокоило Мэрика.

После того случая он прилагал все усилия, чтобы обозначить свое участие в мятеже другим способом. Твердо уверенный, что ему надлежит разделять опасность со своими солдатами, Мэрик решил в каждом бою драться в первых рядах. Солдаты смотрели, как он скачет впереди, как сверкают его доспехи гномьей работы и развевается пурпурный плащ, смотрели и восторгались. Мэрик виду не подавал, что ему об этом известно.

Роуэн не на шутку выходила из себя, когда залитого кровью Мэрика притаскивали с поля боя. Тотчас прибежал Вильгельм и под гневные крики девушки принимался творить исцеляющие заклинания. Мэрик, преодолевая боль, ухмылялся и твердил, что они все делают из мухи слона.

Тогда неизменно появлялся Логэйн — только что из боя, еще в доспехах. Он бросал

взгляд на Мэрика, глубокомысленно сдвигал брови и объявлял, что поскольку Мэрик остался жив, то и беспокоиться не о чем. Роуэн гневно удалялась, на чем свет стоит кляня их обоих за глупость, а Мэрик и Логэйн украдкой обменивались понимающими ухмылками.

За эти два года троица постепенно сблизилась. Во всех боях они сражались бок о бок, и эрл Рендорн все чаще и чаще привлекал Логэйна к обсуждению новых планов. Что было неудивительно: эрл постоянно хвалил во всеуслышание таланты Логэйна, а однажды заявил, что, если его обучал отец, остается лишь горько сожалеть о потере такого человека. В противном случае, сказал эрл, все могло бы пойти по-другому, и ему жаль, что не было возможности познакомиться с Гаретом Мак-Тиром.

Логэйн принял этот комплимент со своим обычным сдержанным молчанием, а что он при этом думал, так и осталось известно только ему одному.

В те долгие недели, когда армия стояла лагерем в каком-нибудь укромном месте, Логэйн посвящал немало времени обучению Мэрика тонкостям фехтования и стрельбы из лука. Он утверждал, что ученик из принца неважный, однако на самом деле для них обоих эти уроки были только поводом провести время вместе. Мэрик считал Логэйна невероятно притягательной личностью и постоянно стремился вытянуть из своего немногословного учителя какую-нибудь историю о тех днях, когда тот вел жизнь изгоя. Он клянчил и приставал до тех пор, пока Логэйн не сдавался. Поистине сокрушительное обаяние Мэрика способно было взять штурмом любую крепость.

Роуэн часто наблюдала за этими уроками, забавляясь постоянной пикировкой и легкомысленной болтовней Мэрика и Логэйна. Во всей армии, не считая «ночных эльфов», Логэйна считали замкнутым и даже угрюмым типом, но Мэрик ухитрялся его расшевелить — то, чего так и не удалось добиться Роуэн за все долгие месяцы их совместного путешествия по Баннорну. Часто она со смехом критиковала фехтовальные приемы Логэйна, главным образом потому, что это злило юношу и оттого безумно веселило Мэрика. В конце концов высказывания Роуэн настолько разъярили Логэйна, что он, кипя от гнева, предложил выяснить на деле, кто из них лучше разбирается в фехтовании. Роуэн, ухмыляясь, приняла вызов.

Мэрик пришел от этой идеи в невероятное возбуждение и тут же пробежался по всему лагерю, во всеуслышание объявляя о предстоящем поединке. Не прошло и часа, как вокруг Логэйна и Роуэн собралось несколько сотен шумных и восторженных зрителей.

Окинув эту толпу скептическим взглядом, Логэйн повернулся к Роуэн.

— Ты уверена, что хочешь устроить поединок? — с серьезным видом осведомился он.

— По-моему, это ты меня вызвал.

— Тогда я забираю свой вызов назад, — тотчас отозвался он. — И прошу прощения за то, что вспылал. Больше этого не повторится.

Солдаты, услышавшие его, разочарованно завопили, и на сей раз уже Роуэн разозлилась не на шутку.

— А я не принимаю твоего отказа, — отчеканила она, — и требую, чтобы ты дрался со мной в полную силу. Ты хочешь узнать, кто из нас лучше управляется с мечом? Я тоже.

Логэйн смерил ее оценивающим взглядом, гадая, шутит она или говорит всерьез. Роуэн без единого слова обнажила меч и с вызывающим видом встретила его взгляд. После долгой паузы он наконец кивнул, и толпа разразилась ликующими воплями.

Из них двоих Логэйн был сильнее, зато Роуэн — проворнее и, вероятно, целеустремленнее. Их первые выпады были встречены одобрительным ревом зрителей, а затем они обменялись серией взаимных ударов, проверяя на прочность защиту противника. Роуэн, однако, очень скоро поняла, что Логэйн дерется вполсилы. Яростно прыгнув вперед, она с ошеломляющей быстротой нанесла рубящий удар и полоснула Логэйна по ноге. Он взмахом руки отогнал солдат, бросившихся было на помощь, одарил Роуэн тяжелым взглядом и, помедлив, кивнул.

Бой длился почти час, а разговоры о нем в армии велись еще несколько месяцев. Логэйн и Роуэн сражались яростно, выкладываясь до последнего, и скоро уже оба были в крови.

Струйка крови из рассеченного лба Роуэн стекала ей на глаза, мешая видеть, и это дало Логэйну возможность для завершающего удара, чем он немедля и воспользовался. Роуэн лишь за долю секунды успела откатиться вбок, а затем уважительно отсалютовала Логэйну мечом. Видя, что оба они совсем выбились из сил и обливаются потом, встревоженный Мэрик попытался прекратить поединок, объявив ничью. Роуэн, не сводя глаз с Логэйна, только отмахнулась от принца как от надоедливой мухи.

Все кончилось через несколько минут, когда Логэйн, сделав низкий и совершенно неожиданный выпад, ударом меча снизу вверх обезоружил Роуэн. Клинок ее отлетел далеко в сторону, и по толпе зрителей прокатился возбужденный ропот. Вместо того чтобы признать свое поражение или броситься за мечом, Роуэн низко пригнулась, сбила Логэйна с ног и тут же набросилась, пытаясь отобрать меч. Они покатались по земле. Наконец Логэйн отбросил девушку прочь под восторженный рев толпы, вскочил и приставил острие меча к ее горлу.

Роуэн глядела на меч, дыша тяжело и прерывисто, кровь из раны на лбу все так же заливала ей глаза. Логэйн тоже задыхался, был бледен и крайне осторожно наступал на раненую ногу. Он протянул Роуэн руку, и девушка неохотно приняла помощь. Зрители неистовствовали, вопя от восторга.

Они завопили еще громче, когда Роуэн пожала Логэйну руку, поздравляя с победой. Тут же она покачнулась, слабея на глазах, и Мэрик, бросившись к ним, поддержал ее. Он громко позвал Вильгельма, и Роуэн, захихикав, объявила, что Логэйн все-таки очень даже подходящий для него учитель.

Позднее, когда Мэрик слонялся у шатра, в котором Вильгельм обрабатывал раны Роуэн, явился, хромя, уже перевязанный Логэйн и принялся неловко извиняться. Он, дескать, пошел на поводу у гордыни и подверг опасности будущую королеву Ферелдена. Мэрик выслушал его, выпучив глаза, а затем от души расхохотался. С его точки зрения, сказал он, опасности в этом поединке подвергался кое-кто другой. Логэйн только сумрачно кивнул, и на этом все и закончилось.

Весна растопила сугробы. Прошло почти три года с тех пор, как была убита королева, а Мэрик вернулся в мятежную армию, чтобы принять участие в том памятном сражении. И пусть за все это время дело мятежа продвинулось ненамного, но армия успешно выживала и сводила на нет все попытки узурпатора окружить и уничтожить ее. Более того, ряды мятежников неуклонно росли. Мегрен был безжалостным правителем, и чем выше он поднимал налоги, чем суровее карал непокорных, тем больше вливалось в мятежную армию новобранцев. Армия разрослась настолько, что уже не могла стоять лагерем в одной местности. Хотя мятежникам оказывали помощь очень многие вольные землепашцы, прокормить солдат становилось все труднее. Кроме того, с увеличением армии увеличилась и опасность, что в нее проникнут шпионы. С каждым месяцем войска Мегрена все быстрее узнавали, где находится очередной лагерь мятежников.

Настало время действовать.

Гварен был расположен в юго-восточном углу Ферелдена, за громадой леса Бресириан. Населяли этот неказистый городок по большей части рыбаки и лесорубы, и добраться туда можно было только на лодках либо по узкому тракту, который тянулся через леса на запад. Оборонять город было проще простого, однако эрл Рендорн разузнал, что основные силы защитников ушли на север, — нынешний тейрн Гварена послал подкрепление имперским войскам. Это значило, что город остался практически беззащитен, — приходи и бери.

За пару недель до этого эрл Амарантайна со своими людьми отделился от основного войска мятежников. Он отправился на запад, чтобы дерзкими набегами отвлечь внимание. Мэрик полагал, что ему это удалось, поскольку, двигаясь по лесному тракту в сторону Гварена, мятежники ни разу не столкнулись с противником. Когда они вышли к городу, стало ясно, что защитники Гварена уже знают об их приближении, но времени им хватило только на то, чтобы собрать ополчение. Кое-кто из местных жителей удрал на рыбацких лодках, но большинство оказалось заперто в городе.

Штурм начался немедленно. Город, раскинувшийся на скалистом побережье, представлял собой настоящий лабиринт из мощеных улочек и кирпичных оштукатуренных домишек. Стен у Гварена не было, зато имелся каменный замок на вершине холма, нависавшего над городом, и именно туда отступило большинство солдат.

Вырвавшись из леса, отряды Мэрика и Роуэн хлынули в город и налетели на позиции плохо обученных ополченцев. За считанные секунды вокруг воцарился хаос. Ополченцы почти сразу пустились наутек, прячась в переулках и домах, и мятежники были вынуждены в поисках врагов обшаривать каждый угол.

Хотя Мэрик велел шадить постройки и не причинять ущерба местному населению, кое-где уже занялись пожары. Он видел, как сразу в нескольких местах над крышами поднимается дым, а паника воцарилась среди горожан. Люди метались по улицам, спасаясь и от мятежников, и от ополченцев. Схватив то немногое, что стоило спасать, они бежали в лес в надежде, что не привлекут внимания мятежной армии. Улицы были битком забиты народом, повсюду были дым и крики, и Мэрик, завернув за угол, вдруг сообразил, что оторвался от своих солдат.

Боевой конь нетерпеливо забил копытами. Пытаясь унять его, принц увидел, что из пелены дыма навстречу вышли несколько человек. И замерли, перепуганные до полусмерти. Одеты они были просто и небогато, многие несли узлы с пожитками, а кое-кто заслонял собой детей. Ополченцев среди них не было. Мэрик подал коня вбок и махнул рукой, показывая, что они могут пройти. Люди боязливо, по одному, двинулись вперед. Один из малышей заплакал от страха.

Клубы дыма, расплывшиеся по улицам, стали гуще, и Мэрик расслышал впереди звуки боя. Порт был недалеко, и Мэрик понимал, что найдет там кого-нибудь из своих солдат, однако, повернув коня, осознал, что понятия не имеет, куда ему направиться. «Следуй за запахом соли и рыбы», — сказал он себе. Однако вокруг пахло только дымом и кровью.

Из дыма выскочили, направляясь к нему, еще трое — эти бежали и кричали. Это были ополченцы в легких доспехах из темной кожи, вооруженные дешевыми мечами и деревянными щитами. То, что они решились напасть на всадника в полном доспехе, означало, вероятно, что они распознали по плащу принца и решили, будто смогут стащить его с коня и прикончить.

«А ведь и в самом деле могут», — подумал Мэрик.

Юноша ловко спешился и выхватил меч, вскинув его как раз вовремя, чтобы отразить выпад, но не успел увернуться, когда противник с разгону налетел на него. Мэрика впечатало в кирпичную стену, и у него перехватило дух, хотя гномьи доспехи неплохо защищали. Конь попятился, но не ускакал, а только нервно заржал.

— Взять его! Взять! — возбужденно кричал ополченец, брызжа слюной.

Лысоватый толстяк, чьи кожаные доспехи едва прикрывали объемистый живот, ударил Мэрика клинком по плечу, но лезвие попросту отскочило от доспехов.

Стиснув зубы, Мэрик лягнул одного из ополченцев так, что тот кубарем откатился прочь, а затем развернулся к толстяку и, прежде чем враг успел вскинуть меч для нового удара, врезал ему кулаком в лицо. Бронированная перчатка разбила нос, и мужчина пронзительно завопил, захлебываясь кровью. Третий ополченец бросился на Мэрика, но тот, легко отбив удар, развернулся и проткнул противника насквозь.

Толстяк зашатался и бросился наутек, закрывая лицо ладонями и визжа от боли. Мэрик повернулся к первому ополченцу — тот уже кое-как поднялся на ноги. Мгновение они в упор смотрели друг на друга, сжимая мечи. Принц оставался спокоен, а его противник нервно облизывал губы и явно подумывал о бегстве. На улицу хлынула новая волна дыма — это в доме неподалеку рухнула крыша и в небо ударил столб пламени.

— Желаете продолжить? — осведомился Мэрик.

За спиной у защитника города в дыму появились еще четверо солдат. При виде товарищей ополченец широко ухмыльнулся.

— Пожалуй что, и желаю, — хмыкнул он.

Все решил грохот копыт по булыжной мостовой. Ополченцы бросились бежать, но, увы, недостаточно быстро. Несколько всадников выскочили из-за угла, обрушились на них, сверкнули мечи — и в один миг все было кончено. Зеленый плюмаж Роуэн развевался на ветру на фоне дыма и пламени, и Мэрик невольно залюбовался.

Солдат, стоявший перед Мэриком, остолбенело уставился на девушку и слишком поздно сообразил, что надо сматываться. Роуэн обрушилась на него, и клинок стремительно чиркнул наискось по шее ополченца.

Принц мрачно смотрел, как ополченец зашатался и рухнул, заливая темной кровью булыжники мостовой. «В этом не было никакой нужды, — подумал он. — Эти солдаты тоже мои подданные, верно?» Но он ничего не мог сделать. Пока еще не мог.

Роуэн осадила коня рядом с Мэриком. Сдернула с головы шлем, лицо ее было покрыто сажей и потом.

— Опять с коня свалился? — осведомилась она с отдаленным намеком на ехидную усмешку.

— Да, это за мной водится, — согласился Мэрик с тяжелым вздохом.

На самом деле он не падал с лошади уже несколько лет, за исключением одного случая прошлой зимой, когда он с головой провалился в огромный сугроб. Это обстоятельство спасло принцу жизнь, укрыв от вражеских глаз. Логэйн тогда заявил, что он везуч до идиотизма, и Мэрику оставалось только согласиться.

Отвернувшись, Мэрик подобрал поводья, успокоил коня и только тогда вскочил в седло. Роуэн понимающе наблюдала за ним, а затем оглянулась на ожидавших ее всадников. Помахав, они ускакали прочь — продолжать поиски ополченцев.

— Нам еще предстоит обыскать изрядную часть города, — сказала Роуэн. — Похоже, до утра мы этих типов не выловим. А я так надеялась, что они начнут выходить из укрытий и сдаваться... — она кивком указала на зарево бушевавших вокруг пожаров, — но они, кажется, скорее готовы спалить весь Гварен и нас вместе с ним.

— Похоже на то. — Мэрик вытер пот со лба. Потом вытер кровь с меча. — Вероятно, бой идет уже в замке. Наверное, Логэйн взял штурмом стену.

На лице Роуэн мелькнуло раздражение — как было всякий раз, когда Мэрик упоминал Логэйна. Но когда девушке указывали на это, она все отрицала, а потому сейчас Мэрик предпочел сделать вид, что ничего не заметил.

— Стало быть, Гварен наш? — резко спросила она.

— Скоро будет наш.

На улицах было уже более-менее спокойно. Кое-где бушевали пожары, но большинство горожан было уже далеко, да и ополченцев выловили почти всех. Остро чувствуя собственное бессилие, Мэрик смотрел, как горят дома, и отчетливо понимал, что огонь еще долго будет безнаказанно распространяться по городу. Он видел людей, которые, прячась за занавесками, провожали взглядами его и Роуэн, но вряд ли можно было ожидать, что они сейчас решатся выйти на улицу. Потом — возможно, но сейчас он для них захватчик, виновный в пожарах и кровопролитии. Быть может, некоторые из них и впрямь верят, что он такой негодяй, каким расписывает его Мегрен. Большинство же, несомненно, напугано до полусмерти, и неудивительно.

Улицы были усеяны брошенными вещами, всяким мусором и трупами. Многие двери были распахнуты настежь или без стеснения выломаны, и отчего-то повсюду во множестве бродили куры. Откуда они взялись? Птицы расхаживали с таким видом, будто именно они теперь стали подлинными хозяевами Гварена.

Высоко в небе пророкотал гром, и Роуэн пристально взгляделась в пелену серых туч.

— Хорошо бы, дождь собрался, — с надеждой проговорила она. — Проще будет погасить пожары.

Внимание Мэрика, однако, привлек совсем другой звук. Откуда-то поблизости донесся сдавленный крик женщины, звавшей на помощь.

— Ты это слышала? — спросил он у Роуэн, но в ответ получил только озадаченный

взгляд.

Не дожидаясь ее, Мэрик развернул коня и поскакал на зов.

Он услышал, как за спиной встревоженно крикнула что-то Роуэн, но остановиться и не подумал. Понукая коня, он галопом проскакал по безлюдной улице, заваленной грудями пустых ящиков. Свернув за угол строения, которое оказалось пивной, Мэрик увидел кричавшую женщину. Красивая эльфийка, с длинными волосами цвета меда, в простой дорожной одежде, отчаянно отбивалась от троих мужчин, которые прижали ее к земле. Они уже почти содрали с нее рубашку, и лишь то, как бешено девушка извивалась в их руках, мешало им закончить дело.

— Помогите! Ради Создателя, помогите! — пронзительно крикнула она, заметив Мэрика.

Один из дюжих мужчин зажал ей рот мясистой ладонью, а двое других обернулись к принцу. Это были не его солдаты, и за обычных горожан их вряд ли можно было принять. Может, каторжники? С виду они были достаточно грязны и оборваны, а выражение лиц не оставляло сомнений в их намерениях.

Один из них выхватил нож. Не колеблясь ни секунды, Мэрик пришпорил коня и направил его прямо на насильников. Человек с ножом бросился на принца, но боевой конь смял его, стоптал, не оставив ни малейшего шанса на спасение.

— Отпустите ее! — прогремел Мэрик. Он спешил, выхватил меч и, отпустив коня, с угрожающим видом двинулся на мужчин. — Именем короля я велю вам отпустить ее!

Дюжий бандит сильнее стиснул эльфийку, которая извивалась в его руках, отчаянно мыча зажатым ртом. Другой оскалился и с бешеным воплем ринулся на принца. Мэрик шагнул вперед и ударил его по голове рукоятью меча. Мужчина мешком повалился на мостовую.

Из-за угла выехала Роуэн и, спрыгнув с коня, тотчас обнажила меч. Дюжий бандит глянул на Мэрика, затем на нее, отшвырнул эльфийку и бросился наутек. Роуэн погналась за ним, на бегу одарив Мэрика уничтожающим взглядом, который без слов говорил, что она думает о его выходе.

Мэрик тотчас же метнулся к эльфийке. Девушка лежала на мостовой и жалобно всхлипывала, пытаясь стянуть на груди изодранную рубашку. Вся ее одежда была в грязи и крови, но Мэрик сомневался, что эта кровь принадлежала ей. Если не считать нескольких внушительных кровоподтеков на руках и ногах, она была цела и невредима.

— Как ты себя чувствуешь... э-э-э... госпожа моя? — Мэрик только сейчас сообразил, что не знает, как принято обращаться к эльфийкам.

В мятежной армии, конечно, были эльфы, но к ним обращались так же, как и к другим солдатам. Слуг-эльфов у Мэрика никогда не было, хотя он встречал таковых в некоторых замках, куда брала его с собой мать. Да и тогда ему не доводилось с ними разговаривать.

Девушка поглядела на него. Слезы лились из ее зеленых глаз, таких изумительно-зеленых, что Мэрик не мог отвести взгляд.

— Меня зовут Катриэль, — тихо проговорила она. — Вы очень добры, ваше высочество. Благодарю вас.

Она подобрала валявшийся неподалеку холщовый сверток, поднялась на ноги и вновь попыталась запахнуть на груди рубашку. Не вышло. Мэрик снял свой пурпурный плащ и набросил ей на плечи.

Девушка с ужасом глянула на него и попыталась сбросить плащ.

— О нет! Что вы, ваше высочество, я не смею...

— Да конечно же смеешь. Это всего лишь плащ.

Тогда девушка с явной неохотой позволила закутать себя в складки плотной материи и покраснела, отведя глаза. Мэрик вдруг обнаружил, что засмотрелся на ее точеную шею, на плавные изгибы пышной груди, едва прикрытой плащом. До чего же она изящная, хрупкая! Мэрику доводилось слышать, что эльфийские женщины обладают особой привлекательностью в глазах людей и потому на них такой большой спрос в борделях

Денерима. Вот только Мэрик никогда прежде не бывал в столице и не знал, как притягательны могут быть эльфийки... до нынешнего дня.

Он вздрогнул, увидев, что к ним подошла Роуэн. На лице у нее было написано раздражение. Мэрик торопливо, излишне торопливо отступил от эльфийки, и Роуэн стала мрачнее тучи.

— Это Катриэль, — с запинкой представил девушку Мэрик. И, спохватившись, оглянулся на эльфийку. — А это леди Роуэн. Моя... э-э-э... моя нареченная.

Катриэль повернулась к Роуэн и присела в изящном реверансе:

— Весьма благодарна и вам, госпожа моя. Я обратилась к этим людям за помощью. Похоже, это был крайне неосторожный поступок.

— Да уж, — пробормотала Роуэн. — А зачем, собственно говоря, тебя вообще сюда понесло?

— У меня не было другого выхода. — Эльфийка повернулась к Мэрику, теснее стягивая на груди плащ. — Милорд, я искала вас. Конь, которого мне дали, пал недалеко отсюда. Остаток пути я бежала, но здесь творился такой хаос...

— Ты искала меня? — удивился Мэрик.

Катриэль выудила из-под пурпурного плаща уже знакомый Мэрику холщовый сверток. Там оказалось несколько свитков в кожаных футлярах.

— Я спешила как могла. Меня послал эрл Амарантайна.

Глаза Роуэн округлились от тревоги.

— Гонец?

Катриэль обеспокоенно опустила изумрудно-зеленые глаза:

— Его светлость потерпел поражение. Я не видела собственными глазами, как это случилось, но он сказал, что будет сдерживать атаки врагов, пока хватит сил. Он сказал, что я обязательно должна отыскать вас, милорд, что это вопрос жизни и смерти.

С этими словами девушка вновь протянула Мэрику свитки, и он неохотно взял их. По лицу эльфийки скользнула тень облегчения: ее миссия была исполнена.

— Поражение?! — Роуэн, кипя от ярости, шагнула к эльфийке. — О чем ты говоришь? Когда это случилось?

— Четыре дня назад, — ответила Катриэль. — Мне дали коня, и я скакала что есть мочи, пока он не обессилел и не пал. Но у меня не было выхода. Те люди, которые напали на его светлость, совсем недалеко. — Она подняла на Мэрика умоляющий взгляд. — Милорд, я должна была отыскать вас раньше, чем они доберутся сюда. Его светлость сказал, что это важно, важнее всего прочего!

Мэрик, онемев от потрясения, отступил на шаг. Развернул один из свитков и начал читать, хотя тягостный сосущий холодок внизу живота уже подсказал ему, что он сейчас увидит.

— Ну?.. — нетерпеливо воскликнула Роуэн. — Ради Создателя, что там написано?

Побелев как мел, Мэрик поднял на нее взгляд:

— Мы послали Байрона отвлекать врагов, и он своего добился. Полный легион шевалье с магами. Король, верно, задумал все это с самого начала.

— И они идут сюда?

— Я обогнала их примерно на один день, — вставила Катриэль. — Точнее, увы, сказать не могу.

Мэрик и Роуэн застыли, неотрывно глядя друг на друга. Высоко над головой, в пасмурном небе, слышны были отдаленные перекаты грома. Дождь остановит распространение пожаров, хотя урон уже нанесен немалый. В замке еще всюю идет бой, а в городе царит хаос. Чтобы овладеть ситуацией, одного дня будет мало, а если бы они и справились раньше — уходить из Гварена некуда. Либо морем, либо лесным трактом навстречу вражескому войску.

Мятежники угодили в западню.

Глава 8

Логэйн нахмурился. В лавке, которую он занял, слабо пахло рыбой, и этот запах совершенно не вязался с нервным возбуждением лучников-эльфов, которые затаились рядом. Отряд укрывался в темноте, терпеливо дожидаясь появления врага.

С выгодной позиции у окна Логэйну была хорошо видна почти вся городская площадь. В такие места всегда стекаются торговцы. В обычное время на площади царила бы красочная толчея, не было бы прохода от бочек и ящиков с товарами, покупателей и горластых лоточников, но сейчас, в тусклом свете раннего утра, едва сочившемся из-под пелены облаков, Логэйн различал только дым и следы разрушения, оставленные вчерашним боем. Дождь помешал огню спалить город дотла, но все-таки многие дома превратились в развалины, и над их обугленными остатками до сих пор слабо курился дым. Булыжная мостовая была усеяна обломками дерева вперемешку с разнообразным скарбом, брошенным беженцами, — и тут же валялись трупы, которые так и не успели убрать.

Штурм замка только-только завершился, когда на холм сумасшедшим галопом прискакали Мэрик и Роуэн, чтобы сообщить о приближении вражеского войска. Эрл Рендорн, раненный случайной стрелой, забыв о всегдашней сдержанности, разразился смачными ругательствами, а Логэйн погрузился в раздумья. Посланица эрла Байрона привезла ценные сведения о составе вражеского войска.

Логэйна удивляло, почему эрл не прибыл лично. Если уж эльфийская девчонка сумела, загнав коня, обогнать вражеское войско, значит, и эрлу такое было под силу. И если он и впрямь решил задержать продвижение врага, мог бы поручить командование одному из своих офицеров. Но, как видно, в мире нет недостатка в людях, которые готовы пожертвовать жизнью ради других. Логэйн поневоле задумался: а поступил бы он так же? Он до сих пор еще до конца не понимал, почему в итоге остался с мятежниками, если сам говорил, что уйдет, как только исполнит волю отца. И исполнил — а вот поди ж ты... Порой Логэйн, глядя в зеркало, видел там совершенно незнакомого человека. Лейтенант мятежной армии, доверенное лицо принца, чья судьба оказалась в его руках много дней назад... неужели прошло всего три года?

А кажется, что вечность.

Идея Логэйна была простой: как можно быстрее собрать всю армию и спрятать ее в Гварене. Пусть все выглядит так, будто мятежники разграбили город и бежали морем. Он предложил еще казнить всех захваченных пленников, но Мэрик не задумываясь ответил категорическим отказом. Эрла Рендорна эта мысль тоже не привела в восторг. Впрочем, ничего иного Логэйн от них и не ожидал. Большинство пленников посадили под замок в замке, причем за ними даже никто не присматривал, и этим пришлось ограничиться.

Вся ночь ушла на то, чтобы кое-как восстановить порядок в армии и подготовить солдат, едва успевших перевести дух после штурма, к новому бою. Раненых наспех перевязали, а самых покалеченных собрали в замке и предоставили заботам маркитанток из обоза и местных жителей. Горожане стали на редкость покладисты, когда уяснили, что страшный принц Мэрик не собирается предавать их всех огню и мечу.

Взяв нескольких солдат, Роуэн обошла город, пытаясь отыскать как можно больше спрятавшихся в панике горожан и заверить их, что никто не причинит им вреда и не разграбит их имущество. Некоторых горожан сопровождали в замок, но большинство предпочло отсиживаться в своих укрытиях. Тем из них, кто остался гол как сокол, раздали кое-какие припасы и велели ни в коем случае не высовывать носа на улицу, пока не закончится бой. Горожане относились к мятежникам с подозрением — Роуэн говорила Логэйну, что ясно прочла это в их глазах. Кое-кто не посмел даже высунуться, когда ее отряд проходил мимо. Это обстоятельство тоже могло стать серьезной помехой его плану.

Конечно, не все горожане относились к мятежникам с такой неприязнью. На исходе ночи, когда все уже было более-менее готово к бою, к штабному шатру, который Мэрик приказал поставить перед замком, робко приблизилась горстка людей. Эрл Рендорн в первую

минуту встревожился, подозревая, что любой из них может оказаться подосланным убийцей, однако восторг и радость, которыми светились их лица, оказались отнюдь не поддельными. Логэйну никогда не забыть, какой беспомощный ужас отразился на лице Мэрика, когда эти люди обступили его, осторожно похлопывая по плечам, по спине, а иные даже прослезились от счастья.

Логэйн знал, кто они такие. Это с ними орлесианцы обращались хуже, чем с собаками. Их лишили всего, кроме чести, и им оставалось только втайне молиться, чтобы законный правитель Ферелдена когда-нибудь вернулся и спас их. И вот он явился, верно? Логэйн угрюмо наблюдал за ними, прекрасно понимая, что освобожденным Гварен, скорее всего, пробудет недолго. Вполне может случиться так, что мятежная армия будет разгромлена, а ее остатки оттеснят в самые непроходимые места леса Бресилян, где им и придет неизбежный конец.

Само собой, эрл Рендорн на случай такого исхода приготовил для Мэрика судно — уютную шлюпку, в которой едва поместилось бы несколько человек. Логэйн знал, что эрл трудился понапрасну. Мэрика в эту шлюпку можно затащить, только предварительно оглушив. Да и Роуэн подойдет к этой шлюпке только в том случае, если тащить Мэрика придется ей.

Во всех остальных домах вокруг площади засели мятежники — Логэйн знал это, хотя и не мог никого разглядеть. Мэрик занял заброшенную пекарню по ту сторону площади, и Логэйну чудилось, что в одном из окон пекарни мелькают знакомые светлые волосы. Все они заняли свои позиции еще часа два назад. Как ни велика была их усталость, нервное напряжение никому не давало расслабиться. Если враг скоро не появится, подумал Логэйн, ожидание станет невыносимым.

По счастью, враги не собирались их разочаровывать.

Под заморосившим дождем в город въехали первые шевалье. Их легко было различить в рядах обычных солдат — конные рыцари в тяжелых доспехах и приметных ярко-лиловых плащах. С этого расстояния Логэйн сумел разглядеть даже имперский герб — половинка яростно пылающего солнца. При виде шевалье пальцы Логэйна сами собой крепче стиснули древко лука.

«Не сейчас, — подумал он. — Но скоро, скоро...»

Враги держались настороженно, явно опасаясь удара из-за угла, и тем не менее Логэйн приободрился. Пока что им в голову не пришло обыскать дома. Они ждали открытого нападения или, по меньшей мере, баррикадных боев на улицах. То, что противник так до сих пор и не показался, вынуждало их быть настороже и не спешиваться, но Логэйн знал, что это ненадолго. И очень хорошо. И не должно быть надолго. Пусть только в город втянется побольше узурпаторских войск.

Все новые рыцари шагом въезжали на площадь, и теперь Логэйн разглядел среди них новое лицо — темнокожего старика в желтой мантии. У него была длинная белая борода, и держался он властно. Маг, стало быть. У шевалье, которые ехали рядом с ним, были золотистые плащи и особенно пышные плюмажи, и сопровождал эту компанию самый крупный отряд всадников. Враги были обеспокоены. Что ж, настало время переходить к следующей части плана.

Из домов, окружавших площадь, вынырнули несколько человек и крадучись двинулись к шевалье. Всадники тотчас развернулись к ним, готовясь отразить нападение. Простолюдины в грязных лохмотьях закричали, отпрянув от сверкающих клинков. Шевалье опустили мечи, но не спешили убирать их в ножны. Во вражеских рядах раздались крики, горожан схватили и потащили к магу и его офицерам, остановившимся посреди площади.

Старик и три женщины... и только одна из них была знакома Логэйну. Девушка с каштановыми кудрями и лицом, измазанным сажей. Роуэн сама вызвалась сыграть эту рискованную роль. Эрл Рендорн был категорически против, но его дочь настояла на своем — не одному же только Логэйну рисковать жизнью, пояснила она, выразительно глянув на него. Он так и не поднял глаз. В конце концов эрл Рендорн сдался. Мэрик заметил, что давненько

уже не видел Роуэн в платье, пусть даже грязном и изорванном.

И вот теперь она стояла на коленях перед темнокожим магом, который пристально изучал саму Роуэн и ее спутников. Все это были местные жители — две торговки рыбой и старый плотник, которые выпросили у Мэрика разрешение помочь мятежникам. Логэйн твердил, что Роуэн должна пойти одна. Что, если один из этих болванов их выдаст? Достаточно только ляпнуть, что мятежники прячутся в домах, или просто не выдержать угроз. Однако уверенность Мэрика была непоколебима. «Пуускай идут, — сказал он. — С ними Роуэн скорее поверят». Эрл согласился, и вот теперь Логэйн с тревогой следил за происходящим, гадая, не окажутся ли они в итоге в дураках.

Пока все шло хорошо. Старик и обе торговки, в должной мере ополоумев от страха, простирались ниц перед магом. Логэйн ясно слышал, как они наперебой лопочут, что мятежники, мол, напали на город, а потом удрали, но ни единым словом не выдали его план. Напротив, все выглядело так, будто они спешат выложить магу начистоту все, что им может быть известно. И только Роуэн, склонив голову, хранила молчание.

— Тихо! — со злобой гаркнул маг. Простолюдины тотчас умолкли и снова простерлись ниц у его ног. Темнокожий маг разгневанно глянул на офицеров — те уже снимали шлемы, и вид у них был больше раздосадованный, нежели встревоженный. Если трусливые мятежники и вправду удрали, сражение не состоится. — Эй, ты... да-да, только ты! Говори, как вышло, что мятежники сбежали?

Роуэн подняла голову. Видно было, что она испугана, но старается сохранять спокойствие.

— Они уплыли на кораблях, господин.

— На каких еще кораблях? О чем ты, женщина?

— Кораблей было много, очень много. Мятежники сели на них и уплыли.

— Лжешь! — взревел маг и наотмашь ударил ее по лицу.

Логэйн едва не выскочил из укрытия, но сдержался. Роуэн отнюдь не была кисейной барышней. Она достоверно сыграла страх, отшатнувшись от мага и схватившись за щеку, но Логэйна эта игра не могла обмануть.

— Все корабли ушли отсюда много дней назад!

— Господин маг, я не знаю, что сказать! — В голосе Роуэн зазвенело неподдельное отчаяние. — Клянусь, корабли были! Я только не знаю чьи!

Охваченный гневом, маг опять замахнулся на нее, но тут один из офицеров отвлек его и, придвинувшись, что-то зашептал на ухо. С минуту они совещались, и ярость на лице мага сменилась простым неудовольствием. Офицер, отъехав от мага, прокричал что-то шеваље, которые все еще медленно въезжали в город. Приказ был отдан по-орлесиански, но Логэйн прекрасно понял его смысл и усмехнулся. Этим людям проще простого поверить, что жалкий мятежный принц предпочел сбежать, а не принять безнадежный бой.

— Опиши эти корабли, — отрывисто бросил маг.

— Они были большие, очень большие, — запинаясь, начала Роуэн. — И с такой картинкой на парусах... какой-то золотой зверь. Я... я не очень-то присматривалась.

— Золотой зверь? Дракон?

— Наверное, да, господин маг. — Роуэн низко опустила голову. — Они пробыли здесь совсем недолго.

Маг задумчиво погладил подбородок. Логэйн почти явственно видел, какие мысли мечутся сейчас в его голове. Золотой дракон — герб Антивы, далекой северной страны. То, что мятежники заключили союз с антиванцами, казалось почти невероятным.

Орлесианцы шепотом совещались между собой и после долгой паузы вполголоса обратились к магу. Тот неохотно кивнул, и офицеры принялись отдавать войску новые приказы. Их Логэйн тоже понимал без перевода. Расставить стражу. Отправить людей в город на поиски припасов. Послать кого-нибудь в замок. Именно такие приказы отдавал бы на их месте он сам, если бы ему взбрело в голову наспех, без разведки сунуться в захваченный врагом город. Шеваље уже заметно расслабились. Болтая на своем иноземном наречии, они

разбредались по площади, и кто-то уже кричал обозникам, чтобы ставили палатки.

«Скоро. Теперь уже совсем скоро».

Удовлетворенный, маг опять повернулся к Роуэн. Плотоядно ухмыльнувшись, он вытянул вперед руку. Со всех сторон к нему потекли потоки чистой магии, воздух, насыщенный силой, потрескивал, и простолюдины, пришедшие на площадь вместе с Роуэн, в ужасе попятились прочь. Сама Роуэн не двинулась с места — так и стояла, вскинув голову. Поток магической силы хлынул к ней, обвил ее, словно щупальца неведомого чудовища, и оторвал от земли. Она не сделала ни малейшей попытки сопротивляться, и лицо ее оставалось каменно-спокойным.

Маг подступил вплотную, стряхнул комочек грязи, прилипший к вырезу ее платья. Роуэн с омерзением отпрянула, и маг довольно захихикал.

— Мм, — восхищенно промычал он, — для сельской простушки ты даже слишком хороша. Как печально, что мятежники, удирая, не прихватили тебя с собой.

С этими словами он провел ладонью по груди Роуэн, и девушка тотчас яростно плюнула ему в лицо. Маг замер, на миг опешив, стер слюну со щеки. Магические щупальца сильнее стиснули Роуэн. Она зашипела от ярости, но по-прежнему не пыталась сопротивляться заклинанию.

— Храбрая девочка, — проговорил маг, забавляясь и в то же время кипя злобой. — И нрав горячий. Пожалуй, меня это устраивает. — Почти небрежно он хлестнул Роуэн по лицу тыльной стороной ладони. — Однако тебе придется поучиться хорошим манерам.

Маг коротко хохотнул и, потирая руку, отвернулся от Роуэн. И вдруг потрясенно уставился на свою грудь. Из нее торчало оперенное древко стрелы, и по желтой мантии уже расплзлось пятно крови. Маг беспомощно глянул на стоявшего рядом шевалье, и в тот же миг в воздухе просвистели еще две стрелы. Одна пролетела совсем рядом с магом, другая воткнулась ему в горло. Старик захрипел, забулькал и, бессмысленно хватаясь за стрелу, осел на мостовую.

— Бей их! Бей!

Это кричал Мэрик. С мечом в руке он выпрыгнул из окна пекарни. За спиной у него лучники уже осыпали стрелами врагов, а из дверей дома выбегали пешие солдаты. И тут же в бой вступили мятежники, засевающие в других зданиях. Хлынув из укрытий на площадь, они со всех сторон бросились на врага.

«Это же не по плану! Рано еще, рано! Чтоб ты лопнул, Мэрик!» — беззвучно ругнулся Логэйн. Резким взмахом руки он велел «ночным эльфам» открыть огонь. Они принялись обстреливать толпившихся на площади солдат, стараясь прикрыть Мэрика, который очертя голову пробивался к Роуэн. Какой-то рыцарь попытался рубануть его мечом, но рухнул замертво. Стрела Логэйна попала точно в прорезь для глаз в шлеме.

Сквозь хаос, воцарившийся вокруг, донесся оглушительный шум — лягг и крики, которые раздавались где-то за пределами площади. Логэйн точно знал, что это эрл Рендорн ударил с фланга, отсекая вышедших на площадь от подкреплений. Враг нипочем не стал бы вводить в Гварен все свои силы, а потому мятежники рассчитывали заманить в город как можно больше солдат и лишь тогда начать атаку.

Достаточно ли долго они выжидали? Логэйн ни на миг не выпускал из виду Мэрика, который в гуще грандиозной схватки наконец-то добрался до Роуэн. Та уже освободилась от заклятия и сидела, низко пригнувшись, на мостовой. Подбежав ближе, Мэрик бросил ей меч. Первое, что сделала Роуэн, — изо всей силы воткнула этот клинок в грудь старого мага, который валялся рядом, задыхаясь и хватая ртом воздух. И притом еще налегла всем своим весом на рукоять. Маг душераздирающе застонал, и изо рта его хлынула кровь. Мэрик на секунду остолбенел, потрясенно уставясь на Роуэн, но тут же ему пришлось отвлечься на двоих рыцарей, которые набросились на него сзади.

— Прикройте принца и леди Роуэн! — крикнул Логэйн своим лучникам.

Стрелы полетели гуще. Роуэн, метнувшись вперед, нанесла удар одному из рыцарей, которые атаковали Мэрика, но с другим рыцарем принцу приходилось нелегко. Пара стрел

угодила в цель, но этого было недостаточно, чтобы замедлить шевалье. Внезапный рывок — и он оказался рядом с Мэриком и глубоко вонзил меч в его бок.

— Мэрик! — в ужасе пронзительно закричала Роуэн.

Одним пинком она отшвырнула прочь рыцаря, с которым сражалась, и бросилась на того, что ранил Мэрика. Меч ее молотил по закованной в доспехи спине рыцаря, не причиняя тому ни малейшего вреда, а когда шевалье развернулся к Роуэн, она крутанулась и рубанула его клинком по шее. Брызнула кровь, и рыцарь завалился навзничь.

Второй шевалье метнулся к Роуэн сзади, и она развернулась, отчетливо понимая, что не успевает отразить выпад, но тут же увидела, что в рыцаря вонзилось сразу несколько стрел. Одна из них ударила орлесианца в висок, и он повалился, не успев дотянуться до Роуэн.

Не тратя ни секунды, она развернулась и опроретью бросилась к Мэрику, который лежал на земле, истекая кровью. Роуэн попыталась приподнять его, но он не шевелился, а когда она принялась ощупывать его доспехи, чтобы оценить размеры раны, руки ее покрылись липкой кровью. Глаза Роуэн округлились от ужаса, и она растерянно огляделась по сторонам, но вокруг только бушевал бой, и все новые мятежники, врываясь на площадь, присоединялись к нему.

Лицо Логэйна исказилось, и он, отшвырнув лук, выхватил меч.

— Прикройте меня! — бросил он «ночным эльфам» и, перемахнув через подоконник, спрыгнул на улицу.

Бой продолжался еще несколько часов, хотя Мэрик, конечно, об этом понятия не имел. К тому времени, когда он наконец очнулся в своем шатре, снаружи уже стемнело. Магия Вильгельма исцелила самые тяжелые раны, хотя маг все равно резким тоном сообщил, что Мэрик едва не умер от потери крови. Если бы Логэйн и Роуэн не вытащили его из боя, ему бы наверняка пришел конец.

— Так Роуэн жива и невредима? — спросил Мэрик.

Вильгельм одарил его озадаченным взглядом.

— Была жива, когда я видел ее в последний раз. С твоего разрешения, пойду еще разок проверю.

Дождавшись от эрла согласного кивка, маг поклонился и покинул шатер.

Мятежникам удалось заманить в ловушку на площади меньше шевалье, чем они рассчитывали, — в немалой степени из-за преждевременной атаки Мэрика, о чем ему сурово напомнил эрл Рендорн. С другой стороны, ему трудно было осуждать Мэрика. К тому же сумбурно вспыхнувший бой в итоге обернулся для мятежников очень даже неплохо. Двое других магов были убиты, а шевалье, оказавшихся на площади, обратили в бегство. Эрл Рендорн предпочел освободить центральную улицу и дать им уйти, нежели дожидаться, пока на Гварен ударят основные силы врага, оставшиеся за пределами города. Немногие уцелевшие офицеры узурпатора стремились только к одному: увести свое поредевшее войско как можно дальше от города. Эрл позволил им уйти, но отправил за ними по пятам лучников — столько, сколько могло себе позволить мятежное войско.

— Они еще вернутся, — сумрачно заверил Мэрика эрл Рендорн, — но у нас будет время подготовиться. В кои-то веки у нас есть выбор.

— Какой?

Эрл тщательно обдумал свои слова, прежде чем ответить.

— Лесной тракт вблизи города сильно сужается, — сказал он. — Мы сможем без труда удерживать этот участок. К тому времени, когда узурпатор соберет достаточно крупные силы, чтобы решиться на новый удар, у нас, вполне вероятно, будет довольно судов, чтобы переправить всю армию выше по побережью.

— Судов? — Мэрик удивленно моргнул. — Откуда мы их возьмем?

— Найдем, а если понадобится, и построим. Вот уж в чем Гварен не испытывает недостатка, так это в корабельном лесе и рыбацких лодках.

Мэрик помолчал, обдумывая эти сведения.

— Значит, город теперь наш?

— Наш, — кивнул эрл Рендорн. — Пока что.

Несмотря на то что в его голосе прозвучали осторожные нотки, Мэрик откинулся на подушки и счастливо улыбнулся. Они освободили город, впервые за много лет вырвали из зубов Орлея клочок ферелденской земли. Интересно, что скажет теперь король Мегрен, как объяснит свою неудачу императору? И главное, что сделает сам император? Насколько Мэрику было известно, тот запросто мог отправить своему ставленнику еще десяток легионов шевалье, стереть Гварен в порошок, в очередной раз показать всему миру непобедимую мощь империи.

Эта мысль изрядно остудила его восторг.

— Мы надеялись, что среди убитых магов окажется Северан, ближний подручный Мегрена, но... — эрл Рендорн нахмурился, — тут нам удача не улыбнулась. Ни один из трех магов не подходит под описание, которое дали наши осведомители. Все трое магов были недавно присланы из орлесианского Круга.

— По крайней мере, это означает, что ферелденские маги держат свое слово, — пробормотал Мэрик.

Эрл Рендорн кивнул:

— Именно.

Лицо Мэрика вдруг просветлело.

— А как Логэйн? Здоров?

— Ранен, но не слишком серьезно. — Эрл вздохнул. — Он был так зол на тебя, что клялся лично свернуть тебе шею. При всем этом он не отходил от тебя ни на шаг, пока не появился Вильгельм.

— Что тут скажешь? Хорошие у меня друзья.

Мгновение эрл Рендорн, хмурясь, испытующе смотрел на Мэрика. Казалось, он что-то хотел сказать, но потом передумал и только слабо улыбнулся:

— Кто знает, что бы этот маг сделал с Роуэн, если бы ты не вмешался? Возможно, ты, Мэрик, спас ей жизнь. Думаю, она это знает.

Мэрик пожал плечами:

— Думаю, она на моем месте поступила бы точно так же.

— Да, конечно. — Эрл не стал развивать эту тему.

Он напомнил Мэрику о многочисленных делах, о нескольких случаях мародерства в городе и о необходимости как можно скорее восстановить среди местного населения закон и порядок. Помянул он и о том, что недурно бы известить ферелденских аристократов об освобождении Гварена, но к тому времени все подробности разговора заволкло туманом усталости. Рана в боку отзывалась пульсирующей болью, и Мэрик сам не замечал, как то терял сознание, то приходил в себя.

Наконец эрл Рендорн хохотнул и сообщил, что со всеми прочими мелочами управится сам. Затем он велел Мэрику отдыхать и вышел из шатра.

Некоторое время принц прислушивался к разговорам солдат, которые ставили палатки во внутреннем дворе замка, рядом с его шатром. Ему нравилось подслушивать их болтовню, соленые шутки и раскатистый смех. Потом они сообразили, что находятся рядом с шатром принца, стали шикать, одергивать друг друга — все громче и громче — и наконец, управившись с работой, убежали обшаривать погреб брошенной таверны, которую еще раньше заметили в порту. В глубине души Мэрика так и тянуло присоединиться к ним, но он сильно сомневался, что сумеет даже выбраться из постели. Впрочем, оно и к лучшему. Скорее всего, солдатам в его присутствии просто стало бы не по себе.

Наступила тишина, и Мэрик снова уснул, а когда проснулся, в просторном шатре стало совсем темно и рана в боку болела уже гораздо меньше. Кто-то, откинув полог, бесшумно входил в шатер, и от его фонаря по шатру заплясали тени — эта-то пляска и разбудила Мэрика.

Он сонно моргнул, и на миг за светом фонаря ему почудились ладные очертания

женской фигуры.

— Роуэн?.. — неуверенно окликнул он.

Женщина переступила порог, и тогда Мэрик разглядел... Перед ним стояла Катриэль — гонец эрла Байрона, — теперь уже чисто вымытая и в новой одежде. Мэрику подумалось, что в темноте, пронизанной светом фонаря, она кажется неземным видением, словно прекрасный бестелесный дух, осиянный нимбом золотистых локонов, явился проведать его в ночи.

— Я... я прошу прощения, если побеспокоила вас, милорд, — неуверенно проговорила Катриэль. Затем поспешно отвела взгляд зеленых глаз, и Мэрик только сейчас сообразил, что под меховыми одеялами на нем нет ничего, кроме бинтов. — Мне следует уйти.

Она прикрыла ладонью фонарь и повернулась, явно собираясь покинуть шатер.

— Нет, погоди, — негромко проговорил Мэрик и сел.

Вскочить он, конечно, не мог, да еще пришлось натянуть повыше одеяло, чтобы прикрыться. Мэрик покраснел, но в то же время обрадовался, увидев, что эльфийка остановилась.

Она оглянулась на Мэрика, в волнении прикусив нижнюю губу. Он поймал себя на том, что любит ее фигуркой, которую так ладно облегает простое белое платье.

— Вижу, тебе подыскали подходящую одежду? — пробормотал он. — Те люди не сделали тебе ничего дурного?

— Нет, милорд. Не успели. Вы явились как раз вовремя — в сверкающих доспехах и так далее, совсем как в сказках.

Катриэль улыбнулась Мэрику, глаза их встретились, и она стыдливо отвела взгляд. А затем словно впервые увидела повязки, которые стягивали его торс.

— Ох, так это правда! Я слышала, что вас ранили, но чтобы так сильно — мне и в голову не пришло!

Почти бессознательно она сделала шаг вперед и изящной ладонью коснулась повязки.

Этот жест был исполнен одного только беспокойства, и все же Мэрик оцепенел от прикосновения. И покраснел еще сильнее, а Катриэль отдернула руку:

— Ох, простите, милорд! Мне не следовало...

— Нет-нет, — поспешно перебил Мэрик. — Не надо извиняться. Если бы ты не добралась до Гварена, у нас не было бы никакой возможности подготовиться к бою. Мы у тебя в долгу. — Он запнулся, озадаченно помолчал. — Но признаться, я не очень понимаю, зачем ты пришла сюда. В мой шатер.

Девушка неловко замерла, прямо глядя ему в глаза, потом медленно улыбнулась. Мэрику подумалось, что улыбка у нее удивительно теплая и искренняя.

— Я... я, милорд, должна была увидеть все собственными глазами. Я молилась и благодарила Создателя за то, что тот, кто так отважно спас мою жизнь, не погиб в бою, но мне нужно было узнать наверняка...

— У меня все хорошо, Катриэль. Правда хорошо.

Глаза ее вдруг засияли от радости.

— Вы... вы запомнили мое имя?

Мэрик слегка опешил:

— А разве не должен был?

— Милорд, я же всего лишь эльф. Твои соплеменники... большинство из них нас просто не замечают. Видят, но не замечают. Моя мать всю жизнь пробыла в услужении у одного человека. Он ни разу не назвал ее по имени. — Катриэль вдруг осознала, с кем говорит, и с испуганным видом присела в низком реверансе. — Ох, я совсем забылась! Не следует мне...

Мэрик засмеялся и махнул рукой, оборвав ее на полуслове:

— Все в порядке. И конечно же, я запомнил тебя. Как же иначе? Ты такая красивая.

Девушка помолчала, чуть наклонила голову к плечу, искоса разглядывая его. В отсветах огня ее эльфийские глаза мерцали чарующими бликами.

— Ты считаешь, что я красивая, милорд?

Мэрик не знал, как следует ответить, хотя ни за что не взял бы свои слова назад. Он вдруг с ужасающей ясностью осознал, что совершенно обнажен, и волна смущения нахлынула, грозя накрыть с головой. Катриэль медленно сделала шаг вперед, не говоря ни слова и все так же пристально глядя ему в глаза. Поставив фонарь на крышку сундука в изголовье, она присела на край кровати.

Теперь их лица оказались рядом. Мэрик тяжело дышал, но не находил сил отвести взгляд. Запах ее волос пьянил, словно аромат редкостного цветка, который распускается только в ночных садах. Чарующий, сладкий, но ничуть не приторный.

Девушка протянула руку и медленно провела тонким пальцем вверх от повязки по его груди. От этого прикосновения по коже прошел трепет, и принц судорожно сглотнул. Это был единственный звук, нарушивший ночную тишину.

— Я буду с тобой, милорд, — прошептала Катриэль. — Если ты сам того захочешь.

Мэрик моргнул, опустил взгляд на одеяло и снова покраснел.

— Я... я не хочу, чтобы ты думала, будто обязана... — запинаясь, пробормотал он. — То есть я не хочу, чтобы это выглядело так, будто... не хочу пользоваться случаем...

Катриэль приложила палец к его губам.

— Это вовсе не так, милорд, — серьезно сказала она, и голос ее дрогнул.

— Пожалуйста, не называй меня милордом.

— Это вовсе не так, — послушно повторила она.

Они вдруг оказались совсем рядом, как будто притянутые друг к другу неведомой силой, и Мэрик поцеловал девушку. Губы у нее и вправду были такие же мягкие и нежные, как ему представлялось, и она словно таяла в его объятиях.

Стоя у шатра, Роуэн в гробовой тишине смотрела, как внутри погас свет фонаря. На ней было красное шелковое платье антиванского пошива, с открытыми плечами. Остролицая женщина, которая продала ей платье, заметила вскользь, что Роуэн чересчур мускулиста, чтобы носить такой фасон, и плечи у нее слишком широки. Но прикосновение шелка к коже было так восхитительно, так разительно отличалось от кожи и металла, к которым привыкла за эти годы Роуэн. А потому она купила платье, несмотря на слова торговки, купила, хотя с тех пор ни разу не подвернулся случай его надеть.

Роуэн жалела, что надела это платье сегодня, жалела, что вообще пришла сюда, но сейчас, стоя в темноте у шатра, обнаружила, что не в силах заставить себя уйти.

Рядом, тяжело осев на землю, спал часовой и даже похрапывал во сне. Роуэн возмущенно покачала головой, борясь с искушением пнуть его как следует. А если бы в шатер Мэрика вместо эльфийки пробрался наемный убийца? Впрочем, все мятежники за время этих боев выбились из сил. Роуэн готова была простить такую промашку безымянному солдату... но только ему.

Когда из шатра донесся первый, едва слышный стон, она наконец нашла в себе силы отойти прочь. Может, ей только почудилось, но, так или иначе, больше здесь оставаться невозможно. «Я не хочу этого слышать», — сказала она себе, и сердце ее сжалось от холода.

Бесшумно ступая, Роуэн пробиралась между палатками. Многие люди спали прямо на земле. Всюду стоял сильный запах пива. После того как орлесианцы в беспорядке отступили в лес, мятежная армия праздновала победу, и празднование затянулось надолго. Мародерство не поощрялось, но волей-неволей пришлось закрыть глаза на то, что солдаты шарили по городским тавернам в поисках вина и пива. После двух таких побед они заслужили праздник.

Роуэн смотрела, как они пьют, но не принимала участия в хмельном разгуле. Она могла думать только об одном: как воткнула меч в старого мага, как ярость ослепила ее, затмив разум. Покарать, уничтожить его — только это ей и было нужно. Неужели в ее жизни нет и не будет ничего, кроме смерти и крови? Она пошла к Мэрику, потому что подумала... подумала...

«Да ты вовсе не потрудилась подумать! — упрекнула себя Роуэн. — Какая нелепая, чудовищная идея...»

Палатки закончились, и она вышла в ничем не занятую часть внутреннего двора. Оказавшись на открытом месте, девушка остановилась. Она жадно вдыхала свежий ночной воздух, а с небес ее сверлил взгляд яростный глаз луны. Ей было дурно и в глубине души хотелось только одного: содрать с себя злополучное платье, изорвать его в мелкие лоскуты. И еще хотелось идти все дальше и дальше, оставить замок за спиной, раствориться без остатка в неприкаянной темноте леса...

— Роуэн?

Резко обернувшись, она увидела Логэйна. Раны его перевязали, на нем были только облегающие штаны и длинная, простого покроя рубаха, и при виде Роуэн он явно пришел в нешуточное смятение. Наконец он остановился и вперил в нее пугающий взгляд своих льдисто-голубых глаз. От этого взгляда по спине Роуэн побежали мурашки, впрочем, как и всегда.

— Это и в самом деле ты, — сдержанным тоном проговорил он.

— Мне не спалось.

— И ты решила надеть красивое платье и прогуляться?

Роуэн ничего не ответила, только обхватила себя руками, уставясь в землю. Против ожидания, Логэйн не ушел. Она чувствовала спиной его пристальный взгляд, хотя и не видела его лица. Темнота леса все так же манила, но Роуэн оставалась глуха к этому безумному зову.

— Какая ты красивая! — сказал Логэйн.

Роуэн вскинула руку, чтобы заставить его замолчать, и судорожно втянула в себя воздух.

— Не надо так говорить, — вяло возразила она.

Логэйн серьезно кивнул и замолчал надолго. В бойницах замковых стен свистел ветер, высоко над головой сияла луна. Так легко было притвориться, что вокруг не стоит лагерем целая армия, что нет ни шатров, ни палаток, ни спящих вповалку солдат. Они одни в темноте, и между ними — бездна.

— Я не дурак, — тихо проговорил Логэйн. — Я вижу, как ты смотришь на него.

— Видишь? — В голосе Роуэн прозвучала едкая горечь.

— Я знаю, что ты обручена с ним. Я знаю, что ты должна стать его королевой.

Логэйн шагнул к девушке, взял ее холодные ладони в свои. Роуэн отвернулась, лицо ее исказилось, но он лишь печально взглянул на нее:

— Я знал все это с того самого дня, как впервые увидел тебя. Три года я пытался смириться с неизбежным и все равно... все равно не могу не думать о тебе.

— Хватит! — прошипела Роуэн, вырвав руки.

Логэйн молча, не отрываясь смотрел на нее, и в глазах его была боль, но она не могла, не могла ему ответить. Она попятилась, и злые слезы текли по ее щекам.

— Не надо! Ради Создателя, не надо! — взмолилась она. Взгляд Логэйна ранил ее в самое сердце. Стиснув зубы, Роуэн загнала боль поглубже и отвернулась.

— Знаешь, просто оставь меня в покое. Что бы ты ни думал... Чего бы ты ни хотел от меня... — Она провела ладонью по глазам и в который раз пожалела, что на ней не привычный доспех, а это дурацкое и бесполезное платье. — Я не могу, не могу тебе этого дать, — отрывисто и беспощадно заключила она.

И быстрым шагом пошла, почти побежала прочь, выпрямившись и волоча по земле шлейф красного платья... И не оглянулась. Ни разу.

Глава 9

Над Гвареном занялся рассвет, только вошло солнце, а в городе уже кипела жизнь. Те горожане, кто минувшие два дня просидел в укрытии, потихоньку выбирались на улицы и, не веря собственным глазам, потрясенно взирали на парившую вокруг разруху. С угрюмого неба сыпалась солоноватая, принесенная с моря морось, и запах соли немного перебивал вонь разлагающихся трупов, которая уже не на шутку пропитала воздух. Город был неестественно

тих, и эту мрачную тишину, которая саваном окутывала истерзанный Гварен, нарушило только наступление нового дня.

Эрл Рендорн понимал, что в городе необходимо навести порядок. Разбудив несколько офицеров, которые отлеживались после ночной попойки, он привел в движение изрядную часть мятежной армии. Солдат отправили патрулировать улицы и сообщать всем местным жителям, что под властью принца Мэрика им ничего не грозит. Открывали склады с зерном, подыскивали кров для тех, кто провел ночь, прячась в обугленных руинах бывших жилищ, и, что важнее всего, солдаты начали убирать с улиц трупы.

Вскоре тут и там поднялись столбы черного, омерзительно жирного дыма погребальных костров. Ветер с моря подхватил этот дым и разнес по всему городу. Повсюду воняло горелой плотью, и везде, куда ни глянь, оседала липкая сажа. Те, кто рисковал выйти на улицу, прикрывали рот носовыми платками. И все равно на веревках уже развешивали выстиранное белье, а от причала уходили в море немногочисленные рыбацкие лодки. Кто бы ни правил городом, а жизнь продолжалась, как ей и было положено.

В замке на вершине холма, нависавшего над городом, царило безмятежное спокойствие. Солдаты в большинстве своем отсыпались, хотя кое-где уже заметно было шевеление. Несколько слуг теярна вернулись в замок, хотя и с опаской: они не знали, что теперь с ними будет, но не желали покидать единственный свой дом. Также и маркитантки, которые снабжали армию едой и чистым бельем, уже на цыпочках бродили по замку, проверяя съестные припасы и прибираясь.

В замковой конюшне было тихо и спокойно, ее новые обитатели либо спали в стойлах, либо похрустывали сеном. Одного только крупного боевого жеребца вывели из стойла, и он терпеливо нежился под неярким утренним солнышком, дожидаясь, когда Логэйн заседлает его. На полу валялись несколько седельных мешков, не слишком, впрочем, набитых. Не принято навьючивать на боевого коня тяжелые тюки — не мул все-таки.

А стало быть, Логэйну повезло, что пожитков у него было немного. Свой прежний кожаный доспех он нашел в одном из обозных фургонов еще ночью — после часа утомительных поисков при свете факела. Приятно было снова облачиться в этот доспех — все равно что натянуть старые, разношенные сапоги. Поколебавшись немного, Логэйн решил оставить при себе и лейтенантский Плащ. В конце концов, он его честно заработал. С помощью одной молоденькой служанки он добыл себе палатку и кое-какое походное снаряжение. Все это Логэйн проделал без лишнего шума, надеясь, что, когда прочие обитатели замка проснутся, он будет уже далеко.

Увы, этой надежде не суждено было сбыться. За спиной Логэйна раздался сердитый топот, и он распознал шаги Мэрика даже прежде, чем тот ворвался в конюшню.

Принц был бледен и обливался потом, его светлые волосы растрепались. Можно было не сомневаться, что он прибыл сюда в большой спешке, поскольку на нем не было ни рубашки, ни сапог — одни только мешковатые, явно натянутые впопыхах штаны. На широкой повязке, туго стянувшей его торс, от перенапряжения уже проступили пятна крови. Мэрик тяжело оперся на деревянный посох, который служил ему костылем, и так стоял в дверном проеме, переводя дух и сверля Логэйна возмущенным взглядом.

— И куда это ты собрался? — тяжело дыша, резко осведомился он.

Логэйн словно и не расслышал его, целиком поглощенный тем, чтобы затянуть подпругу.

Мэрик нахмурился и вошел в конюшню, сильно хромя и расшвыривая при каждом шаге сено, которым был притрушен пол. Упитанная кошка, которая с довольным видом умывалась неподалеку, решила, что хорошего понемножку, и, презрительно задрав хвост, вышла в распахнутую дверь. Мэрик с решительным видом направился к Логэйну и остановился в шаге от него. При этом он едва не потерял равновесие и обложил последними словами ни в чем не повинный посох.

— Я точно знаю, что тебе никуда не надо ехать, — проговорил он. — А еще мне уже известно, что ты тайком собирал вещи.

Логэйн даже не поднял глаз.

— Вовсе не тайком.

— Тогда как это, по-твоему, называется? Оседлал коня ни свет ни заря, никому не удосужился сказать ни слова... Куда ты едешь? Ты вернешься?

Логэйн раздраженным рывком затянул наконец подпругу и, стиснув зубы, в ярости повернулся к Мэрику. И запнулся, увидев, что тот пришел в еще большее смятение. Поморщившись, Логэйн прямо глянул в глаза Мэрику:

— Мне давно уже нужно было уехать. Я говорил, что доставлю тебя к твоей армии, — и доставил. Но теперь мне пора.

— Я так и знал! — Мэрик резко отступил на шаг и развернулся. Он был раздражен. — Как только мне сообщили, чем ты занят, я сразу понял, что ты задумал! — Он помотал головой, потрясенный до глубины души. — Дыхание Создателя, Логэйн, но почему именно теперь? Что это на тебя вдруг нашло?

Лицо Логэйна окаменело. Повернувшись к коню, он поднял с пола одну из седельных сумок.

— Просто время пришло. Ты отлично справляешься, Мэрик. — Даже он сам слышал, как неискренне это прозвучало. — Я тебе не нужен.

— Какая чушь! — фыркнул Мэрик. И вдруг осекся, с любопытством уставился на Логэйна. — Ты злишься на меня из-за вчерашней выходки? Понимаешь, я же понятия не имел, что этот маг собирается сделать с Роуэн. Я просто подумал, что...

— Нет, дело не в этом.

— Тогда в чем?

— Я должен вернуться, — твердо проговорил Логэйн. Тон у него был такой, что Мэрику незачем было спрашивать — куда. — Я должен найти... останки отца. Похоронить его. Узнать, что случилось со всеми остальными. Что стало с сестрой Эйлис? — Он серьезно взглянул на Мэрика. — Отец заботился обо всех этих людях. Ему не понравилось бы, если бы я бросил их на произвол судьбы. Здесь я свое дело сделал. Мне надо уехать...

— Почему же тогда мне кажется, что ты удираешь?

Логэйн вздохнул. Этот человек волей случая ворвался в его жизнь, и с ним пришла беда. Из-за него погиб отец Логэйна, а сам Логэйн оказался втянут в войну, в которой никогда не хотел принимать участия. И все же за минувшие три года Мэрик непостижимым образом стал ему другом. Как такое случилось? Логэйн этого до сих пор не понимал.

Снаружи доносились уже звуки просыпающегося замка — чьи-то выкрики, топот бегущих ног. Можно не сомневаться, что Мэрик, прежде чем прибежать сюда, поднял на ноги всю армию. Да, он вовсе не собирался облегчать другу бегство. Как это на него похоже.

Логэйн устало хохотнул, почесал в затылке.

— Не привык я к таким долгим разговорам, — сознался он.

— Чепуха. Со мной ты все время разговариваешь. Роуэн всегда говорит, что я единственный, кому под силу вытянуть из тебя больше трех слов одновременно. — Мэрик ухмыльнулся, но тут же посерьезнел. Его рука тяжело легла на плечо Логэйну. — Так поговори же со мной. Неужели тебе и вправду нужно сделать это именно сейчас?

— Если не сейчас, то когда? Прошло уже три года. — Логэйн снова принялся увязывать седельные сумки. — На самом-то деле, Мэрик, я вовсе не солдат твоей армии. И не твой рыцарь. Мне здесь не место.

— Я бы мог возвести тебя в рыцари. — Это прозвучало как угроза.

Логэйн в упор взглянул на Мэрика, и на миг между ними повисла тишина, насыщенная безмолвным вызовом. Затем Мэрик неохотно сдался. Больше об этом говорить было нечего.

Опершись на костыль, Мэрик следил, как Логэйн собирается в дорогу. И молчал, хоть видно было, что он изнывает от неудержимого желания продолжить спор.

Шум снаружи усилился, и в конце концов Логэйн услышал, что к конюшне снова приближаются чьи-то шаги. Тяжелые шаги человека, облаченного в доспехи. Он замер, намеренно не оборачиваясь, когда миг спустя в конюшню вошла Роуэн. Ее массивные

доспехи сияли, начищенные до блеска. Каштановые волосы были недавно вымыты, и влажные завитки липли к бледному лбу. «Она все равно красива, — подумал Логэйн, — даже с таким холодным и непреклонным выражением лица».

— Что происходит? — резко спросила она.

Мэрик хотел было ответить, но прикусил язык, когда Роуэн, нахмурясь, метнула на него неприязненный взгляд. И опешил, явно не понимая, чем заслужил такую немилость.

— Я уезжаю, — объявил Логэйн, прервав эту безмолвную стычку.

Роуэн резко повернула к нему голову, и ее холодное лицо дрогнуло в смнении.

— Уезжаешь? Насовсем?

— Да, насовсем.

— Я уже пытался убедить его остаться, — вмешался Мэрик и досадливо вздохнул.

Роуэн стояла в дверном проеме, неловко переступая с ноги на ногу. Несколько раз она открывала рот, словно собиралась высказаться, но так ничего и не сказала — и Логэйн счел за благо сделать вид, что не заметил этого. Если Мэрик и почувствовал возникшее напряжение, он и виду не подал. Отвернувшись, он проковылял к ближайшему стойлу и со страдальческой гримасой привалился к стене. Наконец Роуэн обрела дар речи.

— Не уезжай! — взмолилась она. — Не надо.

— У меня нет причины остаться, — угрюмо бросил Логэйн.

— А орлесианцы? — напомнил Мэрик. — Я-то знаю, как ты к ним относишься. Мы наконец-то начали одолевать Мегрена. Разве ты не хочешь увидеть, как он будет разбит? Если уж ты хотел что-то сделать в память об отце, почему бы не сделать именно это?

Логэйн презрительно фыркнул:

— Для этого я вам не нужен.

— Неправда! Нужен!

Роуэн шагнула вперед:

— Мэрик прав. Ты когда-то сказал моему отцу, что он недостаточно гибок. Все наши лучшие планы принадлежали тебе, Логэйн. Если бы не ты, нас бы здесь не было.

— Ты мне льстишь, — хмыкнул он. — Лишь «ночные эльфы» моя задумка. Все остальное вы могли сделать и сами. Если помнишь, я только лейтенант.

— С нашей памятью все в порядке. — Лицо Роуэн вновь похолодело. — Если ты и впрямь решил уехать именно сейчас, когда еще столько предстоит сделать, стало быть, мы не сможем тебя удержать. Однако я была о тебе лучшего мнения.

У Мэрика от потрясения округлились глаза. Логэйн застыл. В ярости он сжимал и разжимал кулаки, но Роуэн не дрогнула, и взгляд ее был все так же исполнен решимости.

— Я сделал все, что от меня требовалось, — проговорил он наконец со сдержанной яростью, — а вы требуете большего?

— Совершенно верно, — кивнула она. — У нас, Логэйн, в отличие от тебя, нет возможности уходить и приходить когда вздумается. Мы либо победим орлесианцев и выгоним их из Ферелдена, либо погибнем. Но если для тебя есть вещи важнее этого... что ж, тогда уезжай.

— Роуэн! — неуверенно предостерег Мэрик.

Не обратив на него внимания, Роуэн шагнула вплотную к Логэйну, и лица их оказались совсем рядом. Он не отшатнулся.

— Разве ты не ферелденец? — властно спросила она. — Разве это не твой король? Разве ты не обязан хранить ему верность? Судя по тому, что рассказывал Мэрик, твой отец это понимал.

— Роуэн, перестань! — уже требовательнее бросил Мэрик.

Девушка жестом указала на него:

— Друг он тебе или нет? Разве мы трое не сражались все эти годы плечом к плечу? Разве это не связывает нас вернее, чем что бы то ни было?

При последних словах в ее серых глазах мелькнула мольба, совершенно не вязавшаяся с резким тоном. Логэйн вдруг обнаружил, что ему все труднее злиться.

Поэтому он ничего не сказал.

Некоторое время все молчали, затем Роуэн нехотя отступила. Логэйн тяжело вздохнул и отвернулся. Он не мог смотреть им в глаза.

— Логэйн, — медленно начал Мэрик, — я знаю, что ты не давал мне слова остаться. Я понимаю, что свалился тебе на голову против твоей воли, что на самом деле такого не должно было случиться. Однако же случилось. Ты здесь, и я привык полагаться на тебя. И не только я — все мы, даже эрл. Пожалуйста, не бросай нас.

Логэйна передернуло.

— Мэрик...

Крепко держась за посох, принц начал опускаться на колени. Роуэн, встревоженная, бросилась к нему, попыталась поднять, но он отстранил ее. Посох дрожал в его руках, и он застонал от натуги, но все же опустился на колени и лишь тогда поднял взгляд на Логэйна:

— Прошу тебя, умоляю. Кроме тебя и Роуэн, у меня нет друзей.

Роуэн вдруг застыла, отдернула руку от Мэрика, словно он был из раскаленного железа. И неуклюже, с окаменевшим лицом отступила прочь.

Логэйн во все глаза смотрел на принца. Этот нелепо величественный поступок потряс его до глубины души, и, что хуже того, он чувствовал, что решимость слабеет. Ночью все казалось намного яснее и проще. Теперь же он чувствовал себя трусом.

— У тебя рана открылась, — упрекнул он Мэрика.

Тот поморщился, осторожно ощупал повязку.

— Мм... кажется, да.

— Видимо, от чрезмерных усилий, — сухо заметила Роуэн.

Логэйн изумленно помотал головой:

— Дыхание Создателя, да неужто у тебя нет ни капли гордости? Хоть где-то она у тебя должна быть запрятана?

— У меня? Гордость?

— Ну, ты ведь будущий король и все такое прочее.

— Думаю, всю мою гордость отняла Роуэн.

Девушка презрительно фыркнула, скрестив на груди руки:

— Больше и отбирать-то было нечего.

Мэрик хихикнул, вновь посерьезнев, поднял взгляд на Логэйна:

— Это значит, ты остаешься, да? Я ведь прибежал сюда чуть ли не в одних подштанниках.

— Если бы так и случилось, вот это было бы зрелище, а?

— Я серьезно. — (Логэйн и сам видел, что Мэрик не шутит, отнюдь не шутит.) — Я считаю, что без тебя мы не справимся.

Видно, надо было смыться, пока еще не рассвело, бросив кожаный доспех и прочие пожитки. Потому что иначе удрать просто не удастся. Логэйн раздраженно вздохнул, глядя на Мэрика:

— Что ж, если ты намерен бегать за мной всякий раз, когда я попытаюсь уехать...

— Нет, не всякий.

— Хорошо. Я остаюсь.

Мэрик расплылся в улыбке и попытался встать, но проделал это излишне быстро. Вскрикнув от боли, он едва не упал, но Роуэн метнулась вперед и успела подхватить его. Ее доспех чувствительно царапнул голую грудь Мэрика, и тот невольно передернулся, хотя в то же время расхохотался от души:

— Ой! Полегче ты с этими железками!

— До чего же вы мужественны, мой принц, — вздохнула Роуэн.

Они смеялись, улыбаясь друг другу, но улыбка девушки очень быстро угасла. Она помогла Мэрику встать и тут же отступила в сторону. Принц оглянулся на нее, озадаченный не на шутку, но тут его внимание привлекло пятно крови, стремительно расплывшееся по повязке.

— О-хо-хо! — пробормотал он. — Вот теперь Вильгельм меня уж точно по головке не погладит!

Логэйн окинул задумчивым взглядом боевого коня, уже готового отправляться в путь. Затем он безмолвно покачал головой и стал отвязывать седельные сумки. Роуэн повернулась было, чтобы уйти, но Мэрик, вскинув руки, остановил ее.

— Подожди! — крикнул он. Потом схватил посох и быстро заковылял к двери с целеустремленным видом человека, который вспомнил о важном деле.

Роуэн, хмурясь, посмотрела ему вслед:

— Что он еще задумал?

Логэйн пожал плечами:

— От него можно ожидать чего угодно.

Они стояли посреди пыльной, притрушенной сеном конюшни. Снаружи доносился приглушенный шум суеты, время от времени тоненько ржал какой-нибудь конь. Логэйну подумалось, что надо что-то сказать, но никак не мог придумать, что именно. Тогда он снова стал возиться с седлом, чувствуя, как сверлит его спину взгляд Роуэн.

Она молчала, казалось, целую вечность и наконец спросила:

— Ты хотел уехать из-за меня?

В голосе ее были неуверенность и боль.

Логэйн прервал свое занятие.

— Я хотел уехать, потому что я ничтожество. Судя по твоим же словам.

Роуэн отшатнулась:

— Но... но нельзя же, чтобы ты решил остаться только из-за меня!

— Не только из-за тебя. — Логэйн повернулся, жестко, в упор взглянул на нее. — Из-за него тоже.

Роуэн медленно кивнула, и глаза ее наполнились слезами, которые девушка и не пыталась скрыть. Больше ему ничего и не нужно было говорить. Так они и стояли, разделенные невидимой пропастью, которая заполняла, казалось, все помещение конюшни, стояли и молчали. Пауза тянулась мучительно долго.

Логэйн спрашивал себя, не следует ли ему запомнить эту минуту, запечатлеть в памяти лицо Роуэн, серые глаза, глядящие из-под влажных каштановых завитков, силу, которая таилась за ее сумрачным и безмерно несчастным лицом. Пригодится ли ему это воспоминание в качестве щита, если уж он и впрямь решил остаться? Должно быть, он спятил.

Наконец вернулся, сильно хромя, Мэрик, а за ним в конюшню вошли эрл Рендорн и несколько солдат. Роуэн и Логэйн тотчас отвернулись друг от друга, и мучительная пауза наконец оборвалась. Эрл явно пребывал в замешательстве и озадаченно поглядывал на Мэрика, который был весьма доволен собой.

— Думаю, ваша милость, нам надо проделать то, о чем мы беседовали пару дней назад, — заявил Мэрик. Набегавшись взад и вперед, он тяжело дышал и обливался потом.

Эрл с сомнением поглядел на Мэрика:

— Ты имеешь в виду — сейчас? — Затем он увидел заседланного коня, набитые седельные сумки и нахмурился. — Ты уезжаешь? — напрямик спросил он Логэйна.

Тот пожал плечами:

— Уже нет.

Эрл Рендорн помолчал, переваривая эту идею. Солдаты вопросительно поглядывали на него. Наконец он кивнул:

— Как пожелаешь. Может, оно и к лучшему. — После этих слов эрл повернулся к Логэйну. — Логэйн Мак-Тир, все эти годы ты славно служил своему принцу. Ты показал себя дельным командиром, а потому...

— Постой! — перебил Логэйн. — Я уже сказал, что останусь, и мне не нужны...

— Дай договорить. — Эрл Рендорн улыбнулся. — Дня не проходило, чтобы мы с Мэриком не говорили о том, как высоко ценим твое присутствие в войске. Твой нынешний

чин совершенно не отражает того, как много ты значишь для нашего дела. А потому, хоть ты и не имеешь рыцарского сана, мы полагаем необходимым дать тебе чин генерала.

Логэйн хотел было снова прервать его, чувствуя за этим решением что-то вроде взятки, но осекся. Он понятия не имел, что Мэрик задумал такое. Возражения застряли у него в горле, и он лишь уставился на эрла, потрясенный до глубины души. Мэрик радостно ухмыльнулся.

— Таким образом, — продолжал эрл Рендорн, — ты, Логэйн, станешь вторым человеком в армии после меня. Мои приказы другим офицерам будут передаваться через тебя, и я надеюсь, что ты возьмешь на себя обязанности, связанные со снабжением армии. Конечно, при том условии, что ты согласишься принять это повышение. — Уголок его рта чуть заметно дрогнул от хорошо сдерживаемого веселья. — Все-таки в прошлом ты не раз проявлял себя в этом вопросе... непредсказуемо.

Логэйн смотрел на него, приоткрыв рот.

— Это не взятка, — вставил Мэрик. — Я только хотел, чтобы ты знал, как я...

— Я согласен.

Слова эти сорвались с уст Логэйна прежде, чем он успел сообразить, что говорит. Подняв взгляд, он увидел, что эрл Рендорн протягивает ему руку, и неловко пожал ее.

— Вот и славно, — усмехнулся эрл.

Логэйн прервал рукопожатие и повернулся к Мэрику, который, улыбаясь до ушей, тоже протягивал ему руку. Логэйн застыл, молча глядя на нее с таким видом, словно не понимал, что означает этот жест.

Помедлив с минуту, Мэрик сконфуженно опустил руку:

— Э-э-э... что-то не так?

— Нет, — буркнул Логэйн и поморщился, упорно глядя себе под ноги.

А затем неуклюже опустился перед Мэриком на одно колено. Лицо его полыхало румянцем, и он точно знал, что выглядит совершенно по-дурацки. Солдаты, стоявшие позади эрла Рендорна, изумленно переглядывались.

Мэрик смотрел на Логэйна с безмерным ужасом:

— Что ты делаешь?

Логэйн сдвинул брови, размышляя, затем кивнул. Да, именно это он и должен сделать.

— Может, я и не рыцарь, — твердо проговорил он, — но я знаю, что не годится твоей армии иметь полководца, который не принес тебе клятву верности.

Теперь уже Мэрик был потрясен до глубины души. С отвисшей челюстью он беспомощно обводил взглядом эрла Рендорна, Роуэн и Логэйна.

— Нет! Нет, нет и нет! Мне от тебя не нужны никакие клятвы!

— Мэрик...

— Ты ничего не понимаешь! Я бы ни за что не... то есть я знаю, каково тебе сейчас, твой отец был совершенно...

— Мэрик, — сказал Логэйн, — заткнись!

И Мэрик с отчетливым стуком захлопнул рот.

Позади них Роуэн медленно отступала к двери. Никто не заметил, как она молча повернулась и ушла.

— Если ты и вправду хочешь, чтобы я остался, — начал Логэйн, снизу вверх глядя на Мэрика, — я останусь. И если ты намерен доверить мне свою армию, если ты намерен настолько мне довериться, для меня это великая честь. Может, я и не благородной крови, и понятия не имею, что значит для тебя мое слово, но вот оно. Ты мой друг и мой принц, и я клянусь служить тебе всей душой.

Мэрик судорожно сглотнул.

— Твое слово, Логэйн, значит для меня очень много, — просто сказал он, явно глубоко тронутый.

Логэйн медленно выпрямился. Эрл Рендорн безмолвно кивнул ему, и в глазах старика блеснуло восхищение. Солдаты, стоявшие у него за спиной, отдали честь Логэйну. А тот

молча стоял, не зная, что сказать.

Мэрик глуповато ухмыльнулся.

— Генерал Логэйн, — произнес он вслух, словно пробуя это звание на вкус.

Логэйн невесело хохотнул:

— Да уж, звучит странно.

— Готов побиться об заклад, что после вчерашнего нам еще удастся найти бутылку-другую вина.

Логэйн фыркнул:

— Какое-нибудь отвратное пойло.

— А ты знаешь лучший способ отметить повышение?

— Может, наконец уже наденешь рубашку?

— Ладно, ладно. Если уж ты так настаиваешь. Мэрик хохотнул и, опираясь на посох, заковылял к двери.

Логэйн на миг замешкался, в недоумении покачивая головой. «Какой же я осел», — подумал он.

А потом вслед за Мэриком вышел из конюшни.

Глава 10

В парадном зале гваренского замка яблоку негде было упасть. Помещение было небольшое, не рассчитанное на королевский двор. Даже если это двор принца в изгнании, а придворную знать составляют давние участники мятежа и те немногочисленные аристократы, кто решился прибыть, не побоявшись гнева узурпатора. Тем не менее Логэйн видел, что народу в зале собралось гораздо больше, чем он предполагал. И уж конечно, намного больше, чем смел надеяться Мэрик. Логэйн поневоле прятал усмешку, наблюдая, как Мэрик, восседающий в резном кресле в верхней части зала, все сильнее нервничает, глядя на теснящихся за столами гостей.

В минувшие недели узурпатор не оставлял мятежников в покое. По счастью, возможности короля Мегрена были, судя по всему, сильно ограничены. Бресирианский тракт, проходивший через великий лес, оборонять было легче легкого, и, хотя королевские войска не единожды пытались прорваться в Гварен, всякий раз им приходилось поворачивать назад, даже не дойдя до города. Тактика, которую мятежники изучили, защищая Южные Холмы, теперь стала для них большим подспорьем, и Логэйн гордился той ролью, которую сыграли «ночные эльфы» в налетах на вражеские позиции. Рассказы о жестоких стрелках разлетались по вражескому войску, и поговаривали, что многие королевские солдаты отказываются стоять ночью на посту.

Это означало, что дорога в Гварен по суше надежно перекрыта, но, по счастью, это был не единственный путь, который связывал город с другими краями. В порту после небольшого перерыва снова бурлила жизнь. Мэрик встретился с мэром Гварена, дородным господином, который, когда его привели к принцу, от безмерного ужаса распластался на полу, как лягушка. Этот человек, впрочем, был достойной личностью — урожденный ферелденец, пострадавший от орлесианского владычества. Само собой, у него не было причины считать, что нынешние захватчики чем-то отличаются от прежних. Он был до глубины души потрясен, когда Мэрик вернул ему власть над городом и разрешил по своему разумению использовать мятежную армию для восстановления закона и порядка.

Мэр пару раз осторожно уточнил границы собственной власти и, когда Мэрик безоговорочно поддержал все его решения, принялся энергично исполнять свои обязанности. Его облегчение было почти осязаемым, и то, что он поверил в честность намерений мятежников, убедило в том же большинство местных ферелденцев. Мэрика повсеместно признали законным принцем, и в замок чередой потянулись зажиточные горожане, плававшие желанием принести ему клятву верности. Все больше стараний прилагалось к восстановлению города и обеспечению жильем тех, кто лишился крова во время штурма.

Сообщали даже, что некоторые горожане, бежавшие из Гварена, вернулись в свои дома.

Плачевнее всего оказалось, само собой, положение местных орлесианцев — тех, кто не сумел бежать. В основном это была мелкая сошка — слуги зажиточных дворян, стражники, а также несколько торговцев и владельцев таверн. Впрочем, Логэйну было наплевать, бедняки они или богачи, — он не хотел, чтобы эти люди попытались доказать королю Мегрену верность, убив Мэрика. Стражников арестовали и заключили в замке, а за всеми прочими неусыпно следили.

Логэйн точно знал, что опасаться следовало не только орлесианцев. Можно не сомневаться, что, едва ветер удачи переменится, улыбки местных жителей очень скоро поблекнут. Мэрик с презрением отверг эту идею, но даже Роуэн согласилась, что замок следует зорко охранять. Одно дело — взять город штурмом, и совсем другое — удержать его.

Со временем узурпатор соберет достаточно сил, чтобы пробиться через Бресиалианский тракт и ударить по городу, и эрла Рендорна тревожила мысль о том, когда именно это произойдет. Гварен было легко оборонять, зато и нелегко покинуть. Им еще повезло, что на них не нападали с моря. Узурпатор сулил неслыханно щедрую награду тому, кто устроит морской рейд на Гварен. К вящему его разочарованию, желающих отыскалось мало. Аристократы, которые прибыли в Гварен морем, почти не сталкивались по пути ни с какими враждебными судами. Если верить слухам, Мегрен бесился оттого, что мятежники пользуются такой свободой передвижений и ворота королевского дворца уже украсило немало новых голов.

Эрл Рендорн беспокоился, что император Орлея пришлет Мегрену флот, но этого до сих пор не случилось. Пока мятежники были в безопасности. Захват Гварена стал увесистой оплеухой орлесианцам, показал, что Мэрик достаточно силен. И потому любопытные поспешили в Гварен.

Логэйн размышлял о том, что добрая половина мужчин и женщин, собравшихся в этом зале, никогда открыто не поддерживала мятеж. На первый взгляд все они пылко выражали преданность и радовались успехам мятежа. Вино лилось рекой, на раскрасневшихся лицах царили улыбки, но хотел бы он знать, многие ли из этих людей к концу дня решатся на нечто большее, нежели поддержать мятеж на словах? Очень немногие, думал Логэйн, да и то при условии, что узурпатор никогда об этом не узнает.

Роуэн утверждала, что само присутствие здесь этих людей — риск, некий вызов королю Мегрену, который они решились бросить только после освобождения Гварена. Кто из них может быть уверен, что об этом не узнают в Денериме? Среди собравшихся наверняка есть шпионы. Известно было, что Мегрен никогда не утруждает себя сомнениями в пользу обвиняемого, так что Роуэн была уверена, что этих людей привела сюда либо надежда, либо полная безвыходность.

Вспоминая путешествие по Баннорну, Логэйн склонен был согласиться. В конце концов, дипломатия — это дело Мэрика.

Гул возбужденных голосов и звон кубков наполняли зал, когда Мэрик наконец поднялся с места. Логэйн подумал, что в черной мантии с горностаевой отделкой, доставшейся им от прежнего владельца замка, он кажется меньше ростом. Тем не менее выглядел принц вполне царственно и смотрелся бы еще лучше, если бы лицо не блестело от нервного пота.

Шум в зале стих, и многие дворяне поспешно вернулись на свои места за столом. Логэйн остался стоять, так же как эрл Рендорн, Роуэн и многие другие мятежники, выстроившиеся вдоль стен. Из-за Мэрикова кресла выступил солдат, который нес большой жезл и свиток. Жезлом он трижды торжественно ударил о каменный пол. Грохочущий звук прокатился по всему залу, и последние возня и перешептывания мгновенно стихли. Солдат развернул свиток и прочел:

— Здесь и сейчас, в девяносто девятый год Благословенного Века, приветствуем вас при дворе принца Мэрика Тейрина, сына королевы Мойры Тейрин из рода Каленхада, первого короля Ферелдена. Не обнажайте клинков своих — и будете приняты с должным почетом.

Солдат снова, уже один раз, стукнул посохом, и Логэйн вполголоса присоединился к хору голосов, негромко и торжественно произнесших нараспев: «Клинки наши да пребудут с тобой, милорд». Если это, конечно, была правда, а не пустая формальность.

Солдат убрал свиток, низко поклонился и отступил назад. Мэрик остался стоять, испытующе глядя на гостей. Кое-кто из аристократов зашептался, но большинство не сводило глаз с принца.

«Похоже, он решил наплевать на все, что втолковывал ему эрл», — сказал сам себе Логэйн. Рендорн много часов репетировал с Мэриком, что и как тому надлежит говорить сообразно церемониалу, который положено соблюдать при настоящем королевском дворе. Теперь же Логэйн читал в глазах Мэрика, что у того на уме совсем другое.

«Ах ты, наглый ублюдок», — подумал Логэйн.

— Я знаю, о чем вы думаете, — заговорил Мэрик. Голос его без труда разносился по притихшему залу. — Многие из вас сегодня уже задавали мне этот вопрос. Знаю, среди вас есть те, кто был в Редклифе, когда эрл Рендорн провозгласил мою мать законной королевой, однако же я сегодня пригласил вас не затем, чтобы вы стали свидетелями моей коронации.

Гости разразились изумленными возгласами, но Мэрик повелительно вскинул руку.

— Когда мне придет время короноваться, — повысил он голос, чтобы перекрыть шум, — я буду восседать на троне Каленхада и возложат на меня корону, которую ныне носит узурпатор!

Эта краткая речь была встречена восторженными криками, многие аристократы повскакали с мест и рьяно захлопали в ладоши. Другие молчали, потрясенные до глубины души, и среди них был эрл Рендорн. Несчастный старик покрылся бледностью, глядя на то, как идут насмарку все его старания. Мэрик окинул зал напряженным взглядом, глаза его горели. Логэйну это нравилось.

— Зачем же тогда вы здесь собрались? — снова заговорил Мэрик, не дожидаясь, пока шум утихнет. Он спустился в зал и стал медленно прохаживаться между столами. Выкрики в зале быстро стихли. — Отчасти в знак того, что мы сделали первый шаг в освобождении нашей родины. Если бы только тейрн Воррик был жив! Он был другом моей матери, и я был бы безмерно счастлив, если бы он сидел сейчас в этом кресле, которое принадлежало ему. Однако все мы знаем, что с ним случилось, не так ли?

Лица гостей потемнели, все взгляды были устремлены на Мэрика. Да, они это знали, и слишком хорошо.

— Тейрна Воррика обвинили в том, что он дал нам прибежище, и за это Мегрен велел повесить всю его семью. Тела их висели на главной площади Денерима, куда окончательно не разложились.

В зале стояла мертвая тишина. Многие опустили глаза — кто-то погрузился в воспоминания, кто-то мучился стыдом. В этом зале не было ни одного человека, кто не знал бы, какую цену заплатил орлесианцам побежденный Ферелден и на какие жертвы пришлось пойти тем, кто предпочел остаться со своими семьями, а не примкнуть к мятежу.

— Сила Мегрена в шевалье — войсках, посланных ему императором. Я уже слышу ваш вопрос: «Что мы можем сделать с ними? Один раз, во время вторжения, они нас уже одолели, и, даже если сейчас мы дадим им отпор, император просто пришлет новые войска!» Мы получили сведения, которые дают редкостную возможность нанести удар по самим шевалье. — Мэрик сделал паузу, давая слушателям осознать смысл его слов, и в зале опять начались изумленные перешептывания. — Эти сведения были оплачены дорогой ценой. Эрл Байрон погиб, но благодаря ему мы узнали, что из Орлея отправлены деньги для шевалье. Скоро они прибудут в Западный Холм — крепость на северном побережье. Это свыше пяти тысяч золотых — жалованье за весь год.

Шепотки притихли, и на миг все гости уставились на Мэрика изумленными, широко открытыми глазами.

— Без этих денег Мегрену придется либо обложить ферелденцев новыми налогами, тем самым усилив их негодование, либо обратиться за подаянием к своему императору. — Мэрик

злорадно усмехнулся. — Мы намерены отнять у него эти деньги.

Зал взорвался потрясенными выкриками и гневными восклицаниями. Логэйн видел, какое беспокойство охватило многих гостей, как они, подавшись к соседям, что-то кричат им на ухо. Логэйн мог себе представить, о чем эти люди спрашивают друг друга. Они не знали Мэрика так, как знал его Логэйн. Они знали его мать и, быть может, эрла Рендорна. Про Мэрика им было известно только, что ему хватило то ли смелости, то ли безрассудства захватить Гварен — добычу, которую, скорее всего, не удастся долго удерживать.

Двое баннов помоложе, из мелких землевладельцев с севера, которые с унылым видом болтались возле выхода из зала, теперь без лишнего шума удалились. Логэйн перехватил взгляд Роуэн, стоявшей в другом конце зала, и она в ответ едва приметно кивнула. И в сопровождении троих солдат незаметно последовала за баннами.

Мэрик такого наверняка не одобрил бы. Ну да ему об этом и знать незачем.

Крики продолжались еще с минуту, и принц, вернувшийся в свое кресло, слушал их, оставаясь внешне совершенно невозмутимым. Наконец один из баннов постарше, всем известный и всеми уважаемый старик, которого Логэйн помнил еще по пребыванию в Баннорне, встал и поднял руку, требуя внимания. Все взоры тотчас обратились к нему, и шум в зале заметно притих.

— Банн Тремейн, не так ли? — спросил Мэрик достаточно громко, чтобы его услышали все.

Банн отвесил почтительный поклон, отчего показалось, что его щедрое старческое тело вот-вот завалится на пол, увлекаемое тяжелыми синими одежаниями. Кожа у него была желтовато-бледная, как выцветший пергамент, и, когда он заговорил, всем прочим пришлось напрягать слух, чтобы расслышать скрипучий полусшепот.

— Мой принц, — начал банн, — я не понимаю, каким образом вы доберетесь до Западного Холма? Говорят, войско узурпатора стоит лагерем на Бресиалианском тракте. Разве вам не придется с боем пробивать себе дорогу на север?

Мэрик кивнул.

— Корабли, — сказал он. — На море узурпатор пока что не хозяйничает, а потому мы наняли несколько антиванских галер, чтобы переправить наших солдат к северному побережью. — Он едва заметно усмехнулся. — А уж куда именно, я, с вашего разрешения, не скажу.

По залу пробежали понимающие смешки, но и обеспокоенных взглядов было в достатке. Престарелый банн Тремейн явно пришел в смятение и вслух спросил то, что наверняка вертелось в голове у многих:

— Но... разве это не значит, что вы покинете Гварен?

Мэрик выслушал одобрительные возгласы, которыми сопровождался этот вопрос.

— Нам нужно нанести удар по главной опоре узурпатора, — твердо заявил он. — Если мы этого не сделаем, то и Гварен не сумеем удержать, как бы ни старались.

— А что будет с нами? — одновременно выкрикнули несколько человек.

Логэйн разглядел дородного мэра Гварена, который восседал за одним из столов. Лицо у него было белое как простыня. Мэр, несомненно, размышляет сейчас о том, как отнесется к нему узурпатор, при условии, конечно, что Мегрен одержит победу.

Мэрик поднял руку, но встревоженный ропот собравшихся стих разве что самую малость.

— У нас нет выбора! — прокричал он. — Мы оставим здесь гарнизон и будем надеяться, что отвлечем узурпатора на севере! Но если он двинется сюда, остановить его мы не сможем!

Всеобщее волнение вспыхнуло с новой силой, многие повскакали с мест и что-то яростно кричали Мэрику. Мысль о том, чтобы оставить первый город, который удалось освободить мятежникам, явно не пришлась им по вкусу. Логэйн знал, что, если узурпатор ударит по Гварену в полную силу, город не устоит, а поскольку отступать некуда, удерживать город малыми силами было бы просто глупо. Вот только большинство этих людей ни о чем

таком понятия не имеет.

Мэрик нервничал, и пот все явственнее проступал на его лице. Банн Тремейн уселся на свое место, печально и изумленно качая головой, и многие банны сочли это выражением порицания. Логэйн наблюдал за теми, кто еще раньше примкнул к мятежу, и видел, что эти люди сидят и помалкивают, поджав губы.

Логэйн не очень понимал, для чего нужно было собирать здесь всех этих людей и рассказывать план мятежников. Мэрик, однако, стремился получить их одобрение, надеясь, что так армия получит больше помощи и Собрание земель Ферелдена тем охотнее признает его законным правителем страны.

По мнению Логэйна, это было рискованно. Что, если аристократы откажутся поддержать замысел? А если и одобрят — будет ли это значить, что мятежная армия получит больше солдат? Сегодня в этом зале мятежники вполне могли больше потерять, нежели выиграть. Молодой генерал много спорил на эту тему, но в конце концов потерпел поражение.

— А что думает об этом эрл Рендорн? — выкрикнула седовласая дама, и сразу несколько человек подхватили ее вопрос.

Остальные один за другим поворачивались к эрлу, который мрачнее тучи стоял возле кресла Мэрика. Крики становились все громче, но эрл упорно молчал. Наконец Мэрик, поморщившись, кивнул.

Эрл Рендорн, который явно неловко чувствовал себя в парадном мундире, шагнул вперед, и шум тотчас утих.

— Не стану лгать, — ворчливо проговорил он. — Этот замысел и вправду вызывает у меня сомнения. — Слова его были встречены возмущенным ревом, и, чтобы перекрыть его, старику пришлось кричать во все горло. — Но! Но у него, друзья мои, есть неоспоримые достоинства!

Теперь уже почти все гости вскочили со своих мест, многие собирались уйти. Эрл Рендорн, смятенно сдвинув брови, сделал еще шаг вперед.

— Принц Мэрик верно говорит: мы не можем просто остаться здесь. Это не выход! Конечно, мы истратим на эти корабли все, что у нас есть, и замысел этот рискованный, но вообразите, что будет, если он сработает! — Крики становились все тише. — Неужели вы все так долго прожили под пятой орлесианцев, что позабыли, каково это — врезать им как следует? — Эти слова были встречены одобрительными выкриками, несколько человек замолотили кулаками по столам. — Я сомневаюсь в этом замысле, потому что стар, но до сих пор всеми успехами, которых достиг ваш принц, мы были обязаны вот такому безрассудному риску!

Под раскатившиеся по залу аплодисменты эрл Рендорн вернулся на свое место. Мэрик благодарно улыбнулся ему. Логэйн знал, что все могло быть гораздо хуже. В разговоре с глазу на глаз старик возражал против этого плана куда энергичнее. Как всякий истый ферелденец, он не доверял морю, и мысль о том, чтобы истратить на корабли все серебро, которое мятежникам удалось захватить в Гварене, его нисколько не вдохновляла. Что ж, тем больше причин поступить именно так, во всяком случае по убежденному мнению Логэйна.

И все же выступление эрла мало кого убедило. Скептиков было гораздо больше, и в зале опять разгорелись шумные споры. Мэрик встал, и ему пришлось несколько раз начинать свою речь, чтобы перекричать гул толпы.

— Я рассказал вам об этом, — надсаживая голос, кричал Мэрик, — потому что нам нужна ваша помощь! Если те, кто хочет освободить Ферелден, не выступят сейчас, другого случая уже не представится! Нам не вытянуть эту ношу в одиночку!

Снова раздались возмущенные крики, и Логэйн увидел, что Мэрик пал духом. Его не хотели слушать. Эти люди не верили ему, считали его замысел неудачным или же просто боялись. Мысль о мести Безумного Мегрена мешала большинству окончательно встать на сторону мятежников. Эрл Байрон был самым могущественным из тех, кто бросил свои владения и примкнул к Мэрику, — и что с ним случилось? Старики качали головами, и многие

уже собирались уйти.

Логэйн наслушался довольно. Он широкими шагами двинулся вперед и, растолкав локтями нескольких крикунов, вышел на середину зала.

— Эту крепость можно взять! — прорычал он и выхватил меч.

Скрежещущий лязг металла разнесся по всему залу. Те, кто направлялся к дверям, застыли как вкопанные, все прочие потрясенно воззрились на Логэйна.

— Вы не верите, что нам под силу взять Западный Холм? — прокричал он и, развернувшись, обвел толпу горящим гневным взглядом. — А кто из вас совсем недавно мог бы себе представить, что мы соберемся здесь? Сколько было таких, кто при встрече со мной утверждал, что со смертью Мятежной Королевы мятежу пришел конец? И вот мы здесь, в Гварене!

Ответом ему было молчание. Логэйн обвел взглядом собравшихся и наконец разглядел белокурую эльфийку, которая доставила им послания эрла Байрона. Она стояла у дальней стены. Сейчас на ней было изысканное зеленое платье, однако она упорно держалась в тени. Изначально Логэйн считал, что эта девушка не более чем заурядный посланец, однако, расспросив ее как следует, вынужден был изменить мнение: судя по всему, эльфийка и в самом деле была в первую очередь источником сведений о Западном Холме. Теперь уже невозможно было узнать у эрла Байрона, как вышло, что она стала его осведомителем, однако она обладала бесценными талантами. Повезло им, что она сумела добраться до Гварена живой и невредимой.

Логэйн ткнул в ее сторону острием меча.

— Эй, ты! Катриэль! Выйди вперед!

Взгляд зеленых глаз Катриэль метнулся к Мэрику, и тот ободряюще кивнул. Собравшись с духом, девушка вышла на свет, туда, где ее могли видеть все знатные гости. И застенчиво присела в реверансе, не поднимая головы.

— Вот кто доставил нам все эти сведения, — сказал Логэйн, указывая на нее. — Нам известны имена тех, кто их добыл, людей и эльфов, наших тайных сторонников в крепости. Они помогут проникнуть в Западный Холм под видом слуг и открыть ворота. — Он помолчал, дожидаясь, пока слушатели переварят это сообщение. — Более того, эта девушка вызвалась даже пойти с нашими людьми. — Логэйн развернулся к баннам, смерил их ледяным взглядом. — Она, эльфийка, проявила больше отваги и желания помочь своему принцу, чем собравшийся в этом зале цвет ферелденской нации.

Снова со всех сторон полетели гневные выкрики, многие повскакали с мест и грозили Логэйну кулаками. Он не дрогнул.

Некоторые банны совсем разбушевались, а один, особенно разъярившийся, растолкал товарищей и выскочил вперед. Это был толстяк с курчавыми рыжими волосами, и звали его, насколько помнил Логэйн, банн Доналл. Логэйн и Роуэн встречались с ним во время путешествия по Баннорну. Встреча длилась недолго, и в итоге их выставили за дверь, не только отказавшись разговаривать, но и не проявив даже намека на заинтересованность.

— Да как ты смеешь сравнивать нас с этой остроухой?! — завопил он, багровея от ярости. — Нам-то что, если какая-то эльфийская шлюшка возжелала пожертвовать ради хозяев своей никчемной жизнью? С чего ты взял, что ей удастся открыть ворота крепости?

Логэйн увидел, что из глаз эльфийки мгновенно исчезло всякое выражение и лицо ее залилось краской — то ли от смятения, то ли от гнева. Прежде чем он успел ответить на этот выпад, Мэрик опрометью выскочил на середину зала. В его широко открытых глазах горело такое бешенство, какого Логэйн прежде не видел.

— Если уж кому это и удастся, так только ей! — рявкнул Мэрик. Он вперил гневный взгляд в рыжеволосого банна, и на миг показалось, что он стал добрых десяти футов ростом. — И ее жизнь вовсе не никчемна. Если хочешь узнать, благодаря кому все мы до сих пор живы, — посмотри на нее! Мне ее жизнь чрезвычайно дорога, и еще дороже оттого, что эта девушка готова рискнуть ею даже для таких невежд и грубиянов, как ты!

Развернувшись, он окинул ледяным взглядом прочих баннов, которые, уставясь на него,

дружно молчали. Глаза Катриэль округлились от изумления, но она все так же упорно смотрела себе под ноги.

— Думаете, я сумасброд? — рыкнул Мэрик. Никто ему не ответил. — Думаете, я способен рисковать нашими судьбами во имя каких-то там безумных планов? Говорю вам: нанести удар узурпатору мы сможем, только если нанесем удар шевалье, и, чтобы достигнуть этого, я использую всякого, кого сочту способным помочь делу!

Он шагнул к банну Доналлу, в упор глянул ему в лицо — и толстяк попятился.

— Думаешь, господин мой, мы можем привередничать в выборе исполнителей? Думаешь, мы созвали это собрание, чтобы на досуге порассуждать, как же нам одолеть узурпатора? Мы должны действовать, потому что можем действовать, причем именно сейчас!

Круто развернувшись, Мэрик направился к Катриэль. Он протянул руку, и, хотя эльфийка воззрилась на нее с неприкрытым ужасом, Мэрик притянул девушку ближе к себе и мягко улыбнулся.

— Я верю, что Создатель направил эту девушку ко мне не случайно, — заявил он, — и еще верю, что она и те, кто пойдет с ней, добьются успеха. — Мэрик обернулся, мрачно глянул на банна Доналла. — Я настолько верю в это, что даю слово: если ворота крепости не откроются, мы не будем атаковать. Я не стану тратить жизни солдат на безнадежное предприятие.

Мэрик вновь повернулся к Катриэль, свободной рукой приподнял ее подбородок. И усмехнулся, глядя прямо в глаза.

— Но ворота откроются, — твердо сказал он. — Я в это верю.

Катриэль, явно смущенная и тронутая, часто заморгала, не зная, что ответить.

— Я... я постараюсь, — наконец пролепетала она. Лицо ее вспыхнуло румянцем, и она поспешно отвела взгляд.

Снова в зале поднялся шум, но на этот раз многие банны спорили уже друг с другом. Кое-кто захлопал в ладоши, одни опустили головы в задумчивости, другие качали головами в испуге. Тем не менее злость, еще недавно бушевавшая в зале, угасла, и когда Мэрик, повернувшись, окинул взглядом ряды столов, он выглядел так царственно и властно, как ему и пристало. Кое-кто из тех, что находились рядом с ним, стали опускаться на колени.

Банн Доналл снова выскочил вперед.

— Да что вы все, спятили? — выкрикнул он, обводя взглядом собравшихся. Он настолько вышел из себя, что весь трясся, и его мясистые кулаки ожесточенно месили воздух. — Вы и вправду намерены слушать этого сопляка и его бредни?

В зале вновь воцарилась тишина. Мэрик одарил буяна ледяным взглядом, но не сказал ни слова.

— Да ведь он и держится до сих пор только благодаря эрлу! И вы все прекрасно это знаете!

Он завертелся, взглядом ища у собравшихся поддержки. Многие откровенно отводили глаза, но у некоторых на лицах была написана нерешительность.

— Надо смотреть правде в глаза! — визгливо крикнул банн Доналл, размахивая кулаками. — Никуда король Мегрен не уйдет! Лучше нам скрутить этого щенка и сдать его королю, пока тот сам не обнаружил, что мы вообще здесь были!

Ответом ему было неловкое молчание, и, прежде чем рыжеволосый толстяк успел выкрикнуть еще хоть слово, Логэйн через весь зал метнулся к нему и всадил ему в грудь свой меч. Банн Доналл с неприкрытым изумлением уставился на клинок, торчащий из груди, — и тут изо рта его хлынула ярко-алая кровь. Толстяк в ужасе судорожно всхлипнул.

Банн обмяк и с глухим стуком рухнул на пол. Толпа потрясенно ахнула, и стало слышно, как скрипят по каменному полу ножки кресел, — это банны, сидевшие в них, торопливо отодвигались подальше от страшного зрелища. Все они с неопишимым страхом взирали на Логэйна, не будучи уверены, что сейчас не наступит их очередь. Даже Мэрик, который по-прежнему покровительственно держал за руки эльфийку, не сводил с Логэйна вопрошающего взгляда.

В зале воцарилась напряженная тишина, и Логэйн с невозмутимым видом вытер клинок о дорогие одежды банна Доналла. Он заметил, что некоторые банны все так же пятятся прочь, как будто не в силах оставаться рядом с местом убийства, а кое-кто даже собрался втихомолку удалиться. Логэйн знал и не поднимая глаз, что Роуэн уже вернулась и что сейчас она рассылает солдат перекрыть все выходы из зала.

— Вы забываетесь, — жестко процедил Логэйн. В зале стояла мертвая тишина, и слушатели ловили каждое его слово. — Это не нищий, который клянчит у вас подавание, это — ваш законный король. Мы ведем войну с орлесианцами, с теми, кто захватил нашу страну и шаг за шагом отнимает у вас землю.

Поморщившись, он пнул ногой тело банна Доналла, и оно откатилось на несколько шагов. И осталось лежать навзничь, так что всем хорошо были видны искаженное ужасом лицо и остекленевшие глаза. Спереди на одежде стремительно расплзлось темное влажное пятно, и на полу растекалась из-под трупа лужа крови. Многие банны неотрывно смотрели на убитого, но не шелохнулся ни один.

— Теперь, — продолжал Логэйн, — все вы можете поразмыслить над тем, как бы половчее совершить предательство, чтобы подлизаться к узурпатору. Или же вспомнить, что вы ферелденцы. Выбор за вами.

Логэйн смолк, вытер рот и сунул меч в ножны. В тишине зала пока не прозвучало ни одного слова, но он видел, что многие сумрачно кивают в знак согласия. Что ж, остается надеяться, что он не слишком подвел Мэрика.

Логэйн повернулся к принцу, который все так же стоял перед эльфийкой. На Логэйна она смотрела настороженно, зато близость Мэрика ее, похоже, совершенно не пугала.

— Извини, — пожав плечами, сказал Логэйн. — Это надо было сказать.

Мэрик, судя по всему, ужасался и в то же время забавлялся происходящим.

— Да ничего, ничего, — проговорил он. — По-твоему, это было уместно?

— По-моему, да.

В конце концов они получили то, чего хотели.

Смерть банна Доналла так потрясла многих, что они вспомнили, зачем их пригласили в Гварен. Не для того, чтобы спорить, нравятся ли им действия Мэрика, не для того, чтобы обсуждать его тактику, но дабы напомнить, что в Ферелдене еще остались люди, которые ведут войну с узурпатором. И что теперь появился шанс нанести врагу ответный удар — чего не случалось за все время жизни Мятежной Королевы.

Многие банны покинули зал, так и не пообещав мятежу никакой поддержки. Они явно колебались, явно побаивались, что их постигнет та же участь, что банна Доналла, хотя, конечно, этого не случилось. Они присутствовали на собрании, они выслушали Мэрика — и Мэрик твердо решил, что эти люди уйдут из зала живыми и невредимыми. Тем не менее им придется задержаться в Гварене, чтобы им никоим образом не удалось сорвать грядущий удар по Западному Холму.

Логэйн сильно сомневался, что этого стоит опасаться. Те, кто отказался поддержать Мэрика, сделали это с тяжелым сердцем. Он видел в их глазах тень страха. В глубине души эти люди просто не могли собраться с духом и поверить, что Мэрик окажется удачливее, чем его дед во время орлесианского вторжения. Они страшились репрессий, которые неизбежно последуют за поражением мятежников, и Логэйн, по правде говоря, не мог их за это винить. Никто из них не стал возражать, узнав, что им придется еще несколько недель пользоваться гостеприимством Мэрика. Вне всякого сомнения, им пришлось в голову, что так они смогут выставить себя в глазах короля Мегрена пленниками мятежного принца.

Те же, кто вызвался помогать мятежу, выдвинули только одно требование: чтобы Мэрик не подвергал себя опасности, а значит, не принимал участия в нападении на Западный Холм. Эта идея застигла Мэрика врасплох, но когда некая серьезная банна высказала эту мысль вслух, все прочие тотчас поддержали ее. Мэрику оставалось только согласиться.

Беспокойство их объяснялось просто: можно признать необходимым опасный налет на

вражескую крепость, но нельзя рисковать в этом предприятии жизнью последнего Тейрина. Если он погибнет, с ним прервется род Каленхада.

В конце концов, примкнуть к мятежу этих людей не в последнюю очередь подвигла память о Каленхаде, память о матери Мэрика. Для них эта память была неотъемлемой частью Ферелдена, а ради него они готовы были оказать мятежникам любую помощь — деньгами, припасами, солдатами. Иные из них даже опускались перед Мэриком на колени и, как некогда эрл Байрон, положили руку на сердце, со слезами на глазах приносили клятву верности.

Если Ферелден зовет, говорили они, разве можно не откликнуться?

После того как все обещанные новобранцы влились бы в мятежное войско, численность его обещала вырасти раза в полтора. Именно такие силы понадобятся, чтобы захватить Западный Холм, независимо от того, откроют им ворота или нет. Логэйн втайне ликовал.

Он заметил также, что никто из баннов не смотрит ему в глаза. Мэрика они обожали, но Логэйн для них был не более чем убийца. И самого Логэйна это вполне устраивало.

Северан стремительно шагал по темному коридору, равнодушно минуя бесчисленные предметы роскоши. Картины с изображением древних битв, ворсистый ковер с изящным геометрическим узором, ваза красного хрусталя, одиноко пылящаяся в нише, — все это привезли из Орлея, чтобы украсить королевский дворец, но Мегрену, похоже, ни одна вещь не доставила радости. Как можно наслаждаться такой красотой, кричал он, когда повсюду воняет капустой и собачьим дерьмом?

Вспомнив об этом, маг пренебрежительно фыркнул. Шелестя желтыми одеяниями, он подошел к громадной двустворчатой двери, за которой находились личные покои короля. На этой деревянной двери старинной работы была вырезана рельефная карта Ферелдена, а также пара вздыбленных волкодавов — символов страны. Мегрен каждодневно божился, что велит снять эту дверь, изрубить в мелкие щепки и спалить в священной жаровне Церкви. Правда, до сих пор он так этого и не сделал — и хвала Создателю, потому что жаль было бы лишиться такого произведения искусства.

Северан постучал одним из дверных молоточков и, не дожидаясь ответа, распахнул створку и вошел. Спальня была обставлена самой изысканной мебелью работы орлескианских мастеров, ее украшали драпировки из синего шелка, громадная кровать с четырьмя резными столбиками и позолоченное зеркало, которое подарил Мегрену сам маркиз Сальмон. Однако все эти красоты не могли скрыть того, что в самой комнате стоит гнетущий полумрак, — окна были чересчур малы, а массивные потолочные балки угрожающе нависали над головой. Эта спальня как нельзя лучше отвечала пристрастию ферелденцев ко всему громадному, прочному и предпочтительно изготовленному из дерева, как если бы они до сих пор были варварами, обитателями бескрайних лесов. Королю она, само собой, ничуть не нравилась.

Впрочем, сию минуту Мегрена вряд ли заботила окружающая обстановка. Он изрядно простыл после недавней выходки — всю ночь почти нагишом резвился он на очередном приеме в дворцовых садах. Северан предупреждал, что в это время года уже слишком холодно, чтобы разгуливать в таком виде, но разве король его послушал? Тогда он заявил Мегрену, что его простуда не поддается лечению магическими средствами. Пусть себе повалится пару дней в постели, чихая и кашляя, — может, тогда вспомнит, что к советам Северана стоит прислушиваться.

Сейчас Мегрен со всех сторон был окружен простынями и одеялами, которые выглядели так, словно побывали в лапах бури. Они валялись по всей кровати в полном беспорядке, — вне сомнения, Мегрен расшвырял их в приступе порожденного простудой бешенства. Сам король, обливаясь потом, лежал в одной ночной рубашке и сильно смахивал на несчастное дитя-переростка.

У стены застыли двое лакеев, готовые сорваться с места по малейшей прихоти его величества, а на табурете у кровати восседала, аккуратно расправив складки красного церковного одеяния, преподобная мать Бронах. Когда вошел Северан, она захлопнула книгу, положила ее на колени и скривилась так, словно проглотила какую-то несъедобную дрянь.

Северан разглядел, что эта книга — перевод одного из самых длинных стихов Песни Света. Кажется, не ему одному захотелось сегодня помучить короля.

— Скажи, что у тебя есть новости! — воскликнул Мегрен в крайнем возбуждении, утирая пот со лба вышитым полотенцем. И, откинувшись на подушки, испустил шумный вздох.

Северан извлек из складок мантии туго скрученный свиток.

— Да, ваше величество, есть. Вот это доставили меньше часа назад.

Он протянул свиток королю, но тот вяло отмахнулся и продолжил вытирать лоб.

— Ох, да просто скажи, что там написано! Я умираю! Слов нет, до чего ужасные хвори свирепствуют в этой стране!

Преподобная мать Бронах поджала губы:

— Быть может, его величеству все-таки следовало бы задуматься о том, что эта болезнь — тяжкий урок, преподанный ему Создателем.

Мегрен громко застонал и в поисках поддержки глянул на Северана:

— Вот до чего я дошел! Вот что я слышу от изменницы, которая любезно беседовала с этим мятежным псом!

Преподобная мать стала мрачнее тучи.

— Не я устроила эту встречу, ваше величество. Скорее, виной всему маги, за которыми нужен более строгий надзор. — При этих словах она с подозрением покосилась на Северана, но тот демонстративно не заметил ее взгляда.

— Ваше величество, я всего лишь несу слово Андрасте и Создателя, и ничего более.

— Вот еще! — буркнул Мегрен и рухнул на подушки с видом побежденного.

Северан развернул свиток, заглянул в него, хотя и так знал, что там написано.

— Наш агент сообщает, что замысел увенчался успехом. Мятежники намереваются напасть на Западный Холм и ради этой цели собрали всех ферелденцев, которые пока еще не желают признавать тебя. Они даже согласились, чтобы она приняла участие в нападении.

Мегрен хихикнул и, выдернув носовой платок из груды таких же измятых и промокших платков, шумно высморкался.

— Она, стало быть, преуспела?

— О да. Мятежный принц, судя по всему, влюблен в нее по уши.

— И ради этого мы пожертвовали столькими шевалье? — фыркнул Мегрен. — Надо было нам раздавить их еще тогда, в Гварене. Сжечь дотла вместе с городом и сбросить пепел в море.

— Теперь мы сможем разделаться со всеми мятежниками разом, — заверил его Северан. — Обещаю: не пройдет и месяца, как принц Мэрик будет в твоих руках.

Король Мегрен на миг задумался, праздно теребя в пальцах засморканный платок. Затем снова поднес его к носу и поверх платка осторожно глянул на преподобную мать Бронах.

— Нет, — сказал он наконец. — Я передумал. Я хочу, чтобы его убили.

Северан нахмурился:

— Но ты говорил...

— А теперь говорю вот так!

Преподобная мать Бронах одобрительно кивнула:

— Его величество выразил свою волю, маг.

— Я слышал! — огрызнулся Северан и раздраженно скрутил свиток. — Не понимаю, ваше величество. Если бы ты хотел убить Мэрика, мы могли бы без труда...

— Я передумал! — взвизгнул Мегрен и тут же скорчился в приступе кашля. Наконец отдышавшись, он с несчастным видом глянул на Северана. — Не будет никакого суда, не будет подарка императору. Я... я хочу, чтобы он исчез! Сгинул бесследно! — Мегрен выразительно помахал рукой. — Мэрик должен погибнуть в сражении, а все остальное пусть идет по твоему плану.

— Это вы так желаете, ваше величество? Или так желает Церковь?

Преподобная мать Бронах окаменела, выпрямившись на табурете, и ее увядшие губы сжались в ниточку.

— Ни к чему выставлять напоказ ферелденцам последнего отпрыска Каленхада, — резко проговорила она. — Я напомнила его величеству, в чем состоит в данном случае его долг. Так будет лучше, и кончено.

Мегрена ее речь особо не порадовала, однако он рассеянно покивал в знак согласия. Потом схватил с ночного столика оловянный кубок с водой, жадно напился и рыгнул.

Северан окинул взглядом собеседников и нахмурился. Он надеялся, что, когда мятежного принца доставят во дворец живым, сумеет заполучить его в свои руки. Да, они ожидали, что в Гварене не обойдется без потерь, однако он так и не решился доложить, сколько именно шевалье погибло в бою. Хуже того, они потеряли троих магов, присланных Кругом Вал Шево. Северан получил взбучку от тамошних собратьев по ремеслу, и теперь ни они, ни ферелденские маги больше не желали с ним сотрудничать. Если бы мог, он раздавил бы селезенку Мэрика в кулаке, точно перезрелую сливу. Теперь же придется довольствоваться кем-нибудь другим.

Северан медленно поклонился:

— Мятеж будет уничтожен при Западном Холме, а Мэрик умрет. Без лишнего шума. Все будет согласно желанию вашего величества.

— И помни, мой добрый маг, — пробормотал Мегрен, жалко шмыгая носом, — на сей раз ты не должен меня подвести!

Северан, не сказав ни слова, вышел. Кажется, простуда короля не будет поддаваться магическому лечению на несколько дней больше, чем он вначале предполагал. Экая жалость!

Глава 11

Крепость Западный Холм давно обветшала, и в ее стенах привольно гуляли сквозняки. Эта каменная твердыня, оседлавшая гряду скалистых прибрежных гор, некогда служила для того, чтобы высматривать в море паруса корсаров из Вольной Марки, устраивавших набеги на побережье. С упадком вольного мореплавания и сама крепость пришла в упадок, и теперь ее высокие сторожевые башни по большей части пустовали. Сейчас крепость использовалась главным образом потому, что стояла над прибрежными трактами, по которым шли нечастые караваны из Орлея.

И все-таки вид у крепости был заброшенный. В ней по-прежнему стоял гарнизон вкупе с горсткой крестьян и слуг, которые заботились о его нуждах, но когда-то здесь размещалось гораздо больше солдат. Не сотни, как сейчас, а тысячи. Верхние ярусы крепости были закрыты, то же произошло и с большинством подземных помещений — теми, что не использовались под кладовые. Иные двери ни разу не открывали за несколько десятков лет. В недрах Западного Холма можно было запросто свернуть не в ту сторону и оказаться в темном коридоре, где лежали груды ветхой мебели, покрытой кусками холста и слоем пыли. В крепости водилось немало старинных призраков — по крайней мере, такие ходили слухи, — и местные жители говорили об этом только шепотом, словно опасаясь пробудить потусторонний гнев.

Катриэль затаилась в тени, вслушиваясь в посвист ветра высоко над головой во мраке потолочных балок. Она недолюбливала эту крепость. Слишком часто дела вынуждали ее проходить по безлюдным коридорам, где мертвую тишину нарушал только звук ее собственных шагов.

Всего неделя минула с тех пор, как Катриэль и другие агенты мятежников прибыли сюда, по одному проникнув внутрь и заняв свои места среди слуг. Катриэль прошла в крепость вместе с прачками — на замену пожилой крестьянке, которая захворала и вынуждена была вернуться в родную деревню. Стража не удостоила Катриэль лишним взглядом, да и с какой стати? Она бывала тут и прежде.

Прежде чем проникнуть в окружение принца, она почти год втиралась в доверие к

тайным сторонникам мятежа и понемногу стала для них незаменимой. Она соблазнила одного стражника, чтобы тот представил ее эрлу Байрону как надежного осведомителя, — а это все, что было нужно. Стражник вскоре после того исчез без лишнего шума.

И вот теперь она вернулась. Всю неделю она оставляла записки в условленных местах и заметила, что другие агенты мятежников пропали бесследно. То же произошло и с тайными сторонниками мятежа — простыми людьми, с которыми она так долго трудилась бок о бок. Катриэль быстро заглушила вспыхнувшее было сострадание.

Она не могла рисковать. При дворах имперской аристократии невинных не было — были, как гласит пословица, только дураки и те, кто использует дураков в своих интересах. Всякий, кто обладал хоть какой-то властью, вынужден был играть в ту же игру, что и вся прочая знать. Будь то скучающая супруга провинциального чиновника или светский лев, живущий в роскошном столичном особняке, — всякий шел к своей цели по чужим головам. Чтобы выставить себя в лучшем свете, других надлежало очернить, и наилучшими орудиями, с помощью которых пробивали себе дорогу в жизни, были клевета и интриги. То была кровавая игра, и всякий, кто оказывался в нее втянут, либо входил во вкус, либо очень скоро исчезал со сцены.

За все годы, проведенные в Орлее, Катриэль ни разу не встречала игрока, который не заслуживал бы своей участи. За всякой улыбкой прятался кинжал.

Но ведь здесь не Орлей, верно? Здесь все по-другому. У здешних людей жизнь суровая, но они прямо смотрят друг другу в глаза. Катриэль долго привыкала к этому.

А тут еще и Мэрик... Катриэль поймала себя на том, что улыбается при мысли о светловолосом принце. Глупыш... При аристократических дворах Вал Руайо он не прожил бы и пяти минут. Если бы Катриэль раньше знала, что завоевать его доверие окажется так легко... До чего же он пылкий!

И при этом настолько похож на свою родину. Никакой фальши. Катриэль думала, что отыщет в нем какие-нибудь тайные пороки, скверну, затаившуюся под блистательным внешним слоем, но ничего не находила. Просто потому, что он недалеко, говорила она себе, и все же в ту первую ночь, когда Мэрик взглянул ей в глаза, даже ей оказалось трудно сохранить хладнокровие. Мастер, который много лет обучал Катриэль ремеслу барда, не похвалил бы ее за такую слабость.

И все-таки грустно будет видеть, как такого человека бросят в темницу. Его улыбка навсегда скроется во тьме подземелий, и больше ее уже никто никогда не увидит, потому что такие люди, как Мегрен, прекрасно знают: игра существует везде, даже здесь, в Ферелдене.

Снова в потолочных балках завыл ветер, и сорвался в полет всполошенный голубь. Хлопанье крыльев над головой едва не заглушило тихий звук приближающихся шагов.

Катриэль повернулась навстречу неясной фигуре, нащупав спрятанный под плащом кинжал. Как-то один юный аристократик стал насмехаться, когда Катриэль наставила на него этот небольшой кинжал, но смех его тотчас оборвался — лезвие рассекло горло, прежде чем он успел хоть пальцем дотронуться до нее. Катриэль почти не сомневалась, что человек в плаще — тот самый загадочный связной, которому она отправляла донесения с самого прибытия в крепость, однако осторожность еще никому не повредила.

Человек остановился в паре шагов от нее, слегка поклонился в знак приветствия. Катриэль кивнула ему, но не произнесла ни слова. Плащ на нем был грязный, и она не могла определить на глаз, скрываются ли под ним доспехи. Человек откинул капюшон, открыв смуглое, с острыми чертами лицо ривейнца. Среди обитателей крепости Катриэль его раньше не видела. Стало быть, тайный агент? Что же, в Западном Холме и вправду есть где прятаться.

— Ты — Катриэль, — сказал ривейнец. Говорил он отрывисто, с сильным акцентом.

— А ты — человек Северана.

Он ожег девушку гневным взглядом:

— Тебе не следует, эльфийка, так небрежно произносить имя нашего благодетеля.

— А тебе следует помнить, что эту крепость вам преподнесла я. — Катриэль с

интересом изогнула бровь. — Я так понимаю, с другими агентами мятежников вы уже разделались?

Ривейнец коротко кивнул:

— Мы ждали до минувшей ночи, как ты и наказывала.

— Я хотела дождаться, пока придет последнее сообщение из мятежной армии. — Сунув руку под плащ, Катриэль достала туго скрученный свиток. Она протянула свиток ривейнцу, но тот и не шелохнулся, чтобы его взять. — Мятежники шли по горам небольшими отрядами и к утру все будут на месте. Они пойдут в атаку, едва откроются ворота, как я и обещала.

— Они уже открываются. — Ривейнец холодно усмехнулся. — За западной грядой затаилась огромная армия, готовая нанести удар. Мятежников раздавят. Северан будет доволен. Он велел передать, что ты, как было обещано, получишь щедрую награду.

— Есть только одна сложность. — Катриэль в задумчивости постучала скрученным пергаментом по лбу. — Принца Мэрика с армией не будет. К югу от Западного Холма будет разбит лагерь, где он и останется на все время боя.

— Знаем, — резко перебил ривейнец, и в его голосе зазвенело нетерпение. — Этим уже занимаются.

Катриэль помедлила, хмурясь:

— Занимаются? Что ты хочешь этим сказать? Меня наняли для того, чтобы я лично доставила принца королю Мегрену. Вряд ли я смогу это сделать, если...

— Этим займутся, — раздраженно отрезал ривейнец. — Мятежный принц больше не твоя забота. Он должен умереть, а потому умрет, как только начнется бой.

— Что?! — Катриэль гневно шагнула к нему. Черные глаза ривейнца настороженно следили за каждым ее движением, однако он не дернулся и не отступил. — Какая чушь! Я могла бы устранить принца еще в первую нашу ночь! Что все это значит?

Ривейнец пожал плечами:

— Какая разница? Рано или поздно этого дурачка все равно казнили бы. Так, по крайней мере, он умрет быстрее и легче, верно? — Он ухмыльнулся, понимающе глядя на Катриэль. — Говорят, он красавчик. Ты сделала то, ради чего тебя послали. Теперь все кончено.

— Меня послали, чтобы сдать его, а не убить! — упрямо возразила Катриэль.

— Так ты его и сдала. Вместе со всей его армией. Нам. — Рука ривейнца плавно скользнула под плащ. Катриэль не подала виду, что заметила это движение, и все так же твердо смотрела в его холодные глаза. — Я пришел сюда, эльфийка, чтобы передать тебе новый приказ. Жаль будет, если мне придется сообщить Северану, что его шпионочка совершенно случайно погибла во время штурма.

Катриэль молчала, оценивая ситуацию. Напряженную тишину нарушал только пронзительный свист ветра в балках.

— Я не служу Северану, — наконец четко проговорила она.

— Да ну? Разве он тебя не нанял?

— Меня доставили сюда, заплатив за это немалую цену, чтобы я сделала единственное дело. Когда это дело завершится, между нами все будет кончено.

Ривейнец негромко, зловеще хохотнул:

— Значит, и с тобой сейчас все будет кончено.

Он выхватил было клинок, собираясь броситься на нее, но Катриэль его опередила. Ривейнец едва успел сделать шаг, и глаза его округлились, когда лезвие кинжала по самую рукоять вошло в горло. Зашатавшись, он испустил хриплый сдавленный стон, выдернул кинжал из раны и ошеломленно уставился на кровь, которая фонтаном хлынула из горла, заливая одежду.

Тогда ривейнец беспомощно глянул на Катриэль, и она пожала плечами:

— Видимо, Северан не все тебе рассказал. Я не только шпионка. И не только эльф.

Голос ее звучал холодно, и, когда связной все же бросился на нее с коротким мечом, она лишь отступила в сторону, позволив ему повалиться на колени.

Ривейнец еще долго хрипел и булькал, а Катриэль бесстрастно следила за ним. Затем она шагнула ближе и, наклонившись, вырвала из его руки свой окровавленный кинжал. Человек выпустил его почти без сопротивления и рухнул на пол. Вокруг него быстро растекалась лужа крови, особенно яркой на фоне потускневших от времени каменных плит. Какие бы призраки ни рыскали в этой крепости, они наверняка уже собрались поприветствовать нового собрата.

«А скоро их будет еще больше», — мрачно подумала Катриэль.

Она стояла, задумчиво глядя сверху вниз на труп Северанова посланца, и размышляла, как же теперь быть. Строго говоря, она защищала свою жизнь. В глубине души Катриэль несказанно злило, что Северану вздумалось поменять условия их соглашения, а если он и впрямь велел агенту разделаться с ней, стало быть, он еще глупее, чем она думала.

Ну да как бы то ни было, все кончено. Орлесианцы явно решили самостоятельно разделаться с Мэриком. Теперь Катриэль может уйти, а насчет ривейнца сказать все, что заблагорассудится, — все равно его тело скоро затеряется среди множества других трупов. Если Северан и в самом деле пытался ее предать, что ж, она и с этим справится. Самое разумное будет убраться отсюда до того, как начнется бой.

Отчего же тогда она так и не двинулась с места?

«Все еще не кончено, — ответила себе Катриэль. — Совсем не кончено».

Эта мысль, пронизывая ее, была невозможной, невероятной, и тем не менее Катриэль не могла ее отогнать. Даже если бы она сейчас и сумела как-то помочь Мэрику, он не будет ей за это благодарен. Она уже отдала его на заклятие врагу, так какой же в этом смысл? Как сказал ривейнец, если Мэрик не умрет сейчас, он наверняка умрет позже.

Перед мысленным взором Катриэль промелькнуло его лицо. Эти невинные, такие доверчивые глаза... А когда он касался ее той ночью в шатре, он был так нежен. Куда более нежен, чем она ожидала.

Катриэль глянула на свои руки и вдруг ужаснулась тому, сколько на них крови. Она сняла с головы шарф, принялась вытирать руки и кинжал, при этом старательно напоминая себе, что значит быть бардом.

Барду надлежит знать историю, чтобы не повторять ее. Бард рассказывает легенды, но не становится частью легенд. Бард наблюдает, но остается выше того, что видит. Бард разжигает страсти в других, но управляет собственными страстями.

Впрочем, это бессмысленно. Катриэль остановилась, потому что шарф уже насквозь пропитался кровью, а руки ее ничуть не стали чище.

Издали донесся приглушенный лязгающий звон — это открывались ворота крепости.

Эльфийка отшвырнула шарф и бросилась бежать.

— Генерал, ворота открываются!

Логэйн кивнул и продолжал с расстояния наблюдать за крепостью. До сих пор все шло по плану, и это начинало его беспокоить. В плавании по штормовому Недремлющему морю мятежникам не повстречался ни один корабль — ни пираты, ни орлесианские фрегаты и никто иной. Никакие вражеские войска не поджидали их в песчаной бухте, где они высаживались на утлых шлюпках, ни одна засада не подстерегала, когда они, развернув войска, двинулись в скалистые прибрежные горы. Ни один офицер не сообщил о том, что встретил хоть какое-то сопротивление. И если не считать пары-тройки запоздалых торговых фургонов, которые стремились избегать главных трактов, им навстречу не попался вообще никто.

Логэйн встал лагерем на востоке от крепости — старинного и мрачного каменного стража, который с высоты гор Угрюмо взирал на раскинувшееся под ним море. Высокие башни вызывали у Логэйна немалую тревогу, хотя Катриэль и другие осведомители мятежников уверяли, что в этих башнях часовых размещают крайне редко, — на самом деле, если бы кто и решился подняться по лестнице на древнюю сторожевую площадку, ветхие доски, скорее всего, проломилась бы под его тяжестью. Стало быть, вполне вероятно, что

никто не увидит ни солдат Логэйна, ни войско эрла Рендорна, засевшее на западе.

И тем не менее Логэйну не давало покоя, что все идет так гладко. Втайне он надеялся, что еще до их отплытия враг попытается нанести удар по Гварену, что они наткнутся на засаду, что в крепости поднимут тревогу — что угодно, только бы он мог успокоиться. Под началом Логэйна было свыше четырех сотен солдат, а эрл Рендорн вел за собой еще более крупные силы, и это внушительное войско они без труда собрали к назначенному сроку благодаря пополнению, которое прислали банны, примкнувшие к мятежу в Гварене. Любой из этих новобранцев мог оказаться предателем. Мятежники проявляли крайнюю осторожность, и все равно Логэйн не находил себе места оттого, что все шло без сучка без задоринки.

Мэрик, само собой, был этим чрезвычайно доволен и подсмеивался над тем, что молодой генерал сам рвется навстречу неприятностям. Логэйну до смерти хотелось врезать ему кулаком, чтобы стереть с лица дурацкую ухмылку, — вот только устраивать такое на глазах у всей армии было бы, пожалуй, не слишком благообразно.

— Пока стоим на месте, — сказал он лейтенанту. — Первым пойдет в атаку эрл Рендорн.

Офицер отдал честь и отправился передавать приказ войску. Неподдалеку несколько «ночных эльфов» заботливо ощупывали луки, устроившись повыше, чтобы наблюдать за ходом боя. Логэйн помахал рукой одному из них:

— Ну как, что-нибудь видно?

Эльф пристально взгляделся в даль, ладонью прикрывая глаза от солнца.

— Кажется... ага, вот двинулся эрл Рендорн.

Он не ошибся. Логэйн смотрел, как большой вооруженный отряд вышел к подножию горы и стал подниматься по тропе к открытым воротам. Заметно было, что в самой крепости началась суматоха, однако сопротивления пока никто не оказывал. Логэйн почти ожидал, что ворота вот-вот захлопнутся, однако громадные створки не шелохнулись. Катриэль в последнем послании сообщала, что поворотный рычаг можно без труда вывести из строя, а это значило, что закрыть ворота будет нелегко. Сдается, пока что она не врала.

Но ведь не может все быть так легко, не может! Если солдаты эрла ворвутся в крепость, они за какой-нибудь час одолеют ее защитников. Отряду Логэйна, может быть, даже и не придется вступать в бой. Неужели им и впрямь удалось застать узурпатора врасплох? Неужели такое возможно?

И словно в ответ на эти мысли Логэйн услышал топот скачущего во весь опор коня и выкрики солдат. Он повернулся в седле и с изумлением увидел, что к нему скачет Роуэн в доспехах, но с непокрытой головой. Она погоняла коня изо всех сил, и лицо ее блестело от обильного пота.

Но хуже всего было то, что в глазах ее был неприкрытый ужас.

«Так я и знал!», — мысленно ругнулся Логэйн. Не колеблясь он пришпорил коня и галопом поскакал вниз по склону навстречу девушке. И многие его солдаты встрепенулись, почуяв неладное.

— Логэйн! — Роуэн, едва он доскакал до нее, резко осадил коня. — На лагерь напали! Мэрик в беде!

— Что?! Кто? Кто напал на лагерь?

Роуэн хватала ртом воздух, пытаясь отдышаться. Конь под ней нервно гарцевал, и ей едва удавалось удерживаться в седле.

— Кое-кто из моих разведчиков не вернулся... мы думали, что они задержались где-то или дезертировали, но... — Она отчаянно помотала головой. — Я взяла нескольких людей и поехала глянуть, что к чему. Сюда движется целая армия! — Роуэн глянула на Логэйна округлившимися от ужаса глазами. — Узурпатор... он здесь... они все здесь!

Логэйн похолодел. Стало быть, врагу все известно. И их тут ждали.

— Я послала людей, чтобы попытались предупредить отца, — неживым голосом продолжала Роуэн, — а сама поскакала в лагерь сообщить обо всем Мэрику. Но лагеря

больше нет. На него напали. Я не знала... не знаю...

Она смолкла, не в силах продолжать, и только смотрела на Логэйна так, словно он способен был все исправить.

Логэйн задумался, конь под ним нетерпеливо заржал. Затем юноша поглядел на Роуэн и коротко кивнул:

— Едем. Надо его найти.

— Найти? Как мы его найдем?

— Наверняка остались следы. Надо их отыскать, и поскорее.

Роуэн с явным облегчением кивнула и развернула коня. Солдаты возбужденно переговаривались, страх охватывал их все явственнее, и встревоженные голоса становились все громче.

— Генерал! — К Логэйну подбежал взволнованный лейтенант, за ним еще несколько офицеров. — Что происходит? Вы уезжаете?

Логэйн остро глянул на него:

— Да, уезжаю. Ты остаешься за главного.

Лейтенант побелел как мел:

— Что?

— Выполняй приказ! — бросил Логэйн. — Веди солдат в атаку, ворвитесь в крепость и помогите эрлу. Сюда идет армия короля.

Страх, охвативший людей, усилился. Лейтенант уставился на Логэйна с откровенным ужасом:

— Вести людей?.. Но...

— Мэрик... — начала Роуэн.

Логэйн мрачно глянул на нее:

— Мэрику нужна наша помощь. Хочешь остаться?

Роуэн оглянулась туда, где сражались солдаты отца, и в глазах ее промелькнула тень вины. Затем она неохотно покачала головой. Логэйн прищипорил коня, и они вдвоем поскакали прочь, бросив за спиной охваченного паникой лейтенанта и оставшуюся часть мятежной армии. Логэйн чувствовал, как непривычно холодеет внутри. Все рухнет, все вот-вот рухнет, вот сейчас, сию минуту ускользает из рук...

Но это не важно. Если они победят, а Мэрик погибнет что за прок от такой победы? Нет, они найдут Мэрика, даже если это означает забыть свой долг, найдут и спасут или отомстят за его смерть. Это его долг перед другом. На скаку Логэйн обменялся взглядами с Роуэн — ее терзали те же чувства. Вот почему она бросилась за помощью именно к Логэйну — знала, что он не откажет.

Эрлу придется справляться одному.

Превозмогая боль в ноге, Мэрик скакал напролом через лес. Конь под ним дергался и жалобно ржал, но страх нещадно гнал его вперед. Принц был уверен, что коню тоже досталась пара стрел, но остановиться и осмотреть животное было некогда. Из всех сил Мэрик вцепился в шею коня, жмурясь, когда нижние ветки хлестали его по лицу. Он понятия не имел, где находится, куда скачет и намного ли отстали враги.

В какой-то момент конь свернул с тропы в кое-где поросшие лесом холмы, и Мэрику пришлось в голову, что там он, быть может, сумеет оторваться от погони. Правда, скачка по лесу не доставила ему много радости. Всякий раз, когда конь перепрыгивал через поваленное дерево или выпиравший из земли корень, рана в ноге, пронзенной стрелой, отзывалась мучительной болью. Мэрик из последних сил преодолевал слабость. У него не было ни седла, ни доспехов, правда, меч он все-таки успел прихватить.

Все произошло так быстро. Только что он наблюдал за армией, которая двинулась в бой, и сетовал, что не может присоединиться к солдатам, — и вот уже его немногочисленную стражу рубили на куски прямо перед шатром. У Мэрика едва хватило времени, чтобы запрыгнуть на ближайшего коня. Телохранители ценой своей жизни задержали врага на

несколько секунд, но не более.

Мысли Мэрика лихорадочно метались. В каком направлении он скачет — к месту сражения или от него? Каким образом враги выяснили, где находится лагерь? Откуда они вообще узнали, что он не станет принимать участия в битве?

Свет предзакатного солнца тут и там пробивался сквозь кроны деревьев, и оттого лесные тени становились гуще. Мэрик никак не мог разобраться, куда сворачивать. Порой ему чудилось, что он видит начало тропы, но тут же она исчезала бесследно. Поборов приступ головокружения, Мэрик вдруг осознал, что все чаще позволяет коню самому брести, куда ему вздумается. Вполне вероятно, что конь уже повернул назад и теперь движется напрямик навстречу его преследователям.

Внезапно он ощутил резкий толчок, и неведомая сила сбросила его с коня, угодившего ногой между двумя корнями. Нога с пугающим треском переломилась, и животное тоненько заржало от боли. Мэрик, извиваясь, пролетел пару шагов и с размаху врезался в ствол громадного дуба. Сила удара едва не вышибла из него дух.

Он сполз по стволу и ударился головой о неровную твердую землю. Что-то вспыхнуло перед глазами, и Мэрик впал в оцепенение. Он едва различал отчаянный визг коня, который рухнул наземь и забился в судорогах. Казалось, этот звук доносится из не постижимой дали и к нему, Мэрику, не имеет ни малейшего отношения. Жгучая боль в раненой ноге также ощущалась весьма смутно.

Так он и лежал навзничь, глядя на высокое небо и макушки деревьев, чуть заметно колеблемые ветром. Было зябко. Легкий ветерок касался его лица, по темени щекотно ползла струйка крови. Вспомнилась ночь, когда убили мать, вспомнилось безоглядное бегство через лес... В этом воспоминании, однако, не оказалось ничего пугающего — скорее оно было мирным и почти приятным, словно Мэрик мог в любое мгновение воспарить и унести прочь отсюда.

Крики, раздавшиеся неподалеку, грубо вернули его на грешную землю. Конь все визжал от боли, бился в судорогах, расшвыривая комья земли и сухие листья. От этого шума у Мэрика разболелась голова. Он был весь покрыт грязью, ушибленная спина ныла, и все же Мэрик нашел силы подняться хотя бы на колени.

Мгновение он различал только деревья и яркий свет. Когда головокружение усилилось, принц расставил пошире руки, чтобы сохранить равновесие, но все равно упал. Он ударился лбом о корни деревьев, облепленные стылой грязью, и зашипел, на миг ослепнув от нового приступа непереносимой боли.

— Я его вижу!

Этот приглушенный выкрик принадлежал отнюдь не другу.

Собрав все силы, Мэрик кое-как встал. В раненой ноге пульсировала боль, и было ясно, что долго ему так не выстоять. Он заскрежетал зубами, преодолевая боль, протер заслезившиеся глаза и осторожно попятился, разглядев силуэты приближавшихся людей. Всего их было, кажется, восемь — солдаты в кольчугах. Спешившись, они все вместе двинулись к Мэрику.

Он отступил к дубу, привалился спиной к его стволу, чтобы тверже стоять на ногах. Рукоять меча едва не вывернулась из онемевших пальцев. «Превосходно, — подумал Мэрик. — Вот как, стало быть, я умру? Меня прирежут, точно зазевавшегося теленка?»

Солдаты выглядели весьма уверенно. Их добыча была опасна, как бывает опасен загнанный в угол волк: не остережешься — цапнет, но деваться-то ему некуда. Неподалеку жалобно заржал конь, попытался встать, но тут же бессильно рухнул наземь.

— Ну и что ты собрался делать с этим мечом? — насмешливо выкрикнул один из солдат.

Он был хорош собой, черноусый, с аккуратной бородкой, и в голосе его явственно звучал орлесианский акцент. «Офицер, наверное», — подумал Мэрик.

— Ну-ка, брось эту штуку, дурачок! И так вот-вот выронишь.

Солдаты захохотали и подошли поближе. Мэрик изо всех сил стиснул рукоять меча и,

стараясь не обращать внимания на боль в ноге, заставил себя выпрямиться. По-звериному оскалясь, он ткнул мечом в сторону солдат — в каждого по очереди.

— Ты так думаешь? — вполголоса и зловеще осведомился он.

Блефовал он плохо. Черноволосый офицер хохотнул:

— Тебе же будет лучше, если мы управимся по-быстрому. В эту минуту король Мегрен уже всю колошматит твое жалкое воинство. Мы вас все это время тут поджидали.

От неожиданности Мэрик едва не потерял равновесие.

— Ты... ты лжешь!

Быть того не может, чтобы этот офицерик говорил правду! Тем не менее его слова объясняли многое. То, например, откуда враги узнали, где находится Мэрик. Неужели им с самого начала подстроили ловушку? Но как, каким образом?

Ухмылка офицера стала еще шире.

— Ну хватит! — Он нетерпеливо махнул рукой и повернулся к остальным солдатам. — Кончайте с ним, — приказал он.

Солдаты медлили — никому из них не хотелось первым наткнуться на меч Мэрика.

— Живо! — рявкнул офицер.

Принц напрягся, изготвившись к бою, и двое солдат разом бросились на него. Они всю размахивали мечами, однако удары их были неуклюжи. Мэрик увернулся от одного выпада и, выставив перед собой меч, отразил другой. Все его тело отозвалось мучительной болью, но он превозмог ее. Меч принца достиг цели и полоснул противника наискось по лицу. Солдат зашатался, закрываясь руками.

Прочие солдаты попятились, опасливо косясь на своего раненого товарища, который рухнул на землю, вопя от мучительной боли. Теперь на их лицах было написано сомнение: похоже, добыча оказалась не такой беспомощной, как они думали вначале.

— Кончай его, говорю! — взревел за их спинами офицер. — Ну, все разом!

Солдаты вскинули мечи, стиснули зубы, словно не слыша воплей раненого. Они готовились исполнить приказ командира.

Ярость закипала внутри. Перед мысленным взором принца промелькнуло видение: его собственная голова, торчащая на шесте перед королевским дворцом в Денериме, рядом с головой матери, и лицо Мегрена, который самодовольно хохочет, глядя на это зрелище. И вот так все закончится? После всего, чего ему удалось добиться? Друзья погибнут, мятеж будет раздавлен? Все было напрасно?

Мэрик вскинул меч высоко над головой и испустил яростный крик. Эхо прокатилось между деревьями и спугнуло стайку птиц. Пусть подходят. Пусть попробуют убить. Он уж постарается забрать с собой как можно больше врагов; они станут уважать имя Тейрина!

Его крик несколько не впечатлил солдат. Они изготовили мечи... и замешкались.

За спиной у них раздался еще один звук — приближающийся топот копыт. Мэрик поднял взгляд и сквозь пелену пота, заливавшего глаза, разглядел, что в полумраке между деревьями несутся во весь опор двое всадников. Подкрепление? Полноте, да нужно ли оно? У них и так немалый численный перевес.

Красавец-офицер обернулся на стук копыт, раздраженно вскинул руку, словно хотел махнуть вновь прибывшим, чтобы убирались прочь, — и стрела, вылетевшая из полумрака, с убийственной меткостью воткнулась ему в грудь. Орлесианец потрясенно уставился на древко — как если бы не верил своим глазам.

Кони резко остановились, всадники стремительно спешили. Мэрик напряг зрение, сию секунду разглядеть их в полумраке. Женщина в массивных доспехах сразу же бросилась к солдатам. Ее спутник держал в руках длинный лук и, едва его ноги коснулись земли, пустил вторую стрелу. Со свистом прорезав воздух, она вонзилась в глаз офицера-орлесианца. Сила удара опрокинула его навзничь.

На Мэрика нахлынуло безмерное облегчение. Можно было не гадать, кто это.

— Мэрик, ты цел? — крикнул Логэйн, снова спуская тетиву.

Стрела просвистела мимо, едва не задев одного из солдат. Роуэн обрушилась на них,

описав мечом широкую дугу. Один из солдат с немалым трудом отразил ее удар, но от толчка потерял равновесие. Враги в смятении рассыпались.

— А что, сам не видишь? — прокричал в ответ Мэрик. — Что вы тут делаете? Где армия?

Вражеские солдаты, придя в себя, разделились, и Мэрику стало труднее следить за происходящим. На него набросились сразу двое, и их первая атака едва не оказалась и последней. Стремясь поскорее вывести принца из строя, солдаты обрушили на него такой град ударов, что он едва Успевал отражать их, и рука, сжимавшая меч, онемела.

— Тебя спасаем, болван! — долетел сбоку выкрик Роуэн.

Мэрик смутно осознавал, что она сражается сразу с несколькими противниками, но что именно происходит, разглядеть не мог. Судя по звукам, девушка пока побеждала, но можно было лишь гадать, долго ли она так продержится. Наверняка дольше, чем он сам.

От праздных размышлений Мэрика грубо оторвало острие меча, воткнувшееся в ключицу. Закричав от боли, принц отбил вражеский клинок, но солдаты удвоили натиск.

— Мэрик! — услышал он тревожный крик Логэйна.

Свистнула стрела — и один из противников пронзительно закричал, пытаясь ухватиться за древко, торчащее в спине. И повалился на землю, извиваясь всем телом. Второй солдат потрясенно уставился на товарища, и Мэрик, пользуясь случаем, проткнул его мечом. В этот удар он вложил весь остаток сил, да еще пришлось несколько раз налечь всем весом на рукоять, и всякий раз изо рта солдата толчками вырывалась алая кровь.

Он повалился навзничь, принц зашатался, едва не рухнув на поверженного противника, но все же сумел удержаться на ногах.

Руки у Мэрика тряслись от изнеможения. Подняв голову, он увидел, что рядом Логэйн и Роуэн ведут яростный бой с четырьмя солдатами. Генерал бросил лук и присоединился к девушке, но эти оставшиеся противники сражались не на жизнь, а на смерть. В воздухе стоял оглушительный звон мечей. Мэрик всей душой рвался прийти на помощь друзьям, но сейчас всех его сил хватало только на то, чтобы не потерять сознание.

Он оглянулся, услышав топот бегущих ног. Надежды рухнули, когда он увидел, что через лес бегут несколько солдат узурпатора. Они тыкали пальцами в его сторону и яростно кричали.

— Мэрик! — закричала Роуэн, и в голосе ее прозвенел страх. — Беги, пока можно! Нам их долго не сдержать!

Собрав остатки сил, Мэрик проковылял к убитому солдату и с огромным трудом выдернул из него свой меч. Сил у него почти не осталось. И все равно он не станет спасать свою шкуру, бросив друзей на произвол судьбы. Пока жив, пока дышит, он останется с ними.

Роуэн наконец пробила защиту одного из противников и взмахом меча перерезала ему горло. Хлынула кровь, солдат зашатался, хрипя, а Роуэн уже развернулась к другому. Логэйн, стискивая зубы, отбивался от врагов, но было ясно, что трое подбегающих солдат очень скоро одолеют их обоих.

— Беги, Мэрик! Беги! — яростно крикнул Логэйн.

— Ни за что! — рявкнул в ответ принц.

Одной только силой воли он вынудил себя встать; ноги его дрожали. Снова донесся топот копыт, и принц обернулся, уверенный, что сейчас появится еще один орлесианец. Однако всадник в плаще с капюшоном на полном скаку направил коня прямо на солдат. Те слишком поздно сообразили, что вновь прибывший отнюдь не их союзник, и, захваченные врасплох, обернулись в то самое мгновение, когда конь затоптал одного из них.

Его товарищ попытался отскочить в сторону, наткнулся на деревья, в безнадежной попытке спастись упал ничком на землю, но подкованные копыта неумолимо обрушились и на него.

Третьему солдату все же удалось отползти от смертоносных копыт. Конь осадил и взвился на дыбы, громко заржав, а всадник в плаще соскользнул с седла. Мэрик понял, что это женщина — в синем капюшоне и черном кожаном костюме, а когда она выхватила из

ножен кинжал и прыгнула на третьего солдата, капюшон свалился на спину, открыв заостренные уши и копну вьющихся светлых волос.

Это была Катриэль.

Мэрик ошеломленно смотрел, как она, оседлав солдата, наносит ему быстрые удары кинжалом. Солдат отчаянно пытался защититься, но с каждым новым ударом его попытки становились все слабее. Высоко занеся кинжал, Катриэль вонзила его в шею солдата и распорол горло. Кровь брызнула на плащ, потекла с лезвия на руку. В глазах Катриэль горела неумолимая злоба.

Осознав, что подмоги не дождаться, оставшиеся солдаты запаниковали. Роуэн удвоила натиск, выбила у одного из них меч и взмахом клинка отсекла руку. Логэйн, развернувшись, пнул своего противника, и девушке оставалось лишь подставить меч — солдат напоролся на него и обмяк.

Последний выживший развернулся и с воплями ужаса опрометью бросился в лес. Логэйн скривился, отшвырнул прочь залитое кровью оружие и подобрал лук. Стрела пролетела между деревьями и глубоко вошла в спину солдата. Тот, застонав, упал, прокатился по влажной земле, по палым листьям, замер и больше уже не шевелился.

И опять наступила мертвая, сверхъестественная тишина.

Роуэн, тяжело и часто дыша, вытерла пот со лба. Логэйн повернулся к ней, положил руку на плечо, оглядел с головы до ног, не ранена ли. Роуэн лишь кивнула и жестом указала на Мэрика.

— Обо мне не беспокойся, — почти беззвучно выдохнула она.

Мэрик молчал, потрясенный до глубины души. Катриэль по-прежнему восседала на трупе убитого ею солдата, все так же цепко сжимая в руке кинжал с зазубренным лезвием. И настороженно озиралась, словно ожидала, что из полумрака вот-вот выскочат новые враги. Высоко над головой вспорхнула с макушки дерева всполошенная стайка птиц. Повсюду валялись трупы, и воздух был пропитан запахом свежепролитой крови.

— Э-э-э... Катриэль? — вслух окликнул Мэрик. Голос его дрожал.

— Ваше высочество. — Она осторожно кивнула, не сводя с него зеленых глаз. Потом сунула кинжал в ножны у пояса и медленно встала, запахнув синий плащ.

— Я же говорил... чтобы ты не звала меня так...

Мэрик безумно ухмыльнулся. Голова у него пошла кругом, и снова он ощутил странное отчуждение, будто Логэйн, Роуэн и Катриэль смотрели на него из невероятного далека. Силы вдруг покинули его — так стремительно, словно кто-то открыл невидимую заслонку и выпустил их наружу.

Принц потерял сознание.

— Мэрик! — закричала Роуэн, бросаясь к нему.

Он был весь изранен и бледен, но особенно зловеще выглядел обломок стрелы, торчавший из бедра. Коснувшись Мэрика, Роуэн сразу поняла, что он жив. Его трясло, он потерял много крови, но все-таки он был жив.

— Он... — Логэйн не договорил слова «умер», страшась подойти ближе.

Роуэн покачала головой:

— Нет. Пока еще нет.

Катриэль отошла от убитого солдата и приблизилась к Роуэн. Сняв с плеча небольшой дорожный мешок, она протянула его девушке.

— У меня есть бинты и кое-какие мази, — тихо проговорила она. — Они могут пригодиться.

Роуэн с подозрением глянула на нее, но взяла мешок.

— Спасибо, — через силу пробормотала она и, стянув латные перчатки, принялась рыться в мешке.

Логэйн пристально и с любопытством смотрел на Катриэль. Эльфийка будто почувствовала это, и взгляды их встретились. В глазах ее не было ни малейшего намека на то,

о чем она думает.

— Ты что-то хотел спросить, господин мой?

— Да просто гадаю, как ты здесь очутилась.

Катриэль указала жестом на коней, которые топтались под деревьями, а иные уже в беспокойстве начали разбредаться.

— Разве ты не видел, как я сюда прибыла?

— Просто твое прибытие показалось мне... своевременным.

Катриэль, похоже, ничуть не задело сомнение, прозвучавшее в его словах.

— Я появилась тут не случайно, господин мой. Я подслушала, как эти люди толкуют о нападении на принца, но посылать сообщение было уже поздно. После того как ворота открылись, я последовала за ними. — Катриэль глянула туда, где лежал Мэрик, и на лице ее отразилась неприкрытая тревога. — Признаться, я не очень хорошо представляла, что смогу сделать. Его высочеству повезло, что вы оказались здесь.

Роуэн выпрямилась.

— Мэрик поправится, — сказала она, прерывая их разговор, — но мы должны вернуться. Кто знает, что там за это время могло произойти?

Логэйн поглядел на Катриэль:

— Ты что-нибудь видела по дороге сюда?

— Только что сражение началось.

— Проклятие! Тогда нам придется поспешить.

Мэрика уложили на коня, и они все вместе поскакали назад к Западному Холму. Определить, в какой стороне находится крепость, было нетрудно: издалека были видны громадные клубы черного дыма. Казалось, что огнем объят весь лес, а может быть, горела только сама крепость. Скорее всего, этот огонь был магического происхождения, но кто его зажег — Вильгельм или маги узурпатора, — понять было невозможно.

Уже подъехав ближе, они дважды вынуждены были свернуть в сторону, потому что столкнулись с врагом. В первый раз это произошло как раз на выезде из леса. Они наткнулись на четыре сотни солдат, шагавших строем по дороге. При виде всадников солдаты разразились громкими криками, но те сумели уйти от погони. Со всеми предосторожностями проехали они через предательский лес, но увидели только строй солдат в лиловых мундирах, который двигался на север.

Логэйн велел поворачивать, и мятежники двинулись на восток. Когда они наконец выбрались из зарослей, перед ними предстало ужасное зрелище. Поле боя было усеяно телами. Острый и густой запах крови висел над этим полем, и лишь кое-где слышны были тихие мучительные стоны. Сражение откатилось в горы, но даже здесь можно было слышать лязг оружия. Битва продолжалась.

Невозможно было не заметить, что большинство убитых — солдаты мятежной армии. Роуэн смотрела на это зрелище, не отводя глаз, лицо ее окаменело. Логэйн подумал: даже к лучшему, что Мэрик без сознания и не может увидеть все это.

Определить, где идет бой, им так и не удалось. Ветер переменился, и дым окутал их, затрудняя дыхание и размывая очертания. Несколько раз они видели смутные силуэты бегущих куда-то людей, но Логэйн пока предпочитал держаться от них подальше. Он должен найти эрла Рендорна, но где сейчас основные силы мятежников? Заперлись в крепости? Бежали?

Чем дальше ехали всадники сквозь густую пелену дыма, тем громче становились крики и шум сражения, и вскоре они наткнулись на отряд шевалье. Пришлось спасаться бегством.

Это была отчаянная и пугающая скачка. Несколько раз Логэйн всерьез опасался, что Мэрик свалится с коня, — сделать это именно сейчас было бы вполне в его духе, ворчливо думал Логэйн, — но такого, благодарение Создателю, не случилось. Дым оказался на руку беглецам, и шевалье в конце концов отстали. Или, может, их что-то отвлекло. Людей и в самом деле вокруг было немало, и всюду царил суматоха.

Когда всадники наконец выехали из пелены дыма, Логэйн сообразил, что они уже

покинули горы и направляются на юг. Все трое молча сидели в седлах, глядя на пылающий великолепно закат. Эта мирная картина выбивала их из колеи. Отчего-то им казалось почти преступным, что всему остальному Ферелдену и дела нет до того, что случилось сегодня...

Мятежная армия разгромлена. План полностью провалился.

Катриэль вместе с ними молча смотрела по сторонам, а потом вполголоса предложила поискать место для ночлега. Мэрику, сказала она, надо как следует обработать и перевязать раны. Роуэн с отсутствующим видом кивнула, и они поскакали вниз по каменистому склону. Логэйн думал о том, что надо бы замести следы, — если мятежная армия разгромлена, узурпатор, вполне вероятно, захочет нагнать и уничтожить уцелевших.

Так они ехали до тех пор, пока не зашло солнце.

Глава 12

С высоты сиденья на крыше фургона гном с подозрением разглядывал Роуэн. Его длинная внушительная борода была заплетена во множество причудливых косичек, а под правым глазом красовалось прямоугольное вытатуированное клеймо. Это означало, что когда-то в Орзаммаре этот гном был бескастовым, то есть принадлежал к низшему слою гномьего общества. Тем не менее даже бескастовых ставили выше тех, кто отважился поселиться на поверхности. И хотя труд наземных гномов — торговцев и земледельцев — был жизненно важен для гномьего общества, сами они носили невидимое, но несмываемое клеймо и навсегда были лишены права вернуться в Орзаммар.

Насколько понимала Роуэн, среди представителей этой расы, поселившихся наверху, встречались и политические беженцы, но в основном это были отпетые преступники. Только тем немногим, кто родился на поверхности и не носил клейма, можно было хоть сколько-нибудь доверять. Кое-кто из бывших бескастовых даже обращался к магам с просьбой снять клеймо, — по крайней мере, такие ходили слухи. То, что этому гному клеймо явно не мешало, насторожило Роуэн. Вполне вероятно, он контрабандист... Во всяком случае, именно на такую мысль наводили крытый фургон, под завязку набитый товарами, и трое громил-людей, которые праздно слонялись вокруг фургона в качестве «охраны».

— Как могло случиться, что ты, женщина, до сих пор не слышала всех этих новостей? — осведомился гном своим низким скрипучим голосом. — Повсюду только об этом и говорят. У вас, небогладов, рты не закрываются, а вот делом заняться не согласишься.

— Мы с друзьями путешествовали, — объяснила Роуэн, теснее запахивая шаль на груди. Ей не нравилось, как блестящие глазки гнома шарят взглядом по вырезу ее платья. Роуэн ненавидела эту поношенную одежду, которую Логэйн выменял неделю назад у компании паломников, но другого выхода у нее не было. Женщина, которая разгуливает по сельским дорогам в полной броне, безусловно, привлекла бы всеобщее внимание. — В последнее время у нас не было возможности ночевать в деревнях.

— Правда? — Гном ухмыльнулся, показав до отвращения желтые зубы. — И где же они, твои друзья или подружки?

— Остались в лагере, неподалеку отсюда.

— Так почему бы нам их не навестить? Может, я даже выделю вам кое-что из припасов, если твои друзья будут с нами милы и приветливы. — То, как гном выделил голосом последнее слово и при этом быстро облизнул губы, недвусмысленно намекало, какую приветливость он имеет в виду.

Роуэн взглянула на него, не пытаясь скрыть отвращение:

— Не думаю, что мои друзья сегодня горят желанием принимать гостей.

— А насчет себя что скажешь, мм? В фургоне места полно.

Один из громил, слонявшихся у фургона, наострил уши — ему явно нравилось, какой оборот принял разговор.

— Ты, по всей видимости, не заметил, что у меня есть оружие и я умею с ним обращаться. — Роуэн положила руку на рукоять меча.

Эта реплика так и осталась без ответа — гном задумчиво жевал нижнюю губу, а его блестящие глазки изучали меч Роуэн, лишь изредка помимо воли отвлекаясь на вырез ее платья. Можно было не сомневаться, что он гадает, вправду ли Роуэн способна постоять за себя и стоит ли в таком случае с ней связываться.

— Ладно, будь по-твоему, — проворчал он. — Я ведь только так, любезности ради.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась Роуэн. — Прежде чем я уйду, скажи: не встречал ли ты на здешних дорогах еще кого-нибудь? Или, может, о ком-то слышал.

— На дорогах? Ты это о ком?

— Не знаю. Может быть, о солдатах. Недавно мы видели на дороге солдат, и мне бы очень не хотелось снова на них наткнуться.

Гном понимающе хмыкнул:

— Все солдаты, которых можно встретить на здешних дорогах, — орлесианцы, и все они движутся на юг — гонятся за вашими мятежниками. — Это его, судя по всему, очень забавляло. — Ничего не скажешь, вы, небогяды, — добросердечный народ. Если бы у нас в Орзаммаре какая-нибудь каста задумала взбунтоваться, Совет раздавил бы ее в тот же день.

— Похоже, у вас в Орзаммаре царят закон и порядок.

Гном кивнул, отчего-то погрузнев, и уставился в пустоту.

— Да, царят. Иногда.

После этого торговец, казалось, потерял всякий интерес к разговору, и ему явно не терпелось двинуться дальше, так что Роуэн мало что еще удалось из него выудить. Взамен она рассказала, какие дороги в той стороне, откуда они пришли, можно считать спокойными, и предупредила насчет тропы, которую размыло ночным дождем. Гном коротко кивнул и был таков. Один из наемных громил, высунувшись из отъезжающего фургона, с вождением уставился на Роуэн. Девушка для наглядности крепче сжала рукоять меча, и громила, смешавшись, отвел взгляд.

Тот еще наемничек, подумала Роуэн.

К лагерю она вернулась кружной дорогой — на тот случай, если громила все-таки расхрабрится и передумает. Катриэль сидела в одиночестве у костра, грея руки над огнем, а Мэрик спал в самодельной палатке у дерева. Холст для палатки им дали паломники, и она хотя бы немного укрывала от непогоды. Правда, по большей части они все равно ходили потрепанные и грязные. Девять дней они ускользали от патрулей, стараясь уйти как можно дальше от Западного Холма.

Роуэн уже сбилась со счета, сколько раз им приходилось избегать встречи с солдатами. Чуть полегче стало на третий день, когда Мэрик пришел в себя и смог ехать верхом, но все равно из-за ран у него кружилась голова и он слишком быстро утомлялся. Катриэль предположила, что принц, свалившись в лесу с коня, получил сотрясение мозга. Все, что они могли сейчас сделать, — лечить Мэрика травами, которые прихватила с собой эльфийка, и терпеливо ждать, когда он выздоровеет. По крайней мере, всяких целебных снадобий у них было в достатке.

Роуэн в нерешительности остановилась на краю лагеря. Она не любила оставаться с глазу на глаз с Катриэль, а это случалось довольно часто, когда Логэйну приходилось охотиться. Несмотря на то что эльфийка, по сути, их спасла, Роуэн до сих пор едва сдерживалась, глядя, как она сдувает пылинки с Мэрика. И всякий раз, когда Роуэн пыталась заговорить с Катриэль, та лишь смотрела на нее своими странными зелеными глазами. Нелегко понять, о чем думает эльф, — всегда кажется, что он что-то скрывает. Однако эта мысль вызвала у Роуэн угрызения совести — хотя эльфы наверняка были о людях столь же нелестного мнения, — а потому она старалась скрыть свои чувства.

Так и выходило, что ей практически не о чем было говорить с Катриэль.

Эльфийка наконец заметила Роуэн и встала.

— Я отыскала сухой хворост, госпожа моя, — неловко проговорила она.

— Да, вижу.

Роуэн направилась к палатке, чувствуя, как зеленые глаза следят за каждым ее движением. Мэрик спал, постанывая и сопя. На ранах были свежие повязки.

Девушка стояла у палатки, размышляя, стоит ли сейчас обсуждать услышанное от гнома. Все равно Логэйн и Мэрик тоже захотят выслушать ее рассказ, а у нее нет никакого желания повторяться. Поэтому она медлила под неотступным взглядом Катриэль, а время между тем тянулось совершенно невыносимо.

Продолжал ли Мэрик встречаться с Катриэль после той ночи? Роуэн до смерти хотелось спросить об этом, но у нее не хватало духу. Там, в Гварене, она старательно избегала принца, а он был так занят, что ничего не замечал. Во время путешествия по морю они оказались на разных судах, но тем труднее было девушке спастись от терзавших ее мыслей.

Все это было так непохоже на Мэрика. Роуэн знала его столько лет и ни разу не замечала, чтобы он гонялся за юбками. Многие мужчины занимались этим даже после женитьбы. Мать Роуэн умерла много лет назад, и ее вырастил отец, совершенно не сведущий в подобного рода делах, но кое-что она все-таки знала. Однако что бы подумали об этом настоящие придворные дамы? Роуэн росла солдатом, и ей хорошо были знакомы страсти, обуревающие мужчин. Может, ей вообще не следует забивать этим голову? Она вовсе не придворная дама, а для принца скорее друг, чем нареченная, разве нет?

В глубине души она до сих пор надеялась, что Мэрик сам заговорит с ней. Если это не прихоть одной-единственной ночи, если это что-то другое, тогда он обязан сказать ей правду.

Катриэль указала на котелок, лежавший у костра.

— Если хотите, госпожа моя, я могу вскипятить еще воды. Я уже кипятила, но нужно было сменить его высочеству повязки.

— Нет, в этом нет нужды, — ответила Роуэн. — А также нет нужды называть меня «госпожа моя», во всяком случае здесь.

Эльфийка нахмурилась, опустила взгляд и снова занялась рубашкой, которую зашивала. Однако она, судя по всему, была слишком раздражена, чтобы заниматься шитьем, и в конце концов с раздраженным вздохом отложила работу.

— Все вы говорите одно и то же, — проговорила она. — Даже генерал Логэйн. Вы как будто считаете, что оказываете мне честь, обращаясь со мной так, будто мы равны. — Голос ее звучал резко и осуждающе. — Но мы не равны. Я вам не служанка, но я эльф и всегда буду эльфом. Делать вид, что это не так, — значит, оскорблять меня.

Ошеломленная, Роуэн едва успела прикусить язык, чтобы не сказать какую-нибудь ненужную резкость.

— Значит, ты не из Ферелдена, — проговорила она наконец.

— Да, я родом не отсюда. Я приехала... меня привезли из Орлея.

— Мне казалось, что ты уже могла бы кое-что понять. Орлесианцы могут верить в праведность своей империи и в то, что их правителей посадил на трон сам Создатель, но здесь, в Ферелдене, все по-другому. Здесь каждого судят по его делам, даже короля.

Катриэль пренебрежительно фыркнула:

— И вы в самом деле в это верите?

— А ты — нет? — резко спросила Роуэн. — Что же в таком случае ты делаешь здесь? С какой стати ты вообще стала помогать мятежникам?

Катриэль застыла, и взгляд ее так отвердел, что Роуэн тут же пожалела о своих словах. Многие из тех, кто примкнул к мятежу, поступили так от безвыходности. Всем им жилось нелегко, но Роуэн только смутно представляла, какие тяготы могли выпасть на долю эльфа. Саму Роуэн трудно было назвать богатой и благополучной, но все же настоящих лишений она не знала.

— Извини, — со вздохом проговорила Роуэн. — У меня нет никакого права...

— Ну конечно же есть, — перебила ее Катриэль. — Не говорите глупостей. Вы же ничего обо мне не знаете.

— Я только хотела сказать...

— Я знаю, что вы хотели сказать. — Эльфийка неотрывно смотрела в огонь, и в глазах

ее плясали отблески пламени. Лицо ее стало еще мрачнее. — Я здесь не из любви к Ферелдену и не из ненависти к Орлею. Были времена, когда я и вообразить не могла, что поступлю так, как поступаю сейчас, но совсем недавно я обнаружила, что не всегда могу с собой совладать. Все-таки в этом мире есть такое, что стоит защищать.

«Она здесь ради Мэрика», — подумала Роуэн, не сводя глаз с эльфийки. Может быть, она и ошибается: в голосе Катриэль звучала такая печаль и даже... сожаление? Вполне вероятно, что она говорила вовсе не о нем...

И все равно было в поведении Катриэль что-то странное. Она называла себя служанкой, но какой служанкой? Такой, что умеет ездить верхом и орудовать кинжалом? Роуэн напомнила себе, что эльфийка никогда и не утверждала, будто доила коров, — и все-таки есть в ней какая-то загадка. Это отнюдь не та скромная перепуганная служаночка, которую Мэрик и Роуэн спасли от насильников в Гварене. В тот день Катриэль была обессилена, безоружна, и все-таки, все-таки что-то здесь не так.

Быть может, все дело в ревности. Мэрик смотрит на Катриэль, словно перед ним нездешний, прекрасный и пьянящий цветок. На Роуэн он так никогда не смотрел.

Она вдруг осознала, что Катриэль снова в упор глядит на нее, и, спохватившись, торопливо объяснила:

— У меня и в мыслях не было оскорбить тебя. Я просто хотела проявить дружелюбие.

— Да? Вот как, значит, вы это называете?

Роуэн нахмурилась:

— Да. Именно так.

— Стало быть, госпожа моя, мы должны стать друзьями? Вы это предлагаете?

— Так было бы проще, — жестко сказала Роуэн. — Впрочем, если ты предпочитаешь что-то другое — дай знать.

Взгляды их скрестились, но Роуэн не дрогнула. Катриэль тоже. В ледяном молчании, которое воцарилось у костра, Роуэн решила, что больше никогда и ни в чем не станет извиняться перед этой женщиной.

— Что происходит? — донесся из палатки сонный голос.

Мэрик в прошедшие дни почти все время спал и теперь, взлохмаченный, с красными глазами и перевязанной головой, выглядел изрядно потрепанным. Безмолвное противостояние Роуэн и Катриэль длилось еще несколько секунд, и на вопрос Мэрика ни одна из них не ответила. Затем эльфийка обернулась, и жесткое выражение на ее лице почти мгновенно сменилось ласковой улыбкой. Так ничего и не ответив, она вскочила, помогла принцу кое-как выпрямиться и бережно усадила его у костра. Голый по пояс, он старательно растирал руки и сетовал на промозглый ветер.

Роуэн молча смотрела, как Катриэль протянула ему почти зачиненную рубашку. Мэрик со словами благодарности принял ее и тут же натянул на себя. Все, что происходило между этими двумя, было исполнено особого, интимного смысла. Принц запинался на каждом слове, а эльфийка то и дело находила повод коснуться его рук своими тонкими изящными пальцами.

Роуэн почувствовала себя лишней.

Лицо ее потемнело от боли, и ей стоило немалого труда взять себя в руки. Лучше уж поскорее покончить с этим.

— Мэрик, — тяжело проговорила она, — у меня дурные новости.

Мэрик не сразу сообразил, что она заговорила, и криво усмехнулся.

— Ты насчет рубашки? По мне, так сейчас она выглядит недурно, — сострил он и принялся осторожно ощупывать повязку на голове.

Роуэн раздраженно поджала губы:

— Нет. Речь не о твоей дурацкой рубашке.

От ее резкого тона Мэрик опешил. Катриэль уставилась в огонь, притворяясь, будто ничего не замечает.

— Может, лучше подождем Логэйна? — предложил Мэрик.

— Зачем меня надо ждать? — осведомился Логэйн, как ни в чем не бывало входя в лагерь.

На плече у него висела пара кроличьих тушек. Роуэн бесило, что он оказался среди них единственным стоящим охотником. Сама она пыталась ходить на охоту, но у нее ничего не вышло. Она даже рыбу ловить не смогла. Поэтому в вопросах пропитания им приходилось полагаться только на Логэйна.

Заметив, что Роуэн вне себя от злости, Логэйн запнулся и хмуро взглянул на Мэрика:

— Что еще ты натворил?

Мэрик заморгал от неожиданности:

— Я? Да ничего.

— Нам надо поговорить, — резко бросила Роуэн. — Немедленно.

Катриэль грациозно поднялась и, подойдя к Логэйну, протянула руку к кроличьим тушкам. Логэйн с любопытством глянул на нее.

— Не надо, — сказал он. — Я их сам освежую.

Но Катриэль завладела тушками и, без единого слова покинув лагерь, направилась к ближайшему ручью. Логэйн проводил ее любопытным взглядом. Роуэн заметила, что Мэрик тоже смотрит вслед эльфийке, вот только взгляд его выражал совсем иные чувства. «Он даже не дает себе труда это скрыть», — подумала она со злостью, подавляя желание придушить его. Мэрик сейчас в таком состоянии, что это Удалось бы ей без труда.

Наконец Логэйн пожал плечами, подошел к костру и присел на корточки, чтобы погреть руки над огнем. Снял с плеча лук, положил его на землю рядом с собой. Роуэн заметила, что стрел в колчане почти не осталось.

— Что ж, послушаем, — вздохнул Логэйн.

— Ничего хорошего мы не услышим, — морщась, заметил Мэрик.

Роуэн не спеша уселась на бревно рядом с ним, помедлила, всем существом впитывая жар, исходящий от пламени.

— Не услышите, — подтвердила она, устало проводя ладонями по лицу. — Прежде всего: по крайней мере часть армии уцелела. Ее разгромили у Западного Холма, но кое-кто выжил.

Мэрик просиял:

— Но ведь это же хорошо, правда?

Роуэн собралась с духом, стараясь смотреть только на язычки пламени, плясавшие по хворосту.

— Мой отец убит. — Странно, до чего легко ей удалось произнести эти слова.

Когда там, на тракте, она услышала от гнома это известие, ей показалось, что она сейчас рухнет замертво. Смерть отца легла ей на сердце тяжестью, от которой невозможно было избавиться.

Мэрик потрясенно уставился на нее:

— Роуэн... нет, не может быть! Что же будет с твоими младшими братьями?

Роуэн вспомнила Эамона и Тегана, которые жили сейчас у родичей в Вольной Марке. Она даже не пыталась представить, как они перенесут эту весть. Эамону пятнадцать, Тегану всего восемь. Они совсем еще мальчишки.

— Я даже не знаю, известно ли им уже об этом, — угрюмо призналась она.

Логэйн задумчиво нахмурился.

— Ты уверена, что это правда? — спросил он.

— Его голову выставили перед дворцом, рядом с... Роуэн осеклась, кашлянула, прочищая внезапно осипшее горло. — Но... нет, не уверена. Узурпатор объявил о полной своей победе и утверждает, что Мэрик тоже мертв.

Мэрик, упорно смотревший на свои руки, поднял взгляд, глаза его были пусты.

— Что?

— Именно так он и заявил: эрл Рендорн и принц убиты при Западном Холме. — Роуэн искоса глянула на Мэрика, уголок ее рта дернулся в сумрачной усмешке. — Согласно словам

узурпатора, твой труп невозможно было отличить от трупов рядовых ферелденцев, а потому его не смогли отыскать.

— Какое примитивное вранье!

Роуэн вздохнула:

— Как бы то ни было, части нашей армии удалось уйти. По словам торговца, известно, что выжившие двинулись на воссоединение с гарнизоном в Гварене.

— Значит, нам тоже надо попасть в Гварен, и поскорее.

— Не торопись. — Роуэн предостерегающе подняла руку. — Узурпатор преследует их. Даже если бы мы решили, что сумеем добраться до города раньше, чем это сделают королевские войска, они перекроют Бресиалианский тракт.

— А если нанять судно? — спросил Мэрик.

Роуэн пожала плечами:

— У нас нет денег. Торговец говорит, что все дороги на восток перекрыты и кишат солдатами. Именно поэтому он уехал оттуда.

— Контрабандист? — Логэйн выразительно вскинул бровь.

— Я тоже так подумала, — кивнула она. — Мы могли бы вернуться к северному побережью, поискать...

— Нет, — перебил ее Мэрик. — Только не на север.

— Тогда, может быть, нам уйти от торных дорог и добраться до леса Бресиалиан? Пройти через лес до самого Гварена, минуя тракт?

Логэйн в задумчивости потер подбородок:

— Это будет нелегко. Мне придется искать проход через горы, а я плохо знаю здешние места. Если же мы будем держаться поближе к тракту, там наверняка будет полно солдат.

Все трое смолкли. Безрадостно потрескивал огонь, борясь с новыми порывами ледяного ветра. Каждый из них мысленно искал, что сказать — кроме того, что и так ясно, — и ни один не хотел признаться, что эти поиски бессмысленны. Беспощадная истина маячила перед ними, словно черная зловещая туча.

— Значит, вот так? — Голос Мэрика сорвался от нахлынувших чувств, и принц резко встал. — Вот так? — повторил он, переводя взгляд с Логэйна на Роуэн. — Если эрл Рендорн мертв, а мы все здесь, стало быть, командовать армией некому!

— Есть и младшие командиры, — проворчал Логэйн. Тем не менее он упорно смотрел в огонь, и вид у него был обеспокоенный. — Эрл Рендорн был умен, и его лейтенанты тоже не дураки. Найдутся люди, которые сделают то, что нужно.

— Ты знаешь, о чем я говорю! — отрезал Мэрик. Казалось, ему едва удастся сдержать злые слезы. — Дыхание Создателя! Ну зачем вы поскакали за мной? Зачем?

— Не будь дураком! — фыркнул Логэйн. — Ты последний из династии Тейринов.

— Я больше не желаю об этом слушать! — раздраженно выдохнул Мэрик. — Главное — не вернуть на трон потомка Каленхада. Главное — спихнуть с трона этого орлесианского ублюдка. Потому что если бы он оказался хорошим королем, все это было бы уже не важно.

Роуэн покачала головой:

— Думаю, ты не...

— Нет! — перебил ее Мэрик. — Я точно знаю, что говорю. — Он жестко, в упор воззрился на Логэйна. — Если бы ты не поскакал за мной, ты мог бы изменить ход битвы. В худшем случае сумел бы вывести из нее живыми гораздо больше солдат.

Логэйн не смотрел в глаза Мэрику, предпочитая упорно разглядывать свои сцепленные пальцы. И молчал.

Мэрик глубоко вздохнул и помотал головой. Гнев его понемногу таял.

— Вы спасли меня, и, хотя я безмерно благодарен вам за это, в следующий раз вам придется бросить меня на произвол судьбы. Моя мать умерла. Я тоже мог умереть. И я предпочел бы умереть, чем жить, понимая, что мои руки в крови всех этих людей.

— Ты спятил! — процедила Роуэн. — Их гибель вовсе не на твоей совести!

— Если бы вы оба остались там, где вам надлежало быть, возможно, мы победили бы.

Возможно, вы успели бы вовремя отвести солдат и сейчас были бы уже в Гварене.

— Этого мы уже никогда не узнаем, верно? — Роуэн поднялась, вперив в Мэрика гневный взгляд. — Хватит быть таким безнадежно наивным! Мы воюем просто для того, чтобы выжить, — забыл?

Она шагнула к принцу и изо всей силы толкнула его в грудь. Мэрик отшатнулся, налетел на палатку, едва не обрушил ее, но все же сумел удержаться на ногах. Выпрямившись, он ответил Роуэн таким же взглядом в упор, но только в этом взгляде было скорее негодование, чем гнев.

— Сожалею, что ты терзаешься угрызениями совести оттого, что мы примчались тебя спасать, — продолжала Роуэн, — но, знаешь ли, ты для нас слишком важен. Все те люди с великой радостью отдали бы за тебя свои жизни, если бы мы только сказали им, что тебе грозит опасность. Именно для этого они и пришли на поле боя!

— Я был в ответе за них! — не сдавался Мэрик. — И вы тоже!

— Мы в ответе за тебя! Это ты у нас принц, чтоб тебе пусто было!

— Значит, я так приказываю! — упрямо выкрикнул он.

Они стояли лицом к лицу, сверля друг друга яростными взглядами, и огонь громко потрескивал на ветру. Роуэн очень хотелось влечь Мэрика пощечину. И поцеловать его. До чего же он благороден — и в гоже время до чего же глуп! Неужели он и впрямь решил, будто она могла бросить его на произвол судьбы, если в ее силах было помочь?

Логэйн все так же задумчиво смотрел в огонь:

— Может, ты и прав, Мэрик, но сейчас нет смысла спорить об этом. В данную минуту мы никем и ничем не командуем.

Принц глянул на него сверху вниз:

— Но когда мы будем...

Логэйн поднял на него взгляд. В глазах его, отражавших отсветы огня, было жесткое выражение.

— В следующий раз я не стану тебя спасать. Справляйся сам.

Что-то необычайно важное произошло сейчас между этими двумя. Роуэн видела это, но не могла понять, что именно. Тем не менее Мэрик, судя по всему, остался доволен таким ответом.

Он перевел взгляд на Роуэн, явно ожидая, что она выскажется в том же духе. Роуэн стояла под этим взглядом и молчала, чувствуя только одно: как в груди ее разгорается неудержимый гнев.

— Значит, ты так приказываешь? — наконец спросила девушка, и голос ее сочился ядом. — Принц Мэрик высочайше приказывает своим верным полководцам?

Мэрик стиснул зубы:

— Я всего лишь прошу дать слово...

Роуэн влечила ему пощечину. Голова мотнулась от удара, и смачный хлопок прозвучал в тишине особенно громко. Мэрик потер щеку, и во взгляде его появились смутение и боль. Логэйн ничего не сказал, только вскинул брови.

— Я предпочитаю, чтобы ты приказывал, — холодно проговорила Роуэн.

— Извини, — жалко пробормотал он. Пошатнулся и, повернувшись, снова уселся на бревно. Плечи его удрученно ссутулились. — Просто я... наверное, все это выглядело черной неблагодарностью.

Роуэн подавила мгновенно вспыхнувшее желание пожалеть его, похлопать по плечу и сказать, что все будет хорошо.

— Можно и так сказать, — сухо согласилась она.

Мэрик поднял голову, взглянул на нее влажно заблестевшими глазами:

— Твой отец мертв. Ты столь многим пожертвовала, чтобы спасти меня. Я понимаю это, просто все время думаю обо всех этих людях. Они оказались там из-за меня.

Роуэн с каменным видом села и ничего ему не ответила.

— Мой отец, — негромко заговорил Логэйн, — однажды сказал изгоям поставить

лагерь слишком близко от логова моровых волков. Ему было известно про это логово, но он все равно привел нас туда, потому что иначе мы угодили бы в лапы стражников. Мы потеряли четырнадцать человек, в том числе шестерых детей. — При этом воспоминании лицо его исказилось. — Отец был вне себя. Он хотел, чтобы никто больше не спрашивал у него указаний. Сестра Эйлис сказала ему, что скорее предпочла бы такого командира, которому нелегко командовать, чем такого, которому командовать в радость.

Он протянул руку над костром и ободряюще похлопал Мэрика по плечу с неловким видом человека, совершенно не привыкшего к таким жестам. Мэрик воззрился на него с изумлением.

— Здорово это у тебя получается, — хихикнул он.

— Заткнись, — поморщился Логэйн.

— Я согласна с Мэриком, — мрачно усмехнулась Роуэн. — Утешь и меня.

— Знаешь, — взгляд Логэйна был совершенно серьезен, — вполне вероятно, что эрл не погиб. Мэрик ведь жив. Если какой-то гном сказал тебе, будто на шесте перед королевским дворцом выставлена чья-то голова, — совсем не обязательно, чтобы это была голова твоего отца.

Ответ его так поразил Роуэн, что она едва сдержала непрошенные слезы.

— У тебя и вправду здорово получается, — пробормотала она вмиг охрипшим голосом. — Но если узурпатор решил солгать, почему бы ему тогда не выставить перед дворцом еще одну голову и не объявить, что это голова Мэрика?

— Может, подходящей головы не нашлось.

Роуэн пожала плечами.

— Надеюсь, ты прав, — сказала она, хотя в глубине души в это не верила.

Они сидели у костра, глядя, как пламя понемногу начинает угасать. Мэрик съежился, дрожа от холода в одной рубашке. Все трое ощущали одно и то же — изнеможение, словно высосавшее их изнутри.

— Думаю, нам надо решить, что делать дальше, — с глубоким вздохом заявил наконец Мэрик. — У нас это не очень хорошо получается, верно?

— Может, армии будет даже лучше без таких командиров, как мы? — усмехнувшись, предположил Логэйн.

— Без Мэрика уж точно, — съязвила Роуэн.

— Ага! — хохотнул Мэрик. — Так я и знал! Я еще припомню вам обоим, что это вы придумали меня спасти. Я бы преспокойно прикончил тех шестерых солдат... их же было шестеро, да?

— Прибавь до восьми, — сухо отозвалась Роуэн.

— Тогда уж до одиннадцати, — поправил ее Логэйн. — Были еще те трое, которых убила Катриэль.

Роуэн выразительно закатила глаза:

— О да, конечно. Как можно забыть о Катриэль?

— А я думал, что у меня просто в глазах двоится, — усмехнулся Мэрик. Затем он глянул на Роуэн, и в глазах его мелькнуло странное выражение. — Ты влепила мне пощечину.

— Хочешь, чтобы я это повторила?

— Почему ты меня ударила?

Логэйн нарочито откашлялся, привлекая их внимание.

— Мы тут решали, что делать, — напомнил он. — Думаю, единственное, что нам остается, — попытаться найти дорогу через лес Бресилян. Если мы, конечно, сумеем до него добраться.

Мэрик сумрачно кивнул:

— А разве у нас есть выбор?

— Собственно говоря, есть, — прозвучал тихий голос вернувшейся в лагерь Катриэль.

Она несла освеженных кроликов и небольшую охапку хвороста. Мэрик встал и помог ей избавиться от ноши. Катриэль тотчас присела на корточки у костра и принялась заново

раздувать огонь.

Логэйн терпеливо ждал, наблюдая за ее трудами, но наконец терпение у него лопнуло.

— У нас есть выбор? Я так понимаю, ты слышала, о чем мы говорили?

— Вас троих было слышно по всей округе, господин. Я старалась не прислушиваться, но все равно, покуда возилась у ручья, услышала немало.

Она аккуратно подсунула в костер несколько принесенных с собой веток, и пламя снова взвилось высоко и загудело. Мокрая кора зашипела и громко затрещала, обугливаясь на глазах.

— И да, у вас есть другой выход.

— Говори же, мы ждем, — вздохнула Роуэн.

Катриэль кивнула, лицо ее потемнело.

— Да, госпожа моя. Я просто не знаю, стоит ли об этом говорить. — Убедившись, что костер разгорелся жарко, эльфийка забрала у Мэрика кроличьи тушки и принялась насаживать их на пару заостренных веток. — Вам доводилось слышать о Глубинных тропах?

Логэйн медленно кивнул:

— Подземные дороги, которые когда-то принадлежали гномьим королевствам. Но ведь их уже не существует.

— Да нет же, они существуют. Гномы закрыли Глубинные тропы, когда их захватили порождения тьмы, а случилось это много веков назад. Выход на Глубинные тропы из Орзаммара обычно запечатан. — Катриэль со значением глянула на Логэйна. — Однако на Глубинные тропы можно войти и с поверхности, если знать, где искать вход.

Мэрик моргнул:

— И ты знаешь, где его искать?

— Знаю, ваше высочество, — кивнула Катриэль. — Или, точнее говоря, думаю, что знаю.

— И одна из этих... Глубинных троп ведет к самому Гварену?

— Верите или нет, ваше высочество, но Гварен стоит как раз над гномьим форпостом. Люди, которые поселились в тех местах позже, завладели портом, который построили, а потом покинули гномы. Город даже называли так же, как назывался форпост, но, конечно, в Гварене никто этого уже не помнит.

— А как вышло, что об этом помнишь ты? — спросила Роуэн. — Откуда тебе все это известно?

Катриэль загадочно улыбнулась:

— Мне, госпожа моя, известно очень многое. В истории полным-полно уроков, которые стоит усвоить.

Логэйн искоса глянул на Роуэн, и девушка поняла, что генерал разделяет ее подозрение. Мэрика, однако, куда больше занимало предложение Катриэль.

— Но разве на Глубинных тропах не кишат порождения тьмы? — с сомнением спросил он. — Я хочу сказать — именно поэтому их и закрыли.

Эльфийка медленно кивнула:

— Никому не известно, сколько сейчас под землей порождений тьмы. Несколько веков прошло с тех пор, как они вторглись на поверхность и потерпели поражение. Может, сейчас на Глубинных тронах тысячи порождений тьмы, а может, и ни одного.

— Но мы могли бы пройти по Глубинным тропам? Такое можно предположить?

— Можно, — согласилась она. — Если на Глубинных тропах нет порождений тьмы, мы быстро, очень быстро доберемся до Гварена.

— Или нас прикончат и сожрут, как только мы туда войдем, — буркнула Роуэн.

— Или же дорога окажется перекрыта обвалом, — кивнула Катриэль. — Оттого-то я и сомневалась.

Роуэн почти явственно видела, как лихорадочно мечутся мысли в голове Мэрика. Потом в глазах его вспыхнула надежда, и у нее сжалось сердце.

— Если мы пойдем через лес Бресилиан, путь наверняка окажется долгим, — обратился

Мэрик к Логэйну. Голос его вздрагивал от возбуждения.

На лице Логэйна отразилось сомнение.

— Месяц, даже, пожалуй, больше, хотя я сумею найти дорогу.

— Что ж, Глубинные тропы, по крайней мере, дают нам возможность рискнуть и выиграть, — ухмыльнулся принц.

— Мэрик! — возмутилась Роуэн. — Ты хоть что-нибудь знаешь о порождениях тьмы? Это мерзкие, чудовищные твари! Невозможно представить, что подстерегает нас под землей, даже если Катриэль вообще известно, где находится вход!

— Мы прошли мимо него, госпожа моя, — сказала Катриэль. — Огромный каменный столб в горах. Я заметила его издали. Вот почему мне пришла в голову эта мысль. Она озабоченно глянула на Мэрика. — Вот только вход запечатан. Я даже не уверена, ваше высочество, что мы сумеем его открыть.

Мэрик посмотрел на Логэйна:

— Что ты обо всем этом думаешь?

— Думаю, в этом рассказе есть на что опереться. — Он глянул на Катриэль, выразительно вскинув бровь. — Ты уверена? Эти Глубинные тропы ведут напрямик в Гварен? И мы сумеем отыскать под землей нужное направление?

— Я помню легенду, — осторожно ответила она, — но...

— Тогда мы пойдем туда, — твердо сказал Мэрик. — Пойдем отыщем эту печать. Если мы не сумеем открыть вход или сразу заметим, что внизу рыскают какие-то твари, мы повернем назад и пойдем через лес. — Он помолчал немного, осознавая смысл собственных слов, затем снова кивнул — уже намного увереннее. — Я считаю, что мы должны рискнуть.

— Или умереть, — угрюмо бросил Логэйн.

— Или умереть, — согласился Мэрик.

Роуэн смотрела на них, не веря собственным ушам. Наконец она раздосадовано вздохнула.

— Или умереть, — повторила она без малейшего воодушевления. Какие же дураки эти мужчины!

— Я сделаю все, чтобы вы вернулись к своим соратникам, — торжественно проговорила Катриэль, глядя при этом только на Мэрика. — Обещаю, ваше высочество.

Мэрик закатил глаза в притворном возмущении:

— Ты опять за свое?

— Но вы же принц.

— Ты помогла спасти мне жизнь, а теперь собираешься повести нас на Глубинные тропы — и все еще цепляешься за этикет? — Мэрик легкомысленно хохотнул. — К тому же только ты одна меня сейчас так и называешь. Это просто нелепо.

Эльфийка озадаченно покачала головой:

— Все-таки ты очень странный человек.

— Не вздумай только и ты вlepить мне пощечину. На сегодня с меня хватит.

Итак, решение было принято. Пока Мэрик и Катриэль продолжали болтать, Роуэн украдкой обменялась взглядами с Логэйном. Несмотря на то что Глубинные тропы якобы могли быстро привести их в Гварен, она надеялась, что эльфийка не сумеет найти печать или открыть вход, но надеялась как-то слабо. Отчего-то она подозревала, что сведения Катриэль окажутся достоверными.

Сведения Катриэль, похоже, всегда достоверны.

Издали наконец-то донеслось глухое ворчание грома. Судя по всему, этой ночью им придется мерзнуть сильнее обычного.

Глава 13

Почти весь следующий день ушел на то, чтобы добраться до колонны, о которой говорила Катриэль. Печать была открыта. Все четверо стояли под дождем, глядя на

отверстие, которое издалека можно было бы запросто принять за вход в пещеру на склоне горы, — и только вблизи видны были остатки стальной восьмиугольной двустворчатой двери.

Дверные створки были изукрашены геометрическими узорами; глубокие прорези, избороздившие сталь, сплетались то ли в буквы, то ли в рисунки. Ныне бурый мох и ржавчина покрывали их так густо, что разобрать что-либо не представлялось возможным. Одна из створок болталась на громадных петлях, буквально до дыр изъеденная временем и разрушительными силами природы. Путь был свободен, только у самого входа высилась груда камней и земляных комьев.

Лишь когда все четверо, осторожно ступая по россыпи влажных бугристых камней, подошли ближе, стало видно, что этот диковинный холм по большей части состоит из костей. Старых костей, покрытых землей и грязью.

— Трудно разобрать, чьи это кости, — заметил Мэрик, брезгливо перебирая древние останки. — Может быть, и человеческие.

— Гораздо важнее, что все они старые, — здраво заметил Логэйн. — Это хороший признак.

Катриэль осторожно просунула голову в пещеру:

— Согласна. Если в последнее время в этой пещере и жил кто-то, кроме летучих мышей, он не оставил после себя никаких следов. Я вижу только мышиный помет.

— Очаровательно, — пробормотала Роуэн, закатив глаза.

Катриэль искоса глянула на нее:

— Существует немало преданий о путешественниках, которые бесследно сгнули в этих горах. Нам нужно быть начеку, поскольку в таких преданиях часто имеется зерно правды.

— Своевременно сказано, — хмыкнул Логэйн, подталкивая своих спутников внутрь.

Они разбили лагерь в пещере, у самого входа, и вчетвером принялись рвать на полосы холщовое полотнище палатки, чтобы заготовить как можно больше факелов. Катриэль сказала, что понятия не имеет, как долго им придется пробыть под землей. Охотиться там наверняка будет не на кого, и неизвестно, удастся ли отыскать воду для питья.

Логэйн велел наполнить водой все бутылки и фляжки, которые были в их распоряжении, а сам подсчитывал скудные съестные припасы, раскладывая на камне полоски сушеного мяса и слушая, как снаружи неумолчно молотит по камням дождь. Роуэн, которая вновь облачилась в тяжелые сверкающие доспехи, присела рядом с ним.

— Соглашаться на такое было глупо, и ты это знаешь, — угрюмо прошептала она.

— Возможно.

— Ты и вправду считаешь, что мы должны ей доверять?

— Нет. — Логэйн искоса глянул вглубь пещеры, где Мэрик и Катриэль счищали грязь с камней. — Но это не значит, что ее рассказ о Глубинных тропах — ложь. — Роуэн эти слова, судя по всему, не слишком убедили, и Логэйн подкрепил их ободряющей улыбкой. — Мы будем двигаться под землей столько, сколько сможем. Если что-то пойдет не так — вернемся.

— А если не сможем? Я имею в виду — вернуться.

Логэйн вновь принялся за работу, и лицо его потемнело.

— Тогда мы умрем.

Дорогу вниз удалось отыскать довольно быстро. Ответвления пещеры оказались почти завалены. То ли это было сделано для того, чтобы не выпустить кого-то наружу, то ли для того, чтобы преградить путь кому-то извне, — сейчас разобрать было невозможно. Так или иначе, протиснуться мимо большинства этих завалов не составляло особого труда.

Подземные туннели, много веков назад обработанные умелыми гномьими мастерами, были в основном ровными и гладкими. Когда-то, наверное, здесь было даже красиво, но теперь стены, пол и потолок туннелей покрывал толстый слой пыли, мха и помета летучих мышей. У самого входа еще встречались на скальные рисунки, примитивные образчики

искусства тех, кто некогда обитал в пещере и оставил по себе эту память, но затем туннель резко сузился, и рисунков больше не было.

Путники шли молча, и, когда слабый дневной свет окончательно погас, сменившись затхлым полумраком, им с каждым шагом все больше становилось не по себе. В неподвижном воздухе парила мелкая пыль, чуть заметным ореолом окружая горящие факелы, и Логэйн высказал опасение, что им нечем будет дышать. Катриэль объяснила, что у гномов была хитроумная система вентиляционных ходов, которая обеспечивала приток свежего воздуха, но работает ли эта система до сих пор — кто знает?

Если нет, это наверняка объясняло, почему порождения тьмы уже много веков не показывались на поверхности, — они попросту задохнулись. Мысль об этом не слишком радовала.

Через несколько часов они дошли до строения, возведенного прямо в туннеле, — то ли перевалочной станции, то ли сторожевого поста. Вполне вероятно, что это сооружение задумывалось как форт, и в самом деле — если бы его стены остались нетронуты, захватить его было бы делом нелегким. Катриэль показала место, где вход в здание можно было перекрыть, совершенно прекратив всякое движение по туннелю, однако, чем бы ни пользовались для этой цели, оно давным-давно было разрушено. Помещения форта были усеяны великим множеством проржавевших насквозь вагонеток, выцветшими напрочь пустыми мешками и полуистлевшими костями. С потолка свисала старая паутина в комьях пыли, и оттого казалось, что они идут по кладбищу. Нигде не было заметно ни единого движения. Летучие мыши так глубоко не селились, и, хотя все выглядело так, будто в руинах форта когда-то потрудились мародеры, теперь здесь не было ни души.

— Здесь был бой? — спросила Роуэн, разглядывая кости.

Никто ей не ответил. По большинству костей можно было с большим трудом определить, что когда-то они принадлежали гномам, людям или даже эльфам. Попадались, однако, и другие кости.

Дальше была широкая лестница, уводившая, казалось, напрямиком в бездонную тьму. Здесь пришлось проявить осторожность, потому что многие ступени растрескались и вполне могли не выдержать тяжести человеческого тела. То и дело путникам приходилось держаться для опоры за стальные рельсы, проложенные посередине туннеля, — рельсы, по которым когда-то катили рудничные вагонетки.

Старая паутина была теперь повсюду. По большей части ее облепляла пыль, и бесформенные серые комья свисали со стен и потолка, однако время от времени Логэйн показывал спутникам новую паутину и даже паучков, которые удирали врассыпную от света факела. Логэйн сказал, что это зрелище его приободрило. Если здесь есть пауки, значит, здесь можно жить.

Спуск по этой громадной лестнице занял много часов. Роуэн вслух беспокоилась, что они в основном спускаются все ниже и ниже, а не идут в каком-то определенном направлении. Мэрик, однако, радовался уже и тому, что им пока не встретились порождения тьмы. Путники расчистили на дороге место для лагеря, хотя Логэйн настоял, что большой костер разжигать не стоит. Неизвестно, сколько воздуха, пригодного для дыхания, осталось в туннелях и каких тварей может привлечь свет, если костер будет гореть достаточно долго.

Мысль об этом лишила покоя всех, и в ту первую ночь на Глубинных тропах никто так и не смог выспаться как следует. Они по очереди несли стражу с одним-единственным горящим факелом, напряженно вглядываясь в тени, причудливо плясавшие вокруг. По правде говоря, никакой твари не составило бы труда подобраться к ним незаметно.

В тусклом свете, в воздухе, насыщенном пылью, ни один часовой не смог бы разглядеть ничего дальше десяти шагов. Все же от сознания того, что кто-то стоит на страже, становилось немного спокойнее и остальные могли хотя бы сомкнуть глаза, стараясь не думать о нависшей над их головами гигантской толще камня.

Хуже всего была тишина. Она окутывала путников, словно невидимый саван, и нарушали ее только их обессиленное дыхание да едва уловимый шорох ступавших по камню

ног. Порой, когда путники останавливались, можно было различить чуть слышное пощелкивание, которое доносилось из темноты. Щелчки то затихали сами собой, то возникали снова, и никто не мог определить, что это за звуки. По этой причине все четверо держали оружие под рукой, но пока никто не нападал.

Так они шли два дня, уходя все дальше по Глубинным тропам. Они часто останавливались, чтобы отдохнуть и осмотреться, и это давало Катриэль возможность заняться ранами Мэрика. Она опасалась воспаления — особенно тревожила ее рана на голове, — однако по прошествии времени объявила, что целебные снадобья делают свое дело и принц успешно идет на поправку. Мэрик заявил, что давно уже пора, чтобы с ними для разнообразия случилось хоть что-то хорошее.

Со временем стало очевидно, что они идут не просто по туннелю, а именно по дороге. Хотя вокруг царило запустение, вдоль стен на равных промежутках высились каменные колонны и суровые изваяния гномов со стершимися от времени лицами. Вдоль основания стен тянулись глубокие желоба — Катриэль утверждала, что по ним когда-то текла раскаленная лава. Та же самая лава, по всей вероятности, собиралась в емкостях вдоль стен, освещая туннель. Логэйн спросил, откуда бралась эта лава, но таких подробностей Катриэль не знала. Возможно, это была магия, хотя всем известно, что гномы магией не пользуются. Впрочем, откуда бы эта лава ни бралась, теперь от нее не осталось и следа. Повсюду были только пыль и безмолвный сумрак.

На первом пересечении туннелей, до которого дошли путники, в стенах были высечены громадные руны. Все четверо как сумели очистили их от паутины и пыли, а потом Катриэль с факелом в руке внимательно изучала знаки.

— Они определенно гномьи, — пробормотала она. Затем постучала пальцем по одной из рун, которая повторялась несколько раз. — Видите? Эта руна состоит из двух частей — *гва* и *рем*. «Соль» и «водоем».

— Гварен? — Мэрик подался вперед и, придвинувшись вплотную к Катриэль, поверг ее плеча стал рассматривать руны. Эльфийка вздрогнула, но он этого не заметил. — Это дорога на Гварен, да? Гномий форпост носил точно такое же название.

— Кажется, эта руна указывает на правый туннель, — Катриэль, обеспокоенно хмурясь, взглянула на Мэрика, — но все-таки я не уверена.

— Уж лучше доверять твоим догадкам, чем моим, — ухмыльнулся он.

Роуэн и Логэйн обменялись скептическими взглядами. Молодой генерал давно уже перестал полагаться на свое чувство направления.

Через день или чуть меньше (правда, чем дольше они пребывали в вечном сумраке, тем труднее становилось подсчитать, сколько прошло времени) путники обнаружили тейг — пещеру, в которой гномы устроили поселение. У входа в тейг высилась внушительная груда камней — по всей вероятности, след давнего обвала, — и на то, чтобы расчистить проход, ушло несколько часов нелегкого труда.

Пляшущий свет факелов не мог проникнуть в самую глубину тейга, но и то, что увидели путники, живо напоминало величественные каменные замки. Вдоль галерей, которыми соединялись здания, некогда тянулись громадные колонны, сплошь испещренные рунами. Теперь почти все это великолепие рухнуло, превратилось в развалины, каменные остовы былого.

Паутина была повсюду. Невесомые серые завесы протянулись между зданиями и стенами пещеры, и чем выше поднимался взгляд, тем гуще становилась паутина, пока наконец свет факелов не становился бессилем пробиться сквозь ее пелену. Казалось, тейг находится в гигантском коконе, надежно Укрытый от течения времени в извечной темноте и тишине.

— Осторожно, — вполголоса предостерег Логэйн, опуская факел, чтобы не подпалить паутину.

Огонь мгновенно добрался бы до самого свода пещеры, и горящая паутина, скорее всего, обрушилась бы на их головы.

— Чувствуете? — спросила Роуэн, осторожно ступив вперед по гудам каменных обломков.

Тронув пальцами щеку, она обеспокоенно огляделась по сторонам. У всех остальных округлились глаза, потому что они почувствовали то же самое — едва ощутимое дуновение, касавшееся их лиц в душной, неподвижной темноте.

— Воздух, — прошептал Мэрик. — Откуда-то идет воздух.

Он был прав. Откуда-то сверху шел поток воздуха, и можно было увидеть, как чуть заметно колеблется над головой паутина, едва освещенная пламенем факелов. У гномов, должно быть, имелись дымоходы, либо это были те самые вентиляционные ходы, о которых рассказывала Катриэль.

А еще здесь были слышны звуки. Стоя на пороге тейга, все четверо понимали, что пощелкивание стало намного отчетливее. Оно то обрывалось, то начиналось снова, но исходило определенно отсюда. Они так долго не слышали почти ничего, кроме собственных шагов и дыхания, что не уловить посторонний звук было невозможно.

Лицо Катриэль залила смертельная бледность, и, как ни старалась эльфийка скрыть страх, ее выдало то, как тревожно она вглядывалась в темноту.

— Что это... что это за щелчки? Может, падают камни?

Никто ей не ответил. Даже сама Катриэль не верила собственным словам.

— Может, нам вернуться? — прошептала Роуэн.

Мэрик покачал головой:

— Никакого обходного пути мы не видели. Нам придется либо пойти вперед, либо возвращаться к самому выходу на поверхность.

Обсуждать и в самом деле было нечего. Логэйн шагнул вперед, настороженно выставив перед собой меч, и с опаской вгляделся в нависшую над головой пелену паутины:

— Если понадобится, подпалим ее.

Мэрик двинулся вплотную за ним:

— Но ведь это опасно?

— Я сказал — если понадобится.

Они продвигались медленно, обнажив клинки и прикрывая спину друг другу. Каждый шаг по каменному крошеву был тщательно выверен, а потому шли они без единого звука. И дышали беззвучно, едва-едва. Все четверо на ходу медленно покачивали перед собой факелами, сясь в их зыбком свете разглядеть хоть что-то во тьме развалин. Напрасный труд — они видели только разрушенные арки, колонны и груды камня. В тишине, словно насмехаясь над ними, плясали тени.

Шаг за шагом, крадучись пробирались они по растрескавшимся остаткам того, что когда-то было длинной мощеной дорогой, проложенной между громадными, давно опустевшими зданиями. На одной из стен сохранились поблекшие следы фрески — бирюзовые и алые пятна, смутные очертания полустершегося лица. Одни только глаза и можно было еще различить, и эти нарисованные глаза взирали на путников с немим изумлением.

Логэйн вдруг остановился, и Мэрик, шедший следом, едва не налетел на него. Они стояли у подножия огромной статуи исполинского воина высотой сотни футов, которая, вполне вероятно, упиралась головой в далекий свод пещеры. Великан потемнел от времени, и Мэрик мог побиться об заклад, что еще никогда в жизни не видел такой громадины. Статуя, судя по всему, была изваяна из цельного куска мрамора.

— Дыхание Создателя! — пробормотал Мэрик, снизу вверх глядя на исполина.

Остальные тотчас замерли. Глаза Катриэль широко раскрылись, и она шагнула к подножию статуи.

— Не трогай эту штуку, — предостерег Логэйн, но эльфийка словно и не услышала его.

Основанием статуи служила громадная квадратная колонна, испещренная покрытыми пылью знаками.

Катриэль поднесла факел к рунам и ладонями, как сумела, стряхнула с них пыль.

— Это... думаю, это Совершенный, — прошептала она.

— Кто-кто? — переспросил Мэрик.

— Совершенный. Так называют гномов, которые становятся для своих соплеменников живой легендой. Величайшие воины, основатели знатных домов. — Катриэль смахнула новую порцию пыли, явно зачарованная тем, что ей открывалось. — Думаю, что этот Совершенный был кузнецом.

— Чудесно, — пробормотала Роуэн, — это гномий кузнец. Теперь мы можем идти дальше?

Зеленые глаза эльфийки сверкнули.

— Совершенный — это не какой-нибудь заурядный гном! Это один из величайших гномов, которых знала история! Соплеменники почитают их как богов. И они многое отдали бы, чтобы узнать об этом, — прибавила она, окинув взглядом исполинскую статую.

— Так давайте расскажем гномам об этой статуе, но потом, — не уступала Роуэн.

Логэйн кивнул:

— Надо проверить, есть ли там проход.

Катриэль неохотно согласилась. Она отступила на шаг от основания статуи, печально оглянувшись напоследок и покачала головой, как будто не верила собственным глазам. И только Мэрик заметил, что прямо у нее за спиной болтается толстая поблескивающая нить. Он уже метнулся к эльфийке, когда ее вдруг рывком вздернуло вверх, в темноту.

— Катриэль! — вскрикнул Мэрик и, бросив меч, ухватил девушку за ноги.

Та завизжала от ужаса, повиснув в пустоте вместе с Мэриком, который всей тяжестью своего тела увлекал ее вниз.

В темных недрах паутины, сплетавшейся над головой, раздались громкие возбужденные щелчки. Звук перекачивался, эхом отражаясь от стен, и в темноте, на самой границе света от факелов, пришли в движение какие-то тени.

— Логэйн! — снова закричал Мэрик, отчаянно лягая воздух. — Помоги!

Молодой генерал стремительно подпрыгнул и, схватившись за ногу Мэрика, пролетевшую над самой его головой, изо всей силы дернул ее вниз. Катриэль опять завизжала, тьма под сводом пещеры отозвалась новым залпом щелчков, потом что-то влажно хлопнуло — и Мэрик с эльфийкой рухнули на пол пещеры.

— Берегись! — крикнула Роуэн — одна неясная тень выскочила наконец в круг света.

Роуэн вытаращила глаза, осознав, что перед ней — гигантский, размерами с человека, наук. Черная щетинистая тварь со множеством блестящих глаз и раздутым брюхом. С ошеломляющим проворством перебирая мохнатыми лапами, паук отбежал в сторону — опасался то ли меча Роуэн, то ли факела, который горел у нее в руке.

Логэйн уже вскочил и одним прыжком развернулся навстречу еще нескольким теням, которые торопливо метнулись назад и растворились в темноте. Паук, выскочивший перед Роуэн, громко защелкал и ринулся на нее, подняв передние лапы и обнажив сочащиеся ядом хелицеры.

— Роуэн! — предостерегающе вскрикнул Логэйн.

Паук передней лапой ударил по клинку Роуэн, едва не обезоружив ее. И тут же с шипением прыгнул, норовя достать ее хелицерами. Девушка с трудом успела выставить перед собой руку. И прогнулась назад под тяжестью паука, который пытался прокусить доспех. Это ему не удавалось, и струйки черного яда с шипением ползли по броне, оставляя дымящиеся следы.

Роуэн зарычала сквозь зубы, изо всех сил стараясь удержаться на ногах, и двинула паука локтем. Тот в ярости защелкал и попытался отпрыгнуть, но меч стремительно рассек его голову. Из раны хлынула белесая сукровица. Паук пронзительно запищал и, взвившись в воздух, с размаху ударился о дальнюю стену. И бешено завертелся, словно норовил удрать от собственной раны.

Другой гигантский паук прыгнул сверху, чуть не задев Логэйна. Юноша отскочил и, едва успев развернуться, полоснул клинком по передней лапе паука. Тот отбил удар и,

повернув голову, уставился на оказавшуюся рядом Катриэль множеством блестящих черных глаз. Эльфийка завизжала от ужаса.

Мэрик, стиснув зубы от усилия, полоснул мечом по голове паука. Клинок скользнул по хитиновому панцирю, и раздался влажный хруст. Все тело паука передернулось, а затем тварь развернулась и ударила принца передними лапами в плечо — и тот покатился по полу.

Логэйн метнулся к ним и изо всей силы стукнул паука ногой, да так, что тот с омерзительным визгом опрокинулся на спину. Из раны на голове твари уже хлестала белесая жидкость, но чудовище еще пыталось перевернуться, и тогда Логэйн наступил ногой на его грудь, прижал и одним ударом вогнал в него меч. Он с усилием провернул клинок в ране, и паук беспорядочно замахал лапами.

— Мэрик! — испуганно вскрикнула Катриэль и, спотыкаясь, бросилась к принцу.

Роуэн тоже заметила, что произошло, но тут другой паук, сбежав вниз по отвесной стене, нацелился на нее. Девушка взмахнула мечом — и тварь поспешно отступила.

Катриэль уже была рядом с Мэриком. Он мотал головой, оглушенный падением, и эльфийка помогла ему встать. Затем он глянул вверх — и глаза его округлились. Он вскрикнул — и сразу так же пронзительно закричала Катриэль. Громадный паук спрыгнул прямо на них и вонзил хелицеры в плечо девушки.

Она вырвалась и ударила паука кинжалом. Чудовище попыталось отползти, но сбоку подскочила Роуэн и вонзила меч в его брюхо. Паук развернулся, но девушка успела широким взмахом меча снести ему голову. Обезглавленное туловище завертелось, нелепо дергая конечностями и разбрызгивая во все стороны сукровицу.

— Нет! — дико закричал Мэрик, увидев, что Катриэль падает, закатив глаза.

Зловещие раны на ее плече распухали, и от них, словно следы гнили, расползались под кожей черные усики. Мэрик успел подхватить эльфийку, прежде чем она рухнула на камни, и в ужасе смотрел, как она начала корчиться в неуправляемых судорогах.

— Логэйн! Мы должны выбраться отсюда!

Стиснув зубы, Логэйн выдернул клинок из придавленного им паука и отскочил в сторону, подхватил меч Мэрика, а также валявшийся на полу факел, который уже готов был вот-вот погаснуть. Оружие он швырнул принцу, и тот, несмотря на скудное освещение, ловко поймал клинок, а Логэйн между тем высоко поднял факел и ткнул им в нависшую над головой паутину.

Огонь занялся не сразу, но, уже занявшись, быстро побежал вверх. Даже слишком быстро.

— Приготовились! — гаркнул Логэйн.

Паучьи щелчки, доносившиеся со всех сторон, казалось, стали громче, когда шипение пламени переросло в оглушительный рев. Огонь разошелся вовсю и мгновенно озарил весь тейг. Мэрик огляделся, моргая от чересчур яркой вспышки, и увидел мечущихся по стенам пауков. Их было много, пугающе много. Одна из гигантских тварей поползла было вниз по стене, снова нацелившись на Роуэн, но девушка вскинула меч и одним ударом отсекала часть передней лапы. Тварь с пронзительным воплем ретировалась.

— Туда! — крикнул Логэйн, указывая на соседнее здание, которое теперь ярко освещал огонь.

Это строение с круглым, потемневшим от времени золоченым куполом было одним из немногих, что еще не превратились в развалины.

Роуэн подхватила Катриэль, помогая Мэрику, и они что было сил помчались к зданию. Логэйн бежал следом, прикрывая голову, а сверху уже падали огромные комья горячей паутины. Гигантские пауки больше не атаковали путников — они бросились врассыпную, и их неистовые щелчки, казалось, вот-вот заглушат даже рев пламени.

Омерзительный запах гари пропитал все, и вместе с этой вонью наверху, под самым сводом пещеры, вдруг возникла мощная тяга. Словно исполинские легкие с силой вдохнули воздух — и тут же выдохнули густой липкий дым, который клубами обрушился на беглецов. Он распространялся стремительно, и в его густой завесе невозможно было ни что-либо

разглядеть, ни дышать. Казалось, что это не столько дым, сколько пыль, и частицы ее, покрывая лица и руки, забивались в горло и оседали в легких.

Мэрик надрывно закашлялся и тут же услышал кашель Роуэн — совсем рядом, хотя он едва мог ее различить. Они как будто брели по дну моря из черной патоки. Роуэн вдруг повалилась наземь, увлекая за собой и обеспамятевшую Катриэль, и самого Мэрика. Он выругался, помимо воли глотнув изрядную порцию дыма, и задохнулся. Здание с позолоченным куполом уже совершенно исчезло в дыму.

Кто-то тронул Мэрика за плечо, и он, не задумываясь, взмахнул мечом. Однако тот, кто до него дотронулся, судя по всему, предвидел такой результат, и чьи-то пальцы с силой стиснули запястье Мэрика, остановив руку. Это был Логэйн.

— Пошли! — крикнул он сиплым от натуги голосом.

Логэйн помог принцу встать. Вдвоем они подняли Роуэн и Катриэль и поволокли их в укрытие. В бурлящей дымной тьме разглядеть можно было лишь слепящее зарево огня, которое залило свод пещеры, да комья пламени, градом сыпавшиеся с высоты. Воздух по-прежнему выкачивался из пещеры.

На миг Мэрику почудилось, что сейчас весь пещерный свод вместе с залежами паутины и снующими по ней пауками рухнет им на голову. Раскаленный жар был уже нестерпим.

А потом Мэрик потерял сознание.

Когда он очнулся, вокруг было по-прежнему темно, и это привело его в смятение. Он лежал навзничь на чем-то твердом, и кто-то протирал его лицо прохладной влажной тканью. И ничего не было видно, совсем ничего. Сколько времени прошло? Они все еще на Глубинных тропах? Опасности нет? Когда он попытался спросить об этом, с губ сорвалось лишь сухое сипение, и он зашелся в лающем кашле, отчего все тело сотрясла боль.

Рука из темноты настойчиво уперлась в него, не давая сесть, и он услышал успокаивающий голос Роуэн:

— Лежи смирно, Мэрик, пока не двигайся. Я сейчас дам тебе попить, но пей медленно, небольшими глотками.

К губам принца поднесли невидимый сосуд — и в нем была восхитительно холодная вода. Мэрик хотел выпить ее одним махом — он лишь сейчас осознал, сколько черной пыли осело в горле, — однако Роуэн отняла сосуд прежде, чем принц успел рывком наклонить его. Но даже от нескольких глотков воды его сразу замутило, и он, повернувшись на бок, судорожно изверг из себя изрядное количество мерзкой черноты.

Когда все это закончилось, Мэрика охватили озноб и слабость. Роуэн вздохнула и вновь поднесла сосуд к его губам, на сей раз дав ему напиться вволю.

— Это было... не слишком приятно, — пробормотала она, — но, по крайней мере, ты избавился от этой дряни.

Каждый глоток воды приятно прокатывался по горлу, и Мэрик снова лег, чувствуя, как прохлада достигает желудка. И тут же обеспокоенно открыл глаза:

— А Катриэль...

— Хуже ей не стало, но она еще не пришла в себя, — ответила Роуэн, и в голосе ее проскользнуло раздражение. — Логэйн сумел высосать из ран большую часть яда. К счастью, у нее в мешке оказался драконий корень, иначе этого было бы недостаточно.

Из темноты донеслись отчетливые щелчки, которые, однако, ничуть не походили на паучье пощелкивание. Скорее это было похоже на стук камней, и Мэрик почти сразу сообразил, в чем дело. Он увидел, как в темноте брызнули искры, а вскоре занялись и крохотные язычки пламени.

— Думаешь, это разумно? — спросила Роуэн.

— Пауков не видать, — отозвался из темноты над пламенем голос Логэйна, — а в пещеру опять начал поступать чистый воздух. Думаю, худшее уже позади.

Юноша принялся раздувать огонь. Собранные им обломки трухлявой древесины шипели и трещали, неохотно покоряясь пламени, но, когда костер разгорелся как следует,

Мэрик наконец-то смог разглядеть, что его окружает.

Они находились внутри того самого здания, над головой высился купол, едва различимый в темноте. Здесь царило запустение и повсюду виднелись груды камней и обломков Дерева — остатки то ли рухнувших стен, то ли полуистлевшей мебели. Мэрик разглядел длинные ступени, которые спускались в нижнюю часть зала, самый его центр. Что здесь было когда-то — место для общественных собраний, театр? Мэрик слышал однажды, что гномы часто проводят воинские состязания, которые именуют «испытаниями», — поединки, в которых воины сражаются друг с другом ради почета и славы. Может быть, когда-то в этом месте проводились испытания? С виду здесь было не очень-то просторно.

Катриэль лежала неподалеку, на плече ее белела повязка. Черная пыль покрывала ее почти целиком, и золотистые завитки волос стали маслянистыми, темными. Правда, кто-то явно позаботился о том, чтобы обтереть ей лицо. Впрочем, и все остальные, как заметил Мэрик, тоже были покрыты той самой пылью, и ею же был присыпан пол под окнами и трещинами в стенах. Снаружи все выглядело гораздо страшнее — пыль, висевшая тучами в воздухе, словно заполняла пещеру морем тьмы.

Было тихо. Почти так же тихо, как бывает в тот день, когда выпадет первый снег. Эту всепоглощающую тишину нарушало лишь журчание воды. Звук доносился откуда-то поблизости, откуда именно — мешало понять эхо, но он был на редкость отчетлив.

— Хочешь — верь, хочешь — не верь, но здесь есть вода, — подтвердил Логэйн. — Вон там... — он ткнул пальцем в дальнюю часть зала, где стена обрушилась заметнее, чем в других местах, — там есть большая чаша, которая, судя по всему, каким-то образом постоянно наполняется водой. Чаша опрокинулась, и получился ручеек.

— Тут явно не обошлось без магии, — заметила Роуэн, — однако вода свежая. Жаль, что мы не можем взять ее с собой.

— Долго все это продолжалось? — сиплым голосом спросил Мэрик и сел. Роуэн протянула было руку, чтобы поддержать его, но остановилась, сообразив, что ему явно стало лучше. — Как мы сюда добрались?

— Я успел затащить вас сюда прежде, чем началась самая потеха, — проворчал Логэйн. — А потом и сам свалился без чувств. Не знаю, сколько я так провалялся.

— Пауки могли вернуться. — Роуэн содрогнулась.

— Да, могли. — Логэйн отвернулся от огня и очень серьезно взглянул на Мэрика. — Нам нельзя здесь задерживаться. Если есть возможность вернуться на дорогу к Гварену, мы должны ее отыскать. А если Катриэль не придет в себя, нам придется ее нести.

— Или мы можем бросить ее здесь, — тихо, ни на кого не глядя, проговорила Роуэн.

— Роуэн! — воскликнул Мэрик, потрясенный до глубины души.

Она искоса глянула на Логэйна. Тот поморщился — ему явно было не по себе, — однако глаз не отвел. Мэрик поглядел на него, на Роуэн, увидел, как эти двое сидят перед ним — плечом к плечу, как положено союзникам. Они явно уже говорили об этом. Пока Мэрик лежал без сознания, они говорили о том, чтобы бросить Катриэль.

— Вы это серьезно? — спросил он. На смену потрясению в нем зарождался гнев. — Бросить ее здесь? Потому что она ранена?

— Нет, не поэтому, — твердо ответила Роуэн. Логэйн хотел что-то вставить, но она, вскинув руку, остановила его. Он нахмурился, но подчинился. — Мэрик, мы считаем, что ей нельзя доверять.

— С чего вы это взяли?

— С того, что слишком многие концы не сходятся с концами. Она вовсе не похожа на ту испуганную девчонку, которой мы пришли на помощь тогда, в Гварене.

Логэйн кивнул:

— Я готов был признать ее посланцем эрла Байрона, быть может, далее его осведомительницей, но... вспомни, что она способна проделать, какими обладает знаниями. Мэрик, эта эльфийка не простая служанка.

Принц оцепенел, чувствуя, как в нем разгорается злость.

— Даже если вы и правы, что же в этом плохого?

— Мэрик... — неловко проговорил Логэйн.

— Она пришла мне на помощь, — с силой продолжал Мэрик, — хотя точно так же могла бы помочь тем солдатам прикончить нас. Она по собственной воле рассказала нам о Глубинных тропах, хотя точно так же могла бы вывести нас прямо в руки узурпатора. — Глаза его сузились. — Что именно, по-вашему, она натворила?

— Я не знаю, что она натворила, — честно ответил Логэйн. — Знаю только, что она меня беспокоит.

Роуэн сделала глубокий вдох.

— Подумай о том, Мэрик, что ты можешь быть пристрастен на ее счет, — ровным голосом проговорила она.

Мэрик запнулся, опешив. А затем увидел в глазах Роуэн уязвленную гордость. Девушка старалась ее скрыть, но было очевидно, что она сейчас предпочла бы оказаться где угодно, только не здесь.

«Она все знает», — понял Мэрик. Теперь ему все стало ясно. И то, как выжидающе смотрела на него Роуэн в Гварене, за день до выхода в море, а когда он спросил, в чем дело, — с негодующим видом удалилась. И то, как она злилась на него. И как вlepила ему пощечину.

— Вот как... — только и пробормотал он.

Злость, кипевшая в нем, стремительно сходила на нет. Сотню раз, не меньше, он репетировал, как скажет Роуэн правду о себе и Катриэль, а на деле все оказалось совсем не так. Мэрик давно хотел рассказать обо всем. Хотел объяснить, что с Катриэль он почувствовал себя по-настоящему сильным, что он ничего не должен был ей доказывать. Вот только как бы это прозвучало? По правде говоря, он и Роуэн ничего не должен был доказывать. Девушка знала его с самого детства, знала все его ошибки и промахи лучше, чем он сам. Нет, он любит ее, просто это совсем другое.

В глубине души Мэрик надеялся, что Роуэн это поймет. Будучи подростками, они оба не раз горько сетовали на сговор, устроенный их родителями, тайно потешались над тем, что в один прекрасный день станут мужем и женой. Неужели Роуэн...

Да. Именно так. Сейчас под пристальным взглядом Мэрик вдруг осознал, что она уже много лет не высказывала неудовольствия по поводу их помолвки. И он даже не может притвориться, что пребывал в полном неведении. Если бы он и вправду ничего не знал о чувствах Роуэн, разве было бы ему так нелегко рассказать ей о Катриэль?

— Роуэн, — мрачно сказал он вслух, — я совсем не хотел, чтобы вышло вот так.

— Я знаю.

— Что вышло? — спросил Логэйн с таким видом, точно проглотил какую-то кислоту. Он глянул на Мэрика, на Роуэн, опять на Мэрика, и лицо его окаменело. Очень медленно он отвернулся. В глазах его была боль. — Ясно, — только и сказал он.

— Я не знаю, что и сказать, — виновато, вполголоса сознался Мэрик. — Мне и в голову не приходило... то есть я хочу сказать, мы столько лет не заговаривали об этом. Мы вечно воевали, и я не думал, что...

— Прекрати, — спокойно сказала Роуэн. — Здесь не место для этого разговора.

— Но...

Она прямо взглянула в глаза Мэрику:

— Скажи мне только одно: это продолжалось? После той, первой ночи?

Мэрик ощутил беспомощность. Он не хотел причинять боль Роуэн, и тем не менее это уже случилось. И никакие его слова не могли этого исправить.

— Да, — обреченно выговорил он.

Роуэн медленно кивнула. Логэйн, повернувшись, изумленно воззрился на Мэрика:

— Дыхание Создателя! Ты что, влюбился в нее?

Мэрика передернуло. Уж лучше бы Логэйн схватил нож и воткнул ему в спину. Роуэн упорно смотрела себе под ноги, но Мэрик знал, что она ловит каждое слово. Он сделал

глубокий вдох и прерывисто выдохнул.

— Да, — сказал он. — Думаю, да.

Даже если Роуэн ожидала услышать подобный ответ, было видно, что слова причинили ей боль. Она избегала смотреть на принца, лицо ее окаменело. Мэрик чувствовал себя бессердечным негодяем. Логэйн уставился на него так, точно не верил собственным ушам.

Мэрик сделал глубокий вдох.

— Я с этим покончу, — сказал он. Стиснув зубы, он посмотрел на Роуэн, и на лице его появилась решимость. — Роуэн, я не хотел тебя обидеть. Я был не прав. Ты нужна мне, я хочу, чтобы ты это знала. Если все это так глубоко тебя задевает, значит, этого быть не должно. Между мной и Катриэль все кончено.

Наступила долгая неловкая пауза. Тишина, царившая в пещере, стала совсем необъятной, и на миг Мэрику отчаянно захотелось услышать посвист ветра, крики чаек высоко в небе, даже паучье пощелкивание. Что угодно, только не эта непоколебимая тишина.

Наконец Роуэн посмотрела на него. Выражение ее лица было непреклонно.

— Нет. Не этого я хочу.

— Но...

— Я хочу, — настойчиво, ледяным тоном продолжала она, — чтобы ты прислушался к тому, что мы говорим. Как ты объяснишь все эти несоответствия в поведении Катриэль?

Мэрик вздохнул. Он выразительно посмотрел на Роуэн, страстно желая сменить тему разговора, но девушка оставалась непреклонна.

— Катриэль — эльфийка, — беспомощно начал он, — а еще она — необыкновенная женщина и обладает талантами, за которые мы должны быть ей благодарны. Если вы еще не забыли, она спасла нам жизнь. Всем нам. — Мэрик сделал паузу и с упреком глянул на собеседников. — И даже если бы я разделял эти ваши подозрения, неужели вы думаете, что я согласился бы бросить ее здесь? Никто не заслуживает такой участи.

Логэйн задумчиво потер подбородок:

— Тогда, возможно, нам стоит допросить ее, узнать...

— Нет! И хватит об этом, ясно?

Логэйн и Роуэн вновь переглянулись и неохотно кивнули. Решение Мэрика не пришлось им по вкусу, но вместе с тем они явно не были всерьез настроены избавиться от Катриэль. При одной мысли о том, чтобы бросить кого-то здесь, в кишасей пауками темноте, по спине ползли мурашки.

— Роуэн, — начал Мэрик, — может, нам стоит поговорить? Отойти и...

Она поспешно встала, отряхнула с доспехов черную пыль.

— В этом нет необходимости, — холодно проговорила она. — Я все понимаю. Ты любишь ее. Я только жалею, что ты не сказал мне об этом раньше. Я освободила бы тебя от всех обязательств, которыми ты считал себя связанным.

На это Мэрику нечего было ответить. Роуэн, намеренно не глядя на него, подняла с пола свой мешок:

— Пойду попробую отмыться. С вашего разрешения...

И она, не оглядываясь, твердым шагом двинулась в темноту, царившую в дальней части зала.

Логэйн одарил Мэрика взглядом, в котором ясно читалось: «Ну и дурак же ты!»

— Следи за костром. Если Катриэль очнется, дай нам знать.

С этими словами он направился следом за Роуэн.

Мэрик вздохнул, откинулся назад, опираясь на локти, и тут же скривился, когда острые камни немилосердно впились в спину. Все пошло прахом. Его замысел провалился, он погубил большую часть армии и отца Роуэн, а вдобавок еще и предал доверие самой девушки. Даже Логэйн, наверное, теперь злится на него. И Мэрик не знал, можно ли хоть что-нибудь исправить. Даже если они каким-то образом исхитрятся пройти через эти туннели и вовремя добраться до Гварена — не для того ли только, чтобы увидеть окончательный разгром мятежа? Так ли ему хочется стать свидетелем этой катастрофы?

Но все-таки почему Логэйн и Роуэн вымещают свою злость на Катриэль? Этого Мэрик никак не мог понять. Хотя нет, Роуэн, пожалуй, он понимал. Он и прежде замечал, что у нее натянутые отношения с эльфийкой, и теперь стало ясно, почему это так. Но Логэйн! Логэйн всегда такой здравомыслящий. С чего бы он стал высказывать необоснованные подозрения? С чего бы убеждал Мэрика бросить Катриэль здесь? Бессмысленно думать, будто она пошла с ними затем, чтобы навредить. У нее были для этого все возможности, так почему же она предпочла помочь?

Мэрик загляделся на костер, и пляска пламени, пожиравшего древесину, медленно, но верно заорожила его. Огонь понемногу угасал, и Мэрик знал, что должен бы подбросить в костер топлива, но оказалось, что его куда больше устраивает темнота, подбирившаяся все ближе. И холод, который становился все явственнее. Мысль о том, что вместе с темнотой к нему могут подобраться пауки, отчего-то казалась нереальной.

— Ты прав, — прозвучал совсем рядом тихий голос.

Мэрик обернулся и увидел, что Катриэль пришла в себя. Она медленно села, и в ее изумрудно-зеленых глазах была отрешенная печаль. Одним взглядом окинула она полуразрушенный зал, купол, груды каменных обломков, уяснив для себя, где находится, — если это ее вообще волновало.

— Ты очнулась! — воскликнул Мэрик и, не вставая, торопливо подполз к Катриэль. Взяв за руку, он помог эльфийке перебраться к костру. — Как ты себя чувствуешь? Раны болят?

Катриэль, которой явно приятно было оказаться у огня, неловко повернула голову и оглядела широкую повязку на плече.

— Немного ноют, — равнодушно ответила она. Затем посмотрела на Мэрика, и на лице ее промелькнула тревога. — Ты ведь слышал, что я сказала?

— Ты сказала, что я прав. Такое я слышу не часто.

— Я слышала ваш разговор, — проговорила Катриэль, угрюмо глядя в огонь. — Ты прав. Нам нельзя быть вместе.

— Нет, не слушай меня! — вскинулся Мэрик.

— А тебе следовало бы послушать своих друзей. — Катриэль смотрела на него, и в тусклом свете гаснущего костра на ее точеные черты ложилась тень. В голосе эльфийки звучала печальная покорность судьбе. — Почему ты вступился за меня, госпо... Мэрик? Ты же ничего обо мне не знаешь. И тем не менее упорно защищаешь перед друзьями, перед соотечественниками. Это надо прекратить. — Катриэль порывисто накрыла его ладонь своей, и в глазах ее вспыхнула неподдельная тревога. — Перестань меня защищать. Пожалуйста.

Мэрик обхватил пальцами ее руку, ласково погладил. Удивительно, но кожа Катриэль, даже покрытая черной пылью, все равно оставалась самой нежной в мире. Он невесело улыбнулся девушке:

— Не могу. Нельзя, чтобы о тебе говорили такое только потому, что ты эльфийка. Я знаю, что они не правы.

— Это не потому, что я эльфийка.

— Тогда — чужеземка. Или женщина. Женщина, которую я люблю.

Это слово, казалось, ранило Катриэль, и она отвернулась, с трудом сдерживая слезы.

— Ты и в самом деле глупец, — прошептала она. — Как ты можешь говорить такое, если знаешь меня совсем недавно?

Мэрик протянул руку, бережно обхватил пальцами ее подбородок, вынудил повернуть лицо к свету. По лицу Катриэль текли слезы.

— Я знаю тебя, — прошептал он. — Может, я не знаю, где ты бывала и что делала раньше, но я знаю, какая ты сейчас. Я знаю, что ты хорошая и достойна любви. — Он большим пальцем стер слезу с ее щеки. — Как же вышло, что ты сама этого не знаешь?

Катриэль опустила глаза, ладонью отвела его руку от своего лица. Мгновение казалось, что сейчас она захлебнется безудержными рыданиями, но девушка только сглотнула слезы.

— Я не та, за кого себя выдаю, — призналась она.

— Я тоже, — отозвался Мэрик.

Катриэль взглянула на него с непритворным смятением.

Мэрик невесело хохотнул:

— Знаешь, как долго я притворялся принцем? Человеком, на которого все смотрят с почтением? За которого люди готовы сражаться и отдать свою жизнь, которого они стремятся возвести на трон? — Он недоверчиво покачал головой. — Представляешь, что было бы, если бы им это удалось? Сами себя оставили бы в дураках, верно? Может, и к лучшему, что все кончилось именно так.

Катриэль несколько раз открывала рот, явно собираясь что-то сказать, но так и не произнесла ни слова. Наконец она обреченно вздохнула.

— Ничего еще не кончилось, — тихо сказала она. — Всегда можно что-то сделать. Всегда.

— Вот видишь? — улыбнулся Мэрик. — Именно поэтому ты мне так нравишься.

Катриэль улыбнулась в ответ, но улыбка вышла печальной. Удивительные глаза эльфийки испытующе глядели на Мэрика, словно искали в нем... но что? Этого он не мог понять.

— Мэрик... — Катриэль оборвала себя, сделала глубокий вдох, — я должна тебе рассказать...

— Я уже знаю, — перебил он. — Знаю все, что мне нужно. Мне не важно, кем ты была раньше. Мне важно, кто ты сейчас.

Катриэль сморгнула вновь набежавшие слезы, не зная, что на это ответить.

— А еще мне важно, любишь ли ты меня.

Девушка кивнула и горько рассмеялась, дав наконец волю слезам.

— Я люблю тебя, и даже сильнее, чем следует. Клянусь, мой принц, ты — моя погибель.

— «Мой принц»? Это мне нравится куда больше, чем «ваше высочество». — Мэрик снова обхватил пальцами ее подбородок, придвинулся ближе. — Во всяком случае, — прошептал он, — когда это говоришь ты.

А потом он поцеловал ее. И она наконец сдалась.

Роуэн сидела в темноте, в дальнем конце зала. Костер отсюда был не виден, хотя слабые отблески его рассеянного света все-таки достигали ее. Девушка ничего не имела против темноты. Темнота была ей приятна, не мешало даже то, что сюда могли прокрасться гигантские пауки. В глубине души Роуэн даже желала этого. Пусть только сунутся...

Она сняла с себя все доспехи до пояса, ощупью отстегивая в темноте пластину за пластиной, и теперь протирала их начисто лоскутом ткани, намоченным в ручье. Вода, вытекавшая из чаши, за много лет проточила себе небольшое русло и текла куда-то за пределы здания. Далеко ли тянулся этот подземный ручей, было непонятно.

На самом деле Роуэн вовсе не нужно было отмывать доспехи, хоть они и были покрыты неприятно шершавым слоем черной пыли. Ей просто требовался предлог уйти от всех, побыть одной. Поплакала она совсем немножко, но все равно не хотела, чтобы Мэрик увидел ее слезы. Он был этого недостоин.

Шаги Логэйна Роуэн слышала прежде, чем заметила в отблесках света неясную тень. Логэйн ступал тихо и осторожно. Должно быть, не хотел докучать Роуэн, а просто намеревался присмотреть за ней, позаботиться, чтобы с ней не стряслось никакой беды. Это было очень похоже на Логэйна.

— Я тебя слышу, — сообщила Роуэн в темноту, отложив намоченный лоскут.

— Извини, — негромко ответил Логэйн. — Если хочешь, я могу уйти.

Роуэн обдумала это предложение.

— Нет, — сказала она без особой охоты. — Не надо.

Логэйн подошел ближе, сел рядом с ней на краю ручья.

В скудном свете Роуэн едва могла разглядеть его, но и так видно было, что он мрачен.

Юноша рассеянно погрузил ладонь в ручей.

— Я ничего не знал, — сказал он.

— Я и не думала, что ты знал.

Некоторое время оба молчали. Роуэн подняла лоскут ткани, снова окунула его в холодную воду. Медленными движениями отмывала она нагрудник, а Логэйн в темноте не сводил с нее глаз. Роуэн чувствовала его взгляд, и это ее раздражало.

— Было бы легче, — сказала она со вздохом, — если бы я могла просто ненавидеть его. После того, что он натворил, мне бы следовало его возненавидеть, правда?

— Его трудно ненавидеть.

— Я тоскую по отцу, — сказала вдруг Роуэн. — И тоскую по Мэрику — такому, каким он был раньше. Тогда притворяться было проще. Мне даже не было никакого дела до трона, в отличие от моего отца. Главной ценностью была улыбка Мэрика, и порой я даже могла убедить себя, что эта улыбка предназначена мне одной.

На последних словах у Роуэн перехватило горло, и она запнулась. И только потом осознала, что говорит.

— Но тебе вовсе незачем все это выслушивать. Извини.

Логэйн словно и не услышал ее.

— Роуэн, — сказал он, — ты достойна куда большего, чем думаешь.

— Вот как? — Глаза вдруг наполнились непрошеными слезами, и у девушки вырвался смешок — настолько нелепы были эти слезы. Да, она была воином, она командовала мужчинами, но всякий раз, стоило ей лишь чуть расслабиться, тут же она со стыдом обнаруживала, что на деле и слаба, и Уязвима, то есть именно такова, какой боялась показаться.

— А я в этом не уверена, — вслух сказала она. — Быть может, на самом деле я ненавижу эту жалкую эльфийку, потому что... потому что он выбрал ее, а не меня. Все эти годы я считала, что нам суждено быть вместе, а выходит, только обманывала себя.

Логэйн отозвался не сразу.

— Может, он еще одумается, — наконец проговорил он.

— Нет, — тихо сказала Роуэн. — Полагаю, что нет. И ты тоже не одумаешься. — Она пожала плечами. — Да это и не важно. По крайней мере, он счастлив.

Снова наступила тишина, и Роуэн опять принялась отмыывать доспехи. Логэйн погрузился в размышления — она почти явственно ощущала, как ворочаются мысли в его голове.

— Ты считаешь его виноватым? — с видимой неохотой спросил он.

— Во всем, что случилось? Нет.

— А в смерти твоего отца?

Здесь Роуэн пришлось задуматься.

— Нет, — сказала она наконец и уже с большей уверенностью повторила: — Нет. Мы знали, на что идем. Думаю, отец бы нас одобрил.

— Я считал его виноватым, — проговорил Логэйн очень тихо, почти шепотом. — В гибели моего отца. В том, что он свалился нам на голову, что нам пришлось его спасать. Я тоже хотел ненавидеть его, так что ты в этом не одинока. — Он помолчал, размышляя. — Только мы не можем ненавидеть его. И не потому, что мы слабы. Потому что мы — сильные. Он нуждается в нас.

— Он нуждается в тебе, а не во мне.

— Ошибаешься, — мягко прошептал он. И, протянув руку, бережно отвел с ее лица прядь волос. — И я надеюсь, что когда-нибудь он это поймет.

Роуэн задрожала. Она чувствовала, что Логэйн сидит рядом, но не могла разглядеть его лица. И очень надеялась, что он тоже не может разглядеть ее. Она сильнее прижала к себе нагрудник.

— Н-ничего ему понимать, — упрямо пробормотала она.

— Неправда.

Роуэн чувствовала, что уже не может сдержать слез, что вот-вот разразится громким плачем, и поспешно отвернулась.

— Вот как?

Голос дрогнул, выдав бушевавшие в ней чувства, и Роуэн в смятении мысленно обругала себя.

— Когда-нибудь, — горько продолжал Логэйн, — он увидит то, что всегда было ему дано. Он увидит отважную воительницу, прекрасную женщину, ту, что равна ему и достойна беззаветной любви, и тогда он проклянет себя за то, что был таким дураком. Верь мне, так и будет, — прибавил он внезапно севшим голосом.

И с этими словами поднялся, собираясь уйти. Роуэн проворно обернулась и схватила его за руку. Логэйн оцепенел.

— Извини, — прошептал он. — Я не хотел...

— Останься.

Логэйн не шелохнулся.

— Я — не он, — пробормотал он наконец, и в голосе его была горечь.

Роуэн взяла его ладонь и медленно поднесла к своему лицу. Пальцы Логэйна легли на ее щеку, бережно, пугливо, словно он опасался, что она вот-вот растает, как сон. А потом он рванулся к Роуэн, сгреб ее в объятия и поцеловал так жадно...

В стылом сумраке пещеры его руки и губы были обжигающе горячи, и, когда поцелуй наконец прервался, Логэйн снова застыл, прижимая Роуэн к себе с таким страхом, точно они стояли на краю пропасти. Девушка протянула руку и, так же как прежде Логэйн, коснулась ладонью его щеки. И изумилась, обнаружив влажные следы слез.

— Он мне и не нужен, — прошептала она и вдруг осознала, что это чистая правда. — Какая же я была глупая...

Тогда Логэйн наклонился к ней и снова поцеловал, на сей раз уже медленнее. Затем он бережно уложил ее на камни у порожденного магией ручья в заброшенных древних руинах, и темнота сомкнулась над ними, и это было прекрасно.

Глава 14

Катриэль проснулась в полной темноте. На миг ее охватил безмерный ужас — она понятия не имела, где находится, и не могла отделаться от ощущения, что болтается, подвешенная, в коконе гигантского паука. Девушке казалось, что она задохнется, медленно сойдет с ума, чувствуя, как снуют по ее плоти невидимые паучьи лапы. Но почти сразу она успокоилась, поняла: никакого кокона нет, это просто крепкие объятия Мэрика.

Он спал, прижавшись к ней, прикрывая своим телом. Катриэль ощущала тепло его дыхания, чувствовала, как размеренно бьется его сердце. В этих ощущениях было нечто успокоительное, и Катриэль расслабилась, позволила собственному сердцу замедлить лихорадочный стук. Соблазнительно было думать, что вот так они могут пролежать в темноте целую вечность и ей никогда не придется рассказывать принцу, кто же она такая. На самом деле они вовсе не были в безопасности, и гигантские мохнатые твари затаились где-то неподалеку, но почему-то сейчас, в объятиях Мэрика, забыть обо всем этом было гораздо проще.

Пауки так и не появились, но издали донеслось знакомое, едва слышное пощелкивание. Катриэль дрожала всем телом и успокоилась, только когда огонь снова запылал. На свет костра из дальнего конца зала, где журчала вода, явился Логэйн. В неверном свете пляшущего пламени стало видно, что он обнажен до пояса. Да и сама Катриэль была не одета. На мгновение взгляды эльфийки и Логэйна встретились, а затем оба отвернулись и принялись одеваться.

Мэрик нежно улыбнулся Катриэль и провел ладонью по ее щеке. Девушка перехватила его руку и крепче прижала к лицу. Тому, что она не сумела сказать принцу, видно, так и суждено навсегда остаться несказанным. Поздно, теперь уже поздно.

Никто из них не произнес ни слова, не упомянул о том, что произошло ночью, если это вообще была ночь. Когда они проснулись, вокруг была все та же темнота — глухая, беспросветная. Похоже, всем четверым было не до разговоров — они думали только о том, как бы поскорее убраться отсюда, а потому молча уложили скудные пожитки и покинули ночное пристанище. Если они хотят избежать новой стычки с пауками, придется поспешить.

Держа повыше факелы и осторожно ступая по древнему щебню, отряд пробирался по узким дорожкам между руинами зданий. Вокруг плясали и кривлялись тени, и всякий раз, когда издали доносилось злое пощелкивание, все четверо замирали и настороженно вглядывались в темноту, обнажив мечи и готовясь отразить нападение.

Руины гномьего тейга были теперь густо покрыты черной сажой — следами огня, который прошелся по всей пещере. Воздух был все такой же густой от пыли, однако почти вся паутина исчезла. Скудный свет факелов не позволял увидеть пещеру целиком, но теперь путешественники могли лучше представить, что некогда видели обитавшие здесь гномы: громадные, сплошь покрытые рунами каменные контрфорсы и исполинские, изрядно изъеденные временем статуи гномьих королей, которые с высоты величаво взирали на подданных.

При виде этих древних исполинов Катриэль охватила смутная печаль. Каково им видеть, что подданные бежали из этих мест, а город лежит в руинах, покрытый копотью недавнего пожара?

— Мы могли бы подняться выше? — вслух спросила она. — Если бы удалось ярче осветить свод, я осмотрела бы и другие статуи.

Роуэн изумленно глянула на нее:

— На этих статуях наверняка полно паучьих гнезд. Тебе и в самом деле так охота поглядеть на них поближе?

Катриэль при этой мысли передернуло, и она неохотно покачала головой. И все же она помимо воли мечтала когда-нибудь поведать эту историю тем, кто знать не знает о древних краях, затерянных в толще камня у них под ногами. Обучаясь ремеслу барда, она стала не только шпионкой, но и сказительницей и сейчас безмолвно страдала оттого, что они вынуждены в такой спешке пройти мимо всех этих тайн.

Там, где пробирался сейчас отряд, когда-то, быть может, располагался своеобразный бульвар, место для гуляний, где собирались все обитатели тейга. Некогда в отвесной скальной стене был высечен целый дворец, и воображение Катриэль рисовало живописные арки и лестницы, перекинувшиеся между террасами. Она представляла купцов, оживленно торгующих за прилавками, установленными на разноцветных камнях мостовой, огромные фонтаны, бьющие до самого свода. Теперь от бывшего великолепия остались только руины да остовы полуобрушенных зданий, к которым даже невозможно было приблизиться: мешали груды камней и провалившиеся мостовые.

От самого дворца уцелели лишь обломки колонн да зияющие отверстия, которые, вне сомнения, вели в настоящий лабиринт коридоров внутри скалы. Обиталище пауков, как резонно заметил Логэйн. И действительно, проходя по «бульвару», путники заметили, что именно в этом месте больше всего было обгоревшей паутины. Повсюду, куда ни глянь, высились груды черного пепла и скрученных клейких нитей — иные в несколько футов толщиной, а то и больше.

Горящая паутина, обрушиваясь сверху, увлекала с собой и обуглившиеся трупы пауков. Они валялись на спине, растопырив мохнатые лапы. Было там и множество костей, также обгоревших до черноты, — в основном мелкие осколки, но встречались и куски покрупнее. Катриэль заметила что-то в горах мусора и, порывшись там, показала всем свою находку. Это был череп, который отдаленно напоминал человеческий, но был несколько великоват. Подобными останками был усеян весь «бульвар», словно над ним вывернули наземь гнездо гигантской кладбищенской крысы.

— Так вот что едят пауки, — пробормотала Катриэль.

— Порождений тьмы? — уточнил Мэрик, с сомнением разглядывая черен.

Ответить на этот вопрос было невозможно. Никто из четверых никогда в жизни не видел порождений тьмы, и до того, как они обнаружили эти останки, им ни разу не попадались вещественные свидетельства того, что легенды о войнах древности, о так называемых Морах, когда порождения тьмы вырывались на поверхность Тедаса, отнюдь не досужий вымысел. И все же теперь доказательства тому были налицо.

— Эти кости могут быть чьи угодно, — заявила Роуэн.

И на это никто из них не мог ответить. Если найденные кости принадлежали не порождениям тьмы, значит, они принадлежали другим тварям, таким же неведомым и чудовищным.

Путники пробирались по завалам из пепла и костей, порой вынужденные брести чуть ли не по пояс в этой отвратительной смеси. Они одолели место, где обломки камней громоздились так высоко, что невозможно было понять, какие здания стояли тут раньше. Не уцелело ни одной стены, ни единой колонны. То ли всю эту область сровняла с землей какая-то особенно мощная катастрофа, то ли здесь изначально строительство велось не так основательно, как в других частях города.

— Здесь могли быть трущобы, — заметила Катриэль. — И жили там бескастовые гномы. Рассказывают, что, когда знатные дома отступили с Глубинных троп, бескастовых попросту бросили. Забыли. — Она раскинула руки, указывая на окружавшие их груды камней. — Однажды бескастовые вышли из трущоб и обнаружили, что больше никого не осталось. Город пуст, и некому защитить их от порождений тьмы.

Мэрик содрогнулся:

— Быть не может, чтобы они так поступили!

— Отчего же? — резко спросила Катриэль. — В каждом обществе есть свои отбросы, низшие из низших. Думаешь, У людей все было бы иначе? Думаешь, если бы людскому городу угрожала опасность, кто-нибудь хоть пальцем шевельнул бы, чтобы спасти жителей эльфинажа?

Мэрик, казалось, опешил.

— Да, — сказал он. — Я.

Гнев Катриэль тотчас рассеялся, и она рассмеялась, качая головой. Ну да, конечно, Мэрик так бы и поступил. А когда он говорит такое, можно почти поверить, что это правда. Интересно, сильно ли он изменится, когда годы власти ослабят его наивность? Останется ли Мэрик таким, как сейчас?

— Говорят, кое-кто из бескастовых пытался бежать, — продолжала она вслух, — пытался своими силами добраться до Орзаммара. Вот только убежать им не удалось. Остальные просто ждали своей участи.

— Да неужели? — презрительно фыркнула Роуэн. — И кто же тогда выжил, чтобы поведать эту историю?

Катриэль пожала плечами, ничуть не задетая этим выпадом:

— Может быть, погибли не все. Видимо, кто-то из бежавших все-таки выжил. Прочие, скорее всего, покоятся в эту минуту у нас под ногами.

— Хватит с нас рассказней! — буркнул Логэйн, хотя вид у него был обеспокоенный.

Катриэль метнула на него раздраженный взгляд, но промолчала. Она вовсе не пыталась никого запугать: все, о чем она рассказала, происходило на самом деле, и нет смысла притворяться, что это не так. Впрочем, эльфийка не собиралась настаивать на своем.

Дальше они шли молча. Пробираясь по завалам над останками гномов отчего-то казалось страшнее, чем если бы это были мертвые пауки или порождения тьмы. Эти гномы не бежали отсюда; их бросили умирать, и эхо пещеры даже сейчас, много веков спустя, хранило их предсмертные крики.

Казалось, прошло много часов, прежде чем путники наконец обнаружили выход из тейга. Громадные металлические двери высотой футов сорок были врезаны прямо в скальную стену. В отличие от дверей, которые повстречались путникам на входе в Глубинные тропы, эти не разрушились от ржавчины и времени, но были проломлены неведомой силой

— силой, способной прогнуть лист металла толщиной несколько футов.

По ту сторону двери была только тьма.

— Как нам узнать, что это и есть дорога на Гварен? — спросил Логэйн.

Мэрик обернулся к Катриэль.

— Ты можешь что-нибудь сделать? — спросил он.

— Попытаюсь, — отозвалась она без особой уверенности.

Опустившись на колени вместе с факелом, Катриэль около часа исследовала руны, видневшиеся на скальной стене у двери, и наконец объявила, что большинство этих рун стерлось до неузнаваемости. Когда мощный удар проломил внутрь ворота подземной крепости, поверхность скалы во многих местах растрескалась, и, сколько ни трудилась Катриэль, ей не удалось отыскать ни единой знакомой руны.

— Я не знаю, куда ведет этот туннель, — призналась она, — и не знаю даже, написано ли здесь вообще, куда он ведет.

Катриэль была удручена. Именно она предложила пойти по Глубинным тропам, и спутники до сих пор рассчитывают, что она доведет их до цели. Сейчас, однако, ей все чаще казалось, что они так и останутся под землей, сгинут в темноте.

— Чудесно! — Роуэн шепотом выругалась.

Мэрик поглядел под ноги, на щебень, которым был усыпан пол пещеры. Мгновение он колебался, затем все же наклонился и поднял какой-то предмет. Спутники обернулись к нему и с удивлением увидели, что он держит в руках топор. Это был массивный топор, с кривым зазубренным лезвием с одной стороны и острым шипом с другой, — неоспоримое доказательство того, что перед ними отнюдь не орудие труда. Впрочем, куда любопытнее было то, что топор изготовили самым варварским, примитивным способом. Явно не гномий кузнец ковал этот ржавый кусок черного металла, кое-как прикрепленный к длинной рукояти и такой тяжелый, что Мэрик сумел поднять его только двумя руками.

Принц мрачно смотрел на Логэйна, и тут лезвие топора наконец отвалилось от рукояти и с оглушительным грохотом упало на пол. Эхо этого грохота прокатилось по всей пещере, и словно отвечая ему, из руин донеслись едва слышные щелчки.

— Пошли, — пробормотал Логэйн.

Несколько часов отряд со всеми предосторожностями шел по этому новому ответвлению Глубинных троп. Им по-прежнему встречалась паутина, и зачастую она была натянута поперек туннеля, поджидая неосторожную жертву. Тогда им приходилось поджигать ее, чтобы расчистить путь, однако Логэйн заметил, что здесь паутина попадаетея гораздо реже.

Зато и чернота в этих туннелях казалась гораздо темнее, если только такое вообще было возможно. Факелы светили тусклее, и мрак смыкался вокруг путников, как будто само их присутствие было ему ненавистно. Мрак давил так ощутимо, что было трудно дышать, и все четверо с замиранием сердца ждали, какая еще новая напасть обрушится на них.

А ждать оставалось недолго. Они это чувствовали.

— Может, нам лучше вернуться? — негромко проговорила Роуэн.

В голосе ее отчетливо звучал страх, и она пристально всматривалась в темноту туннеля. Им и вправду чудилось, что оттуда следят за каждым шагом чьи-то глаза. Со всех сторон.

— Вернуться к паукам? — Мэрик выразительно закатил глаза. — Нет уж, спасибо.

— Там не осталось паутины, чтобы поджечь, если пауки снова нападут на нас, — озабоченно проговорил Логэйн. Он тоже все время всматривался в даль, хотя и ничего там не видел.

Катриэль настороженно вынула из ножен кинжал.

— Но другого пути у нас нет. Надо идти дальше.

Страх заполз в ее сердце и свернулся там холодной скользкой змеей. Катриэль не впервой было проливать кровь, но ее учили сражаться только с людьми. Она знала, как ловчее всего перерезать горло врагу, как вогнать кинжал в уязвимое место, например под

мышку. Она без малейшего страха вступила бы в бой с противником, защищенным доспехами. Одному только ее никогда не учили — сражаться с чудовищами.

Мэрик почувствовал, что ей не по себе, и ободряюще обнял за плечи. Простой жест, не более, но Катриэль и за это была благодарна.

У путников не оставалось иного выхода, как только идти вперед. Все чаще хрустели под ногами разбросанные кости, все больше становилось иного сора, усиливалась гнилостная вонь. Стены туннеля лоснились от влажной слизи, пестрели пятнами плесени и порослью грибов. Иные наросты даже светились в темноте, но это странное, лиловатое сияние не столько освещало дорогу путникам, сколько усиливало их тревогу.

В одном месте они наткнулись на скопище старых паучьих трупов. Иные размерами вдвое превосходили тех, с которыми довелось сражаться путникам, — иссохшие древние останки, рассыпавшиеся в пыль от малейшего прикосновения. Большинство трупов было разодрано на куски.

— Кто-то их ел, — заметил Логэйн.

— Пауков?! — Мэрик скорчил брезгливую гримасу. — Может, их изувечили из мести.

— А может, тому, кто здесь пировал, наплевать было, что он ест, — отозвалась Роуэн.

— Порождения тьмы, — зловеще проговорила Катриэль и нахмурилась, когда все прочие посмотрели на нее с упреком. — К чему скрывать правду от самих себя? Ясно же, что пауки и порождения тьмы охотятся друг на друга.

Роуэн мельком глянула на стены, изъязвленные гнилью, и скривилась от омерзения:

— Может быть, нам следует остерегаться заразы? Ведь порождения тьмы разносят какую-то хворь.

— Они оскверняют землю, по которой ступают, одним своим прикосновением, — понизив голос, проговорила Катриэль. — И мы видим сейчас эту скверну на стенах, повсюду, везде. Это их владения.

— Какая прелесть! — легкомысленно заметил Мэрик. — Для полноты счастья не хватает только, чтобы нам явился Дракон.

Логэйн фыркнул:

— Это ты настоял на том, чтобы спуститься сюда.

— Значит, я в этом виноват, так?

— Я знаю только, кто в этом не виноват.

— Потрясающе! — пожал плечами Мэрик. — Значит, когда порождения тьмы наконец решат показаться, просто бросьте им меня. Вы получите шанс удрать, пока они будут глотать мои кости.

Логэйн спрятал довольную ухмылку:

— Как мило, что ты сам это предложил. За последние месяцы ты стал настоящим увальнем. Бьюсь об заклад, они славно попируют. И не только костями.

— Увальнем, говоришь? — Мэрик беспечно рассмеялся. — Если бы порождениям тьмы вздумалось сожрать тебя, они подавились бы желчью.

— Но-но! — возмутился Логэйн без особого, впрочем, рвения.

— И никаких «но-но». Ты первый начал.

Роуэн вздохнула:

— Клянусь, вы двое иногда — сущие мальчишки.

— Я просто предложил весьма благоразумный...

Мэрик осекся. Издалека, из темноты, в которую уходил туннель, донесся звук, которого они раньше не слышали, вкрадчивое сухое шуршание.словно множество тварей разом пробудилось во тьме, словно множество чешуйчатых тел разом заскользило по камням. Все четверо стремительно развернулись и замерли, до рези в глазах всматриваясь в темноту.

Звук оборвался так же неожиданно, как возник, и путники содрогнулись.

— Знаете, — пробормотал Мэрик, — я, пожалуй, передумал.

С оружием наготове путешественники крадучись двинулись вперед. Довольно скоро они оказались в месте, где стены туннеля обрушились и за ними чернели отверстия пещер.

Видимо, кроме тех подземных туннелей, по которым они уже прошли, были и другие. Все здесь заросло черными грибами, и гнилостная вонь стала более едкой. На полу, среди костей и обломков доспехов, валялись во множестве дохлые личинки.

У самой стены лежал скелет гнома. На нем еще сохранились ржавый нагрудник и большой шлем, закрывавший почти весь череп. Казалось, мертвец просто присел отдохнуть, а быть может, поразмышлять о своей кончине, которая настигла его так далеко от родных мест.

— Что это? — с любопытством проговорил Мэрик и двинулся к скелету.

За все время, что путники шли этим туннелем, впервые им повстречались останки, свидетельствующие о том, что здесь бродят не только чудовища. Катриэль задумалась: почему, если гном погиб именно здесь, его тело осталось нетронутым? В здешних местах водилось немало охотников до мертвечины. По крайней мере, так она предполагала.

— Будь осторожен, — предостерегла Катриэль Мэрика. — В таких местах Завеса слабеет, и этот мертвец может напасть на тебя.

Всюду, где произошло слишком много смертей, Завеса истончалась, что позволяло демонам и духам пробраться из своего царства в мир смертных. Они с жадностью завладевали любым живым существом или же тем, что когда-то было живым существом. Вот откуда брались страшные байки о ходячих трупах и скелетах — духах, которые обезумели, вселившись в плоть, лишенную столь желанной им жизни. Сама Катриэль ни разу в жизни не видела ходячего мертвеца, но это не значило, что они не существуют.

Мэрик замедлил шаг, осторожно потыкал пальцем шлем скелета и, когда ничего не произошло, вздохнул с облегчением. Затем он скосил глаза, и во взгляде его вспыхнул огонек любопытства — он заметил кое-что странное. Принц наклонился к правой руке гнома, придавленной несколькими крупными камнями, и осторожно просунул между ними пальцы.

— Тебе помочь? — спросил Логэйн.

— Нет, я думаю, что...

Камни поддались, и Мэрик от неожиданности качнулся назад. Скелет повалился набок, шлем соскочил с черепа и со звяканьем покатился по камням, а полуистлевшие кости под тяжестью ржавого доспеха рассыпались в мелкое крошево. Мэрик стал заваливаться на спину, обеими руками сжимая найденный меч и размахивая им, чтобы сохранить равновесие.

Логэйн метнулся вперед, поднырнул под Мэрика и удержал его от падения.

— Осторожнее! — с досадой буркнул он.

Мэрик хотел было огрызнуться, но взгляд его упал на освобожденное из каменного плена оружие, и он замер, зачарованный. Меч целиком был цвета слоновой кости, с чуть украшенной рукоятью и клинком, на котором ярко пылали руны. Ржавчина не коснулась клинка, и голубое пламя рун было едва ли не ярче света их факелов.

— Кровь Андрасте! — чуть слышно пробормотал Мэрик. — Он такой легкий! Словно вовсе ничего не весит!

— Драконья кость, — не колеблясь сказала Катриэль.

Она определила это не только по цвету меча, но и по тому, сколько на нем было рун. Чародеи утверждали, что на одни металлы наложить магические руны куда проще, чем на другие, а уж драконьи кости в этом и вовсе нет равных. Вот почему, согласно преданиям, неварранские охотники некогда истребили почти все драконье племя. Такой меч сам по себе был величайшим сокровищем.

Роуэн сдвинула брови:

— Почему же этот меч просто валялся здесь? Почему порождения тьмы не нашли его и не забрали себе?

Словно отвечая на этот вопрос, Мэрик снова взмахнул мечом — на сей раз слишком близко от стены. И тут черная мерзость, облепившая стену, поползла, как живая, прочь. Принц на мгновение замер, а потом уже без колебаний ткнул в стену острием клинка — и гниль отпрянула от него еще резвее. При этом она едва слышно омерзительно подвывала. Секунда — и стена в том месте, где ее касался меч, совершенно очистилась.

— Может быть, они просто не смогли его взять, — благоговейно проговорил Мэрик.

Все четверо молча смотрели на останки истлевшего мертвеца. Долго ли он просидел тут? Попытался ли спрятать меч, или камни сами обрушились на него? Был ли это гном-аристократ или один из бескастовых беглецов, которые пытались добраться до Орзаммара? Встретил ли он смерть в полном одиночестве?

— Думаю, ты нашел себе новый меч, — заметил Логэйн.

— По-моему, это меч, достойный короля.

Катриэль улыбнулась при мысли, что у Мэрика теперь будет волшебный меч, точь-в-точь как в старинных сказках, где всякий прекрасный король или начинающий герой непременно владел зачарованным оружием. Правда, они чаще добывали его у кровожадных чудовищ либо находили в драконьих сокровищницах, но сама мысль о том, что Мэрик может стать таким, как сказочные короли, была ей весьма приятна. Сказки ведь всегда заканчиваются хорошо, правда? Герой выбирается из лабиринта и в конце концов женится на своей возлюбленной. Хороший конец.

Роуэн кивком указала на скелет:

— Вполне вероятно, он тоже был королем. Будем надеяться, нас его участь не постигнет.

Эта мысль отрезвляла, как ведро холодной воды на голову.

Шаг за шагом, с опаской они двинулись дальше. Мертвый гном остался позади. Мэрик шел первым, держа в руке новый меч. Свечение рун успокаивало путников. Шорохи впереди раздавались все чаще, и вдобавок стал слышен странный рокочущий гул. Этот низкий нечеловеческий звук отдавался в груди, и оттого по коже ползли мурашки.

— Что это? — спросила Роуэн и посмотрела на Катриэль. — Ты знаешь?

Катриэль озадаченно пожала плечами:

— Никогда не слышала ничего подобного.

— Он становится громче. — Логэйн помрачнел. Вытерев со лба блестящие капельки пота, он искоса глянул на Мэрика. — Как думаешь, много их там?

Мэрик, нервно облизывая губы, взгляделся в темноту:

— Понятия не имею.

— Нам стоило бы поискать более защищенное место.

— Где? — Роуэн, судя по всему, уже изготовилась к бою. Взгляд ее широко открытых глаз лихорадочно обшаривал темноту. — В руинах? А они заберутся так далеко?

— Смотрите! — вскрикнула Катриэль, указывая вперед.

И все четверо застыли, увидев, что к ним из темноты движется шаркающей походкой человекоподобный силуэт. Вначале казалось, что это и впрямь человек, но, когда существо подошло ближе, стало ясно, что они ошибались. Это было глумливое, жуткое подобие человека — с обвисшей складками, точно вываренной в кипятке кожей, глазами навывкате и злобно скалящейся ухмылкой. Существо было облачено в разномастные металлические доспехи, местами проржавевшие и кое-где скрепленные кусками потертой кожи, а в руках оно сжимало зловещего вида меч с угловатым, непривычно изогнутым клинком.

Оружие существо угрожающе выставило перед собой, однако нападать не спешило. Двигалось оно медленно, но без опаски, уставясь на путников голодным взглядом, как если бы для него они не представляли серьезной угрозы.

Именно от него исходил тот загадочный низкий гул. Существо негромко, почти напевно постанывало, и к этому звуку присоединились другие, доносившиеся из темноты. Многоголосый гул звучал в унисон, приглушенным зловещим хором подземных тварей.

Мэрик отступил на шаг и громко сглотнул.

Вслед за первой тварью из темноты начали появляться остальные. Одни были выше ростом — иные в причудливых головных уборах и с повязками на глазах, иные в куда более внушительных доспехах, покрытых острыми шипами. Кое на ком и вовсе почти не было брони, и черная, пораженная хворью кожа была покрыта шрамами. Были среди тварей и более низкорослые, размерами почти с гномов, с заостренными ушами и бесовскими

ухмылками. Все эти создания, как и первый пришелец, двигались без малейшей опаски. Шаркая ногами, они приближались к путникам, непрерывно постанывали и негромко шипели. Низкий слитный гул звучал теперь совсем громко, и рокот его надвигался на путников, словно живое существо.

— Это порождения тьмы, — пояснила Катриэль, хотя в пояснениях не было никакой нужды.

Логэйн предостерегающе выставил перед собой меч, не отрываясь глядя на вожака надвигавшейся своры.

— Отступаем, — едва слышно пробормотал он.

Все четверо начали медленно пятиться, стараясь двигаться с той же скоростью, что и приближавшиеся к ним порождения тьмы. Роуэн, шедшая позади всех, оглянулась и вдруг застыла на месте, с ужасом вскрикнув:

— Логэйн!

В зыбком свете ее факела видно было, что сзади к ним подбираются новые твари. Отряд был окружен.

— Как они сумели нас обойти? — пробормотал Мэрик, и в голосе его промелькнула тень паники.

— Осторожно! — предостерегающе бросил Логэйн.

Плечом к плечу путники отступили к стене туннеля и держа наготове клинки, не сводили глаз с наступающих тварей. Даже загнав добычу в угол, те несколько не ускорили шаг. Слитный гул стал еще громче, перерос в голодный яростный вой.

— Твой меч их отгонит? — крикнула Роуэн Мэрику. Ей пришлось повысить голос, чтобы перекричать леденящие душу завывания.

Мэрик тотчас угрожающе замахнулся мечом на ближайшую тварь. Та дернулась, яростно зашипела, оскалив кривые зубы, но не отступила.

— Не похоже на то! — прокричал в ответ Мэрик.

Порождения тьмы все наступали, медленно и неумолимо.

Двадцать шагов. Десять. Четверо путников замерли спина к спине и, обливаясь потом, ждали неизбежного боя.

Первое из рослых порождений тьмы, подойдя совсем близко, оскалило клыки и зарычало. Мэрик выступил вперед и, взмахнув мечом, наискось рубанул по груди противника. Рана, нанесенная клинком из драконьей кости, зашипела, задымилась, и чудовищная тварь с клокочущим воплем шархнула прочь.

Казалось, это происшествие наконец встряхнуло всю орду. Дружным рыком откликнувшись раненому сородичу, порождения тьмы ринулись вперед. Катриэль едва успела отбить кинжалом удар кривого клинка, который наверняка проткнул бы ее насквозь. Роуэн толкнула эльфийку к себе за спину, подставив под удары порождений тьмы свой доспех. Мэрик неистово размахивал мечом, пользуясь тем, что подземных тварей отбрасывало прочь одно прикосновение клинка. Логэйн ударом ноги швырнул того, что помельче, на его собратьев, сбил их с ног и принялся точными ударами закалывать одного за другим.

Ожесточенность, с которой они оборонялись, дала им некоторое преимущество, по крайней мере на время, до тех пор пока натиск орды не прижал их к стене туннеля. Они уже не успевали отражать удары вражеских клинков, и, хотя Логэйн и Роуэн убивали одного противника за другим, прочие порождения тьмы хладнокровно топтали тела убитых сородичей и снова бросались в атаку.

Слитный стонущий гул достиг своего пика, заглушая все звуки, кроме лязга стали. Катриэль с отчаянием огляделась по сторонам. Она не была воином, как ее спутники, и в этом бою от нее не было никакого толку. Неужели им так и суждено погибнуть? И это после всего, что они уже пережили?

И тогда в хаосе боя раздался новый звук — пение рожка, переливчатая трель из трех нот, которая эхом зазвенела в туннелях, тотчас вынудив порождений тьмы умолкнуть.

Твари одна за другой оборачивались, яростно шипя на невидимого врага, который приближался с тыла. В темноте за спиной у них вспыхнули синие огни, залив светом мрак Глубинных троп, и мгновение спустя в туннеле появились первые гномы — не какие-нибудь подземные чудища, а именно гномы. Мэрик, потрясенный до глубины души, вопросительно глянул на Катриэль, но эльфийка сама была удивлена не меньше. Казалось невероятным, что после стольких скитаний в угрюмой тьме Глубинных троп путники наконец повстречали хоть кого-то, кроме плотоядных мерзких тварей.

Неужели это спасение? Неужели?..

Все эти гномы были воинами — низкорослые, но крепкие и мускулистые, в бронзовых кольчугах. Они были вооружены щедро изукрашенными мечами и копьями, а иные несли на высоких шестах фонари, источавшие ослепительно-синий свет, который с такой легкостью разгонял мрак Глубинных троп. И что самое удивительное — у всех гномов лица были разрисованы под клыкастые черепа, что придавало им на редкость устрашающий вид. На свой лад эти гномы выглядели не менее жутко, чем порождения тьмы.

Гномы слаженно выкрикнули гортанный боевой клич и обрушились на порождений тьмы, без видимого труда прорубая просеки в их рядах. Подземные упыри, сообразив, что гномы представляют для них куда более серьезную угрозу, тотчас оставили в покое Мэрика и его спутников и развернулись, чтобы схватиться с новым противником. Безудержная ярость порождений тьмы, ненависть, с которой они бросались на гномов, — все говорило о том, что здесь сошлись заклятые враги. Они хорошо знали друг друга и с радостью убивали.

Логэйн и не подумал прекращать бой. Он вонзил клинок между лопатками повернувшегося к нему спиной порождения тьмы. Тварь взревела от боли, а юноша тут же напал на ее сородича. Мэрик и Роуэн, воодушевленные его примером, присоединились к нему. Катриэль последовала за ними. Как знать, может, эти гномы окажутся еще страшнее порождений тьмы, но сейчас они — враги их врагов. Мэрик и его спутники не могли не воспользоваться таким случаем.

Результат был ошеломляющий. Ряды порождений тьмы начали стремительно таять, и подземные упыри разразились воплями ужаса. Те, кто остался за спиной у Логэйна и его спутников, пустились наутек. Несколько гномов пало, но сородичи отомстили за них сполна.

Через десять минут все было кончено. Последние упыри с пронзительными воплями удрали в темноту. Повсюду валялись трупы, и пол туннеля был залит их черной кровью. Потери гномов оказались невелики, и теперь по меньшей мере полсотни этих суровых воинов с подозрением разглядывало троих людей и эльфийку, словно прикидывая, не прикончить ли заодно и их.

Логэйн крепче стиснул клинок и слегка пригнулся, готовый атаковать первого же гнома, который кинется на него. Роуэн стояла рядом с ним, и, хотя видно было, что предыдущий бой изрядно ее измотал, она точно так же готова была отразить новое нападение. Катриэль укрылась у них за спиной. Что сделают с ними гномы — ограбят, убьют или просто бросят здесь на произвол судьбы?

Молчание затянулось, и наконец Мэрик осторожно шагнул к гномам. Плащ, который он носил поверх доспехов, был весь заляпан черной кровью, и капли той же крови стекали с лезвия меча. Казалось, Мэрик встревожен и, может быть, даже испуган, однако же он протянул меч перед собой острием вверх, давая понять, что не замыслил ничего дурного. Затем он медленно, очень медленно положил оружие на каменный пол, выпрямился и снова поднял руки.

— Вы говорите на Языке Короля? — спросил Мэрик, стараясь точно произнести каждый слог.

Один из самых рослых гномов, кряжистый воин с длинной черной бородой и лысой головой, которая целиком была разрисована белой краской, смерил Мэрика взглядом. На нем были золоченые пластинчатые доспехи с большими шипами, а в руках он держал боевой молот высотой с него самого, весь покрытый кровью порождений тьмы.

— А кто же, по-твоему, вас, наземников, ему научил? — проворчал он. Говорил он с

сильным акцентом, но понять его речь не составляло труда. — Что ж вы, дурни этикие, заявились на Глубинные тропы? Смерти ищете?

Мэрик неловко кашлянул:

— Ну, ты и твои товарищи тоже здесь, на Глубинных тропах. Разве не так?

Гном оглянулся на своих товарищей и, явно позабавленный, хохотнул, правда довольно безрадостно. Другие гномы отозвались таким же смешком, и собеседник вновь перевел взгляд на Мэрика:

— Это потому, человек, что мы-то как раз ищем смерти.

Катриэль порывисто шагнула вперед и, встав рядом с Мэриком, почтительно склонила голову перед гномом:

— Ты... все вы из Легиона Мертвых, верно?

Учитывая то, как мало она знала о гномах, это было не более чем предположение. Впрочем, не многие гномы стали бы бродить по Глубинным тропам так далеко от Орзаммара, а эти воины с раскрашенными лицами пробудили в памяти некое предание, казалось давно позабытое.

На гнома ее слова явно произвели впечатление.

— Ну да, — сказал он, — тут ты права.

Логэйн вопросительно вскинул бровь, искоса глянув на Катриэль:

— И что, собственно, такое Легион Мертвых?

— Я о нем почти ничего не знаю, — защищаясь, пробормотала она.

Гном раздраженно вздохнул и, повернувшись к своим товарищам, на миг тяжело задумался. Наконец он пожал плечами.

— Соберите наших павших, — приказал он гномам, — и доставьте наземников в лагерь.

Логэйн угрожающе поднял меч. Роуэн с решительным видом стояла рядом с ним.

— Не припомню, чтобы мы просились пойти с вами, — ровным голосом произнес он.

Гном помолчал немного и окинул всех четверых веселым взглядом.

— Что есть, то есть, — проговорил он. — Мне и в голову не пришло, что вы, наземники, желаете тут остаться, чтобы, едва мы уйдем, на вас снова накинута порождения тьмы, но, клянусь Камнем, если вы и впрямь этого хотите, я вам мешать не стану.

Мэрик выступил вперед и страдальчески улыбнулся гному:

— Господин гном, в последнее время нам приходилось нелегко. Прости, если мы были невежливы. Мы весьма охотно пойдём с вами.

С этими словами он метнул на Логэйна изумленный взгляд, в котором ясно читалось: «Ты что, спятил?» Логэйн в ответ угрюмо уставился на него, затем на гнома и лишь потом с видимой неохотой вложил меч в ножны.

Гном пожал плечами.

— Ладно, будь по-вашему, — сказал он и вскинул боевой молот на плечо. — Кстати, меня зовут Налтур. И не вздумайте отстать, если только не хотите угодить в беду.

Глава 15

Несколько часов Налтур и его воины вели гостей по темным туннелям. Тела погибших товарищей гномы обернули в полотно, а затем подняли высоко над головой и так, с безмерным почтением, несли на вытянутых руках всю дорогу. При этом они выпевали на незнакомом гортанном языке погребальную песнь, и оттого переход до лагеря выглядел скорее похоронной процессией, путь которой освещали синие фонари.

Эхо этого пения перекатывалось между каменными стенами, унося звуки далеко во тьму туннелей, дерзко напоминая этому мрачному миру, что и в нем существует жизнь. Затерянные во мраке Глубинных троп, эти гномы не относились с пренебрежением к смерти товарищей. Катриэль не понимала слов их песни, но знала, что они оплакивают потерю.

Она смотрела, как Мэрик прислушивается к погребальной песне гномов, и невидящий

взгляд его устремлен вдаль. Думал ли он сейчас о матери? Он протянул руку к Роуэн, обнял ее за плечи, утешая, и Роуэн не оттолкнула его. Взгляд у нее был такой же невидящий, и Катриэль вспомнила, что девушка совсем недавно потеряла отца. Помрачнел и Логэйн. Все они понесли тяжкие утраты, но было ли у них время оплакать, как надлежит, тех, кого они потеряли?

В том числе и по вине Катриэль. Она помнила об этом. Она видела слезы Мэрика, видела, как он и Роуэн в свете сапфировых фонарей скорбят об ушедших, и ощущала в груди мертвенную пустоту, хорошо понимая, что не может присоединиться к ним в этой скорби. Она этого попросту недостойна. Бездонная, зияющая пропасть разделила ее и Мэрика, который об этом даже не подозревал, но преодолеть эту пропасть она не сможет. Никогда.

Стала бы она плакать, если бы Мэрик умер? Катриэль никогда и никого не оплакивала, обучение ремеслу с корнем вырвало из ее души умение сострадать — для шпиона, чью верность оплачивают звонкой монетой, это жизненно необходимо. Эльфийка давным-давно поняла, что сочувствие, сострадание лишь опасная слабость, и все же никак не могла отделаться от этой мысли. В глубине души она приходила в ужас, пытаясь представить, каково это — жить без Мэрика, но это лишь потому, что он ей нужен. Это не любовь. Сумела бы она полюбить так же, как сумела предать?

Катриэль заметила, что гном по имени Налтур исподтишка наблюдает за ней. Потом он отвернулся и окинул таким же пристальным взглядом Мэрика, Логэйна и Роуэн, явно сбитый с толку их непритворной скорбью. Быть может, он думал, что люди оплакивают его погибших товарищей? «Кто знает, — подумала Катриэль, — может, так оно и есть».

По прошествии времени стало ясно, что без гномов их маленький отряд неизбежно заплутал бы. Дважды они выходили к пересечениям туннелей, где гномы не задумываясь сворачивали в ту или иную сторону. Катриэль вытягивала шею, пытаясь разглядеть хоть какие-то дорожные знаки или иные метки, но так ничего и не увидела, кроме каменного крошева и гнили. Там, где они шли сейчас, скверна, которую распространяли порождения тьмы, была повсюду, все покрывала слоем лоснящейся маслянистой мерзости.

Катриэль это не на шутку пугало. Чем дальше они шли, тем яснее она понимала, насколько мизерным стал их шанс вернуться назад. Теперь их жизнь целиком и полностью зависела от гномов. Мэрик, судя по всему, готов был довериться Налтуру и его воинам, но это обстоятельство тоже не утешало. Принц отнюдь не был непогрешим. В конце концов, он доверял и самой Катриэль, а значит, полагаться на его чутье не стоило.

Тем не менее путникам ничего не оставалось, как следовать за новыми знакомыми.

Наконец подошли к форпосту, весьма похожему на грот, который повстречался им в самом начале Глубинных троп, только этот сохранился гораздо лучше. Массивные ворота, перекрывавшие туннель, были починены, и перед ними несли стражу вооруженные до зубов гномы, которые встали навтыяжку, едва разглядев свет синих фонарей. Пещера, которая находилась по ту сторону ворот, оказалась небольшой, зато с высоким сводом и укрепленными стенами. К ней примыкало изрядное количество пещер поменьше.

Посередине высилась гигантская статуя гнома, подпиравшая свод, словно тяжкую ношу, водруженную на ее внушительные плечи. Во многом эта статуя походила на исполинское изваяние, которое Мэрик и его спутники видели в разрушенном тейге, только вид у нее был куда величавее. Голову каменного исполина венчал громадный шлем с рогами шириной с плечи статуи, а доспех состоял из восьмиугольников, плотно пригнанных друг к другу и покрытых ярко мерцающими рунами.

Гномы, судя по всему, немало потрудились, чтобы привести в порядок форпост и изгнать из него грязь и запустение. Даже их снаряжение было все до последней кружки аккуратно сложено — никаких мелочей не валялось в беспорядке. Опрятнее всего, само собой, выглядела исполинская статуя. Вполне вероятно, что гномы даже очистили ее в первую очередь.

— Это Эндрин Каменный Молот? — спросила Катриэль, взирая на статую с благоговейным трепетом.

Когда-то она видела портрет легендарного гнома в старинной книге, где были собраны древнейшие гномьи предания, но тот рисунок выцвел от времени и к тому же был не очень хорош. Увидеть тот же облик, так сказать, во плоти, да еще исполненный с таким великолепием...

— Это король Эндрин Каменный Молот, — сердито буркнул Налтур. — И следи за тем, как произносишь это имя. Не всегда мы делаем скидки вам, наземникам.

Не дожидаясь ее ответа, он повернулся к своим воинам, которые один за другим проходили через ворота.

Налтур вскинул руки над головой — и все разом остановились.

— Еще одну ночь простояли мы, братья и сестры! — прокричал он. — Еще одну ночь мстили мы порождениям тьмы, которые украли наши земли! Еще одну ночь проливали мы их кровь и слышали, как они вопят от ужаса!

Гномы дружно вскинули оружие и разразились слитным одобрителем криком.

— Сто и двенадцать ночей минули после нашей смерти! — выкрикнул Налтур, и воины снова одобрителем закричали. — И нынешней ночью еще пятеро из нас обрели мир!

Крики стихли, и воцарилась мертвая тишина. Завернутые в полотно тела погибших гномов передавали над головой от воина к воину, пока наконец всех пятерых не положили перед Налтуром.

— Покойтесь с миром, друзья мои. Вы простояли сто и двенадцать ночей. Теперь же для вас наступила пора вернуться в Камень — пред очи первого Совершенного.

Большая группа гномов, бесшумно ступая, направилась вглубь пещеры и вернулась с кирками. И сразу же принялись долбить пол неподалеку от исполинской статуи. Шум поднялся невероятный, но работа спорилась, и вскоре в полу появилась глубокая яма.

Заметив на лицах гостей озадаченность, Налтур повернулся к ним:

— В этой пещере достаточно места, чтобы похоронить почти всех нас. Они выроют могилу и запечатают в ней тела товарищей, чтобы порождения тьмы не смогли добраться до них. — Он метнул на Мэрика и его спутников мрачный взгляд, как будто хотел избежать чего-то, о чем не желал разговаривать с чужаками. — Почти все мы вернемся в Камень.

— Почти? — переспросила Роуэн.

Гном угрюмо кивнул:

— Рано или поздно нас останется слишком мало. И тогда придут порождения тьмы. — Взгляд его черных глаз на мгновение стал отрешенным. — Мы не вернемся в Камень, — заключил он.

Кирки с оглушительным грохотом крушили камень, и эхо разносилось по всей пещере. Гномы, которые не принимали участия в этой работе, разбрелись по форпосту, снимали доспехи и обрабатывали раны. Разговаривали они только вполголоса. Налтур двинулся между ними, придирчиво осматривая свое войско. Воины с почтением взирали на командира, а затем с подозрением косились на верзил-людей и эльфийку, которые следовали за ним по пятам.

Наконец они пришли туда, где в каменных стенах было устроено несколько глиняных печей. Трое гномов и полнотелая симпатичная гномка в поте лица хлопотали над массивными чугунными котлами, в которых бурлило пахнущее мясом варево. Гномка обернулась и, вытирая жирные руки о передник, с неудовольствием уставилась на Налтура.

— Стало быть, цел пока? — хохотнула она.

— Пока — да, — пожал плечами Налтур.

Стряпуха перевела взгляд на Мэрика и его спутников:

— Что-то они не больно похожи на порождений тьмы. Где ты их откопал?

— На Глубинных тропах. Они были одни, представляешь? — Налтур повернулся к своим гостям. — Есть хотите?

— Нет, — мгновенно ответил Логэйн.

— Да, — поправил Мэрик, выразительно глянув на Логэйна. — По правде говоря, мы все голодны.

— Еда еще не готова, — проворчала гномка, — ну да ладно, сделаю для вас исключение.

Она достала несколько мисок и в каждую плеснула варева из котла. Видя, что никто тут же не сорвался с места, стряпуха кашлянула, выразительно глянув на Мэрика, и он, спохватившись, поспешил за своей порцией. Прочие последовали его примеру. Одну миску взял себе Налтур.

Вслед за командиром гномов все четверо прошли в одну из боковых пещер. Чтобы войти туда, им пришлось пригнуться. Катриэль предположила, что эта пещера — жилище Налтура, хотя с тем же успехом она могла оказаться складом, поскольку почти вся была забита бочонками, ящиками, связками шкур и разнообразного оружия. Здесь же стояла койка, приземистая, но прочная. Налтур уселся на край койки, а все остальные устроились где смогли и приступили к еде.

Мэрик накинудся на варево, как изголодавшийся волк. Катриэль ела осторожно, предпочитая прихлебывать бульон. Гном жадно проглотил свою порцию, управившись с ней прежде, чем у остальных миски опустели хотя бы наполовину, а затем громко рыгнул и вытер бороду тыльной стороной ладони.

— Что, не так оголодали, как думали? — осведомился он, наблюдая за успехами гостей.

— Да нет, очень вкусно, — торопливо откликнулся Мэрик. — Что это?

— Похлебка из глубинного охотника, — ухмыльнулся гном.

Логэйн застыл:

— Глубинного?..

— Кабы мы вот уже два полных месяца не охотились на этих зверюшек, вы бы наверняка повстречали их еще раньше, чем порождения тьмы. У нас несколько недель назад закончилась вся свежати́на. Чего бы только я не дал за добрый ломоть наговой вырезки! — Налтур оглядел своих гостей. — У вас в мешках, часом, не завалилось ничего такого?

Роуэн глянула на свою миску с таким видом, словно ее вот-вот стошнит.

— Э-э-э... наговой вырезки?

Гном разочарованно вздохнул:

— Думается, нет. — Он отставил миску и некоторое время смотрел, как они едят, а потом перевел взгляд на меч Мэрика. — Грозная штука. Можно глянуть на него поближе?

Логэйн явно хотел возразить, но Мэрик жестом остановил его. Затем он поднялся и, сняв с пояса испачканный черной кровью меч, протянул Налтуру:

— Думаю, это гномий меч.

— То есть точно не знаешь?

— Мы нашли его рядом со скелетом гнома вскоре после того, как ушли из руин тейга. Может, это был кто-то из твоих воинов? Даже если и нет, это гномье оружие, и его надлежит вернуть в руки гномов.

— Вы прошли через тейг Орган? — Налтур был не на шутку потрясен. — Теперь все ясно. Мы-то к тейгу близко не подходим, опасаемся моровых пауков. Так что не знаю, кого это вы там нашли, но меч точно не моих.

Гном с неподдельным интересом оглядел клинок, провел толстым пальцем по рунной вязи и наконец рукоятью вперед протянул меч Мэрику:

— Мне этот клинок ни к чему. Теперь он твой, человек.

Мэрик взял меч не сразу. Вид у него был смятенный.

— Но...

— Со мной этот меч в Орзаммар не вернется, — пояснил, ухмыляясь, гном. — Потому что я сам туда не вернусь, или ты этого не понял?

— Все они уже мертвы, — не слишком уверенно объяснила Катриэль. — Перед тем как уйти на Глубинные тропы, они совершают обряд. Похоронный обряд. Прощаются со своими близкими, раздают все имущество, а потом уходят и уже не возвращаются.

Роуэн в изумлении широко раскрыла глаза:

— Но зачем?

Налтур невесело усмехнулся:

— Чтобы расплатиться с долгами. Чтобы очистить свое имя. Чтобы очистить имя своего дома. — Он помрачнел. — Политика в Орзаммаре куда опаснее Глубинных троп. Честное слово, от нее лучше держаться подальше.

— Думаю, я понимаю, о чем ты говоришь, — вздохнул Мэрик.

— Да ну?

Логэйн нахмурился:

— Мэрик, не думаю, что тебе стоит пускаться в объяснения.

— Да нет, ничего страшного, — покачал головой Мэрик. И сказал, протянув руку гному: — Я — принц Мэрик Тейрин, а это — мои спутники.

С этими словами он представил Налтуру каждого по очереди.

Гном озадаченно уставился на Мэрика, но потом все же пожал протянутую руку так неловко, словно делал это в первый раз.

— Так ты, стало быть, людской монарх?

— Вроде того, — усмехнулся Мэрик. — Я борюсь за трон предков. Собственно, поэтому мы все здесь и оказались.

Рассказ обо всех событиях занял на удивление немного времени. Налтур слушал молча, то и дело сочувственно кивая.

— У нас, гномов, бывает то же самое, когда знатные дома начинают грызню за трон, — признался он. — Хотя редко кому удается остаться в стороне — вот как ты рассказывал. В нашем Совете вообще не бывает домов, которые не стоят ни на чьей стороне. В Орзаммаре такие проблемы решаются быстро и с пролитием крови — вначале сколько выдержим, а потом еще немножко. — Гном ухмыльнулся, как будто пересказывал расхожую шутку. Видя, что никто не оценил его юмора, он пожал плечами. — Что ж, все это прекрасно, но, если вы направлялись в Гварен, вы пошли не тем путем.

— Что?! — Логэйн так и подскочил.

Налтур успокаивающим жестом выставил вперед ладони:

— Спокойно, верзила, кипятиться незачем. Вы же шли на север. Неужели не сообразили, что идете в неверном направлении?

— Мы не умеем определять под землей стороны света, — объяснила Катриэль.

Она знала, что гномы как раз обладают этим умением. Их хваленое «чувство камня» было не только полезным в обыденной жизни свойством, но и важной частью их религии. Гном, не обладавший «чувством камня», был воистину слеп и считался жалким существом, отторгнутым Камнем, который породил всю гномью расу.

— Вот как? — с удивленным видом проговорил Налтур. И покосился на Мэрика и Логэйна так, словно подобный недостаток вынуждал его серьезно пересмотреть мнение о гостях. Затем он пожал плечами. — Что ж, теперь все ясно, пыль мне в глотку. На самом деле здесь вы куда ближе к Гварену, чем были раньше, хотя гам и смотреть-то особенно не на что. Слышал я, что в форпост прорвалось море.

— Нам, собственно, надо подняться наверх, — заметил Мэрик.

— А-а-а! Ну да, точно!

— Если бы вы могли указать нам дорогу... — осторожно проговорил Логэйн.

Налтур расплылся в ухмылке:

— Мы придумаем кое-что получше. Мы вас просто туда отведем! Клянусь Камнем, всякий, кто по своей воле прошел через тейг Ортан, заслуживает уважения. Мы не отпустим вас одних!

Глаза Роуэн округлились от изумления.

— Вы нас проводите?

— Но мы не хотим отвлекать вас от ваших посмертных дел, — осторожно сказал Мэрик.

— Ха! — Гном от души хлопнул принца по плечу, и тот едва не свалился на пол. — По правде говоря, день за днем убивать порождений тьмы становится скучновато. Все равно их

всегда больше, чем нас. Истинное море зла, которое когда-нибудь накроет нас с головой. Верно? — Он пожал плечами и снова громко рыгнул.

Мэрик помедлил, явно обдумывая что-то.

— Значит, вы не просто так сражаетесь с порождениями тьмы?

— В Орзаммар мы вернуться не можем. Чем же еще заняться на Глубинных тропах?

— Но вы еще долго могли бы здесь прожить, если бы захотели, — заметила Роуэн.

Гном фыркнул:

— Мы же мертвые! Какой в этом смысл? — Он раздраженно махнул рукой. — И в любом случае биться с порождениями тьмы — занятие почетное. Если мы хотим обрести мир, мы достигнем этого, как подобает истинным гномам, в боях за то, что когда-то принадлежало нам. Даже если нам не видать победы.

Мэрик медленно улыбнулся:

— А сразиться с людьми не хотите?

Налтур с любопытством воззрился на него:

— Это наверно, что ли?

— Да уж, там нас куда больше, чем на Глубинных тропах.

— То есть под небом? — Это слово гном произнес так, словно речь шла о чем-то беспредельно ужасном.

— Если только мы не прибудем в Гварен слишком поздно, — серьезно сказал Мэрик, — ваша помощь нам пригодится. Не знаю, чем я смогу вам отплатить. Я пока еще не король и, быть может, никогда им не стану. Но если ты и твои воины ищете смерти, я могу, по крайней мере, предложить вам славную битву не с порождениями тьмы.

— Умирать под небом... — без малейшего восторга пробормотал Налтур.

Мэрик вздохнул:

— Что же, гномы вообще никогда не бывают наверно?

— Только те, кто лишен чести, — фыркнул Налтур.

Роуэн выгнула бровь:

— Разве вас уже не изгнали из Орзаммара? Честь вы уже не потеряете.

Гном задумался над ее словами, и лицо его исказила неприятная гримаса.

— Но и не вернем, уж это точно. Что вы, небогяды, творите у себя наверно — дело не наше. Здесь мы убиваем порождений тьмы, а когда погибнем, возвращаемся в Камень. Вот это — наше дело.

Логэйн встал.

— Пойдем, Мэрик, — сказал он. — Здесь нам не помогут.

— Я не знаю... — начал Мэрик.

— Это трусы, — перебил его Логэйн. — Они боятся неба. Они найдут сотню причин не пойти с нами.

Налтур вскочил, мгновенно выхватив молот, и угрожающе замахнулся им на Логэйна.

— Возьми свои слова обратно! — сверкая глазами, потребовал он.

Логэйн не шелохнулся, однако пристально следил за каждым движением гнома. Воцарилась напряженная тишина. Мэрик и Роуэн обменялись встревоженными взглядами. Наконец Логэйн, глядя на Налтура, медленно кивнул.

— Прошу прощения, — искренне сказал он. — Вы обошлись с нами по-доброму и не заслужили таких слов.

Гном насупился, вероятно размышляя, не стоит ли еще пообижаться. Но потом просто пожал плечами.

— Ладно, — сказал он и вдруг сдавленно хихикнул. — И потом, это ведь сущая правда. Это ваше небо страшнее, чем орда порождений тьмы!

Налтур от души расхохотался над своей шуткой — и напряжение, возникшее было между ними, рассеялось бесследно.

Когда гном наконец угомонился, Катриэль тронула его за плечо, чтобы привлечь внимание.

— Я знаю, что Мэрик мог бы сделать для вас, — сказала она. — Став королем, он сможет отправиться с визитом в Орзаммар. И расскажет гномьему Совету, как вы ему помогли.

— Да ну? Что ты говоришь?

— Твои сородичи относятся к людским монархам с большим уважением, верно ведь? Гномы, которые во время Четвертого Мора принимали участие в осаде Марнас Пелла, получили, благодаря похвалам людского короля, немалые почести. Один из них стал даже Совершенным.

В глазах Налтура загорелся неподдельный интерес.

— Это правда.

Катриэль мило улыбнулась гному:

— Так что и наверху, как видишь, можно обрести честь. Честь для домов, которые вы покинули. Конечно, все зависит от того, одержит ли Мэрик победу, но...

Налтур надолго задумался над ее словами. Наконец он глянул на Мэрика:

— Ты сделаешь это?

Принц кивнул, не сводя с него глаз:

— Сделаю.

Логэйн искоса, настороженно глянул на гнома:

— Возможно, Мэрик и не станет королем. Мы не можем твердо обещать, что он выполнит это условие. Понимаешь!

Это предостережение, казалось, развеселило Налтура.

— А ты, сдаётся, не очень-то веришь в своего друга. Неужели все люди такие?

— Как правило, только он.

— Просто я не витаю в облаках, — пробормотал Логэйн.

— Я прошу только об одном, — медленно проговорил Налтур. — Если кто-то из нас, сражаясь за тебя, погибнет, его не оставят там, наверху. Верни нас в Камень, не хорони в земле. Не хорони нас под небом. — Гнома явно ужасала такая возможность, но на лице его была написана твердая решимость.

Мэрик снова кивнул:

— Обещаю.

— Тогда мы поможем тебе, — торжественно объявил Налтур.

Развернувшись, он с решительным видом вышел из пещеры, и тут же все четверо услышали его громкий голос, созывавший прочих воинов. Кирки, все это время неумолчно молотившие по камню, смолкли.

Спутники во все глаза смотрели на Мэрика, еще не вполне веря в то, что произошло.

— Что ж, — сухо проговорил Логэйн, — похоже, у нас появились союзники.

Через два часа Легион Мертвых был уже в пути и колонной со всем снаряжением двигался по Глубинным тропам. Сноровка гномьих воинов произвела на Логэйна сильное впечатление. Мэрик шел во главе колонны, вместе с Налтуром и старейшими легионерами, по мере сил стараясь разъяснить, что ждет их наверху. Гномы угрюмо слушали.

То, что узурпатор, вполне возможно, уже добрался до Гварена и они, едва выйдя на поверхность, угодят в немислимую передрагу, гномы вроде бы понимали и принимали как должное. Зато одна мысль о том, что наверху над ними не будет ни потолков, ни уютной толщи скал, а только бескрайняя пустота высокого неба, заставляла бойцов Легиона бледнеть и испуганно ежиться. Мэрику пришлось не единожды растолковать, что никто еще, пока существует мир, не свалился в небо и не сгинул там навеки, что, хотя в небесах пылает раскаленное солнце, никто еще, глядя на него, не ослеп и само солнце ни разу не падало на землю и никого не сжигало. Понять и принять такое гномам было куда труднее.

Логэйн, Роуэн и Катриэль шли в середине колонны, с обозными тележками, а воины, шагавшие в арьергарде, бдитительно вглядывались в темноту, высматривая порождений тьмы. Насколько мог определить Логэйн, гномы начисто обобрали форпост и унесли с собой все,

что имело хоть какую-то ценность, не считая, само собой, исполинской статуи гномьего короля, которая подпирала свод пещеры. Во время сборов гномы, проворно снуя вокруг по своим делам, по очереди останавливались перед статуей и почтительно касались ее основания. При этом они закрывали глаза, и Логэйн гадал, не обращаются ли они к великому предку с мысленной молитвой. Быть может, гномы просили его хранить их путь либо послать им скорую и почетную смерть. А может быть, извинялись за то, что опять бросают его в одиночестве обрастать слоем пыли и скверной порождений тьмы.

Те немногие гномы из Легиона, что не были воинами — как повара, с которыми Мэрик и его спутники уже успели познакомиться, — безмолвно толкали тележки с припасами и все время исподтишка глазели на Катриэль. Роуэн спросила одного из них, в чем дело, и ответ оказался прост. Живя в Орзаммаре, эти гномы все-таки видели пришельцев сверху, но вот эльфа не встречали ни разу.

Колонна двигалась бодро. Гномы хорошо знали Глубинные тропы, и чем дальше уходили они от форпоста, тем очевиднее становилось, что идея Катриэль дойти по подземным туннелям до Гварена изначально была обречена на провал. Имея такие скудные запасы еды и питья, Мэрик и его спутники, скорее всего, никогда не вышли бы отсюда живыми.

Но, напомнил себе Логэйн, к счастью, им повстречались гномы. Замысел Катриэль все-таки увенчается успехом. На ходу Логэйн следил за эльфийкой, видел, что она держится подальше от него и Роуэн и смотрит только на Мэрика, шагавшего во главе колонны. То ли Катриэль знала, что думают о ней друзья принца, то ли просто догадывалась. В конце концов, они и не приложили особых усилий, чтобы скрыть свои подозрения.

Логэйн прибавил шагу и, нагнав эльфийку, пошел с ней рядом. Катриэль одарила его угрюмым взглядом. Роуэн только с легким удивлением посмотрела ему вслед.

— Я хотел сказать, — начал он, обращаясь к Катриэль, — что ты нам очень помогла.

Эльфийка настороженно прищурилась:

— Да неужели, господин?

— Именно так. Ты знала, что гномы высоко оценят любую помощь, которую мы сможем оказать их родным, как бы маловероятна ни была такая возможность.

Катриэль пожала плечами, не глядя на Логэйна. Казалось, его похвала не столько порадовала, сколько обеспокоила ее.

— Эти гномы вступили в Легион Мертвых, — едва слышно проговорила она, — потому что у них не было другого выхода. Одни из них разорились, другие потерпели жизненный крах. Лучшее, что может предложить им Легион, — очистить свое имя и начать все с нуля. — Катриэль искоса, со значением глянула на Логэйна. — Если им подвернулась возможность сделать нечто большее, кто бы отказался от такого шанса?

— Действительно — кто?

Эльфийка вновь отвернулась от него, явно задетая. Всем своим неприязненно-холодным видом она давала понять, что не желает продолжать разговор, но Логэйну на этот намек было плевать. Проследив за взглядом Катриэль, он обнаружил, что она опять смотрит на Мэрика.

— Почему ты с нами? — спросил он. — Ради него?

— А ты почему? — холодно отозвалась она. — Ради него?

Логэйн надолго задумался над ответом. Синие фонари покачивались на длинных шестах, заливая Глубинные тропы сапфировым сиянием. Они прошли мимо гномьей статуи, которая одиноко высилась у стены туннеля, — безмолвный полуразвалившийся страж, провожавший колонну живых таким взглядом, словно они были нежеланными гостями в этом царстве вечной тьмы.

— Нет, — ответил наконец Логэйн. — Ради себя самого.

Это был серьезный ответ, и Катриэль, обернувшись, окинула Логэйна задумчивым, почти печальным взглядом.

— Мэрик — хороший человек, — с горечью проговорила она. — И когда он смотрит на

меня, ему кажется, что я тоже такая. Он видит во мне то хорошее, о чем я даже не подозревала. Чем дальше я с ним, тем чаще мне кажется почти возможным, что я и в самом деле такая, как он думает.

Логэйн понимающе кивнул.

— Почти, — повторил он.

Взгляд его льдисто-голубых глаз встретился с необыкновенно зелеными глазами Катриэль — и она первой отвела взгляд. Зябко обхватив себя за плечи, она с тоской посмотрела на Мэрика — и вдруг показалась Логэйну непривычно уязвимой. Он почти посочувствовал ей.

— Мэрик еще не готов стать королем, — сказал он ровным тоном. — Он слишком доверчив.

Катриэль молча кивнула.

— Но ему нужно будет подготовиться к этой роли. И для него это нелегко.

— Знаю. — В бесцветном голосе Катриэль прозвучала безнадежность.

Больше им говорить было не о чем, и Логэйн вернулся к Роуэн. Колонна Легиона Мертвых продолжила свой путь во тьму.

Менее чем через день колонна вышла к развалинам того, что некогда было гномьим форпостом под Гвареном. Несколько раз по пути легионеры вынуждены были останавливаться и расчищать завалы в обрушенных туннелях. Налтур ворчал на склонность порождений тьмы портить даже «надежную гномью работу». Всякий раз неизвестно было, что поджидает их по ту сторону завала, но, по счастью, там неизменно оказывалось продолжение туннеля.

Без порождений тьмы, само собой, не обходилось. Они рыскали за пределами синего света фонарей и следили за колонной. Неизменно следили. Дважды они пытались устроить налет — один раз спереди, другой с тыла, — но оба раза легионеры стремительно перестраивались и с ожесточением отбрасывали врагов. Хладнокровная четкость, с которой гномы прорубали себе дорогу в рядах подземных упырей, казалась сверхъестественной, и порождения тьмы, устрешенные ею, спешили удрасть.

Налтур их не преследовал. Он говорил, что даже Легион Мертвых не склонен соваться в пещеры, где обитают порождения тьмы. Там упыри были на своей территории, и неосторожных преследователей поджидало только одно — смерть. Хотя легионеры и не боялись смерти, они предпочитали прихватить на тот свет побольше порождений тьмы. Никому не хотелось, чтобы их заманили в засаду и вырезали под корень.

После двух неудачных вылазок подземные упыри остерегались близко подбираться к колонне. Гномов они, безусловно, ненавидели, но завязывать бой с многочисленным противником все же остерегались. Некоторое время из темноты, окружавшей колонну, доносились только странные пронзительные крики. Гномы говорили, что это совсем другая разновидность порождений тьмы — тощие долговязые твари с длинными когтями, отличавшиеся необыкновенным проворством. Эти крики вызвали у легионеров тревогу, так как, по их словам, долговязых крикунов часто сопровождали эмиссары — порождения тьмы, которые наводили чары, подобно магам.

Говоря об опасности, которую представляли эмиссары, гномы презрительно пожимали плечами, заносчиво заявляя, что их врожденная устойчивость к магии, дескать, защищает их даже от чар порождений тьмы. Впрочем, это не помешало им удвоить бдительность. Округлив черные глаза, гномы напряженно всматривались в темноту и в преддверии вражеской атаки держали оружие наготове.

Новых нападений, однако, так и не последовало. Когда гваренский форпост был уже совсем недалеко, в туннелях появилась вода. Она капала с потолка, просачивалась в трещины в стенах из стоячих заводей. Всюду на стенах виднелись известняковые потеки, пахло ржавчиной и солью. В одном месте вода почти целиком заполняла часть туннеля, и эту преграду пришлось преодолевать вброд, держа оружие над головой. Гномы с плохо скрываемой

досадой косились на рослых людей и эльфийку, которая почти не уступала им в росте, но вслух так ничего и не высказали.

Присутствие воды в туннелях вызвало у Логэйна нешуточную тревогу. Неужели эти коридоры проходят под морем? Если так, то стоит им разобрать очередной завал — и морская вода целиком заполнит туннели. Налтур этих опасений не разделял, но это не мешало Логэйну в мыслях возвращаться к ним снова и снова. Не настолько хорошо он разбирался в гномьих постройках, чтобы дать себя успокоить.

Когда наконец отыскали форпост, оказалось, что он расположен посреди громадной пещеры, больше чем наполовину заполненной водой, — настоящее подземное озеро, которое огибала по краю узкая каменная тропа. Со свода пещеры свисали многочисленные сталактиты, роняя в сумрачное озеро капли воды. Эхо этой капли отдавалось звоном по всей пещере.

Озеро было так велико, что его дальний берег оставался совершенно неразличим, темные воды бесследно растворялись во мраке. Уж не соединяется ли это озеро с морем, подумалось Логэйну. Этаким подземный «порт», подобие наружного Гварена. Интересная мысль. Воздуха в пещере хватало, пусть даже душного и влажного.

В воде, футах в ста наискось от каменистого берега, виднелось громадное стальное сооружение. Большая часть его обрушилась, изъеденная ржавчиной, стены были покрыты известковыми потеками. Из этого сооружения уходило в скальные стены пещеры множество труб, тоже обветшавших и побуревших от ржавчины.

Для чего оно предназначалось — понять было невозможно. Гномы отмалчивались и только стояли на пороге пещеры, почтительно опустив голову. Кроме звонкой капли, не было слышно ни единого звука. Наконец Налтур сообщил Мэрику, что когда-то труб в этом месте было гораздо больше — так много, что они совершенно заслоняли свод пещеры. Теперь большинство этих труб обвалилось и, скорее всего, ржавеет под толщей воды.

Мэрик спросил, что это за сооружение — крепость или что-то в этом роде? Вместо ответа Налтур только посмотрел на него с нескрываемым отвращением.

— Вам, людям, этого не понять, — пробормотал он.

Чтобы добраться до выхода на поверхность, пришлось идти опасной узкой тропкой по краю озера. Наконец они оказались перед дверью, как две капли воды похожей на ту, что Мэрик и его спутники обнаружили тогда в горах. Эта дверь, проржавевшая и обросшая известняком, была по-прежнему закрыта. Известковые потеки покрывали ее так густо, что невозможно было разглядеть запоры.

Налтур немедленно приставил нескольких гномов орудовать кирками — отбивать по кусочку слой известняка и ржавчины и проверять, что находится под ним. Впрочем, гном, судя по всему, вовсе не был уверен, что из этого выйдет толк.

— Даже если нам и удастся пройти, — бормотал он, — кто знает, что ждет нас по ту сторону двери? С вас, людей, сталось построить что-нибудь над самым выходом.

Роуэн нахмурилась:

— Не помню, чтобы кто-то упоминал при мне, что к гномьему форпосту есть проход.

— Его, скорее всего, запечатали много веков назад, — отозвалась Катриэль. — Когда порождения тьмы захватили Глубинные тропы, горожане могли закрыть проход, чтобы уберечь Гварен от нападения из-под земли.

Налтур вздохнул:

— Тогда нам придется взломать не одну, а две печати. Если вообще справимся. — Он искоса глянул на Мэрика. — Иначе выйдет, что вы прошли весь этот путь впустую.

Логэйн, задумчиво потирая подбородок, смотрел на мутную воду озера, заполнявшего пещеру.

— Если плыть отсюда под водой, можно выбраться в море, верно? А потом доплыть до берега?

Гном посмотрел на него как на сумасшедшего:

— Если шлюз открыт. Если сможешь надолго задержать дыхание. И если давление тебя

не убьет.

— Да, пожалуй, не стоит.

Кирки звенели несколько часов, и наконец громадную дверь очистили настолько, что несколько гномов постарше получили возможность осмотреть запоры. Налтур сообщил Мэрику, что один из этих гномов «при жизни» был кузнецом. Вскоре кузнец вернулся с дурным известием: механизм замка проржавел, оставшись запертым. Чтобы открыть дверь, придется его прожигать.

Для этого требовалась кислота, которую гномы принесли из обозных тележек, — небольшие склянки, наполненные неприятной на вид жидкостью. Эти склянки вскрывали щипцами и выливали их содержимое на замок. Вспыхивало синее пламя, щедро валил клубами едкий дым, и, после того как процедуру повторили трижды, бывший кузнец объявил, что дверь можно открывать.

Налтур приказал легионерам прикрепить к двери несколько массивных крюков. К каждому крюку была привязана веревка, а за каждую веревку ухватилось по пять гномов. Стискивая зубы и упираясь ногами в пол, они изо всех сил тянули, и в конце концов дверные створки стали медленно поддаваться. Вначале дверь скрипела и визжала так, что эхо прокатывалось по всей пещере. Затем металлические створки дрогнули, начали понемногу размыкаться и наконец поползли в стороны, оглушительно скрежеща по каменному полу.

Едва дверь начала распахиваться, в проем ворвалась туча пыли, задуваемая — в этом не могло быть сомнений — потоком свежего воздуха. Гномы закашлялись от пыли, а Логэйн шагнул вперед.

«Свежий воздух? — Он вскинул брови. — Если снаружи воздух, значит...»

Внезапно из облака пыли выскочил гигантский силуэт. Это был каменный голем десяти футов ростом. Оглушительно заревев, голем принялся неистово размахивать кулаками. Гномы опешили от изумления, когда голем ворвался в их ряды, с легкостью расшвыривая их налево и направо. Одни гномы, отлетев, впечатались в стену пещеры, другие посыпались в озеро.

Потрясенные, легионеры начали отступать, обнажая мечи. Налтур бросился к ним.

— Нас атакуют! — взревел он. — К оружию, Легион! К оружию!

Вслед за големом в пещеру хлынули толпой солдаты с мечами наголо. Они тут же схватились с теми гномами, которые не отступили перед големом. Пещеру заполнил лязг металла, голем все так же неистово размахивал громадными кулаками. Бой разгорался — и Логэйн вдруг похолодел от ужаса.

Это были свои! Солдаты, ворвавшиеся в пещеру из туннеля, носили цвета Мэрика.

— Стойте! — закричал Мэрик. Не обращая внимания на опасность, он рванулся в первые ряды гномов и замахал руками. — Прекратите бой! Во имя Создателя!

Никто не внял ему, и схватка продолжалась. Пролилась первая кровь. Каменный голем занес могучий кулак, с грохотом обрушил его на пол рядом с Мэриком — и толчок сбил принца с ног.

Логэйн и Роуэн бросились к нему, на бегу обнажая мечи. И переглянулись, гадая, не придется ли им сражаться со своими же соратниками. Вот она, злая насмешка судьбы, — пройти такой длинный путь только для того, чтобы сойтись в бою с солдатами той самой армии, которую они спешили возглавить!

Логэйн отбросил ударом ноги солдата, который собирался ударить мечом Мэрика.

— Не дури! — рявкнул он. — Это принц Мэрик!

Его слова потонули в шуме боя и грохоте, с которым кулаки голема молотили по доспехам и каменному полу. Логэйн оглянулся, надеясь разглядеть в окружающем хаосе мага, хозяина голема, но потерпел неудачу.

— Прекратить бой! — снова рявкнул Логэйн.

Рядом Роуэн, отогнав нескольких солдат, пыталась поднять Мэрика на ноги. Налтур видел, что они стараются остановить схватку, но не мог отдать Легиону приказ к отступлению. На узком каменном уступе было слишком мало места.

Голем с яростным ревом бросился на Логэйна. Каменная туша нависла над ним, громадные кулаки взвились, чтобы обрушиться на его голову, — и он крепче стиснул меч, готовясь хоть как-то отразить удар...

— Стой! — прогремел из-за спины голема грозный окрик, и результат не заставил себя ждать. Голем застыл.

Солдаты растерянно озирались по сторонам. Налтур, пользуясь случаем, прокричал гномам отступить, и они немедля исполнили приказ. Полоса пустого пространства разделила недавних противников, и, хотя солдатам ничто не мешало броситься вдогонку за гномами, они не двинулись с места.

Словно море расступилось, обнажив каменное дно, и в проходе между войсками остались только Роуэн с Мэриком, Логэйн и нависший над ним, неподвижный, как изваяние, голем.

— Кто посмел помянуть имя принца? — властно спросил все тот же голос.

Обойдя голема, к ним шагнул человек в просторных желтых одеяниях и с приметной остроконечной бородкой. Мэрик сразу узнал его.

— Вильгельм! — с облегчением воскликнул он и, вскочив, бросился к магу.

Глаза Вильгельма округлились, и он попятился, изумленно глядя на бежавшего к нему Мэрика. Тот остановился, окинул взглядом солдат, которые уставились на него с неменьшим потрясением. Никто во всей пещере не произнес ни слова. Воцарилась мертвая тишина.

— Ты что, не узнаешь меня? — спросил Мэрик.

Логэйн и Роуэн, опустив мечи, бесшумно подошли и остановились у него за спиной.

Вильгельм быстро глянул на них и снова в упор воззрился на Мэрика. Взгляд его отвердел, и он взмахом руки велел солдатам оставаться на месте.

— Берегитесь! — предостерег он. — Быть может, это ловкий фокус, иллюзия, наведенная, чтобы обмануть нас.

Маг поднял руку — и из его ладони вырвался ослепительно сияющий луч магической энергии. Поток магии хлынул к Мэрику. Тот не шелохнулся, только закрыл глаза. Чародейское сияние омыло его, и... он остался прежним. Пораженный, Вильгельм опять поднял руку и сотворил другое заклинание. Оно обрушилось на Мэрика и погасло, ничего не изменив в его облике. Третье заклинание постигла та же участь.

Потрясенный до глубины души, Вильгельм рухнул на колени, и в глазах его, устремленных на Мэрика, заблестели неподдельные слезы.

— Милорд, господин мой... — дрожащим голосом пробормотал маг. — Ты... ты жив?

Мэрик осторожно подошел к магу, опустился на колени рядом с ним, взял его руки в свои и крепко сжал. Роуэн и Логэйн молча последовали за ним.

— Да. Вильгельм, это я. А это Логэйн и леди Роуэн. Все мы живы.

Вильгельм оглянулся на солдат, которые с безмерным изумлением смотрели на эту сцену.

— Это он! — воскликнул маг. — Это действительно он!

Дрожь пробежала по войску, люди возбужденно зашептались. Весть, передаваясь из уст в уста, мгновенно долетела до задних рядов, и те, кто толпился в туннеле, с криками бросились к лестнице, которая вела наверх, к городу. Минуту спустя сверху донесся слитный многоголосый крик.

Один за другим люди опускались на колени, почтительно обнажая голову. Из туннеля по ту сторону массивной двери протискивались все новые солдаты и, едва увидев Мэрика, тоже падали на колени. У многих текли по лицу слезы.

— Мы думали, ты погиб, — сказал маг, обращаясь к Мэрику. — Мы думали, что все погибло. Рендорна убили. Узурпатор объявил, что ты тоже мертв. Мы подумали... мы были уверены, что это новое нападение, что вы... — Голос его прервался, и он помотал головой, словно никак не мог поверить в то, что видел собственными глазами.

Мэрик угрюмо кивнул и оглянулся на ряды молча стоявших у него за спиной гномов. Налтур уже отдавал приказы — вытащить из воды тех, кого столкнули в озеро, позаботиться

о раненых. Гномы тотчас пришли в движение.

Тогда Мэрик повернулся к солдатам — его солдатам. Их было так много, они теснились в полумраке пещеры и все как один взирали на него с надеждой, точно так же как в тот день, когда Логэйн и Роуэн привезли его в лагерь мятежников в западных горах. И еще больше солдат собралось там, наверху. Мэрик и отсюда слышал их крики.

— Значит, мы не опоздали, — сказал он. Облегчение нахлынуло на него с такой силой, что из глаз его брызнули слезы. — Армия не погибла и не рассеялась. Мы победили, да? Победили?

Вильгельм кивнул. Логэйн, стоявший сзади, положил руку на плечо Мэрика.

— Да, — сказал он тихо. — Мы победили.

Мэрику казалось, что он недостойн такого счастья. Он двинулся к застывшим в благоговении людям и, не в силах сдержать слез, смотрел на коленопреклоненных солдат. Они были голодны, измождены, доведены до отчаяния — все это ясно читалось на их лицах. И все-таки они выстояли.

Глядя на них, Мэрик вскинул над головой сжатую в кулак руку — и солдаты мятежной армии, все как один, вскочили на ноги и ответили на этот жест таким слитным ликующим криком, что эхо его сотрясло свод пещеры и отозвалось далеко внизу, во мраке Глубинных троп.

Глава 16

Северан читал свиток, и руки его тряслись, а крепко сжатые губы неприятно кривились. Закончив чтение, он торопливо свернул пергамент. Плохие новости, очень плохие.

Маг задержался перед зеркалом в богато изукрашенной рамке, пригладил черные волосы и велел своему бестолковому сердцу уgomониться. Оно, по мнению Северана, билось чересчур сильно, да и капельки пота, блестящие на лбу, слишком бросались в глаза. Король заметит их и поймет, что за вести принес Северан, даже прежде, чем тот успеет открыть рот, — а это будет весьма, весьма некстати.

С дурным настроением Мегрена нелегко было сладить, даже если полученную новость можно было подать в более выгодном свете. И если сейчас ему вздумается прийти в ярость, Северан предпочел бы, чтобы под горячую королевскую руку подвернулся, как обычно, кто-нибудь из дворцовой челяди. На прошлой неделе эта участь постигла хрупкого мальчишку-эльфа, который умудрился не заметить, что сливки, которые он подал королю, скисли. Щенок вопил так, что в королевские покои прибежали дворцовые стражники и вынуждены были лишь бессильно глядеть, как его величество избивает до полусмерти бестолкового юнца.

Когда король повернулся спиной к своей жертве, капитан стражи метнулся к окровавленному мальчишке и подхватил его на руки. Это был отважный поступок, поскольку Мегрен, снова разъярившись от такого наглого вмешательства, точно так же мог накинуться на стражника. Этого, впрочем, не случилось: король, скрипя зубами и внутренне кипя от злости, уставился в окно, а стражники поспешили унести мальчишку.

Откровенно говоря, Северан считал, что уж лучше бы этот дурень забил щенка до смерти — и делу конец. Вместо этого мальчишка выжил, а когда вернулся к безутешным родственникам и рассказал, что случилось, в эльфаже вспыхнули бунты. Городская стража сообщила, что стражники вынуждены были бежать оттуда и запереть ворота, предоставив разъяренным эльфам жечь собственные жилища, пока пара дней голодного существования не заставит их утихомириться. Мегрена, само собой, вряд ли заботили какие-то там взбунтовавшиеся эльфы, зато подобные проблемы весьма усложняли жизнь Северана.

Сейчас, однако, ему предстояло объявить королю куда более худую новость, а подходящего слуги, на котором король мог бы выместить злость, не было. Маг вытер пот шелковым платком — подарок услужливого антиванского торговца, который умолял его устроить аудиенцию у короля, — и задумался: возможно ли вообще не сообщать Мегрену эту новость? Он заглянул в глаза своего отражения в зеркале и нахмурился, увидев там страх.

Да, выбора у него и в самом деле нет.

Он нашел Мегрена в конюшне. Двое кряжистых кузнецов раболепно суетились вокруг короля, закрепляя на нем новые доспехи. Золоченую пластинчатую броню изготовили по особому заказу короля, на нагруднике была вычеканена львиная морда. На доспехах было множество прорезей, и всюду, где не виднелась черная кожа, ослепительно блистала позолота. Такая броня была под стать не только королю, но даже императору. С тех самых пор как Мегрен командовал войском в битве у Западного Холма, он стал просто одержим всем, что касалось военного дела. И это несмотря на то, что, по многочисленным заверениям офицеров, король ни разу не был замечен на поле во время боя и, как правило, объезжал его, лишь когда все уже было закончено, — осмотреть кровавые следы побоища.

Северан считал, что новые доспехи выглядят весьма впечатляюще и вполне подходят царственной особе. Мегрен, само собой, был иного мнения. Он едва терпел возню кузнецов, постоянно подергивал плечами, сетуя на неудобство, рывал на них из-за какого-нибудь туго затянутого ремешка и ворчал, что наголенники жмут, а от латных перчаток чешутся руки. Поблизости слонялось несколько слуг, запуганных настолько, что у них и в мыслях не было взяться помогать кузнецам. Нервная обстановка подействовала даже на немногих лошадей, стоявших в конюшне. Животные били копытами так, что, казалось, вот-вот снесут с петель двери в стойлах.

Северан уже собирался войти, когда заметил, что у дальней стены, наблюдая за ходом примерки, восседает на высоком стуле преподобная мать Бронах. Маг понятия не имел, зачем она сюда явилась, но тут церковница подняла взгляд. Чуть заметная усмешка зазмеилась на ее губах.

Похоже, она все знала. А может быть, даже пришла сюда именно затем, чтобы полюбоваться предстоящей сценой.

Мегрен заметил усмешку преподобной матери и, повернувшись, увидел остановившегося на пороге Северана.

— А, это ты! — фыркнул он. — Что еще стряслось? От души надеюсь, что ты принес известия из Гварена. Это дело уже непростительно затянулось.

Маг откашлялся, прочищая внезапно пересохшее горло. Ему никак не удавалось оторвать взгляд от меча, висевшего в ножнах на поясе Мегрена. Пусть этот меч скорее красивая игрушка, чем боевой клинок, но, если король вздумает им размахивать, он натворит немало бед.

— Да, — наконец сказал он, — известия из Гварена.

Лицо Мегрена побледнело, глаза сузились, и по всей конюшне, казалось, пролетел порыв ледяного ветра. Слуги поспешили ретироваться, и кузнецы перестали возиться с ремешками доспехов. Они попятнулись, и на лицах их отразилось смятение.

— Вы что, спятили? — гаркнул на них Мегрен. — Продолжайте!

Кузнецы поспешно бросились к нему — так поспешно, что налетели друг на друга и едва не сбили с ног самого короля. Взревев от ярости, Мегрен вскинул ногу в стальном сапоге и угодил одному из мастеров в нос. Брызнула кровь, и мужчина, отлетев назад, врезался в стену конюшни.

— Вон отсюда, болваны! — взревел Мегрен.

Второй кузнец уставился на него круглыми от ужаса глазами, но это оцепенение длилось только долю секунды. Бросившись к товарищу, который неловко стоял на коленях у стены, обеими руками закрывая окровавленное лицо, кузнец помог ему встать, и оба опрометью выбежали из конюшни.

Мегрен проводил их раздраженным взглядом и снова повернулся к Северану.

— Я хотел бы услышать эти известия, — вполголоса зловеще проговорил он.

— Я тоже хотела бы их услышать, — вставила преподобная мать Бронах. Вид у нее был на редкость самодовольный.

Северан попытался сглотнуть слюну, но обнаружил, что в горле у него застрял тугой комок. Поэтому он просто откашлялся. Этот кашель особенно громко прозвучал в притихшей

конюшне, где все взгляды были устремлены на него. Даже кони, казалось, не сводили с него глаз.

— Мы взяли Гварен, — просто проговорил он.

Мегрен презрительно фыркнул:

— И чем же эта новость так плоха?

Северан нервно смял в руках туго свернутый пергамент.

— Не... неизвестно, сумеем ли мы его удержать, ваше величество. Взять его было чрезвычайно трудно. Возникли непредвиденные обстоятельства.

На лбу мага снова выступил пот. Северан мысленно молился, чтобы Мегрен этого не заметил.

По счастью, король был слишком поглощен собственным раздражением. Он нетерпеливо притопывал сапогом по дощатому полу и, уперев руки в бедра, оглядывал конюшню с таким видом, словно искал того, кто мог бы разделить его чувства. Наконец Мегрен резко повернул голову к Северану.

— Непредвиденные обстоятельства? — ядовито переспросил он. — Ты говорил, что гам осталась только жалкая горстка этих дурацких мятежников. Я послал туда шевалье и половину войска, которое взяло Западный Холм. По твоим же словам — более чем достаточно.

— Принц Мэрик жив, — сказал Северан. — Он был в Гварене.

И тут же пожалел о сказанном, потому что глаза Мегрена округлились от ярости. Тем не менее король не сказал ни слова. Он просто смотрел в упор на Северана, и тот начал подумывать о бегстве.

— Жив? Но каким образом? — воскликнула мать Бронах.

Северан мельком отметил, что ее изумление выглядит совершенно искренне. Стало быть, об этом она как раз не знала. Северан мог бы втайне — самую малость — позлорадствовать над этим обстоятельством. Оно послужит скромным утешением, когда его неизбежно посадят на кол.

— Вот именно! — прорычал Мегрен. — Как это — жив? Опять? И каким образом он оказался в Гварене?

При этих словах король с угрожающим видом потянул меч из ножен.

Северан насупленно глянул на него:

— Хочу напомнить вашему величеству, что я уже говорил: в Западном Холме мы тела принца не обнаружили! — Он стукнул кулаком по деревянному столбику, отчего один из коней испуганно вскинулся. — Сколько раз я твердил, что мы должны выяснить все наверняка, прежде чем ты станешь делать громогласные заявления? Все мои источники сообщают, что принц Мэрик появился в Гварене перед самой нашей атакой! Весь город считает, что он воскрес из мертвых! Волей Создателя!

Это была рискованная игра. Северан сохранял гневное выражение лица, чувствуя, как все новые капли пота катятся по лбу. И после недолгой паузы Мегрен вздохнул и капризно надул губы:

— Но там было столько обугленных трупов! Ты сам сказал, что любой из них мог быть этим мальчишкой!

— Вот именно — мог быть! Я просил тебя дать мне время, пока наши поисковые отряды не выяснят правду! Если бы ты хотя бы подождал, пока мы не отобьем Гварен...

Мегрен развернулся к преподобной матери Бронах.

— Проклятие! — воскликнул он, воздев руки. — Это все ты виновата!

— Я?! — Мать Бронах поднялась со стула, подхватив полы красных одеяний. — Как же вышло, что мы не смогли одолеть горстку мятежников, с принцем Мэриком или без него? Даже если мальчишка выжил, он не может творить чудеса!

— Мы их и одолели, — сказал Северан. — С немалым трудом. Они ухитрились откуда-то заполучить себе на помощь гномов. Их было немного, но справиться с ними оказалось нелегко. — Маг метнул опасливый взгляд на Мегрена. — Они сумели уничтожить почти

половину шевалье. Наши потери были очень велики.

— Половину?! — взорвался Мегрен. И тут же зажмурился, стараясь взять себя в руки. — Но ты говоришь, что мы их разбили? Мятежников, гномов и всех прочих?

Северан кивнул:

— На нашей стороне было численное преимущество. Они отступили на Бресилянский тракт, и мы непременно нагнали бы их и уничтожили...

— Нагнали бы?! —

— Именно тогда начался бунт. Прежде чем наш генерал успел перестроить войска и броситься в погоню, жители Гварена взбунтовались. Обрушились на расположение армии и, как мне сообщили, застали ее врасплох. Среди прочих погиб и генерал Яррис.

Преподобная мать Бронах порывисто шагнула вперед, встревоженная не на шутку:

— Это уже не просто бунт.

— Мятеж! — выдохнул Мегрен. Глаза его округлились от потрясения.

Северан поднял свиток, зажатый в его руке, и кивнул:

— Бой в Гварене был на редкость кровопролитный, и сейчас город охвачен огнем. Мы не знаем, что происходит там сейчас, однако существует вероятность, что войско мятежников могло повернуть назад и снова ударило по Гварену.

— Разве мы не можем послать туда подкрепление?

— Это еще не самое худшее, — запинаясь, выговорил Северан. — Пошли слухи...

— И что?.. — фыркнул Мегрен.

— Вы, вероятно, не поняли, ваше величество. — Маг шагнул к Мегрену, прямо взглянул ему в глаза. — Пошли слухи, что Мэрик жив. Что он вернулся из мертвых, как считается, для того, чтобы избавить бедных ферелденцев от вашего правления. Сегодня утром взбунтовался Редклиф, и слухи распространяются все дальше.

Мегрен попятился. Он брызгал слюной от злости, но на лице его мелькнула тень неуверенности.

— Что? Бунтовать? Да как они смеют?! — Король ткнул пальцем в Северана. — Отправь воззвание! Мне нужны новобранцы! На сей раз у меня и самый мелкий банн не отвертится!

— Никто не пошлет тебе новобранцев, если побоится, что против него восстанут его же собственные подданные. Эрл Редклифа уже обратился за помощью к тебе. Он просит немедленно отправить войска, чтобы помочь справиться с бунтом. И это только начало.

— Я здесь не затем, чтобы помогать им! — Мегрен в бешенстве заметался по конюшне. — Я требую казней! Всякого, кто будет хотя бы заподозрен в сочувствии мятежникам, вешать без жалости! Пусть эти ферелденские псы знают, кто их настоящий хозяин!

— Ваше величество... — предостерегающе начал Северан.

— Вешать! — гаркнул Мегрен во все горло. Кони в стойлах взвились на дыбы и жалобно заржали. — Я им всем покажу, что такое мощь Орлея! И этому собачьему принцу тоже!

И Северан, и мать Бронах воззрились на короля с одинаковым чувством — нечто среднее между потрясением и ужасом. Мегрен переводил взгляд с мага на священницу, словно ожидая, когда один из них выскажется. Вернее, требуя, чтобы они высказались. Однако ни Северан, ни мать Бронах не знали, что ему сказать. Предупредительные казни ферелденцев могли дать совсем не тот результат, на который рассчитывал Мегрен. Даже побитый и запуганный пес может начать огрызаться, если загнать его в угол.

— Король Мегрен, — медленно начала священница тоном, который она использовала, только когда знала, что сейчас не на шутку взбесит его, — возможно, именно сейчас настало время проявить милосердие. Докажи народу, что ты более достойный король, собери воедино все силы, прежде чем...

— Ни за что! — взревел Мегрен, стремительно развернувшись к ней. Лицо его побагровело, и мать Бронах невольно попятилась, наткнувшись на стул. — Это не

состязание! Я — единственный король, а они все просто... просто недовольные! И я не дам этому недовольству разрастись!

В два шага он оказался вплотную к священнице и скрежетал зубами перед самым ее носом. Преподобная мать вжалась в стену, в ужасе пытаясь отвернуть от него лицо. У Северана даже мелькнула мысль, что ему следует вмешаться: в конце концов, это все-таки Владычица Церкви Ферелдена. Даже Мегрен не может тронуть ее безнаказанно. Затем он вспомнил, что терпеть не может эту женщину. Пусть повертится.

— Ты скажешь им, — негромко и зловеще проговорил Мегрен, — что этот собачий принц вовсе не спаситель, что он не вернулся из мертвых. Скажешь, верно?

Мать Бронах кивнула, стараясь не смотреть ему в глаза:

— Я... я скажу, что это ошибка...

— Никаких ошибок! Он — демон. Злой дух, восставший из его могилы.

Женщина вновь быстро закивала.

— Неплохо, — заметил Северан, задумчиво поглаживая бороду. — Это может сработать.

— Разумеется, это сработает! — Мегрен отступил на шаг от преподобной матери, и она шумно выдохнула, подбирая полы красных одеяний. На лбу у нее блестели крупные капли пота. Король, уже заметно успокоившись, повернулся к Северану. — Ты, дорогой мой маг, разберешься с мятежниками. Ты ведь справишься с этим делом, верно?

Северан кивнул:

— Я отправлю гонца к императору. В своем последнем письме он обещал нам, если понадобится, два полных легиона. Правда, ваше величество, он предупредил, что больше мы ничего не получим.

Мегрен уставился в пол, размышляя:

— Двух легионов нам будет достаточно?

— В добавление к тому, что у нас осталось? Да. Более чем достаточно. Мы сможем покончить с мятежниками, а потом заняться бунтовщиками помельче. Им не выстоять против твоей мощи.

— Ну так займись этим.

Северан повернулся, чтобы уйти, но Мегрен схватил его за руку и рывком развернул к себе. Взгляд его впился в мага.

— Но это будет твой последний шанс, дорогой мой маг. Ты понял?

Северан кивнул, и Мегрен отпустил его руку. «Быть может, это и ваш последний шанс, ваше величество», — подумал маг, однако лишь низко поклонился и вышел. Миг спустя его примеру последовала преподобная мать Бронах. Священница была мрачнее тучи. Мегрен уже позабыл о них обоих, снова целиком поглощенный примеркой золоченых доспехов.

Северан шагал по длинным коридорам дворца, и мысли его лихорадочно метались. Если действовать осторожно, он еще сумеет обернуть ситуацию в свою пользу. Мегрен уже признает, что положение серьезное. Если Северан быстро разгромит мятежников, король будет ему крайне благодарен — даже больше, чем после взятия Гварена.

Уже сейчас почти вся дворцовая челядь привыкла обращаться за указаниями к Северану. Орлесианские офицеры подчинялись исключительно его приказам. Дворяне обращались к нему за решением своих проблем. Даже гофмейстер, составляя для короля ежедневный распорядок дня, приходил к Северану, и они вместе заботились о том, чтобы целиком занять Мегрена тем, что ему удавалось лучше всего, — развлечениями. На первый взгляд все решения принимал король, но всякий, кто имел в Ферелдене хоть какое-то влияние, был прекрасно осведомлен об истинном положении дел. Без Северана Мегрен не способен был даже сменить подштанники.

И тем не менее с Мегреном пока что надлежало обращаться крайне осторожно. Северан еще не достиг тех высот, когда мог бы выдержать открытое столкновение, случись его венценосному величеству сообразить, что происходит. А такое всегда возможно, пока преподобная мать Бронах настраивает короля против придворного мага.

Возможно, Северану удастся и впредь поддерживать и раздувать гнев, который она сегодня вызвала у Мегрена. Об этом стоило подумать, но пока главная забота — мятежники.

Из-за угла высунулся молоденький паж и, узрев Северана, со всех ног бросился к нему.

— Милорд Северан! — выкрикнул он на бегу. Паренек явно запыхался.

— Опять письмо?

Хорошо бы это были известия из Гварена. Если новости плохие, у Северана, по крайней мере, будет предлог еще несколько дней не показываться на глаза Мегрену.

— Нет, милорд, — переводя дух, испуганно пролепетал паж, — это... это женщина. Сказала, чтобы я вас нашел. Я уж повсюду бегал, обыскался!

— Женщина?

— Эльфийка, милорд. Она велела сказать, что ее имя Катриэль.

Северан замедлил шаг:

— Катриэль, говоришь? И где она сейчас?

— В ваших покоях, милорд.

Прежде чем паж успел это выговорить, Северан уже стремительно шел дальше. Катриэль отменно поработала в Западном Холме, но потом исчезла при весьма подозрительных обстоятельствах. Северан даже подозревал, что ее убили, быть может, разоблачили уже после того, как она сделала свое дело. Некоторые вопросы так и остались без ответа, и это пробудило в нем подозрения. Впрочем, раз она все же вернулась, это добрый знак.

При условии, конечно, что Катриэль сможет удовлетворительно объяснить свое исчезновение.

Дорога до собственных покоев, даже быстрым шагом, заняла у Северана несколько минут. Недолгое время он обдумывал, не кликнуть ли стражников, но решил, что это было бы неразумно. Стражники, конечно, вряд ли посмеют усомниться в его лояльности, но ведь слухи расходятся мгновенно. Кто знает, в каком виде дойдет эта история до ушей Мегрена?

Взамен того Северан перед самой дверью остановился и наложил на себя защитные чары. Хоть ему и казалось невероятным, что Катриэль задумала поднять на него руку, однако лучше быть готовым ко всему. Северан глубоко вдохнул, открыл дверь и переступил порог.

Катриэль ничуть не изменилась — та же волна золотисто-медовых локонов, те же изумительные зеленые глаза, смерившие его взглядом с головы до ног. На ней был запыленный кожаный доспех, и от девушки исходил слабый запах пота и лошадей. Стало быть, она ехала в спешке и даже не стала тратить время на то, чтобы вымыться? Хороший признак. В комнате царил полумрак, который едва разгоняло мерцание лампы на столе. Катриэль со скучающим видом перелистывала его записи.

— Надеюсь, ты сумеешь убедительно объяснить свое исчезновение, — ровным голосом проговорил Северан. — И почему ты не связалась со мной, прежде чем появиться здесь?

Он не любил без нужды выставлять напоказ свои магические силы, но сейчас протянул руку, и на его ладони возник язычок чародейского пламени. Северан счел, что эта маленькая демонстрация послужит убедительным подкреплением его слов.

— Сумею, — ответила эльфийка.

Лицо ее было не в пример серьезнее, чем в прошлую их встречу. Бесшумно закрыв тетрадь с записями, Катриэль устремила пристальный взгляд на Северана. В этом взгляде не было и тени вызова. Маг не знал, как это понимать.

— Хорошо, — сказал он вслух. Огонек, плясавший над его ладонью, погас, и Северан сделал еще один шаг вперед. При этом он не сводил с Катриэль настороженного взгляда. — Ты по-прежнему в лагере мятежников с принцем Мэриком? Или они тоже потеряли тебя у Западного Холма?

— Я по-прежнему с принцем, по крайней мере была до его победы в Гварене. Потом я направилась сюда, хотя мне и нелегко было уехать незамеченной.

Северан ожидал, что Катриэль дополнит свой рассказ, но этого не случилось. Маг раздраженно нахмурился:

— Победы? Стало быть, ответный удар мятежников увенчался успехом? Гварен снова в их руках?

— Да, — кивнула Катриэль, — но до того, как это случилось, твои солдаты вырезали половину горожан. Когда об этом станет известно, не миновать волнений.

Северан, хмурясь, отмахнулся от ее слов как от назойливой мухи:

— Сейчас это не важно. С твоей помощью мы сможем нанести удар по мятежникам и покончить с ними раз и навсегда. Я так понимаю, принц, который сейчас в Гварене, — настоящий? Не какой-нибудь самозванец?

— Настоящий, — ответила Катриэль.

— Жаль. Что ж, ему придется умереть. По счастью, ты сумеешь обеспечить, чтобы на сей раз все было сделано как надо.

Северан запнулся, ощутив в затылке странное гудение. Не понимая, в чем дело, он на всякий случай усилил магическую защиту и стал пристальнее следить за Катриэль. Что там еще она задумала?

Эльфийка словно и не заметила, что ему не по себе, лишь покачала головой и бесшумно двинулась к нему, огибая стол.

— Нет, — проговорила она тихо, — я не стану этого делать.

— Понимаю, — холодно сказал Северан, преодолевая гудение в затылке. — А как же наш контракт? Меня уверяли, что вы, барды, ставите свою честь превыше всего.

Катриэль остановилась у стола.

— Предположим, что наш контракт не потерял силу с той минуты, как ты изменил свои планы касательно Западного Холма. — Она скрестила руки на груди, нахмурилась. — В таком случае я должна напомнить, что моей задачей было доставить к тебе принца Мэрика живым. Не более и не менее. — В зеленых глазах Катриэль блеснул опасный огонек.

Северан помедлил. Гудение в голове усилилось, затылок онемел. Он постарался не обращать на это внимания.

— А если я теперь попрошу, как было договорено, доставить мне принца живым, ты сделаешь это?

Катриэль покачала головой:

— Нет. Не сделаю.

— Понимаю. — Северан поднял руку, и огненный шарик вновь заплескал на его ладони. Теперь он стал ярче и был окаймлен голубоватым сиянием. Маг впился взглядом в Катриэль, подстрекая эльфийку схватиться за кинжалы, которых у нее наверняка было припрятано в достатке. — Стало быть, у нас возникли разногласия, не так ли?

Катриэль не шелохнулась, только выжидательно смотрела на Северана, все так же скрестив руки на груди. Маг сосредоточился, но гудение стало совсем уже нестерпимым. Огненный шарик зашипел и исчез. Северан вскрикнул бы от изумления, но онемение уже распространилось на лицевые мускулы. Он мог только открывать и закрывать рот.

Все завертелось перед глазами, и Северан, чтобы не потерять равновесия, вынужден был ухватиться за резной столбик кровати. Он чувствовал, как стремительно слабеют, подгибаясь, ноги.

Катриэль жестом указала на дверь:

— Дверная ручка намазана ядом, который проникает сквозь кожу.

Она медленно двинулась к Северану. Руки его соскользнули с резного столбика, и маг бессильно рухнул на пол. Все попытки закричать завершались только мучительным сипением — горло сдавило так, что трудно было дышать.

Эльфийка смотрела на него сверху вниз, и в ее зеленых глазах была печаль. Похоже, то, что она устроила, не доставило ей ни малейшей радости, хотя Северана это вряд ли могло утешить. Сердце его колотилось в груди как безумное, разум безмолвно вопил, требуя шевелиться, бороться, искать выход.

— Я не хочу тебя убивать, — тихо сказала Катриэль. — Мне следовало бы это сделать, но по крайней мере в одном ты прав. Моя честь, чего бы она ни стоила, не дает мне так

поступить.

Она присела на корточки рядом с магом, рассеянно поправила мантию, которая скомкалась у него на шее.

Северан попытался дотянуться до своего посоха — тот был совсем близко, стоял прислоненный к кровати. Пальцы мага согнулись, и от одного этого усилия лицо Северана побагровело и облилось потом, однако пошевелить рукой он так и не смог. Катриэль равнодушно следила за его стараниями.

— Вот о чем задумайся, маг: если бы я убила тебя, ты в итоге погиб бы из-за собственной гордыни. Если я чему и научилась, будучи бардом, так это тому, что люди, облеченные властью, тоже уязвимы. И чем могущественнее они себя считают, тем уязвимее становятся.

Северан смотрел на нее, страстно жаждая швырнуть ей в лицо все мыслимые оскорбления, вцепиться обеими руками в ее нежную точеную шею и задушить мерзавку, но мог только хрипеть и сипеть. Катриэль в упор поглядела на него, и взгляд ее отвердел.

— Я тебе не слуга, маг, — сказала она бесстрастно. — Я больше никому не слуга. Именно это я и пришла тебе сказать.

Она поднялась и пошла к двери, а Северан так и остался лежать, отчаянно пытаясь бороться с ядом, который разошелся по его крови. Катриэль открыла дверь и, помедлив на пороге, оглянулась на мага:

— Если у тебя достанет мудрости, ты забудешь обо всех своих планах и вернешься туда, откуда явился. Если ты останешься здесь — умрешь. В этом я тебя могу уверить. — Взгляд Катриэль стал отрешенным, лицо на миг смягчилось, но затем она пожала плечами, отгоняя ненужное чувство. — Считаю, что я предупредила тебя из любезности.

С этими словами Катриэль ушла.

Северан лежал на стылом каменном полу, раз за разом предпринимая все более удачные попытки дотянуться до посоха. Ему, наверное, следовало бы радоваться, что вообще остался жив. Все-таки он совершил глупость, позволив себе совершенно забыть об осторожности. Впрочем, сейчас, когда по лицу Северана катились крупные капли пота, он способен был думать только об одном — о мести.

«Она еще заплатит за это оскорбление. Потом заплатит мятежный принц, а за ним и все остальные.

Они заплатят за все».

Глава 17

Из другого конца комнаты Логэйн молча наблюдал за Мэриком.

После многодневного сражения за Гварен все они были вконец измотаны, и тем не менее Мэрик все корпел за столом, строча одно письмо за другим. Логэйн мог только гадать, сколько посланий он написал и собирался написать, но уже трое гонцов поскакали на запад, неся вести о недавних событиях в Баннорн и другие области Ферлдена.

Логэйн был уверен, что известие о возвращении Мэрика все равно обгонит любого скакуна, однако сам принц твердо решил лично обратиться с воззванием к ферлденской знати, пока еще свежа была память об их победе. В конце концов, она досталась мятежникам дорогой ценой. Потери среди жителей Гварена были просто ужасающие. В стремлении подавить бунт горожан орлесианцы проявили чудовищную жестокость — настолько чудовищную, что Мэрик счел своим долгом повернуть армию назад к Гварену, хотя его солдаты едва держались на ногах и не просто отступали, а бежали от врага, спасая свою жизнь.

Мэрик считал себя виновным в гибели горожан — Логэйну это было понятно и без слов. Он видел, как принц смотрел на улицы, забитые мертвыми телами мужчин и женщин, которые вышли в бой против конных рыцарей только потому, что верили в своего принца, и знал, что вместе с этими людьми умерла частица Мэриковой души.

Это был отчаянный шаг — ударить по захватившим Гварен шевалье спустя считанные дни после того, как эти же рыцари едва не уничтожили их, — и удача улыбнулась мятежникам. Людям узурпатора даже в голову не пришло, что противник может вернуться, и они целиком посвятили себя жестокому избиению неблагодарных горожан. Мэрик был преисполнен праведной ярости, и, даже когда враг наконец сломался и бежал с поля боя, Логэйну пришлось силой удержать принца от того, чтобы бросить армию в погоню. Мятежники понесли слишком тяжелые потери и не в состоянии были предпринять новый поход. Только объединенными усилиями Логэйну и Роуэн удалось уговорить Мэрика не покидать Гварен. Им нужно было восстановить силы и предать огню слишком многих убитых.

Именно этим они и занимались все последние дни. Сжигали убитых. Воздух Гварена пропитался едким дымом, и казалось, что он уже никогда не рассеется. Один только Легион не принимал участия в этих погребальных обрядах. Легионеры оплакивали свои тяжкие потери, но при этом, казалось, радовались, что товарищи погибли в столь славной битве. Перед тем как уцелевшие гномы унесли мертвых соплеменников на Глубинные тропы, Налтур крепко пожал руку Мэрику и заверил, что они скоро вернуться. Логэйн искренне надеялся, что легионеры не угодят на своем пути в лапы порождений тьмы. Его бросало в дрожь при одной мысли, что подобные твари до сих пор, забытые всеми, рыщут буквально у них под ногами.

Вначале Мэрик упорно ходил по улицам полуразрушенного Гварена, смотрел на погребальные костры и повторял слова молитв, которые произносили немногие уцелевшие служители Церкви. Однако, где бы он ни появлялся, все взгляды тотчас устремлялись на него. То, как люди следили за каждым его движением и перешептывались за его спиной, то, как они всякий раз, завидев его, падали ниц и не желали подняться, даже когда он умолял их об этом, — словом, все эти признаки благоговейного преклонения тревожили и пугали Мэрика.

«Он восстал из мертвых, — шептались люди. — Создатель послал его, чтобы наконец освободить всех нас от орлесианского ига». Хотя главная цель Мэрика несколько не изменилась, люди вдруг поверили, что она достижима. Вдруг поверили в возможность победы, забыв о сокрушительном поражении при Западном Холме. И Мэрик готов был убить себя, только бы подтвердить правоту этой веры.

Уже доходили до Гварена рассказы о волнениях, которые одно за другим вспыхивали на западе страны, и о жестоких расправах, учиненных узурпатором, — говорили, будто на площади перед королевским дворцом в Денериме уже не хватает места для шестов с отрубленными головами. И все же терпению народа, судя по всему, приходил конец. Ряды мятежной армии росли — все жители Гварена, способные носить оружие, уже влились в нее, и Логэйн полагал, что процесс этот будет продолжаться, когда мятежники двинутся на запад. Доблестный защитник Ферелдена презрел саму смерть, чтобы прийти на помощь соотечественникам. И потому Мэрик, несмотря на все еще шаткое положение мятежников, писал письма, стараясь сильнее раздуть это пламя, как будто способен был сделать это одной только силой воли.

Вполне вероятно, что он и в самом деле был на это способен.

Логэйн пересек комнату бесшумно, ни на миг не забывая о том, что в коридоре за дверью спят солдаты. У мятежной армии осталось совсем мало палаток, а сил устанавливать их и вовсе не было. Большинство солдат просто падали в изнеможении где придется, ловя каждую возможность хоть немного вздремнуть. Большинство солдат по-прежнему голодали. Так было сегодня, то же самое будет и завтра.

— Мэрик, — сумрачно сказал Логэйн, — нам надо поговорить.

Принц оторвался от недописанного письма, поднял голову. Глаза у него были красные, осоловелые от постоянного недосыпания. В этих глазах было выражение, которое очень не нравилось Логэйну, — лихорадочно-деятельный огонек, горевший с той самой минуты, когда они вышли с Глубинных троп и узнали, сколь малая часть мятежной армии сумела добраться

до Гварена.

Снаружи все так же лил дождь, ночное небо то и дело рассекали вспышки молний. Этот ливень был как нельзя кстати — он очищал воздух от дыма погребальных костров. На столе Мэрика горела одинокая свеча. Отыскать мало-мальски приличный светильник было бы затруднительно — шевалье обобрали замок почти дочиستا, вывезли все, до чего смогли дотянуться. По правде говоря, принцу давно бы уже следовало лечь спать, и Логэйн на миг задумался, не потребовать ли, чтобы Мэрик наконец отправился отдохнуть.

Но нет, этот разговор больше нельзя было откладывать.

— Поговорить? — переспросил Мэрик, растерянно моргнув.

Логэйн пристроился на краю стола, скрестил руки на груди, взвешивая в уме каждое слово:

— О Катриэль.

Мэрик фыркнул, сердито отмахнулся от него:

— Ты опять за свое? — Он поднял перо, собираясь вернуться к прерванному занятию. — Я думал, мы уладили это дело еще тогда, на Глубинных тропах. Я не желаю больше об этом разговаривать.

Логэйн выдернул из-под его пера пергамент с письмом. Мэрик в ответ одарил его раздраженным взглядом.

— И тем не менее придется, — ровным голосом сообщил Логэйн.

— Похоже на то.

— Мэрик, что ты творишь?

Брови Мэрика сошлись над переносицей, и он принял удивленный вид:

— Что именно я творю?

Логэйн тяжело вздохнул, досадливо потер лоб:

— Ты ее любишь. Я это понимаю гораздо лучше, чем ты думаешь. Но почему? Как вышло, что эта девчонка, явившаяся неизвестно откуда, ухитряется обвести тебя вокруг пальца?

Вид у Мэрика стал слегка задетый.

— Что плохого в том, что я ее люблю?

— Ты намерен сделать ее своей королевой?

— Возможно. — Мэрик отвернулся, избегая встречаться взглядом с Логэйном. — Какое это имеет значение? Кто знает, суждено ли мне вообще стать королем? Почему я должен все время думать о будущем?

Лицо Логэйна потемнело, и он сверлил Мэрика взглядом до тех пор, пока тот снова — с явной неохотой — не повернулся к нему. Одно то, что он не в силах был смотреть Логэйну в глаза, уже говорило о многом.

— Эрл Рендорн мертв. — Логэйну очень не хотелось произносить эти слова, но все же они прозвучали. — У Роуэн больше нет основания... Ты действительно хочешь освободить ее от слова?

Мэрик опустил глаза.

— Она уже сама освободилась, — угрюмо проговорил он. — Думаешь, я ничего не знаю?

Слова его повисли в тишине. Наконец Мэрик поднял взгляд, и глаза их встретились. «Ну конечно же он знает, — с горечью подумал Логэйн. — Разве могло быть иначе?»

Он положил руку на плечо Мэрика:

— Верни ее.

Мэрик яростно вскочил, опрокинув кресло, бросился прочь от Логэйна. Когда он вновь обернулся, лицо его было искажено гневом и презрением.

— Как ты смеешь просить меня об этом? Как ты смеешь просить меня об этом?

— Она твоя королева, — твердо проговорил Логэйн. — Я всегда это знал.

— Моя королева. — Мэрик произнес эти слова с явным отвращением. — Сколько лет назад было принято за нас это решение? Я даже не уверен, что она вообще этого хотела.

— Она все еще любит тебя.

Лицо Мэрика страдальчески исказилось, и он отвернулся, ожесточенно мотая головой. Затем снова повернулся к Логэйну, начал что-то говорить, но тут же прервал себя, и по лицу его промелькнула тень сожаления. Он осуждающе взглянул на Логэйна. Воцарилось неловкое молчание, ни один из них не знал, что теперь говорить. В ночном небе снова полыхнула молния.

— Хочешь узнать, почему я люблю Катриэль? — Отрывистый голос Мэрика звенел от ярости. — Потому что она видит во мне мужчину. Эта эльфийка, эта потрясающая красавица смотрит на меня и видит не сына Мятежной Королевы. Не неуклюжего Мэрика, не неумеху, который не способен усидеть в седле или удержать в руке меч!

— Мэрик, ты давно уже не такой...

— Когда я пришел ей на помощь, она не сомневалась, что я ее спасу. Когда той, первой ночью пришла ко мне в шатер, она хотела меня. Именно меня. — Мэрик протянул руки к Логэйну, словно умоляя его понять. — Никто... никто никогда так на меня не смотрел. И тем более Роуэн. — Мысль о Роуэн явно причинила ему боль, взгляд его застыл. — Я... я знаю, что она меня любит. Вот только когда она смотрит на меня, она видит Мэрика. Она видит мальчишку, с которым вместе росла. Когда Катриэль смотрит на меня, она видит мужчину. Принца.

Логэйн нахмурился:

— То же самое видят очень многие люди. В том числе и женщины. — Он презрительно фыркнул. — Мэрик, ты наверняка замечал, как они все на тебя смотрят. Не настолько же ты болван.

— Катриэль — не все, она особенная. Ты когда-нибудь встречал такую, как она? Катриэль спасла всех нас, вела нас по Глубинным тропам, сражалась бок о бок с нами. — Мэрик ущипнул переносицу, в раздражении помотал головой. — Почему ты этого не понимаешь? Я не знаю, станет ли Катриэль моей королевой, но если и станет — что же в этом плохого?

— Она эльфийка. Думаешь, твои подданные примут королеву эльфийской крови?

— Возможно, им придется это сделать.

— Мэрик, это не шутки.

— Я и не шучу! — Мэрик, злясь все сильнее, заходил по кабинету. — Почему всех так и тянет советовать мне, какое принять решение? Как я вообще смогу стать королем, если ничего не буду решать сам?

— То есть ты считаешь, что твое решение достойно короля?

— Почему бы и нет? — едко осведомился Мэрик. — С каких это пор ты стал знатоком в том, что подобает или не подобает королям? — Тут же он пожалел о своих словах и вскинул руки. — погоди, я не хотел...

— Мэрик, — перебил Логэйн, и его голубые глаза похолодели, — тебе придется принять трудные решения. Те, которых ты до сих пор избегал. Тебе предстоит победить врага, и если я ничего не смыслю в том, что такое быть королем, то я хорошо знаю, что нужно для того, чтобы победить в сражении. Вопрос в том, хочешь ты победить или нет.

Мэрик ничего не ответил, только сверлил Логэйна изумленным взглядом.

Логэйн медленно кивнул.

— Понимаю, — сказал он.

В глубине души ему не хотелось говорить дальше. Он чувствовал, как болезненно сжимается сердце, и пытался понять, как вышло, что он так переменился. Лишь несколько лет назад Логэйна вполне устраивало, что шайкой изгоев командует его отец. Решения, которые принимал он сам, имели последствия только для него самого — и Логэйну это было вполне по душе. Потом Мэрик привел его в мятежную армию, в новый для него мир. Теперь, со смертью эрла Рендорна, принимать решения было больше никому; погибнут мятежники или останутся жить, зависит только от их собственных поступков. Если сегодня, сейчас они не примут верного решения, значит, орлесианцы победят. Узурпатор победит.

— Ты должен узнать еще кое-что, — через силу проговорил Логэйн.

— Надеюсь, не насчет Катриэль.

— По моему приказу за ней следили. — Логэйн соскользнул с края стола и прошел в дальний угол комнаты. Ему было не по себе. — Мэрик, она не поехала в Амарантайн. Она отправилась на север. В Денерим.

Глаза Мэрика опасно сузились.

— Ты приказал, чтобы за ней следили?

— Это было нелегко. Мэрик, она побывала во дворце.

Прошло несколько секунд, прежде чем Мэрик осознал значение этих слов. Он еще отрицательно качал головой, но Логэйн явственно видел, как разрозненные осколки мозаики складываются в его сознании в цельную картину.

— Нет, этого не может быть! — протестующе воскликнул Мэрик. — О чем ты говоришь?

— Подумай сам, — настойчиво проговорил Логэйн. — Кто еще мог бы обеспечить нам такое полное поражение при Западном Холме? После всех стараний не дать баннам, которых мы собирали здесь, разболтать о наших планах кто еще мог устроить такую безупречную западню? Кому ты безоговорочно доверял?

— Но...

— Почему эрл Байрон ни разу не упомянул о том, что у него есть такой ловкий осведомитель? О других-то он рассказывал, Мэрик, а потом весьма кстати погиб вместе со всем своим войском. Со всеми, кто мог бы нам подтвердить, кто она такая.

Мэрик возмущенно вскинул руку:

— Дыхание Создателя, Логэйн! Это мы уже обсуждали. Катриэль спасла всех нас. Тебе не кажется, что если бы она хотела моей смерти, то давно бы уже добилась своего?

— Возможно, ей поручили совсем не это. — Логэйн шагнул к Мэрику, прямо и твердо глядя ему в глаза. — Возможно, она должна была только войти в доверие к тебе. И это ей удалось. А теперь она отправилась в Денерим, в королевский дворец. Зачем? Как думаешь, зачем она это сделала?

Вопрос повис в воздухе. Мэрик резко отвернулся, страдая и злясь одновременно. За окном сверкнула молния и чуть погода рассыпался железным горохом гром.

— Ты же ничего не знаешь, — наконец возразил Мэрик. — У нее могла быть на то своя причина, и совсем не обязательно та, о которой ты думаешь.

— Тогда, — сказал Логэйн, — спроси ее сам. Она вот-вот будет здесь.

Мэрик глянул на него недобро суженными глазами. За окном опять полыхнула молния, и в ее ослепительной вспышке стало видно, что лицо Мэрика исказилось от боли.

— Вот-вот будет... — тихо повторил он. — Так вот почему ты...

— Мне нужно было узнать правду. И тебе тоже.

Мэрик недоверчиво покачал головой:

— И... и что же мне со всем этим делать? Не могу же я...

— Ты король, — жестко сказал Логэйн. — Тебе придется принять решение.

Так они и стояли в неуютной тишине. Мэрик привалился к стене, согнулся, упершись руками в колени, словно его вот-вот стошнит. Логэйн смотрел на него из другого конца комнаты, храня безучастный вид и мысленно напоминая себе, что все это жестокая необходимость.

Свеча, горевшая на столе, оплывала, шум дождя за окном заметно усилился. Ветер дул с моря и нес с собой ледящее дыхание шторма, который к утру выстудит все побережье. Осень близилась к концу. Скоро выпадет снег. Либо мятежники начнут действовать до того, как начнется зима, либо им придется бездействовать до самой весны.

Они ждали.

Ожидание длилось недолго. Дверь кабинета, скрипнув, приотворилась, и из темноты коридора, осторожно обходя похрапывающих солдат, появилась Катриэль. На ней был кожаный дорожный костюм. Проливной дождь промочил ее до нитки, и завитки золотистых

волос, отсырев, липли к бледному лицу. С длинного плаща капала на пол вода.

Катриэль остановилась на пороге, сразу ощутив неладное. Напряжение, царившее в комнате, было почти вещественным. Взгляд ее зеленых глаз метнулся к Логэйну, который угрюмо глядел на нее из дальнего угла кабинета, затем переместился в другой конец комнаты, к Мэрику, который теперь уже стоял прямо и был зловеще бледен. Катриэль шагнула через порог и прикрыла за собой дверь. Лицо ее оставалось безучастно.

— Мой принц, ты здоров? — спросила она. — Я думала... — она искоса, с подозрением глянула на Логэйна, — думала, что ты уже спишь. Время совсем позднее.

Логэйн промолчал. Мэрик подошел к Катриэль. Все чувства, которые сейчас бушевали в нем, явственно отражались на его лице. Его доверие предали, и даже Логэйну было видно, как терзала его эта мысль. Мэрик взял Катриэль за плечи, заглянул ей в глаза. Она не отшатнулась, так и стояла — покорно, почти обреченно.

— Ты была в Денериме, — сказал Мэрик, не спрашивая, а утверждая.

Катриэль не отвела взгляда:

— Стало быть, ты знаешь.

— Что я знаю?

Катриэль вздрогнула от боли... или от стыда? По лицу ее, мокрому от дождя, потекли слезы, и она отстранилась бы, если бы Мэрик не сжимал так крепко ее плечи. Эльфийка обмякла, словно разом лишилась сил, но все так же смотрела в неистово горящие глаза Мэрика.

— Я пыталась сказать тебе об этом, мой принц, — дрожащим голосом прошептала она. — Я пыталась сказать, что я не та, за кого ты меня принимаешь, но ты не захотел слушать...

Мэрик с такой силой стиснул зубы, что рот его сжался в резкую прямую линию. Пальцы его заметно сильнее впились в хрупкие плечи Катриэль, во взгляде кипело бешенство.

— Что ж, теперь я тебя слушаю, — сказал он, четко выговаривая каждое слово.

Глаза Катриэль покраснели от слез. «Не заставляй меня это делать! — безмолвно молили они. — Не так это должно случиться, совсем не так!» Мэрик словно и не замечал этой мольбы, и в его глазах тоже стояли слезы. Логэйн угрюмо наблюдал за ними и не вмешивался.

— Я бард, — через силу выдавила Катриэль. — Шпионка. Из Орлея. — Мэрик ничего на это не сказал, и она продолжала: — Меня вызвал в Ферелден Северан, придворный маг короля. Я должна была найти тебя, живым доставить к нему, но...

— А Западный Холм? — перебил ее Мэрик так тихо, что его едва можно было расслышать.

Катриэль сжалась, глядя на него снизу вверх, жалобно всхлипнула, но все же не отвела взгляда.

— Это моих рук дело, — кивнула она.

Мэрик разжал пальцы. Осторожно, почти брезгливо выпустил плечи девушки и отступил на шаг, глядя на нее с ужасом и отвращением. Значит, это правда. Все это — правда. Мэрик повернулся спиной к ней и поглядел на Логэйна. Лицо его было искажено болью, по щекам текли слезы.

— Ты был прав, — прошептал Мэрик. — А я был ослом.

— Мне очень жаль, — угрюмо отозвался Логэйн. Он ничуть не кривил душой.

— Нет, вовсе тебе не жаль! — выдохнул Мэрик, но злости в его голосе уже не было. Отвернувшись от Логэйна, он двинулся было прочь, но тут его взгляд упал на Катриэль. Она так и стояла, жалкая, дрожащая всем телом, и ужас во взгляде Мэрика сменился отвращением, а затем ледяной яростью. — Убирайся! — бросил он.

Катриэль вздрогнула, но не шелохнулась. Взгляд ее был безжизненным, безнадежным.

— Убирайся! — уже резче прорычал Мэрик и медленно потянул из ножен меч из драконьей кости.

Сияние рун тотчас поглотило отблески скудного пламени свечи и озарило всю комнату льдистым голубым свечением. Принц с угрожающим видом выставил перед собой смертоносный клинок. Он весь дрожал от бешенства.

Словно не видя разделяющей их меч, устремляя исполненный муки взгляд только на Мэрика, Катриэль медленно двинулась к нему:

— Ты сказал, что тебе не важно, кем я была и что делала раньше.

Лицо Мэрика заледенело, глаза сузились, и он попятился от нее:

— Я доверял тебе, я верил тебе. Я готов был забыть обо всем... — Голос его сорвался, и он судорожно сглотнул, борясь со вновь нахлынувшими слезами. — И ради чего?

Катриэль кивнула, все так же медленно приближаясь к нему.

— Если ты, мой принц, уже ничему не веришь, — прошептала она, не дрогнув, — ты должен хотя бы поверить, что я люблю тебя.

— Должен? — Мэрик резко вскинул меч, преградив ей путь. — Да как ты смеешь?!

И стиснул зубы, больше не сдвинувшись с места.

Катриэль сделала еще шаг, не сводя с него напряженно-серьезного взгляда. Дикий яростный крик вырвался у Мэрика, и он бросился к девушке, занеся над головой меч. И застыл перед ней, вскинув клинок, на котором неистово полыхали руны. Катриэль не отшатнулась, не отпрянула, не попыталась остановить его замах. Она лишь неотрывно смотрела, и по лицу ее струились слезы. Мэрик опустил меч ниже, руки его тряслись, костяшки пальцев побелели.

Ему было невыносимо смотреть на нее, но и отвести взгляд он не мог.

Катриэль сделала последний шаг и, остановившись вплотную к нему, бережно коснулась ладонью его лица. Она не произнесла ни слова. Мэрика охватила неистовая дрожь. С гневным и душераздирающим криком он оттолкнул ее руку и внезапно нанес удар. Клинок легко, почти беззвучно прорезал кожаную одежду и насквозь прошел тело. Катриэль вскрикнула, хватаясь за плечи Мэрика, а он обхватил ее одной рукой, и кровь ее заливала рукоять меча и пальцы принца, сжимавшие рукоять.

Мэрик смотрел на Катриэль, и слепая ненависть, искажившая его лицо, постепенно сменялась изумлением и ужасом. Казалось, время застыло, и в наступившей тишине слышно было только, как он шумно, судорожно выдохнул, осознав наконец, что он совершил.

Катриэль снова вскрикнула, и на сей раз алая кровь хлынула у нее изо рта, полилась по подбородку. Мгновение она смотрела на Мэрика широко открытыми глазами, из которых обильно текли слезы, а затем силы оставили ее, и она обмякла. Мэрик подхватил ее, так и не выпустив рукояти меча.

И оглянулся на Логэйна:

— Помоги мне! Надо ей помочь!

Логэйн, однако, не шелохнулся. Лицо его было мрачно, когда он смотрел, как Мэрик, поддерживая Катриэль, вместе с ней медленно опускается на пол, — но он не сдвинулся с места. Ужас еще сильнее искажил лицо принца, когда он осознал, что эльфийка мертва и ее широко раскрытые, устремленные на него глаза безжизненно пусты.

Мэрика затрясло. Содрогаясь всем телом, он выпустил рукоять меча и неуклюже отполз от Катриэль. Вокруг нее растекалась по полу лужа крови, и мертвое тело безвольно упало на пол, согнувшись, точно тряпичная кукла. При этом оно накрыло собой пылающие на клинке руны, и в комнате воцарился полумрак.

Мэрик помотал головой. Поднял руки и увидел, что они покрыты кровью, глянцеви́то-черной в скудном свете свечи, и уставился на них, пытаясь осознать совершенное.

Дверь комнаты сотряслась от ударов — стучали снаружи. В коридоре за дверью возбужденно переговаривались, и слышен был голос одного из солдат, вопрошавшего, что случилось.

— Все в порядке! — прокричал Логэйн. Не дожидаясь отклика, он подошел к сидевшему на полу Мэрику и положил руку на плечо. Принц поднял на него широко открытые, покрасневшие от слез глаза. — Прекрати, — сказал Логэйн. Голос его был

тверд. — Она предала тебя, Мэрик. Она предала всех нас. Это — правосудие.

— Правосудие, — тусклым голосом повторил Мэрик.

Логэйн сурово кивнул:

— Правосудие, которое должен вершить король, и не важно, по душе ему это или нет. — Мэрик отвел взгляд, но Логэйн бесцеремонно тряхнул его. — Мэрик! Подумай о будущем. Сколько раз тебе еще придется вершить правый суд, когда ты воссядешь на ферелденском троне? Орлесианская зараза проникла глубоко, и ты должен будешь выкорчевать ее начисто!

Оцепенело глядя в пустоту, Мэрик покачал головой:

— И ты, и Роуэн — оба вы говорили мне, кто она такая, а я не желал вас слушать. Я недостойн быть королем. Я просто дурак.

Логэйн изо всей силы ударил его по щеке.

Звон пощечины раскатился по всему кабинету, и Мэрик потрясенно воззрился на друга. Тот присел на корточки, глаза его горели яростным огнем.

— Орлесианцами, которые разграбили наш хутор, командовал офицер, — ожесточенно прошептал он. — Этот человек велел своим солдатам брать все, что придется им по вкусу, а потом смеялся, глядя, как мы злимся. Его это забавляло.

Мэрик хотел что-то сказать, но Логэйн предостерегающе вскинул руку:

— Он сказал, что нам надо преподать урок. Солдаты схватили нас, меня и отца, и заставили смотреть, как этот офицер насилует мать. — Логэйн содрогнулся. — Она кричала... Я до сих пор помню, как она кричала. Отец разъярился, как дикий зверь, и его оглушили, но я... я видел все. — Голос Логэйна сорвался, и он судорожно сглотнул. — Когда все было кончено, офицер убил ее. Перерезал горло и сказал, что, если мы еще раз не уплатим вовремя налоги, прикончат всех нас. Когда отец пришел в себя, он разрыдался над ее телом, но еще хуже было, когда он увидел, что я стою рядом. Он ушел, и его не было три дня. Только когда он вернулся, я узнал, что он нагнал тех орлесианцев и убил их командира спящим. Вот почему нам пришлось бежать, — со вздохом закончил Логэйн. Потом закрыл глаза и долго сидел так, а Мэрик просто молча смотрел на него. — Отца разыскивали как убийцу. Он считал, что виноват перед матерью, виноват передо мной, но ни разу, ни на долю секунды не пришло мне в голову, что то, как он расправился с орлесианским ублюдком, не есть правосудие. — Логэйн указал на скорченный труп Катриэль. — Скажи мне, Мэрик, что она не должна была заплатить за предательство кровью.

— Ты этого хотел, — едва слышно проговорил Мэрик, вдруг осознав правду.

Логэйн не дрогнул, не отвел взгляда.

— Я хотел, чтобы ты увидел правду. Ты говорил мне, что хочешь выиграть эту войну. Только так ее и можно выиграть. Иначе предательство погубит тебя, как погубило твою мать.

Мэрик взглянул на него с укором, но промолчал. С отсутствующим видом вытер окровавленные руки о пол, не без труда поднялся. Логэйн тоже встал, но Мэрик отвернулся от него и беспомощно смотрел на Катриэль. Ее обмякшее тело все так же лежало на полу, на спине; в том месте, где вышло острие меча, краснело большое пятно, а на полу растекалась лужа черной крови.

Мэрик побледнел, как будто его замутило.

— Мне нужно побыть одному, — пробормотал он.

Шатаясь, принц побрел в спальню и со стуком захлопнул за собой дверь. Логэйн проводил его взглядом. За окном снова полыхнула молния, и свет ее озарил темноту.

Роуэн стояла у окна, глядя на сполохи молний.

Мерный стук дождя по камням успокаивал нервы, но усыпить не мог. Ныли мышцы, изнуренные долгим походом и многодневными боями; раны, хоть и заживали отменно, нестерпимо чесались под повязками, и этот зуд сводил Роуэн с ума. Она предполагала, что Вильгельм рано или поздно пожелает лично заняться ее ранениями, однако в глубине души предпочитала, чтобы этого не случилось. Не всегда стоит избавляться от заслуженных

шрамов.

В дверь постучали, но девушка не отозвалась. Промозглый ветер задувал в открытое окно и теребил ее сорочку, потом снова сверкнула молния. Раскатился гром, и его рокочущее ворчание эхом отозвалось в ее груди, на миг заполнив живущую там пустоту. Это было хорошо. Это было правильно.

Дверь осторожно приотворилась. Роуэн незачем было спрашивать, кто это. Сделав глубокий вдох, она повернулась от окна и смотрела, как Логэйн закрывает за собой дверь. Его мрачное лицо было красноречивее слов.

— Ты все ему рассказал, — проговорила Роуэн.

Он кивнул:

— Да.

— И что он сказал? Что сказала она?

Логэйн, казалось, на миг заколебался, помолчал, тщательно подбирая слова. Роуэн это пришлось не по вкусу, и она строго сдвинула брови.

— Катриэль мертва, — только и сказал Логэйн.

— Что?! — Глаза Роуэн округлились от потрясения. — Она не вернулась? Неужели узурпатор...

— Ее убил Мэрик.

Роуэн осеклась, на миг лишившись дара речи. В упор глянула на Логэйна — и он ответил таким же прямым взглядом. Смутные догадки вдруг обрели устрашающую ясность, и Роуэн похолодела.

— Ты же все рассказал Мэрику? Все?

Логэйн не ответил, и тогда она гневно шагнула к нему:

— Ты рассказал ему, что Северан назначил награду за голову Катриэль, что она, судя по всему...

— Это ничего не меняет, — жестко отрезал Логэйн.

Роуэн неверяще помотала головой. Казалось, что не Логэйн стоит перед ней, а ледяная глыба, сплошь состоящая из острых углов. И взгляд у него был совсем чужой. Роуэн никогда прежде не видела его таким. Она попыталась представить себе, что же произошло, что натворил Мэрик. Попыталась — и не смогла.

— Логэйн... — начала она, с трудом выговаривая каждое слово. — Логэйн, что, если Катриэль и вправду любила его? Все это время мы думали, что она использует его, считали, что она может причинить ему зло, но что, если мы ошибались?

— Мы не ошибались. — Логэйн сверлил ее взглядом, упрямо выпятив нижнюю челюсть. — Она и в самом деле причинила ему зло. Мы считали ее шпионкой — и были правы. Мы считали ее виновной в нашем разгроме при Западном Холме — и в этом тоже были правы.

Роуэн, ужаснувшись, попятилась от него на шаг:

— Она спасла Мэрика! Она спасла всех нас! Мэрик любил ее! Как ты мог так с ним поступить?

И вдруг она осознала, что во всем происшедшем была и ее вина. Именно ее разведчики обнаружили, что Катриэль тайком покинула Гварен. Именно она сговорила с Логэйном проследить за эльфийкой, именно она скрыла все эти сведения от Мэрика, чтобы получить подтверждение подозрений, и получила. Да, поведение Катриэль и для нее стало полной неожиданностью, но тем не менее она допустила, чтобы Логэйн говорил с Мэриком один на один. Вопреки всему, что произошло, одна мысль о том, что принц простит эту женщину и останется с ней...

— Как я могла так с ним поступить? — с отвращением прошептала Роуэн.

Логэйн решительным шагом подошел к ней, схватил за плечи, с силой впившись в них пальцами.

— Дело сделано, — сквозь зубы процедил он.

Взгляд его не отрывался от Роуэн, лицо совершенно окаменело, и на миг ей

вспомнилось, что произошло между ними перед битвой при Западном Холме. Роуэн тогда бросилась к Логэйну, чтобы он принял решение, которое она не могла принять сама, — и молодой генерал не обманул ее ожиданий. Они бросили на произвол судьбы армию и помчались исполнять то, что в первую очередь полагали своим долгом.

— Роуэн... — начал Логэйн, и на миг его голос дрогнул от непереносимой муки, но тут же он совершенно овладел собой. — Дело сделано, и теперь есть два варианта. Либо Мэрик захлебнется в жалости к себе и от него не будет никакого проку, либо он наконец поймет, что быть королем и быть человеком — далеко не всегда одно и то же.

— Зачем же ты тогда пришел ко мне? Как ты сам сказал, дело сделано.

— Мэрик сейчас меня не слышит, — бесцветным голосом проговорил Логэйн.

Роуэн не сразу поняла, что он предлагает.

— Зато услышит меня, — договорила она за Логэйна. Глаза ее сузились, она отступила на шаг, и Логэйн разжал пальцы, отпуская ее.

— Ты по-прежнему его королева. — Как ни старался Логэйн скрыть боль, которой сочлились эти слова, Роуэн ее услышала.

Непрошенные слезы навернулись на глаза. Поморщившись, она скрестила руки на груди и с вызовом поглядела на Логэйна:

— А если я не хочу быть его королевой?

— Тогда будь королевой Ферелдена.

Роуэн ненавидела этот безжалостно сверливший ее взгляд. Ненавидела дерзость, с которой этот человек полагал, будто ему известно, что такое быть королем или быть человеком, хотя на самом деле нисколько не смыслил ни в одном, ни в другом. Ненавидела его сильные руки — руки, которые так крепко обнимали ее тогда, в подземной тьме.

И более всего ей было ненавистно то, что он прав.

Роуэн бросилась на Логэйна, замахнулась кулаком, метя в его грудь, но он перехватил ее руку и крепко сжал запястье. Тогда она попыталась ударить его другой рукой, но он поймал и эту руку. Роуэн забилась, пытаясь вырваться, и из глаз ее брызнули яростные слезы. Логэйн не дрогнул, не шелохнулся.

Роуэн никогда не плакала. Она терпеть не могла плакать. Только дважды в жизни она дала волю чувствам: когда умерла мать и когда младших братьев отправляли морем в Вольную Марку, чтобы уберечь от превратностей войны. И всякий раз отец устремлял на нее тяжелый взгляд и так явно стыдился ее слез, так очевидно был не способен смягчить ее горе, что Роуэн поклялась больше никогда в жизни не плакать. Она будет сильной ради отца.

А еще, припомнила Роуэн, она плакала однажды во тьме Глубинных троп. И утешил ее тогда именно Логэйн. Девушка перестала вырываться и уткнулась лбом в его грудь, всем телом содрогаясь от рыданий. Потом подняла глаза и увидела, что Логэйн тоже плачет. Они прильнули друг к другу, казалось, их губы вот-вот сомкнутся в поцелуе...

...и Роуэн резко отпрянула. Логэйн с видимым сожалением выпустил ее руки, взглядом искал ее взгляд, но она осталась непреклонна. Дело сделано. Она отвернулась и ощутила ледяной холод ветра. Она ждала, когда прогремит гром, но так и не дождалась. Отчего-то казалось, что буря, бушующая снаружи, вот-вот смоет все начисто. Смоет и начнет все сначала.

— Он ждет тебя, — сказал у нее за спиной Логэйн.

Роуэн коротко кивнула.

Мэрик сидел на краю кровати. И эта спальня, и кровать достались ему в наследство от предыдущего хозяина — орлесианца, и потому Мэрику с самого начала было здесь не слишком уютно. Сейчас он и вовсе чувствовал себя потерянным и сжался в комок, словно таким образом мог отгородиться от всего, что его окружало.

Окно было не просто закрыто, но и заперто на засов, и в комнате царил духота. Одинокий светильник, стоявший на столике у кровати, сжигал последние капли масла и грозил вот-вот погаснуть окончательно. Скрючившись, Мэрик бессмысленно смотрел в

пустоту и не заметил, как Роуэн присела рядом. Тишина в комнате стояла такая, что можно было оглохнуть.

Немало времени прошло, прежде чем Мэрик осознал, что рядом с ним сидит Роуэн. Он повернул голову, и девушка увидела в его глазах нестерпимую скорбь.

— Все вышло так, как сказала ведьма, — пробормотал Мэрик. — Я думал, она мелет чушь, а вот...

— Какая ведьма? — растерянно спросила Роуэн.

Словно и не услышав ее, Мэрик снова уставился в темноту.

— Ты причинишь боль тем, кого любишь, — повторил он чьи-то слова, — и станешь тем, что ты ненавидишь, чтобы спасти то, что любишь.

Роуэн протянула руку и погладила его по щеке. Мэрик снова поглядел на нее, вернее, сквозь нее.

— Мэрик, — мягко сказала она, — это всего лишь слова.

— Не только слова. Не только.

— Это уже не важно. Катриэль любила тебя. Неужели это не в счет?

Мэрик вздрогнул, словно от боли. Потом зажмурился, накрыв своей ладонью пальцы Роуэн, касавшиеся его щеки, — и от этого жеста ему, казалось, стало легче. Было время, когда она мечтала пережить такое вот мгновение. Когда-то она могла думать только о том, чтобы провести ладонью по волосам Мэрика, пропуская меж пальцев длинные светлые пряди. Когда-то для нее имело значение только одно: доказать Мэрику, что она именно та, что ему нужна.

— Я уже и не знаю, вправду ли она любила меня, — пробормотал Мэрик. — Я уже ничего не знаю.

— Думаю, что любила. — Роуэн осторожно отняла у него свою руку. — Мэрик, мы полагаем, что она отправилась в Денерим, чтобы порвать с Севераном. Для чего бы ее ни подослали к нам, она явно решила, что не станет этого делать.

Мэрик обдумал ее слова.

— Это ничего не меняет, — сказал он в конце концов.

— Да. Не меняет.

Мэрик заглянул в глаза Роуэн. Он был настолько исполнен боли, что девушке едва удавалось выдержать этот невидимый напор.

— Она ведь пыталась мне все рассказать, — покаянно проговорил Мэрик. — А я не стал ее слушать. Я сказал, что мне нет дела до того, что она натворила, но каким же я был тогда дураком! Мне нечего делать на троне.

— Ох, Мэрик, — вздохнула Роуэн. — Ты хороший человек. Ты умеешь доверять.

— И вот до чего довело меня это умение.

— Что ж, давай разберем до чего. — Роуэн через силу улыбнулась. — Твои сторонники тебя обожают. Твои солдаты готовы отдать за тебя жизнь. Мой отец любил тебя. Логэйн... — Она оборвала себя, не договорив, и с трудом продолжала: — Все они верят в тебя, Мэрик. И не напрасно.

— А ты по-прежнему веришь в меня?

— Я никогда и не переставала в тебя верить, — абсолютно искренне ответила она. — Никогда. Мэрик, ты прошел долгий путь. Твоя мать гордилась бы тобой. Но ты не можешь всегда быть только хорошим человеком. Твоему народу нужно нечто гораздо большее.

Казалось, Мэрика уязвили ее слова, хотя он ничего не ответил. Только низко опустил голову, вдруг разом обессилев.

— Я не знаю, смогу ли ему это дать, — едва слышно прошептал он. Потом лицо его исказилось от боли, и он заплакал. — Я убил Катриэль. Пронзил ее мечом. Что я за человек, если совершил такое?

Роуэн обняла его, гладила по волосам и шептала, что все будет хорошо. Мэрик разрыдался, уткнувшись лицом в ее грудь, разрыдался безнадежно, как человек, потерявший все. Звук этих рыданий испугал Роуэн, и сердце ее сжалось от нестерпимой печали.

А потом светильник наконец погас, и комната погрузилась во тьму. Девушка все так же обнимала Мэрика, и вскоре рыдания его стихли, и они так сидели в темноте, прижимаясь друг к другу. Роуэн отдавала принцу свою силу, то небольшое, что еще могла отдать. Ему это было нужно. Быть может, именно для этого и нужны королевы. Чтобы в темноте, в недрах замка обнимать венценосных мужей и дарить им возможность хоть на миг проявить слабость, которой они не могут показать никому другому. И отдавать им свою силу, быть может, потому, что все остальные не дают, а только отнимают.

Логэйн был прав, будь он проклят.

В притихшей темноте Роуэн наклонилась к Мэрику и поцеловала его в губы. Он с готовностью заключил ее в объятия, страстно желая получить прощение... и получил. Он был так неловок, так не уверен в себе, что это оказалось даже легче, чем думала Роуэн. Его нежность, тепло его тела пробудили в ней слезы, но она не могла допустить, чтобы Мэрик увидел их. Сегодня ночью она должна быть для него сильной. Сегодня она наконец приняла ту роль, ради которой родилась, и пусть все было не так, как ей мечталось, зато все было так, как надо.

Глава 18

Мэрик стоял в темной церкви и в ожидании встречи разглядывал мраморную статую Андрасте, которая возвышалась над священной жаровней. Костюм из плотной шерсти был тяжеловат, да и стоять в нем рядом с огнем оказалось сложно, но все равно Мэрик не мог не признать, что эти одеяния ему по душе. Их добыла откуда-то Роуэн, заявив, что в таком облачении Мэрик будет смотреться куда более царственно. И она оказалась права. Пурпурный цвет был как нельзя кстати.

С той самой ночи в Гварене Роуэн относилась к Мэрику крайне внимательно. Она всегда была рядом, всегда готова была дать совет или просто улыбнуться. Это была совсем не та Роуэн, которую он знал много лет. Предупредительная, доброжелательная и — безмерно чужая. Глядя в ее глаза, принц видел только стену, которую Роуэн возвела, чтобы отгородиться от него. Раньше этого не было, и Мэрик подозревал, что в ее появлении есть его вина. Они с Роуэн заключили негласный уговор — и с той самой минуты их разделила пропасть. Мэрик чувствовал это, даже когда они были близки.

Мятежная армия находилась на марше уже две недели, двигаясь на запад, в Баннорн, и разнося повсюду весть о возвращении принца. Число новобранцев, которые уже присоединились к мятежникам, поражало воображение, и с каждым днем их становилось все больше. Из всех концов страны шли сообщения о бунтах — вольные землепашцы поднимались против властей, бросая свои земли, горожане забрасывали камнями стражников и жгли лавки орлесианских торговцев. Нападения на караваны из Орлея вынудили узурпатора утроить стражу на дорогах, однако все карательные меры только больше ожесточали ферелденцев.

Узурпатор справлялся с непокорными безжалостно. Мэрику рассказывали, что во всем Ферелдене не осталось ни одной деревни, ни одного города, где вдоль дорог не тянулись бы рядами шесты с отрубленными головами — наглядное свидетельство того, к чему приводит бунт против короля Мегрена. Мысль обо всех этих погибших не давала принцу покоя. И все же люди восставали. Они больше не желали терпеть и покоряться.

На сторону мятежников переходили уже и банны. Вчера таких было двое — старики, которые даже не присутствовали на собрании в Гварене. Два дня назад к Мэрику явился — что самое невероятное — орлесианец, молодой человек, который впал в немилость у узурпатора и умолял о том, чтобы, если он присоединится к мятежникам, ему оставили пожалованные Мегреном земли. Он даже обещал жениться на ферелденке и сменить имя. Прежние хозяева его нынешних владений были давным-давно казнены — все до последнего младенца, — и все же Мэрик пока что не знал, какое принять решение.

Мятеж переживал стремительный, на удивление стремительный подъем. Мэрик

напоминал себе, что если разгром при Западном Холме чему и научил его, так это тому, что таким же стремительным может оказаться падение. И все же на этот раз все было по-другому. Впервые, сколько он себя помнил, мятежники стали реальной силой. Отрицать это было невозможно.

Снаружи, за стенами церкви, раскатился далекий звон колокола.

Стало быть, ждать осталось недолго. Пламя жаровни омывало мягким сиянием возвышавшуюся над Мэриком статую, но все прочее тонуло в темноте. Принцу подумалось, что эта темнота придает окружающей обстановке безмятежность. Мраморная Андрасте милостиво взирала, сложив ладони в безмолвной молитве к Создателю.

Такое изображение Андрасте было самым распространенным — пророчица, невеста Создателя, кроткая спасительница. Будь это изваяние ближе к истине, она сжимала бы в руке меч. Церковь предпочитала не привлекать внимания к тому факту, что пророчица на деле была завоевательницей, что ее речи вдохновили варварские орды на вторжение в цивилизованный мир и что вся ее жизнь прошла на поле боя. Вряд ли Андрасте когда-нибудь отличалась особой кротостью.

И ведь ее тоже предали, верно? Маферат, предводитель варваров, со временем стал тяготиться своей ролью второго мужа после Создателя. Чем больше стран он покорял, тем больше восторгов и поклонения доставалось Андрасте, а Маферат желал славы для самого себя. Поэтому он продал свою жену магистрам, и ее сожгли на костре, а имя Маферата стало символом предательства. То было древнейшее предание Тедаса, которое Церковь снова и снова рассказывала людям на протяжении многих веков.

«Интересно, — подумал Мэрик, — можно ли сказать, что Андрасте в конце концов одержала победу, даже если она закончила свою жизнь на костре?» Вот только сам он почему-то больше чувствовал себя Мафератом. От этой мысли во рту у него стало горько.

Звук шагов по каменным ступеням отвлек Мэрика от размышлений. Пришли. Медленно повернувшись, он смотрел, как люди один за другим входили в церковь. За спиной у Мэрика ярко пыла жаровня, а это значило, что вошедшие видят только его силуэт, и это было хорошо, поскольку Мэрик не хотел, чтобы эти люди разглядели его лицо.

Первым шел банн Сеорлик. У него хватило благовоспитанности принять неловкий вид и опустить глаза долу. Остальные четверо, которые шли за Сеорликом, тоже были знакомы Мэрику. Хотя в последний раз он видел всех этих людей ночью, в темноте леса, он хорошо, даже слишком хорошо запомнил их лица. Именно эти люди предали его мать. Они заманили ее на встречу, пообещав союз против узурпатора, а затем хладнокровно убили.

Все пятеро, шаркая ногами о камень, вошли и остановились перед алтарем, старательно избегая смотреть в глаза Мэрику. К алтарю вело несколько каменных ступеней, и принц возвышался над пришедшими. Это хорошо, подумал он. Пусть так и стоят в тишине под его взглядом. Пусть видят, что на них смотрит и Андрасте, пусть гадают, молится она за то, чтобы они получили прощение, или же за упокой их душ.

По лысой макушке Сеорлика скатилась крупная капля пота. Никто не произнес ни слова.

Минуту спустя в церковь уверенным шагом вошел Логэйн, и дверь закрылась. Остановившись на пороге, юноша кивнул Мэрику, и тот ответил коротким кивком. Напряжение, которое возникло в их отношениях, сейчас было совершенно незаметно, но принц знал, что оно никуда не делось. С того дня, как мятежная армия покинула Гварен, они с Логэйном едва обменялись десятком слов, и это, вероятно, было к лучшему. Мэрик не знал, о чем говорить. В глубине души ему очень хотелось вернуться к легкомысленной болтовне, которая так забавляла их обоих и которую теперь сменило холодное молчание. Опять же в глубине души Мэрик прекрасно понимал, что этому не бывать. И то, как Логэйн каменел и замолкал всякий раз, когда рядом оказывалась Роуэн, и то, как усердно он избегал их обоих, яснее слов говорило, что та ночь, когда умерла Катриэль, что-то изменила между ними. Возможно, навсегда.

Значит, так тому и быть. Когда больше ничего не поделать, остается делать то, что

нужно.

— Господа, — ледяным тоном приветствовал Мэрик вошедших.

Все пятеро отвесили низкий поклон.

— Принц Мэрик, — любезно отозвался банн Сеорлик.

Взгляд его заметался, лихорадочно обшаривая темноту позади алтаря. «Может быть, он высматривал стражу? Пусть высматривает, — подумал Мэрик, — все равно никого не обнаружит».

— Должен признаться, — продолжал Сеорлик, — все мы были крайне удивлены, когда получили ваше предложение.

— Вы пришли сюда, стало быть, по крайней мере, готовы его обсудить.

— Разумеется, готовы, — услужливо улыбнулся бани Сеорлик. — Нелегко, в конце концов, безучастно смотреть на то, как орлесианцы жиреют на богатствах Ферелдена. Все мы страдаем, живя под пятой узурпатора, восседающего на троне нашей страны.

Мэрик презрительно фыркнул:

— Ну, вы-то, положим, не страдали.

— Мы вынуждены были делать все для того, чтобы выжить. — У Сеорлика все-таки хватило ума при этих словах опустить взгляд. В конце концов, «делать все для того, чтобы выжить», для него означало убить мать Мэрика.

Принц в упор глядел на банна, стараясь не потерять самообладания. Это было нелегко.

Один из спутников банна Сеорлика — самый младший из пятерых — выступил вперед. У него были курчавые черные волосы, щегольская бородка клинышком и смугловатая кожа — напоминание о том, что его мать была ривейнка. Банн Кейр — вспомнил Мэрик. Лицо именно этого человека запомнилось ему хуже прочих, но все сведения, полученные Мэриком, подтверждали, что в ту самую ночь банн Кейр, как и его сообщники, был в лесу.

— Милорд, — учтиво проговорил банн Кейр, — вы попросили нас поддержать ваше дело, пополнить вашу армию нашими солдатами, которые сейчас служат в войске узурпатора, и все это в обмен на ваше прощение. — Он быстро переглянулся с банном Сеорликом и, вновь обращаясь к Мэрику, так же гладко продолжал: — Прощение — и только? Наши силы, в конце концов, весьма значительны. То, что вы предлагаете нам покинуть узурпатора исключительно ради вашего... благоволения, подразумевает, что ваше положение должно быть прочнее, чем есть на самом деле.

Надо отдать ему должное, говорил он гладко и убедительно. У банна Сеорлика был недовольный вид, и Мэрик подозревал, что его молодой спутник перешел к сути быстрее, чем того хотелось бы Сеорлику. Впрочем, трое пожилых аристократов потупили глаза с таким видом, что было совершенно ясно: они целиком поддерживают банна Кейра. Одного прощения им мало.

— Вы убили королеву Мойру, убили хладнокровно и обдуманно.

Эти слова Мэрику удалось произнести на редкость легко. Он спустился по ступеням с алтаря и, остановившись перед банном Кейром, в упор взглянул на него. Принц надеялся, что этот взгляд не отражает тех чувств, которые бушевали в нем.

— Это преступление, которому нет прощения. Я тем не менее предлагаю вам прощение в обмен на то, что и так является вашим долгом, и вам этого мало?

— Наш долг, — вмешался банн Сеорлик, — состоит в том, чтобы поддерживать короля.

— Орлесианского узурпатора, — бросил Мэрик.

— Который воссел на трон с благословения Создателя. — Сеорлик жестом указал на статую Андрасте. — Мы оказались в затруднительном положении.

Мэрик медленно кивнул. Сейчас он уже стоял среди пятерых и прямо смотрел в глаза банну Сеорлику.

— И именно поэтому вы солгали моей матери, заманили ее на смерть, посулив союз, которого на самом деле заключать не собирались? Разве вам необходимо было так поступать? Или Создатель больше не осуждает предательство?

Банны неуверенно попятнулись, в том числе и Сеорлик. Он окинул Мэрика негодующим

взглядом:

— Мы поступили так, как велел наш король!

После этих слов банны схватились за мечи, с неприкрытой опаской косясь на Мэрика и Логэйна, который, обнажив меч, с угрожающим видом шагнул вперед. Принц тоже вынул из ножен клинок, на котором в полумраке тотчас вспыхнули руны, однако при этом сохранил хладнокровие и вскинул руку, подавая Логэйну знак остановиться.

Один только банн Кейр не отступил. Он скрестил руки на груди и с откровенным презрением разглядывал Мэрика и Логэйна, даже не потрудившись, в отличие от своих спутников, обнажить меч.

— Не надо страшиться их, друзья мои. Принц Мэрик нуждается в наших войсках. И нуждается сильно, иначе бы не позвал нас сюда.

Мэрик повернулся к черноволосому юнцу.

— Ты так думаешь? — зловеще осведомился он.

— Разумеется. — Кейр покачал головой, глядя на обнаженные мечи Мэрика и Логэйна с таким видом, словно это зрелище его только забавляло. — Неужели ты думаешь, что мы, перед тем как пойти сюда, не поведали всему Баннорну, куда и зачем направляемся? Не сказали, что нас пригласили вести переговоры на священной земле? И что же, благородный принц Мэрик станет убивать нас, когда всем известно, где мы, с кем и чего ради? — Кейр легкомысленно хохотнул. — Что подумают люди?

Мэрик холодно улыбнулся:

— Они подумают, что правосудие свершилось.

С этими словами он, не сходя с места, круто развернулся и одним взмахом меча из драконьей кости начисто снес банну Кейру голову.

Прочие банны даже не сразу осознали в полной мере, что произошло.

Мэрик хладнокровно повернулся к ним, онемевшим от потрясения. Со светящегося клинка из драконьей кости капала ярко-алая кровь, и глаза принца тоже светились — собственным, неистовым светом. Логэйн неспешно обошел баннов и остановился, отрезая им путь к выходу.

— Ты спятил! — выкрикнул банн Сеорлик. — Что ты творишь?

Мэрик не сводил с него глаз:

— Разве не понятно?

— Это... это же убийство! В храме Создателя! — крикнул другой банн.

— А вы ждете, что Создатель сойдет с небес и защитит вас? — прорычал Логэйн. — Тогда поскорей начинайте молиться!

Банн Сеорлик медленно поднял руку. По лицу его градом катился пот.

— Ты нуждаешься в наших людях, — проговорил он размеренно, хотя Мэрик слышал, как голос его чуть заметно подрагивает. — Кейр верно говорил, убей нас — и наши дети будут сражаться с тобой до последнего вздоха! Они всем расскажут об этом подлом и бесчестном деле!

Мэрик шагнул к баннам — и все четверо в испуге отпрянули. Тогда он снова холодно улыбнулся:

— Вашим детям будет один день на то, чтобы отречься от деяний, которыми вы заслужили свою смерть. Если они согласятся это сделать и без всяких оговорок присоединятся к моей армии, я буду помнить, что ваши опрометчивые поступки были совершены ради их блага. — Он поднял меч, направив острие клинка на банна Сеорлика. — А если откажутся, я позабочусь о том, чтобы ваши семьи были убиты, а земли отданы людям, которым известно подлинное значение слов «подлый» и «бесчестный».

В церкви воцарилась тишина, которую нарушало только потрескивание огня в священной жаровне. Напряжение сгушалось, и пожилые банны переглядывались, выставив перед собой мечи. Мэрик знал, о чем они сейчас думают. Их четверо против двоих, и, хотя они не так молоды, как их противники, зато достаточно искушены в бою на мечах.

«Что ж, пусть только сунутся».

Один из баннов, закричав от страха, метнулся к дверям церкви. Логэйн, пригнувшись, отточенным движением скользнул к нему и сбил с ног. Тот со всего размаху грянулся о каменный пол и вскрикнул, с ужасом глядя, как Логэйн, поднявшись, заносит над ним меч, нацеленный в самое сердце.

Не изменившись в лице, Логэйн одним сильным ударом вогнал клинок в распластавшегося на полу банна. С чавкающим хрустом меч вошел в живую плоть, и с губ умирающего сорвался сдавленный стон.

Сеорлик с воинственным криком бросился к Мэрику, занеся над головой меч, но Мэрик ударил его ногой в грудь, и тот, отлетев, ударился о стену. Другой банн напал на принца сбоку, пытаясь достать его низким выпадом.

Отразив и эту атаку, Мэрик развернулся, и меч его очертил в воздухе широкую дугу. Противник попытался было отразить удар, но волшебный клинок из драконьей кости без малейшего труда рассек чужое лезвие. Брызнули искры, и страшно закричал банн, когда меч Мэрика наискось разрубил его грудь. Из раны хлынула кровь, а Мэрик, снова крутнувшись, вторым ударом вспорол противнику живот. Банн грузно рухнул наземь, обеими руками судорожно зажимая рану, и испустил дух.

Третий банн со всех ног ринулся на Логэйна, истошно вопя от ярости и страха. Юноша раздраженно глянул на этого противника, стремительно выдернул меч из тела убитого и резким движением выставил его перед собой, точно копье. Бегущий с разгону напоролся на клинок, соскользнул под собственной тяжестью почти до середины меча и лишь тогда остановился. По телу его пробежала крупная дрожь, и изо рта хлынул поток алой крови.

Сеорлик, привалившись к стене, смотрел на все это, и лицо его исказила уродливая гримаса безмерного ужаса. Взгляд его метнулся от Логэйна к Мэрику, затем опять на Логэйна — и банн швырнул свой меч на пол. Стальной клинок с лязгом ударился о камень, а Сеорлик, трясаясь в рабелепном страхе, рухнул на колени.

— Я сдаюсь! — закричал он. — Пощади! Я сделаю все, что ты захочешь!

Мэрик медленно двинулся к нему. Сеорлик в ужасе шарахнулся, а затем, отбросив остатки собственного достоинства, уткнулся лбом в пол и так пополз к ногам Мэрика.

— Пощади! Я... я отдам тебе всех моих солдат! Соберу вдвое больше! Я... я скажу всем, что эти болваны первыми напали на тебя!

— Подними меч, — сказал Мэрик и искоса глянул на Логэйна, который лишь хладнокровно кивнул, сталкивая со своего клинка мертвого банна.

Сеорлик, не сводя глаз с Мэрика, поднялся на колени и умоляюще сложил перед собой руки.

— Ради любви Создателя! — воскликнул он, заливаясь слезами. — Не убивай меня! Я дам тебе все, что ты пожелаешь!

Мэрик наклонился и ухватил его за ухо. Ярость закипела в нем с новой силой, когда он вспомнил, как этот человек пронзил мечом его мать, как сам он бежал по ночному лесу, спасаясь от гнавшихся за ним людей Сеорлика. Всему этому положило начало предательство этого человека, а теперь Мэрик был намерен положить этому конец.

— Того, что я хочу, ты мне не можешь дать, — проговорил он, дрожа от ярости, и одним ударом вогнал меч в сердце Сеорлика.

Глаза банна округлились от потрясения. Струйка крови брызнула из его рта, и он, судорожно всхлипывая, недоуменно уставился на Мэрика. Всхлипывания становились все слабее, и Мэрик медленно опустил банна на пол. Когда тот наконец затих, Мэрик стиснул зубы и с хрустом выдернул из его груди меч.

Он сидел на корточках возле мертвого Сеорлика, а между тем в церкви становилось темнее. Пятеро убитых распростерлись на каменном полу, и кровь их, расплываясь по плитам, остывала у подножия мраморной Андрасте, которая со своего пьедестала взирала на эту картину. Всего лишь в нескольких шагах стоял Логэйн.

— Дело сделано, — бесстрастно проговорил Логэйн. В голосе его промелькнула одобрительная нотка.

— Да. Сделано.

— Поднимется шум. На сей счет они были правы.

— Возможно. — Мэрик медленно встал. Лицо его было мрачно, и странная тяжесть каменела в груди, как будто сердце вдруг стало биться реже. Странное это было ощущение, умиротворяющее и в то же время тревожное. Он отомстил за смерть матери, но не чувствовал ничего — только холод. — Зато теперь никто не сможет прятаться за отговорки. Всем придется принять чью-то сторону и платить за выбор, а еще им придется понять, что я никого не стану прощать. Отныне — никого.

Логэйн смотрел на Мэрика, и тот не мог отделаться от неприятного ощущения, что взгляд этих льдисто-голубых глаз пронзает его насквозь. Принц старался не замечать этого. Он больше не мог понять, о чем думает Логэйн. Доволен ли? Он ведь именно этого и добивался — Мэрика, который делает то, что нужно делать.

Логэйн развернулся и направился к выходу, но у порога остановился:

— Перед тем как мы пришли сюда, я получил сообщение. Два легиона, присланные из Орлея, будут через два дня переправляться через реку Дейн. Там мы и должны будем дать им бой.

Мэрик не удостоил его взглядом:

— Армию поведете ты и Роуэн.

— Ты не передумаешь?

— Нет.

— Мэрик, я не считаю, что...

— Я сказал — нет, — отрезал Мэрик. — И ты знаешь почему.

Мгновение Логэйн колебался, затем кивнул и вышел. Порыв ветра, ворвавшийся в церковь, когда дверь распахнулась, был пронизывающе стылым и недвусмысленно намекал на близость зимы. Пламя в жаровне лихорадочно заметалось и погасло.

«Жребий брошен», — подумал Мэрик. Тревога в его груди наконец унялась, уступив место ледяному безмолвию. Пути назад больше нет.

Глава 19

Драконица вылетела из логова.

Логэйн увидел ее ранним утром. Сон его потревожили странные, доносившиеся издалека звуки, и он выбрался из палатки, когда из-за западных гор робко выглядывал лишь золотисто-розовый краешек солнца. Стоя в скудном утреннем свете у обросшей инеем палатки, он прислушивался, не повторится ли снова странный звук, и дыхание срывалось с губ облачками белого морозного пара.

На мгновение ему пришло в голову, что разведчики ошиблись и что шевалье, возможно, прибыли к переправе раньше, чем ожидалось. Однако же, когда звук в конце концов повторился, Логэйн сразу понял, что он не имеет никакого отношения к людям. Определить, что это за звук, ему удалось, только когда он отошел подальше от палаток и солдат, которые спали, закутавшись в покрытые изморозью одеяла, и выбрался на самый край долины. Прыгая с камня на камень, Логэйн поднялся повыше и оттуда окинул взглядом раскинувшийся внизу пейзаж — широкую ленту реки Дейн, которая, извиваясь, проложила себе путь среди скал, и пелену предрассветного тумана, который все так же льнул к земле, словно медлил подниматься в стылый воздух.

То была впечатляющая картина, и еще больше впечатляла кружившая над ней драконица. Издалека она казалась почти крохотной — смутная фигура, медленно скользившая в пустоте, на фоне заснеженного горного кряжа. Будь она поближе, видно было бы, что эта исполинская тварь вполне способна проглотить человека целиком, не поперхнувшись. Однако и без того, когда драконица испустила рев, Логэйн даже на таком расстоянии почувствовал, как задрожала земля под ногами.

Утверждали, что драконов в мире больше не осталось. Неварранцы безжалостно

охотились на них, пока больше столетия назад не было объявлено, что драконы истреблены начисто. И тем не менее сейчас в утреннем небе привольно скользила по ветру драконица. Судя по всему, она впервые появилась с ферелденской стороны гор, после того как две недели подряд разоряла орлесианские провинции.

Церковь сочла появление драконицы предзнаменованием. Верховная Жрица в Вал Руайо объявила, что грядущий век будет называться «Веком Дракона». Ну надо же!

Разведчик, принесший эти известия, говорил, будто, по мнению некоторых, следующее столетие принесет империи новое величие. Однако же Логэйн, глядя, как скользит в промозгом тумане изящный силуэт, сомневался в этом.

Он услышал, как за спиной хрустят предутренним инеем чьи-то шаги, но оборачиваться не стал. Лагерь только-только начал просыпаться, но Логэйн уже знал, кто именно мог подняться в такую рань. Знал наизусть звук ее шагов, шелест дыхания.

Роуэн бесшумно ступила на камни и остановилась рядом с ним. Каштановые завитки ее волос трепетали на стылом ветру, доспехи, начищенные в преддверии боя, побелели от изморози. Логэйн не сводил глаз с летящей вдалеке драконицы, стараясь не потерять из виду крылатый силуэт, уже снижавшийся в заполненную туманом долину. С нее случилось бы развернуться в сторону мятежного лагеря и сытно позавтракать людьми, так кстати собравшимися в одном месте, однако Логэйн почему-то был уверен, что она так не поступит.

Несколько минут он и Роуэн молча наблюдали. В тишине был слышен только шорох ветра, обдувающего скалы, да еще время от времени из тумана доносился отдаленный драконий рык.

— Какая она красавица, — наконец пробормотала Роуэн.

Логэйн отозвался не сразу. Ему до сих пор нелегко было находиться рядом с девушкой, чувствовать на себе ее гневные взгляды. Логэйн знал, что Роуэн его так и не простила. И скорее всего, никогда не простит. Однако Мэрик попросил — нет, потребовал, чтобы он ставил на первое место Ферелден. Что ж, он именно так и поступил. И теперь доведет дело до конца.

— Говорят, весь Ферелден восстал, — наконец сказал он. — Денерим в огне, — по крайней мере, так сообщил последний всадник, который нагнал нас ночью. Узурпатор бессилен.

Роуэн медленно кивнула:

— Если учесть заявление Церкви, меня это нисколько не удивляет.

— А что заявила Церковь?

Роуэн с любопытством глянула на Логэйна:

— Ты разве еще не слышал? Сама Владычица Церкви Ферелдена, преподобная мать Бронах, объявила, что Мэрик — законный наследник трона. Она даже осмелилась назвать Мегрена опасным тираном и заявить, что Мэрик послан Создателем, дабы спасти Ферелден.

Логэйн широко раскрыл глаза:

— Узурпатору такое вряд ли пришлось по вкусу.

— Очевидно, он сейчас по горло занят другими делами.

— Хочешь сказать, он еще не насадил ее голову на шест?

— Но для этого ведь надо сначала поймать хозяйку головы, верно? Вполне вероятно, что преподобная мать во весь голос прокричала свои заявления из окна несущейся во весь дух кареты.

Логэйн усмехнулся, хотя не слишком-то верил в искренность Владычицы Церкви. В конце концов, именно она провозгласила орлесианского ублюдка королем Ферелдена, так что преподобная мать, скорее всего, просто почуяла, откуда ветер дует.

Логэйн полагал, что с ее стороны это был весьма умный поступок. Когда разошлись вести об убийстве Сеорлика и его друзей, только жалкая горсть аристократов осмелилась открыто выразить возмущение. Все родичи убитых гневно поклялись, что будут сражаться на стороне короля Мегрена до последнего вздоха, хотя от них как раз никто иного и не ожидал, но вот остальные... Слух о смерти предателей широко разошелся среди ферелденской знати,

и аристократы поступили именно так, как предсказывал Мэрик. Только за последние два дня ряды мятежной армии пополнились весьма существенно.

Погрузившись в размышления, Логэйн не сразу осознал, что Роуэн пристально смотрит на него. Издалека снова донесся драконий рев. Туман, заволокнувший речную долину, понемногу таял под лучами восходящего солнца, и драконица, устремившись вниз, исчезла за заснеженными горами. Логэйн изо всех сил старался не смотреть на Роуэн, не замечать, как прекрасно ее лицо, овеянное стывшим ветром, — лицо королевы-воительницы, которую наверняка когда-нибудь воспоют с благоговейным трепетом грядущие менестрели.

— Мы и в самом деле собираемся идти в бой без Мэрика? — спросила она.

Хороший вопрос. Логэйн и сам его себе задавал.

— Ты сама знаешь, где он сейчас.

— Я знаю, где он должен быть. Здесь. Солдатам нужно видеть его, знать, за кого они сражаются.

— Роуэн, — твердо проговорил Логэйн, — Мэрик делает то, что считает нужным.

Она нахмурилась и, отвернувшись, снова вперила взгляд в глубину долины. Сильный порыв ветра пролетел над обрывом, прохватив холодом их обоих, и девушка, облаченная в доспехи, зябко поежилась.

— Да, я знаю, — проговорила она еле слышно, и в голосе прозвучала тревога. — Я просто боюсь, что с ним может случиться беда. Что он погибнет и некому будет прийти ему на помощь. Слишком долгий путь мы прошли, чтобы сейчас потерять его.

Логэйн улыбнулся и, неуверенно подняв руку, кончиками пальцев коснулся ее щеки. Роуэн закрыла глаза, принимая эту робкую ласку, но лишь на мгновение. Затем глаза ее открылись, и она чуть заметно отстранилась, стараясь не встречаться с ним взглядом. Этого намека Логэйну было довольно. Теперь их разделяет пропасть, и так легко ее не преодолеть.

Он безвольно уронил руку.

— Мэрик может погибнуть где угодно, даже здесь.

— Знаю.

— Неужели ты откажешь ему в праве сделать этот выбор самому?

Роуэн задумалась и, помедлив, опустила глаза:

— Нет.

Лагерь мятежной армии уже проснулся. Над краем гор, зажигая отраженным сиянием облака, вставало солнце, но, что гораздо важнее, внизу, в долине, было заметно движение. Логэйн подозревал, что это авангард орлесианских сил. Надо поторапливаться.

Он повернулся, чтобы сказать об этом Роуэн, но ее рядом не было. Она и сама все понимала.

Не прошло и двух часов, как мятежная армия была готова. За спиной у Логэйна нестройно теснилась огромная толпа — всадники и лучники, рыцари и простолюдины. Большинство из них были новобранцами: скромное войско, с которым они покинули Гварен, составляло лишь малую часть нынешней армии. Впереди всех, бросаясь в глаза, стоял небольшой отряд гномов — от силы треть Легиона Мертвых. Налтур был чрезвычайно доволен, что успел вернуться к самому началу битвы, и лишь безрассудно ухмыльнулся, когда Логэйн рассказал ему, что им предстоит совершить. Он и сейчас ухмылялся, глядя на Логэйна. Прочие солдаты держались от них на почтительном расстоянии.

Почти тысяча солдат. Дисциплина хромает куда сильнее, чем хотелось бы Логэйну, и, хотя среди них есть ветераны — те же легионеры, — возможности провести учения или выработать общую тактику у них не было. Сражение может обернуться сущим кошмаром. В любой момент все может пойти прахом.

Но тут Логэйн вспомнил драконицу.

Шевалье уже были в долине и к этому времени заметили мятежное войско. Они спешно занимали оборонительные позиции и отзывали назад тех всадников, которые уже успели переправиться через реку. Другого выхода у них не было — разве что бросить товарищей и

отступать на более высокие позиции, а этого шевалье делать не собирались. Пока не собирались. Они явно рассчитывали, что успеют в случае нужды уйти от опасности.

Именно поэтому Роуэн во главе конного отряда скакала сейчас в обход долины. Сегодня они либо разгромят врага, либо погибнут.

Логэйн развернул коня к стоявшим перед ним солдатам. В утреннем свете ярко сверкала сталь, морозными облачками вырывалось из губ дыхание. Черный плащ Логэйна развевался на стылом ветру, и всякий, на ком останавливался взгляд его суровых голубых глаз, невольно выпрямлялся и расправлял плечи. На нем был старый доспех — тот самый кожаный доспех с заклепками, который когда-то изготовил его отец. «На счастье», — подумал Логэйн.

— Сегодня в небе появился дракон! — прокричал он, перекрывая свист ветра. — Я своими глазами видел, как он летал над горами! Друзья мои, если уж драконы смогли возродиться из небытия, значит, возродится и Ферелден!

Солдаты разразились одобрительным ревом, потрясая мечами и копьями. Наконец Логэйн вскинул руку, призывая их замолчать.

— Славно будет выйти на бой, — кричал он, надрывая голос, — дать отпор орлесианским ублюдкам и сказать им: «Хватит»!

Войско снова взревело, и Логэйн еще громче продолжил:

— Вашего принца здесь сейчас нет! Но когда он вернется, мы вручим ему украденный у Тейринов трон! Здесь, друзья мои, здесь, на реке Дейн, и начнется Век Дракона! Нынче враг услышит наш победный клич!

И враг услышал. Если орлесианские рыцари в этот миг смотрели наверх, на край долины, они содрогнулись, услышав неистовый рев тысячи глоток — рев, который могли исторгнуть только те, кто пришел отвоевать себе свободу. Окаменев в седлах, шевалье смотрели, как мятежное войско, перевалив через край долины, вниз по склону хлынуло к ним.

И быть может, вдалеке отсюда, в Морозных горах, драконица, залегшая во тьме своей пещеры, тоже услышала протяжный рев мятежного войска и осталась им довольна.

Северан плотнее запахнул горностаевый плащ, мысленно проклиная ферелденскую стужу. Зима еще не началась, но уже по ночам было куда морознее, чем даже у него на родине. Холодный воздух приходил сюда от южных морских течений, со стылых пустошей, простиравшихся за Дикими землями Коркари, и зима в Ферелдене была суровым испытанием. Быть может, именно потому местное население отличалось такой дикостью и необузданностью.

В такие вот минуты Северан не на шутку сожалел о том, что вообще оказался здесь. Пусть бы себе Мегрен удрал в Орлей и умолял императора разрешить остаться там и никогда больше не возвращаться в Ферелден — все равно он на самом деле только об этом и мечтал. Пусть бы ферелденцы забрали назад свое грязное болото с его промозглой стужей и вонючими псами. А он, Северан, вернулся бы в Круг магов и начал все сначала.

При этой мысли маг покачал головой. Нет, он слишком много поставил на эту карту. Волнения по всему Ферелдену оказались даже хуже, чем он мог предсказать, но, когда с мятежной армией будет покончено, можно будет усмирить и местных бунтарей — целыми деревнями под корень, если понадобится. Когда же все это закончится, Мегрен будет настолько благодарен Северану и настолько зависим от него, что маг получит полную свободу действий.

И уж тогда-то многое в этой стране переменится. Многое!

А пока что Северана преследовали сплошные неприятности. Развернувшись, он ожег злобным взглядом мальчишку-пажа, испуганно съезжившегося у входа в шатер, и раздраженно скомкал в руке записку.

— С какой стати здесь оскорбляют мои умственные способности? — прошипел он. — Неужели ты хочешь сказать, что ни один из наших разведчиков до сих пор не вернулся в лагерь?

— Я ничего не знаю, господин маг! — проскулил паж. — Я... я только принес записку!

Северан грозно насупился и швырнул в мальчишку скомканным листком. Тот взвизгнул от страха, дернувшись, точно в него угодили камнем. Маг презрительно фыркнул, махнул рукой — и паж, получив разрешение удалиться, сломя голову бросился вон.

Бессмысленно вымещать злость на посторонних, как бы сильно ему этого ни хотелось. Северан привел войско в эти места, чтобы встретить шевалье, посланные сушей из Орлея, но пока что о легионах не было ни слуху ни духу. Маг опоздал к назначенному времени встречи: вначале его задержали бунты в Хайевере, затем, когда стало известно про эдикт матери Бронах, ему пришлось обмениваться письмами с Денеримом, а это задержало его еще больше. Теперь он наконец-то прибыл на место встречи, однако никаких шевалье не обнаружил.

Неужели это мятежники? Неужели они уже добрались так далеко на запад? В последнем более-менее внятном донесении сообщалось, что мятежная армия по-прежнему стоит в одной из деревень Баннорна — той самой, где принц Мэрик совершил беспримерную казнь Сеорлика и его товарищей. Однако же это было добрых три дня назад, а до того Северан почти неделю не получал никаких надежных сведений. Непохоже было, чтобы мятежники с их разномастным, кое-как собранным войском могли представлять угрозу для двух легионов шевалье, и все же Северана одолевали сомнения.

Если бы только Катриэль не пошла против него... Как же бесит его одна мысль об этой дрянной эльфийке! Северан заметался по шатру, в раздражении пиная шелковые подушки. Он уже написал своим людям в Орле, и мерзавку, когда она вернется к соотечественникам-бардам, ждет весьма неприятный сюрприз. Северан в свое время выложил кругленькую сумму за ее услуги, а теперь ему пришлось заплатить еще больше, чтобы нанять другого барда, который, увы, прибудет не раньше чем через неделю.

Опять проволочки, со злостью думал Северан. Ему до смерти хотелось сейчас, сию минуту выскочить из шатра, растолкать офицеров, несмотря на поздний час, и велеть, чтобы войско немедленно выступало. Уйти с места встречи, двинуться дальше на запад и, быть может, перехватить шевалье на марше... Усилием воли Северан взял себя в руки. Он не любил действовать, повинуясь порыву.

Маг опять поежился от холода и снова теснее запахнул горностаевый плащ. И направился к печке, которая стояла в углу просторного шатра. Если уж нерадивые слуги не соизволили подбросить в огонь угля, разумнее всего будет заняться этим самому. Северан сделал шаг и замер, уставившись на человека, который стоял у дальнего полога. Светловолосый, в пурпурном плаще поверх пластинчатых, ослепительно сверкающих доспехов, он держал перед собой длинный странный клинок, на котором сияли магические руны. Взгляд прищельца, горящий убийственной ненавистью, недвусмысленно говорил о его намерениях.

— Принц Мэрик, — проговорил Северан. — Какая неожиданная встреча!

И в самом деле, появление Мэрика было для него полной неожиданностью. Неужели мятежники где-то рядом и вот-вот двинутся в атаку? Не явился же этот болван в одиночку? Не сводя напряженного взгляда с незваного гостя, маг едва заметно шевельнул рукой, творя заклинание магической защиты. Тотчас его окружило неяркое свечение, а светловолосый юнец настороженно шагнул в шатер, держа длинный меч нацеленным на Северана.

— Твои охранники мертвы, — сказал он. — Можешь не трудиться звать их.

— Если я закричу, сюда сбежится все мое войско.

Мэрик сумрачно усмехнулся:

— Только вначале я тебя убью.

Северану пришлось признать, что он впечатлен. Этот мальчишка — король, да и воин тоже до кончиков ногтей. Как это не похоже на слухи, которые ходят о нем, — в них описан совсем другой человек, а не этот светловолосый убийца.

Вытянув руку, маг произнес одно-единственное слово — приказ на древнем тевинтерском наречии, — и резной магический посох, пролетев через весь шатер, сам собой

удобно лег в его руку. Маг, глядя на Мэрика, самоуверенно усмехнулся:

— Ты ведь явился, чтобы убить меня? Боюсь, это будет не так легко, мой принц.

В глазах Мэрика полыхнула ярость.

— Не смей называть меня так!

— «Мой принц»? Почему бы и нет?

Не отвечая, Мэрик бросился на мага и с силой нанес удар мечом сверху вниз. Вскинув посох, Северан парировал удар. Во все стороны брызнули белые искры, полыхнула вспышка огня. Глаза мага округлились, когда он осознал, какой мощью обладает оружие противника.

Торопливо пробормотав заклинание, он выбросил руку в сторону Мэрика — и молния, сорвавшись с ладони, ударила принца в грудь. Вскрикнув от боли, Мэрик отлетел прочь. Со всего размаху он врезался в шкафчик, опрокинул его и едва не обрушил себе на голову часть шатра. Снаружи, издали, донеслись встревоженные выкрики.

Северан неспешно направился к принцу. Тот все еще корчился от боли, по пластинам доспехов змейками пробегали электрические разряды.

— Мальчишка! Неужели ты и впрямь думал, что сможешь вот так запросто явиться в мой лагерь и прикончить меня? Как ты вообще меня нашел?

Мэрик, скрежеща зубами от мучительной боли, перекатился на бок и встал на колени.

— Подарок Катриэль, — прошипел он, суженными глазами ненавидяще глядя на мага.

— Она тебе все рассказала? — Северан с интересом почесал бороду. — И где она теперь?

— Мертва.

Принц с трудом поднялся на ноги, дрожа от напряжения и одним лишь усилием воли преодолевая последствия удара молнии.

И опять Северан был впечатлен. Однако же, как бы впечатляюще ни выглядел этот человек, нельзя допустить, чтобы он одолел мага с одним только мечом. Наставив посох на Мэрика, Северан выкрикнул несколько слов — опять на тевинтерском наречии, — и внутри шатра закрутилась вихрем снежная буря. Яростно задул ледяной ветер, и стены и пол тотчас обросли инеем. Мэрик, скованный холодом, застыл на месте.

Серебристые доспехи стремительно заиндевели, и принц скорчился, борясь с лютым натиском ветра и снега. Лицо его, мгновенно обмерзнув, потрескалось, и трещинки набухли алой кровью.

— Экая жалость, — вздохнул Северан, хладнокровно подходя к Мэрику. — После того, что устроила мне эта эльфийская шлюшка, я предпочел расправиться бы с ней сам. Раз уж ты избавил меня от этих хлопот, придется мне, пожалуй, испробовать все пытки, которые я для нее придумал, на твоей особе.

Принц упал на колени, и маг остановился над ним, корчащимся от боли. Подняв руку, Северан приготовился поразить беспомощную жертву новым заклинанием, и тут Мэрик резко выбросил вверх ладонь.

В лицо Северану рванулось облачко то ли песка, то ли пыли. Что это было, маг не успел понять, но резь в глазах и мучительное жжение в горле вынудили его отшатнуться. Тут же он налетел на покрытое инеем кресло, грянулся на пол и завопил от боли. Вопль немедля перешел в приступ судорожного кашля, потому что жжение в горле усилилось.

В глазах у него помутилось. Заходясь кашлем, маг попытался отползти подальше.

Мэрик, однако, всего лишь выпрямился — медленно, с трудом. Внутри шатра все так же неистово завывал ветер, швыряя во все стороны обломки мебели и обрывки книжных страниц. Казалось, сами полотняные стены шатра вот-вот лопнут под его напором. За воем ветра едва слышны были доносившиеся снаружи крики. Они неуклонно приближались. Мэрик с головы до ног был покрыт толстым слоем инея, трещины на лице и руках кровоточили все сильнее. Стиснув зубы, хромя, он побрел к валявшемуся на полу магу.

— И еще один подарок Катриэль, — прохрипел он, борясь с болью. — Она оставила мне письмо. Там было написано, кто ты такой, как тебя найти и что мне понадобится, чтобы одолеть тебя.

В глазах у Северана отчасти прояснилось, и он увидел, что из глаз принца текут слезы, оставляя бороздки на побелевших от инея щеках.

— Ты не уйдешь отсюда живым! — в ярости выкрикнул маг, но принц неумолимо приближался.

Наконец Северану удалось сосредоточиться, и он выбросил перед собой руку, направив ее на Мэрика. Ладонь его окуталась вспышкой пламени...

И пламя погасло. В затылке вспыхнул уже знакомый зуд, и Северан ощутил, как по всему телу расползается онемение.

— Нет! — пронзительно вскрикнул он, сообразив наконец, что сотворил с ним принц.

Мэрик остановился над магом. Рыча от ярости, он обеими руками поднял меч, а затем резко опустил. Острие клинка из драконьей кости ударилось о магическую защиту Северана. Брызнули яркие искры. Маг не был ранен, но корчился от боли, чувствуя, как волшебный меч крушит энергию щита.

Мэрик вновь высоко занес меч, и маг завизжал, обезумев от ужаса. Выставив перед собой ладони, он попытался произнести еще одно заклинание, но было уже поздно. Мэрик опустил клинок. Вспыхнул слепящий свет, и меч, пробив и разрушив магическую защиту, вошел в самое сердце Северана.

Маг хрипло закричал, и боль взорвалась внутри его белым ослепительным огнем.

В голове у него лихорадочно металась обрывки мыслей: «Нет! Не может быть! Это еще не конец! Так не должно быть!» Северан лихорадочно пытался припомнить хоть какое-нибудь заклинание, которое спасло бы его, излечило либо извлекло его дух из тела и сохранило в вечности. Увы, немота сделала его бессильным, и он мог только заходиться в мысленном вопле, чувствуя, как замедляется пульс и из раны по капле вытекает жизнь.

Затем посох выпал из обмякших пальцев, и маг наконец застыл, устремив навеки потрясенный взгляд в пустоту.

Снежная буря внутри шатра исчезла, как будто ее и не было. Остались только иней и лед, обломки мебели в белой изморози да облако стылого тумана. Крики разносились уже по всему лагерю.

Мэрик поглядел на мертвого мага, на пятно ярко-алой крови, расползавшееся по слою инея. Поморщившись от натуги, он выдернул из трупа меч. Маг не пошевелился.

— Спасибо, Катриэль, — пробормотал он и ощутил, как тугая волна горя подкатила к горлу.

Мэрик обнаружил письмо и крохотный сундучок наутро в комнате Катриэль. То и другое лежало на видном месте, так чтобы он нипочем не упустил этой находки. Катриэль все знала. Знала, что ее проследили до Денерима, знала, что ждет ее по возвращении. Она написала, что ей нет и не может быть прощения, а потом подробно объяснила, как найти и убить Северана.

Без его помощи, писала Катриэль, узурпатор обречен. И пожелала Мэрику удачи.

Принц разрыдался. Он сидел, скрючившись, в насквозь замороженном шатре и оплакивал Катриэль, Мятежную Королеву и часть самого себя, которую потерял на этом пути. И все же дело сделано. Он поклялся матери, что отомстит за нее, и выполнил клятву. Теперь остается только довести ее дело до конца.

В шатер ворвались двое солдат и остолбенели, увидев своего мертвого господина и склонившегося над ним Мэрика. Один из солдат, справившись с потрясением, вскинул меч и с яростным воплем бросился в атаку.

Принц вскочил, одновременно описав мечом широкую дугу. Клинок без малейшего труда рассек легкие латы, и из глубокой раны забила струя крови. Солдат повалился на колени, захлебнулся кровью и умер.

Его товарищ повернулся было, чтобы бежать, но принц вонзил меч в грудь второго солдата. Вопль замер на губах несчастного.

Крики доносились снаружи все чаще и ближе. В лагере царило смятение, но трюки, с

помощью которых Мэрик отвлек внимание врагов, скоро перестанут действовать. Скоро все прибегут сюда.

Оглянувшись на мертвого мага, Мэрик на секунду замешкался. Этот человек сполна расплатился за свою самонадеянность. Расплатился за то, что помогал узурпатору держать под пятой всю страну, за все свои замыслы, которые лелеял с самого начала. Если Мэрик и был ему чем-то обязан, так это тем, что именно Северан послал к нему Катриэль. За одно только это Мэрик сразился с ним один на один. И позволил ему умереть легкой смертью.

Но больше снисхождения не будет.

«Мегрен, ты будешь следующим».

С этой мысленной клятвой Мэрик вышел из шатра и растворился в ночи. Сегодня Роуэн и Логэйн повели армию в бой вместо него, но все остальные сражения он намерен провести сам. Он вернет украденный трон, освободит Ферелден — и да смилуется Создатель над теми, кто встанет у него на пути!

Эпилог

— Но они победили?

Мать Эйлис улыbnулась, глядя, как юный Кайлан нетерпеливо ерзает в кресле. Двенадцатилетний мальчишка всегда обожал подобные истории, а пуще всего те, в которых рассказывалось про его отца. Да и почему бы нет? В конце концов, он был не единственным в Ферелдене, чьим кумиром стал король Мэрик.

Она рассеянно погладила старческой рукой белокурые волосы Кайлана и кивнула:

— Да, они победили. — И засмеялась, когда мальчик от удовольствия захлопал в ладоши. — Да ты и сам мог бы догадаться. Разве в противном случае ты, молодой человек, был бы сейчас здесь?

Кайлан ухмыльнулся:

— Нет, наверное.

— Наверное, — согласилась мать Эйлис. — Логэйн привел армию к великой победе, нанеся орлесианцам такой чудовищный урон, что император Флориан больше не стал посылать узурпатору подкреплений. Наши потери тоже были огромны. Налтур и весь Легион пали смертью храбрых, а с ними и половина нашей армии. Твоя мать тоже в тот день едва не погибла. И все же для Ферелдена это был великий день, и именно с тех пор Логэйна стали называть Героем Дейна. И этот титул он носит с гордостью до сих пор.

Кайлан перелистывал книгу, которая лежала у него на коленях, — великолепный фолиант со множеством прекрасных картинок, который поднес в дар юному принцу посол Орлея. То было первое орлесианское посольство, отправленное в Ферелден после того, как два года назад короновали новую императрицу, и посол прибыл, буквально навьюченный подарками всех сортов и мастей. Взятки — вот как назвал их тейрн Логэйн.

Само собой, юному Кайлану пришлось по вкусу рисунки с изображением шевалье и батальных сцен, а если они напоминали мальчику не о величии империи, а о победах Ферелдена — об этом послу знать было не обязательно. Кайлана всегда окружали книги — одни он едва дочитывал до половины, другие бросал, едва раскрыв, третьи с любовью перечитывал десятки раз. Когда еще была жива королева Роуэн, она неустанно собирала во дворце горы книг, и Эйлис подозревала, что мальчик любит их никак не меньше, чем собственную мать.

Сейчас Кайлан поднял на нее озадаченный взгляд:

— Но что случилось с узурпатором? Его ведь в той битве не было, правда?

— Нет, не было, — усмехнулась мать Эйлис. — Прежде чем твой отец сверг его, миновали в сражениях еще три года. Король Мегрен до самого конца не желал признавать поражение. В конце концов он с жалкой горсткой сторонников засел здесь, в столице, в форте Драккон.

— В том самом, что внутри горы?

— В том самом. Осада длилась шесть дней, пока твой отец не вызвал Мегрена на поединок. Тейрн Логэйн пришел в ярость от такого поступка, но узурпатор, само собой, не мог отказаться от вызова. Он был твердо уверен, что победит.

Кайлан вновь ухмыльнулся до ушей:

— Да только не победил!

— Да, не победил. — Мать Эйлис помедлила, не зная, стоит ли продолжать. Но ведь король сам сказал, что его сын должен знать все. Что ж, пусть знает. — Поединок проходил на крыше форта Драккон, и, когда твой отец убил Мегрена, он отрубил ему голову и выставил ее на шесте перед воротами дворца. Это был последний случай, когда перед дворцом выставляли отрубленную голову преступника.

Мальчик кивнул, совершенно невозмутимо выслушав этот рассказ. Затем он снова уткнулся в книгу, лежавшую на коленях, и длинные локоны светлых волос соскользнули ему на глаза. Мать Эйлис какое-то время наблюдала за ним, потом протянула руку и поправила непокорные пряди. В библиотеке воцарилась тишина, только слышно было, как за окнами шумит ветер.

— О чем ты задумался, дорогой? — наконец спросила мать Эйлис.

Кайлан поднял голову. Взгляд его больших глаз был серьезен.

— Мои отец и мать не любили друг друга?

Ох! Мать Эйлис глубоко вздохнула.

— Это вовсе не так, дитя мое, — сказала она, ласково улыбнувшись Кайлану. — Они стали королем и королевой Ферелдена, и для них обоих это имело весьма большое значение. Им многое нужно было сделать, чтобы возродить освобожденную от гнета страну, и они знали, что должны держаться вместе, чтобы достичь цели.

Эйлис увидела, что мальчик ее не понял, и со вздохом обхватила увядшими ладонями его лицо.

— Они очень тепло относились друг к другу, и со временем это отношение превратилось в любовь. Когда твоя мать умерла, — продолжала она, крайне осторожно выбирая слова, — твой отец был так опечален, что несколько недель не выходил из своих покоев. Ты ведь это помнишь, да?

Кайлан угрюмо кивнул. Эйлис тоже хорошо помнила то время. Тяжелая болезнь королевы длилась много месяцев, и даже лучшие маги Круга не могли ей помочь, и в конце концов она закрыла глаза и тихо отошла в мир иной. После ее смерти король Мэрик затворился в своих покоях и несколько недель не выходил оттуда — все смотрел на огонь либо сидел на краю стола. Он ничего не говорил и почти не отвечал на вопросы. Ел он мало, с каждым днем все меньше, и весь замок охватила тревога. Страна оплакивала любимую королеву, и в замке страшились, что очень скоро стране придется оплакивать и короля.

Эйлис не знала, как быть. Во дворце ей за помощью обратиться было не к кому — и, уж конечно, не к Логэйну. После окончания войны Мэрик возвел Логэйна в дворянское достоинство и сделал его тейрном Гварена. Тот день праздновал весь Ферелден. Тейрн Логэйн женился на чудесной женщине, стал отцом прекрасной дочери, но, несмотря на вошедшую в легенды дружбу с королем, ни разу с тех пор не появлялся во дворце.

Всякий раз, когда при королеве упоминали Логэйна, она становилась необычайно молчалива, а король печально поглядывал на нее. В первый же раз, когда это произошло, Эйлис поняла, в чем дело. Не понять было невозможно. Король иногда бывал в Гварене, но королева всякий раз находила причину не сопровождать его, и Эйлис проводила эти дни в ее молчаливом обществе.

А потому она отправила гонца в Гварен, и Логэйн приехал во дворец. С каменным лицом прошел он в покои короля и закрыл за собой дверь. А потом они вдруг вышли оба — Логэйн и Мэрик. Не сказав никому ни слова, они отправились туда, где был упокоен прах Роуэн, и вместе скорбели над ним.

— Да, я помню, — вздохнул Кайлан.

— Чувства твоего отца к той эльфийке, Катриэль, были совсем иными. Только это не

значит, что он не любил твою мать. Любил. Никогда не сомневайся в этом.

Эйлис вспомнила, как Логэйн отыскал ее. Она жила в небольшой деревушке к северу от Диких земель и услышала, что какой-то человек спрашивает об изгоях, убитых много лет назад солдатами узурпатора. Этот человек искал отца. Когда Логэйн наконец пришел в приют, где она жила, он бросился к ней и заключил в объятия, смеясь от радости, — что было так не похоже на него.

А потом Эйлис привела Логэйна туда, где много лет назад развеяла прах его отца вместе с прахом тех, кого он пытался защитить. Ей так долго пришлось трудиться, чтобы упокоить их всех на том холме. И там под дождем она обнимала Логэйна, как ребенка, а он плакал навзрыд, и она плакала вместе с ним. И молил о прощении, а она сказала, что его не за что прощать.

Гарет гордился бы своим сыном. В этом Эйлис была твердо уверена.

Кайлан закрыл книгу, полюбовался искусным тиснением на кожаном переплете, а потом как-то странно взглянул на Эйлис:

— Мать Эйлис, ведь я когда-нибудь стану королем?

— Да, когда твой отец отойдет в мир иной. Будем молиться, чтобы это случилось не скоро. Я-то уж точно до того дня не доживу.

— А я буду таким же хорошим королем?

Эйлис тихо засмеялась:

— Дорогой мой, ведь ты же — Тейрин. Ты потомок не только Каленхада Великого, но и Мойры Мятужной Королевы, и Мэрика Спасителя. Тебе все под силу, стоит только захотеть.

Мальчик закатил глаза и разочарованно вздохнул:

— Вот и отец всегда так говорит. А я, наверное, никогда не стану таким же хорошим королем, как он.

«До чего же он все-таки похож на своего отца». Эйлис ласково взъерошила волосы мальчика и не без труда встала.

— Пойдем, молодой человек. Прогуляйся со своей престарелой наставницей. Поищем вместе в саду твоего отца. Расскажешь ему, каким ты был сегодня примерным слушателем.

Кайлан вскочил, разулыбавшись до ушей.

— Как думаешь, он расскажет мне еще какую-нибудь историю? Я хочу опять про драконов!

— Думаю, расскажет, но уже не сейчас. Может быть, завтра.

Юному принцу пришлось довольствоваться этим обещанием, и он, в восторге припустив по дворцовому коридору, мгновенно скрылся из виду. Весело покачивая головой, мать Эйлис взяла палку и, опираясь на нее, неспешно побрела вслед за своим нетерпеливым учеником.

Иллюстрации из вклейки

